

В.И. САХАРОВ

ИЕРОГЛИФЫ ВОЛЬНЫХ КАМЕНЩИКОВ

**МАСОНСТВО И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII - НАЧАЛА XIX
ВЕКОВ**

МОСКВА

2009

© Vsevolod Sakharov, 2009. All rights reserved.

© Издательство , 2009.

МАСОНСТВО, ЛИТЕРАТУРА И ЭЗОТЕРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

Восемнадцатое столетие не случайно названо веком Просвещения. Но было бы, по меньшей мере, наивно думать, что по количеству и качеству знаний и идей оно значительно превосходило античную Грецию, Ренессанс или XIX столетие. Просто сама идея Просвещения выступила тогда вперед, доказала свою духовную и материальную силу, насущную важность и существенную сложность, дала значимое имя целой эпохе мировой истории и культуры. И все же русский историк С.В. Ешевский, знаток масонства, имел право усомниться в верности общепринятых представлений: "XVIII столетие, как бы ни велико было его значение в истории европейского развития, едва ли не было самую темную порою для народов Европы"¹. Как ни странно, мнение историка разделяла и русская императрица Екатерина II, пророчески говорившая о близящемся закономерном конце века Просвещения - Великой французской революции: "Европа вскоре погрузится в варварство, если не поспешат ее от одного предохранить"².

С этой точки зрения историческая роль и судьба масонства в Западной Европе и особенно в России выглядят, по меньшей мере, двусмысленными и не проясненными. Трудно найти более яростных, сильных, изобретательных и идейных врагов просветителей, нежели масоны. Между тем современные историки Запада и России спокойно именуют духовных вождей этого ордена "деятелями Просвещения в Средней и Восточной Европе" ("Beförderer der Aufklärung" - именно так называется сборник статей, вышедший в 1979 году в Берлине).

Конечно, ученые могут ошибаться или же делать понятные оговорки. Но вот великий русский поэт Александр Пушкин, в молодости масон, сразу

¹ Ешевский С.В. Соч. по русской истории. М., 1900. С. 181.

² Грибовский А. Записки о императрице Екатерине Великой. М., 1989. С. 48.

уловивший суть дела, говорит о том же: "Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешел из рук Шешковского в темницу, где и находился до самой ее смерти"³. Поэтому можно понять швейцарского историка масонства Ойгена Ленхофа, когда он назвал идеи и деятельность просветителя-масона Николая Новикова "светом в российском мраке"⁴. Конечно, это лишь повторение известной мысли немецких розенкрейцеров о том, что дьявол им противодействует в России, чтобы в царстве тьмы удержать тьму.

Навряд ли можно называть блистательный век Екатерины Великой, давший русской и мировой культуре Г. Державина, Д. Фонвизина, В. Баженова, В. Боровиковского, Д. Бортнянского, Н. Карамзина и других выдающихся деятелей, эпохой мрака, царством тьмы. Именно тогда воссиял в России свет европейской культуры, хотя он и принес с собой новый, культурный полумрак и туман, изощренное зло, жажду материальных благ и чувственных удовольствий, самодовольный, не знающий моральных норм разум, механический материализм, этих неизбежных спутников атеистического полупросвещения. Здесь существуют самые разные точки зрения. Но это наши споры сегодня. А что же сами масоны? Ведь имели они собственное мнение, взгляд на свое место и историческую роль в эпоху Просвещения...

Что ж, обратимся к документам, и уже в ранних масонских рукописях можно найти это великое, многосмысленное слово - "Просвещение". Возьмем рукописный "Устав, или Правило вольных каменщиков", хранящийся в архиве "материнской" ложи «Трех знамен» и помеченный именами ее великих мастеров - немца барона Генриха фон Шредера и русского вельможи и богача Петра Татищева. Там тайный орден масонов представлен как "всемирное сообщество добродетельных душ, способных возвеселиться, распростертое во

³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Л., 1978. Т. VIII. С. 92.

⁴ Lennhoff E. Die Freimaurer. Zurich. 1929. S. 204. Ср.: Telepnev B. An Outline of the History of Russian Freemasonry. London, 1928.

всех концах земного круга, где разум и просвещение проникли"⁵. Сами русские масоны считают себя просветителями, важной частью общего движения XVIII столетия к Просвещению, они вступают в орден, чтобы "узреть свет".

Как сказано в одном из масонских документов начала XIX века: "Истинный свет сохранится и распространится в России, несмотря на тьму, желающую поглотить оный; - но не могущую объять его, - а тем менее победить"⁶. Конечно, в каждом из этих случаев мы встречаем совершенно разное понимание эпохи Просвещения. И это говорит о сложности проблемы.

Это великое время все пронизано полярными символами света и тьмы, оно жило их непрерывной борьбой и взаимопроникновением. Именно поэтому ему изначально присуща существенная, чрезмерная сложность и переплетенность самых разных идей и культур. Характерно, что в преддверии XVIII века в Европе возник знаменитый спор "о древнем и новом"⁷, ибо старое (а проще классика) не желало уходить, находило новые формы существования, влияло на настоящее и будущее. Писатель А.М. Белосельский-Белозерский, дипломат и масон, чьи философские труды привлекли внимание великого Канта, в новонайденном эстетическом трактате говорил именно об этом: "Человеком искусным и ощущающим движение времени будет тот, кто сумеет соединить с пышными плодами древности новые цветы... вкус к аксессуарам меняется, и надо следовать этим переменам"⁸.

Восстанавливались оборванные связи, взгляд назад помогал осознать сложную, давно позабытую преемственность, обрести верные ориентиры для движения вперед. Надо было подвести важные итоги и самоопределиться, осознать уроки Возрождения, не повторить его великих ошибок, произошедших от чрезмерной силы, самоупоенного титанизма, полного

⁵ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее РГБ). Ф.14. Ед. хр. 1. Л. 5об.

⁶ РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 564. Л. 11об.-12.

⁷ См.: Спор о древних и новых. М., 1985.

⁸ Белосельский-Белозерский А.М. Письмо о прекрасном // Эстетические ценности в системе культуры. М., 1988. С. 110. Напомним, что подчиненным князя-посланника был молодой поэт-масон И.Ф. Богданович.

отказа от христианской морали и прискорбной неразборчивости в средствах. Титаны Возрождения к тому времени несколько измельчали, превратились в "мыслящий тростник", в сомневающих во всем "лирических героев" скептической и субъективной философии Мишеля Монтеня и Блеза Паскаля.

В духовной жизни Западной Европы возник своего рода исторический тупик, из которого пришлось выбирать, обращаясь за помощью к античному и средневековому наследию, к забытым или попросту неизвестным идеям иных эпох и других национальных, прежде всего восточных культур. Это сделали розенкрейцеры XVII столетия. Не удивительно, что даже просвещенные люди воспринимали эти непривычные идеи как символическую легенду, тайное древнее знание, т.е. как неизбежное и плодотворное возрождение мировой эзотерики и гнозиса. Появились учебники и хрестоматии тайных доктрин вроде известной книги немецкого пастора и теоретика масонства И. Штарка "О древних мистериях, или таинствах, бывших у всех народов", переведенной и изданной в 1785 году в Москве И.В. Лопухиным.

Шифрованное изложение тайных доктрин античного и раннехристианского гностицизма и разработанная розенкрейцерами символика эзотерических учений древности со временем попали и в художественное творчество писателей-масонов, и, прежде всего в прозу (например, в роман-утопию В.А. Левшина "Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве"). Там же высказаны вполне оригинальные идеи философской антропологии русского масонства. Эта новая литература именно просвещает, популяризирует идеологию ордена, т.е. она столь же откровенно подчинена мировоззренческим схемам, как и творчество просветителей.

В XVIII столетии Просвещение стало новой попыткой понять и оправдать человека, его бесспорные права, интеллектуальную и юридическую свободу, сложную материальную и духовную природу самоценной личности, ее высокое предназначение. Просветителям и их преемникам волей-неволей

пришлось исправлять капитальные ошибки Ренессанса, признав, что человек остается главной тайной вселенной, важнейшим иероглифом ее символического языка. Но их вынужденные признания были явно недостаточны, и этим отчасти объясняется появление ордена вольных каменщиков со своей особой философией. Масонство как новое целостное знание о мире и человеке стало тем идейным центром, где очень серьезно критиковались, пересматривались и отвергались многие мысли просветителей и, прежде всего учение о человеке как машине⁹.

И в то же время масонство, столь тяготевшее к аскетизму и строгим нравственным нормам, относится к человеку, его тленному телу и радостям жизни вполне возрожденчески. "Сколь же благородно и самое тленное тело сие и сколь изящно оно еще при всех своих многочисленных несовершенствах и недостатках!" - сказано в орденском трактате¹⁰. Масонская лирика, и, прежде всего анакреонтика и любовные стихотворения, основывалась на оправдании всего человеческого, слишком человеческого¹¹. Даже на обыденно-бытовом уровне в суровых правилах ордена была проявлена добродушно-насмешливая снисходительность к известной слабости русского человека: "Если случится, что кто-нибудь из братьев в ложе напьется пьян, то должны братья свести его осторожно домой, дабы никто из посторонних сего его порока не приметил"¹².

Тогда очень многое начиналось, зарождались силы, идеи и тенденции, которые живы и могущественны и сегодня. Но отсюда и слишком резкие,

⁹ См.: *Сахаров В.И.* Концепция человека в философии русских масонов (по архивным материалам) // Дельфис. 1997. № 4. *Reflections on Russia in the Eighteenth Century*. Koln, 2001. *Гончарова О.М.* Эстетические решения русских мистиков (религиозно-мистический дискурс в русской культуре XVIII века) // *Polonica. Rossica. Cyclica*. Профессору Рольфу Фигуту к 60-летию. М., 2001. *Сахаров В.И.* Русское масонство в портретах. М., 2004.

¹⁰ Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (далее ГИМ). Ф. 281. Оп. 1. Ед. хр. 180. Л. 6.

¹¹ См.: *Солодкий Б.С.* Проблемы человека в русском масонстве // Проблемы гуманизма в русской философии. Краснодар, 1974. *Болдырев А.И.* Проблема человека в русской философии XVIII века. М., 1986. *Аржанухин С.В.* Философские взгляды русского масонства. Екатеринбург, 1995. *Николаев Н.И.* Внутренний мир человека в русском литературном сознании XVIII века. Архангельск, 1997. Человек эпохи Просвещения. М., 1999. *Федоров А.А.* Европейская мистическая традиция и русская философская мысль (последняя треть XVIII - первая треть XIX веков). Нижний Новгород, 2001.

¹² ГИМ. Ф. 83. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 21.

прямолинейные контрасты в оценках, в самом понимании "века разума"¹³. Свет, Просвещение, Прогресс - это всегда хорошо; мрак, обскурантизм, всяческая "мрачная и свирепая" (А.Н. Пыпин о розенкрейцерах, Г.В. Плеханов о масонах) реакция (на что? - вот вопрос вопросов...) - это всегда плохо. К сожалению, отечественная наука советского времени, узколобо-геллертерская и необъективная уже в силу своего марксистского недонаучного происхождения, и здесь пошла по пути упрощения существенно сложной исторической проблемы. Возникающие в результате подобных умозрительных рассуждений идеологические схемы и "общие места" не стали лучше, историчнее и правдивее только оттого, что они с самого начала были очень либеральными.

Но такие "научные" мнения удивительно живучи, устойчивы и просто влиятельны. В них имеются все удобства для любой цензуры и для ученых, не желающих рисковать. С "общими местами" в науке легко и безопасно работать. Быстро выстраиваются безотказные логические цепочки аргументов и силлогизмов, опирающиеся на влиятельную интеллигентскую мифологию. Есть удобные, уязвимые для либеральной патетической критики сгущения мрака и средневекового зла - феодализм, абсолютизм, церковь, инквизиция, религия, орден иезуитов, всяческая мистика. С ними и ведется шумная и агрессивная борьба с помощью сердитого марксистского комикса на шестьсот слов и либеральной фразеологии.

Сюда вольно или невольно попадает и таинственное, всегда "реакционное" (в первую очередь для либеральных историков типа А.Н. Пыпина, того же Плеханова и их законных наследников - советских философов-марксистов, разумеется) масонство. Есть самоотверженные подвижники добра, рыцари свободы, света и истины - мудрый борец за права человека Вольтер, французские энциклопедисты, английские философы с передовыми идеями

¹³ См.: Берков П.Н. Основы изучения русского просветительства // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII в. М.-Л., 1961. Shackleton R. The Encyclopedie and Freemasonry // Age of Enlightenment. Edinburgh, 1967.

материализма и деизма, неподкупный мученик вольности Робеспьер, живописные деятели Великой французской революции, наши пылкий прямой трибун Радищев, благородный и бескорыстный просветитель Новиков¹⁴. За этими именами видны уже поэтические и трагические фигуры политических романтиков-декабристов.

То очевидное обстоятельство, что почти все эти деятели Просвещения - масоны, обычно оставляется без внимания или окружается сложными оговорками и завершается неизбежным оправданием героев. Их личности и идеи умело отделяются от масонства и присоединяются к бескрайнему и монолитному Просвещению. Происходит быстрое и благотворное распространение идей просвещения, гуманизма и универсальных, общечеловеческих ценностей по всей Европе. Такова светлая и патетичная картина, начертанная учеными. Но насколько близка она к реальной истине мировой истории?

Лев Копелев, советский писатель и диссидент, ставший немецким историком, с неподдельным восторгом писал: "Век Просвещения не знал ни русско-немецкой вражды, не знал национализма и шовинизма"¹⁵. Видимо, победоносные битвы русских с пруссаками в Семилетнюю войну и взятие в 1760 году Берлина летучим отрядом графа З.Г. Чернышева, известного масона и впоследствии покровителя Новикова, не в счет, и русский генералиссимус Александр Суворов, ставший в 1761 году в захваченном Кёнигсберге шотландским мастером в немецкой масонской ложе "Три короны", не говорил, что русские прусских всегда бивали... Разве в этих словах великого полководца нельзя при большом желании усмотреть шовинизм?

Но тут же Копелев вспоминает о немеркнущем идеале Просвещения - "мечте о братских связях между разными народами". А ведь это немеркнущая мечта масонов об Астреином златом веке, о вечном мире и единой семье

¹⁴ См.: Кочеткова Н.Д. Кругок Н.И. Новикова как явление русской культуры // Русская литература. 2008. № 1.

¹⁵ Копелев Л.З. Уроки Просвещения // Немцы в России - русские в Германии. Век Просвещения. Каталог выставки. М., 1994. С. 100.

народов, преодолевшей национальное разделение, политические и религиозные распри и государственные границы. При чем тут Просвещение? А если при чем, то имеется точный язык реальных фактов и объективной (в идеале) исторической науки, на котором и нужно об этом сложном предмете говорить.

Возникает удивительное смешение расхожих либеральных понятий и исторических сведений, в общем правильных, но служащих тем или иным субъективным концепциям, личным пристрастиям или идейным мифам, а не конкретной исторической истине. Здесь верно лишь то очевидное обстоятельство, что век Просвещения стал и эпохой примечательного кризиса национального самосознания и народной культуры.

В этом плане общее культурное пространство Европы напоминало тогда интернациональную пустыню. Лишь шотландцы, славяне Австро-Венгрии и Турции и запорожские казаки пытаются защитить свою политическую и культурную независимость или хотя бы автономию, но почитаются за это дикарями и ставятся рядом с турками, войны с которыми из крестовых походов за веру превращаются в рыцарственное распространение идей Просвещения вооруженной рукой среди варваров.

Как ни странно, рождающаяся в войнах молодая империя царя Петра I, с непонятым Европе упорством и жертвенностью сражающаяся за свою национальную самобытность, оказывается в одной компании с шотландцами и запорожцами. Петру солдатским топором пришлось прорубать «незаконное» окно в Европу, потому что его странную страну просвещенные монархи и политики упорно и с оружием в руках не пускали в вызолоченную парадную дверь. На новую Россию, хотя она и христианская держава, с тревогой и подозрением смотрят как на страну варварскую, слишком сильную, непредсказуемую в своих планах и действиях и потому особенно опасную. Ее хотят запереть в национальных границах и архаической "византийской" культуре, занять домашними делами и междоусобицами, повернуть лицом к

дикой воинственной Азии и не допустить в общеевропейский политический и культурный контекст. "Цель моей политики с Россией удалить ее, насколько это возможно, от дел Европы, не делая ничего лично, что могло бы дать повод жаловаться на вас", - откровенно признавал король Франции Людовик XV¹⁶. Такова лукавая и циничная логика западноевропейской просвещенной политики.

Англия и Франция умело натравливают на Россию то последнего кондотьера Карла XII, то турецкого султана и иранского шаха, то профессионального воина Фридриха II Прусского. Понятно, что они организуют и поддерживают любую русскую оппозицию, стремятся воспользоваться очевидной и неизбежной шаткостью любого русского монарха, своевольной дворянской фрондой или же кровавым антидворянским восстанием крепостных крестьян - знаменитой пугачевщиной. В Петербурге все время ведется опасная игра с участием западных дипломатов и тайных агентов, дошедшая до своего апогея при свержении и убийстве императора Павла I. Сами великие державы мира заняты в это важное время другим.

Войны Людовика XIV и Людовика XV, Фридриха Великого, Карла XII, английских и испанских королей превращают Западную Европу в безграничное поле боя, на котором рождается единое культурное пространство. "Вся Европа перебесилась", - с изумлением говорил наш писатель Фонвизин в замечательных по трезвости и проницательности оценок "Письмах из Франции" (1778). Единообразное просвещение насаждается огнем и мечом. Отвлеченные идеи просветителей превращаются в интернациональные законы, становятся материальной, политической силой, изменяющей лицо континента, придающей этому лицу общее, единообразное выражение¹⁷.

¹⁶ Тургенев А.И. Русский двор сто лет тому назад. 1725-1783. СПб., 1907. С. 303.

¹⁷ См.: Карп С.Я. Французские просветители и Россия. Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века. М., 1998.

Итоги этой прогрессивной деятельности подводит ученик Новикова, поэт и журналист Максим Невзоров: "Осьмнадцатое столетие начато Лудовиком Четырнадцатым, возведшим на верх славы во Франции изящные науки и положившим основание всем неустройствам, беспорядкам и несчастьям нынешним Франции и Европы, а окончано Наполеоном Бонапарте; средину же его составляли: Волтер, Даламберт, Гельвеций, Дидерот и подобны им изящные умы, которых мы память ныне все единогласно проклинаяем"¹⁸.

И как всегда, действие рождает противодействие: в эпоху Просвещения в царстве разума является новое тайное учение о мире и человеке, которое с самого начала противостоит духу времени, не боится прослыть реакционным и изобретательно борется с очень передовыми и влиятельными идеями просветителей и энциклопедистов. В биографии С.И. Гамалеи, известного русского мистика и поэта, мастера стула ложи «Девкалион», хранящейся в архиве писателя-масона И.П. Тургенева и написанной, по всей видимости, В.А. Левшиным, сказано, что Н.И. Новиков, Гамалея, Тургенев и другие вольные каменщики основали Дружеское ученое общество, Типографскую компанию, семинарии и благородный пансион при Московском университете, публичную библиотеку, выпускали мистические и нравоучительные книги, "противуборствуя духу вольнодумства, который тогда рекою проливался из Франции"¹⁹. Масоны применили против просветителей их же идеологические и организационные методы борьбы с абсолютистским государством и тоталитарной, по их мнению, культурой "официального" классицизма, точно так же сумели опереться на новую силу - общественное мнение и нарождающееся третье сословие, воспользовались стратегическими ошибками своих противников.

Есть у русских вольных каменщиков и свое название для эпохи Просвещения, в которую они живут и делают свою тайную "работу". Масон,

¹⁸ Друг юношества. 1814. № 5. С. 27.

¹⁹ ГИМ. Ф. 247. Ед. хр. 8. Л. 96об.

переводчик мистических книг и поэт А.Ф. Лабзин говорит ясно: "...Ложное Просвещение, пролившееся всюду, есть та река, которая стремится поглотить Истину, хотящую породить нам мужественное чадо и бегущую для того из градов в пустыни и степи"²⁰. Без этих инвектив великого мастера логи "Умиравший сфинкс" не будет до конца понятна таинственная предсмертная статья Пушкина "Александр Радищев" (1836), этот важнейший документ для истории русского масонства, где прямо и точно сказано: "В Радищеве отразилась вся французская философия его века: скептицизм Вольтера, филантропия Руссо, политический цинизм Дидро и Реняля; но все в нескладном, искаженном виде, как все предметы криво отражаются в кривом зеркале. Он есть истинный представитель полупросвещения"²¹.

Эпоха Просвещения горделиво именovala себя царством разума. Масоны тоже ценили разум высоко (тот же Лабзин, по воспоминаниям поэта-масона М.А. Дмитриева, всюду искал доказательства силы разума, не ограничиваясь одной верой), но смотрели на его назначение и сложную природу иначе. "Разумичный дух есть огонь темный без вечного света, как то можем видеть на ученых сего мира и великих художниках, которые по большей части бывают горды, тщеславны и своенравны", - писал Гамалея²². А прямодушный М. Невзоров открыто называл имена: "Посмотрим в летописи мужей, прославленных искусствами и науками; увы! Мы увидим, что большую часть регистра их составляют безбожники, вольнодумцы и кощуны! Волтер, Даламберт, Гельвеций, Мармонтель, Монтескю и множество других славятся бессмертием в истории изящных наук; но кто же первые безбожники и вольнодумцы? Они же"²³.

Поскольку слова эти сказаны уже в XIX веке, стоит напомнить, что учитель Невзорова Н.И. Новиков выступал против французских просветителей еще в своих сатирических журналах: "Это относится к энциклопедистам, против

²⁰ Сионский вестник. 1818. Кн. 2. С. 217.

²¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. VII. С. 245.

²² Гамалея С.И. Письма. М., 1836. Т. I. С. 73.

которых Новиков не однажды делал строгие выходки. Посмотрев на Дидрота, он сказал: умный француз; да ему, как неверующему, верить нельзя: он *банкрот* в человечестве"²⁴. А С.Н. Глинка, отвечая «ложным философам» западного Просвещения, сделал необходимое уточнение: «...Говоря о **варварстве** русских, Руссо не определил, в чем состоит подлинное общественное образование»²⁵. Приводим эти красноречивые цитаты не ради демонстрации сугубой учености, но чтобы показать, как опасно бездумно применять важные исторические понятия, называя Дени Дидро, Руссо и Новикова просветителями. Ведь и Дидро имел в виду безымянный автор масонского трактата "Кто я?", когда обличал "ослепленный разум некоторых новых лжемудрецов и остроумов, которые произвольно унижают себя до орангутанга"²⁶. Мы можем называть его старовером, однако вспомним, что новейшее женевское издание сочинений этих европейских мыслителей века Просвещения называется ясно: «Философы без Бога» ("Philosophes sans Dieu", 2005).

Только поняв, что в XVIII столетии было несколько "просвещений" и что каждое из них только себя считало истинным, мы осознаем всю трагедию крушения царства разума и причины появления вышедших из его глубин антипросветительских идей и движений. Масонство в России с самого начала стало глубокой, философской и вместе с тем творческой критикой западного и отечественного просветительства. В рукописном сборнике "Песни масонские" есть даже гимн, направленный против "злых вольнодумцев":

О вы! которые хотите
Читаньем просвещать умы!
Без пользы многих книг не чтите,

²³ Друг юношества. 1814. № 5. С. 24.

²⁴ Отечественные записки. 1839. № 1. С. 30. Свидетельство масона М.Н. Макарова. Ср.: Wilson A. Diderot in Russia // The Eighteenth Century in Russia. Oxford, 1973.

²⁵ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее РНБ). Ф. 195. Оп. 1. Д. 18. Л. 178об.

²⁶ ГИМ. Ф. 281. Оп. 1. Ед. хр. 180. Л. 13об.

Остерегайтесь больше тьмы²⁷.

Даже суровый старовер, представитель раннего русского масонства князь М.М. Щербатов высказал в знаменитом историческом трактате-памфлете "О повреждении нравов в России" чисто масонскую мысль: "Развратное сердце влечет за собою развратный разум"²⁸. Масоны создают, точнее, составляют из древних гностических преданий и эзотерических учений новую «божественную науку» о человеке как единстве разнородных стихий, борющихся друг с другом и долженствующих быть в гармонии и равновесии. Рядом с разумом просветителей они ставят сердце, душу, чувства, веру, поэтическое проницание, и под влиянием этих мощных стихий сам разум меняется, усложняется и далеко уходит от остроумного, но одномерного, "эвклидовского" мышления энциклопедистов, процветавшего в парижских салонах.

Только такие конкретные исторические факты помогут объяснить очередной парадокс в судьбах духовной жизни конца XVIII столетия: Просвещение в союзе с освобождающим частную личность сентиментализмом против собственной воли начинает готовить для Европы и России романтизм, возрождение и расцвет самостоятельных национальных культур и государств. Меняется не только политическая и культурная география, но и картина человека, личность освобождается не только от феодальных, но и от просветительских догматов. Это сразу отразилось в живописи и особенно в портрете, где искусствоведом Б.В. Асафьевым отмечены углубленный психологизм и индивидуализация: "Эпоха новиково-радищевского просвещенчества с ее глубоким вниканием в человека и человеческое дала свои всходы"²⁹. Жаль, что Асафьев не пошел дальше и не указал, что все крупнейшие русские портретисты того времени сами были масонами и изображали "братьев" по ложе. Масонская музыка пронизана тончайшими

²⁷ РНБ. ОСРК. Q. III. № 72. Л. 62.

²⁸ "О повреждении нравов в России" князя М. Щербатова и "Путешествие" А. Радищева. М., 1984. С. 110.

оттенками чувств (см. погребальные сочинения Моцарта)³⁰. То же происходит и в художественной литературе, отказывающейся от антипсихологической эстетики интернационального классицизма и тяготеющей к сентиментализму Руссо.

Единой просвещенной Европы не получилось, это вольное, светлое царство разума оказалось очередной утопией. Поэтому русские масоны написали так много антиутопий. Реальностью стала всемирная военная империя Наполеона Бонапарта, посягнувшая на само существование России и свободу ее народа. И война с этим наднациональным монстром, порожденным революцией и идеями просветителей, не случайно получила имя Отечественной и народной и послужила началом возрождения русского национального самосознания и расцвета романтизма в отечественной литературе и искусстве.

На смену кабинетному, умозрительному псевдоинтернационализму просветителей, как всегда, пришел энергичный, легко овладевающий патриотически настроенными народными массами национализм, который лишь называет своим именем реальное и сложное историческое явление и никак не может использоваться как ругательное слово, как отрицательная оценка. Так было не только в России.

Расколотые на бесчисленные королевства и княжества Германия и Италия именно в это переходное время медленно начинают свой долгий путь к национальному объединению, новой, гораздо более значительной роли в политической и культурной жизни Европы. Пробуждаются Испания и Португалия, начинается новое возрождение славянских культур. Шагнула (под руководством масонов А.Ипсиланти и И.Каподистрии) к независимости Греция. Тот же Каподистрия даровал с помощью Александра I подлинную независимость, обновленную действующую конституцию и спасительный нейтралитет Швейцарии. Родилась маленькая суверенная Бельгия. Наполеон

²⁹ Асафьев Б.В. Русская живопись. Мысли и думы. Л.-М., 1966. С. 148. Ср.: Вдовин Г. Становление «Я» в русской культуре XVIII века и искусство портрета. М., 1999.

³⁰ См.: Мазуренко Н.В. Музыка и масоны. СПб., 1994.

воссоздал на короткое время независимую (формально, разумеется) Польшу, которая потом целое столетие жила воспоминаниями об этом глотке свободы (вспомним хотя бы исторический роман Стефана Жеромского «Пепел» и снятый по нему одноименный фильм Анджея Вайды, где есть и с большим знанием дела и сочувствием обозначенная масонская тема), существовала от мятежа к мятежу, в вечном напряжении трагической революционности и жертвенности. Завоеванные Россией Финляндия и Прибалтика под давлением Европы получили значительную национальную и культурную автономию. Русское оружие принесло свет европейской культуры на освобожденные от турок берега Черного моря, в Крым, Грузию, Армению, Азербайджан, на Кавказ, к воротам Ирана, Афганистана и Индии³¹.

Новый расцвет униженной и залитой кровью Франции при ставшем национальным героем "народном императоре" Наполеоне стал частью этого общего движения и в XIX веке способствовал созданию в Европе новых государств, объединению Германии, Италии, Польши, славянских народов. Северная Америка в XVIII веке движется навстречу независимости (обретет она ее только после гражданской войны Севера и Юга) на совсем другой, интернациональной основе, и ее ведут к этому масоны Д. Вашингтон и Б. Франклин. Это полная победа орденовой идеи конституции (см. Билль о правах), но достигнута она в полном историческом и культурном вакууме, в стране без народа и национальной культуры, их и по сей день нет в могучих, богатых и социально благоустроенных США. Их метрополия, Англия, страна свободной нации, высокой культуры и традиций, после неизбежных мятежей и распрей пожинает, наконец, плоды своей буржуазной революции XVII века, превращая ее в революцию промышленную, научную и культурную. Цена этой победы велика, но это уже совсем другой вопрос, на который передовые деятели Просвещения и их позднейшие апологеты всегда отвечали почему-то

³¹ См.: *Сахаров В.И.* Гвардейский Прометей, или Кавказ А.А. Бестужева-Марлинского // Родина. 1994. № 3-4. Перепечатано с дополнениями в моей книге «Русское масонство в портретах».

любимой поговоркой обскурантов-иезуитов: "Цель оправдывает средства". И в то же время Англия становится классической страной умеренного масонства.

В XVIII веке, особенно в первой его половине, Просвещение еще не догадывается об этих будущих тревогах и стратегических поражениях и идет от победы к победе. Столица мира, центр его духовной культуры и узел политических сил - Париж, там определяются не только стили литературы, музыки, архитектуры, направления "высокой моды" и парфюмерные ароматы, но и границы государств, движение армий, династические браки и стратегия мировой культуры.

Не важно уже, чья культура лучше и самобытнее. Ценится количество единой культуры. Нимфенбург, загородная резиденция баварских королей близ Мюнхена, как две капли воды похож на Версаль, только он поменьше и победнее. Свои версали строят все богатые вельможи (английские и французские замки, итальянские палаццо и виллы, имения Кусково и Архангельское в России), везде неизбежно появляются библиотека французских книг, гравюр и нот (библиотекарем в княжеском замке стал в конце жизни и знаменитый Казанова), картинная галерея (императрица Екатерина II покупает на Западе целые музеи и строит по образцу Ватикана свой Эрмитаж, ей подражают ее вельможи Е.Р. Дашкова, А.М. Голицын, Шереметевы, Воронцовы, «пушкинский» Н.Б. Юсупов и др.) и театр, придворный вроде Эрмитажного (для него пишет пьесы сама Екатерина) или просто домашний, с неизбежными драмами Вольтера, Корнеля и Расина, итальянскими композиторами, немецкими музыкантами (в Россию приглашали Моцарта, здесь ставили оперы его соперника Сальери), французскими балетмейстерами и своими крепостными актерами, оркестр, фарфоровая фабрика типа Севра или Майсена; барский дом внешне перерождается, превращается из тяжеловесных боярских палат не просто в изящный дворец с ухоженными садами, оранжереями, павильонами и

парками, но в музей единой общеевропейской культуры, духовное окно в просвещенную и прогрессивную Европу.

Просвещённую Европу XVIII столетия мы с полным основанием называем блистательной. Разумеется, это пышное богатство и величие, которыми мы ныне простодушно восхищаемся при посещении Версаля и Петергофа и чтении описаний феерических праздников роскошного Потёмкина и придворных балов Екатерины Великой, имеют свою оборотную сторону: «Роскошь и изысканные удобства, пышность и изящный вкус покоев, изобилие и утончённость яств, весёлость и непринуждённость разговоров вознаграждают человека, любящего удовольствия, за тот гнёт, в котором природа и правительство держат его душу и тело»³². Салонная, атеистическая и аристократическая, по сути, культура Просвещения оказывается здесь недостаточной, она не может стать личной верой, новой нравственностью, мирозерцанием многих людей. Нужно лечить пустую, тоскующую душу, врачевать болезни нравственности, помогать обрести цель и смысл в этой рассеянной жизни.

И здесь масонство как явление общеевропейской культуры, внецерковная религия и практическая этика находит своё место, как и в деле распространения просвещения. Конечно, оно, как всегда, преследует свои особые цели, но сразу надо сказать, что масонство изначально на стороне тотального интернационализма и идеи равенства, осторожно порицает и умело размывает изнутри любую национальную и сословно-классовую обособленность, с переменным успехом пытается дискредитировать и подменить своими «теневыми структурами» официальную власть и церковь феодально-абсолютистского государства, их идеологию. Эта стратегия становится целой философией, пусть и утопической, и в своей прозорливой логике доходит до отрицания войн (идея «вечного мира») и необходимости национальных армий. Орден ищет и находит новые *негосударственные*

формы объединения людей, отрицает «вертикальное» подчинение личности верховной власти, высшим сословиям и официальной церкви, создаёт идейные и организационные основы для «горизонтального» союза единомышленников-«братьев».

Для этого используется так называемое «третье сословие», новая нарождающаяся материальная и духовная сила в старом обществе, угнетённая, скованная «вертикальным» механизмом сословного абсолютистского государства. Эта сила в новой военно-феодальной России традиционно слаба, малочисленна, но неожиданно обретает сильного союзника в русском дворянстве, под влиянием идей Просвещения превращающемся из военно-служилого сословия в духовную оппозицию верховной власти (см. прозорливые высказывания Д.И.Фонвизина о «пользе третьего чина»). Укреплению этой новой общественной группы способствует петровская Табель о рангах. Начинается скрытое перерождение имперского военно-феодального общества.

В "третьем сословии" оказываются не только купцы, но и писатели, музыканты, актёры, учёные, типографщики, книготорговцы, священники, учителя, чиновники и офицеры - выходцы из народной и буржуазной среды. Эти люди, живущие в «стране рабов, стране господ» (Лермонтов), изначально унижены, лишены прав и привилегий. У них есть два выхода из социального тупика: каждому в одиночку и меру своих личных дарований добиваться уже существующих прав и привилегий (путь Наполеона) или объединиться и изменить само общество, обрести в нём свое законное место и закреплённые в незыблемых, всеми признанных законах и обычаях права (идея Конституции), сделать рабскую, тоталитарную Россию свободной страной свободных людей, где нет господ и где царствует один Закон. Вот питательная среда и главные кадры тайного масонского ордена и в то же время движущая сила любых антиправительственных заговоров и выступлений. Союз её с возглавлявшими

³² *Массон III. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996. С. 59.*

русское масонство просвещёнными, оппозиционно настроенными дворянами и даёт то, что вольные каменщики именовали "*интеллигенцией*", т.е. "четвёртым", условно говоря, сословием, новой общественной прослойкой.

Писатель И.А.Гончаров, родившийся в известном своими ложами «Златого Венца» и «Ключа к Добродетели» Симбирске и воспитанный отставным флотским офицером-масоном Н.Н.Трегубовым, в мемуарном очерке "На родине" говорил о своём учителе: "Якубов, как почти все дворяне тогда, или, лучше сказать, вся русская интеллигенция, принадлежал тоже к масонской ложе"³³. Сразу названо ключевое слово³⁴.

Рождается интеллигенция, властительница дум образованного общества, не нужная и, более того, опасная, изначально враждебная «просвещённому» деспотизму, дворянским привилегиям, официальной идеологии и официальной церкви. Она сразу противопоставляет им знаменитую масонскую идею вольности, равенства и братства, позднее ставшую лозунгом Великого Востока Франции и Великой французской революции. Принимая в ложу нового "брата", великий мастер провозглашал: "Свобода и равенство царствуют между нами"³⁵. В масонских ложах пели гимн с благородными, очень демократическими словами:

У нас и Царь со всеми равен,
И нет ласкающих рабов³⁶.

Однако в этой передовой идее равенства есть какая-то сатанинская гордость, ибо с её помощью "водители" масонской "толпы" хотят создать новую правящую элиту. Намерения вождей ордена вольных каменщиков весьма серьёзны и обладают стратегической прозорливостью.

В 1770 году безымянный великий мастер ложи выслушал в Петергофе проповедь известного церковного златоуста, Санкт-Петербургского

³³ Гончаров И.А. Собр. соч. М.-Л., 1954. Т. 7. С. 245.

³⁴ См.: Беспалова Е.К. И.А. Гончаров и симбирские масоны (к вопросу о реалиях очерка «На Родине») // Русская литература. 2002. № 1.

³⁵ Русская старина. 1870. Т. 1. С. 225.

³⁶ ГИМ. Ф. 450. Ед. хр. 5586. Л. 27. Масонский рукописный сборник "Вирши и песни".

архиепископа Гавриила на день восшествия на престол императрицы Екатерины II. И написал в ответ целую диссертацию о новом неравенстве и новом теократическом обществе, где царил бы новый, всем приятный "закон", а не воля самодержавного монарха, не традиционная власть феодальной знати и аристократического богатства: "Я открываю тебе, владыка, тайну сердца моего, в каком разуме я тобою проповеданное слово понимаю... Я, будучи человек и создание Божие, по плоти равен себя нахожу со всеми человеками, кто бы они таковы ни были, малы или велики, все мне равны, потому что они теми житейскими нуждами, теми же или подобными слабостями, как я, обременены. Вот в чём состоит равенство всех человек... Душевные дарования, по мере раздаяния всесвятаго духа, одного человека пред другим весьма предпочтительнее отличать... Наше душевное преимущество служит единственно в пользу той особы, кто сам от Бога отлично одарён, а не относится на саны и степени всякого чиновначалия, ибо часто случается, что последний писец и совестнее, и умнее своего секретаря и судии"³⁷.

Вместо знаменитой "Женитьбы Фигаро", сотрясшей западноевропейское общество революционной пьесы масона П.Бомарше (её перевел на русский язык и снабдил интересным предисловием масон А.Ф.Лабзин), русскому вольному каменщику-анониму пришлось писать осторожное, потаённое возражение на дворцовую проповедь иерарха официальной православной церкви. Но суть та же: власти абсолютного монарха, высшего духовенства и дворянства противопоставляется основанное на новых законах господство духовной элиты, правление сильных одарённых личностей.

Веру сменяет торжествующий разум, признавший самоценность чувств, души. В интернациональное царство духовно облагороженного, гуманного разума объединённые и освобождённые народы может привести лишь новая духовная и общественная сила - интеллигенция. А формирует и контролирует эту немалую умственную власть орден вольных каменщиков. Именно русские

³⁷ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 197. Оп. 10. Ед. хр. 6. Л. 4, 5.

масоны XVIII века создали основы отечественной интеллигентской мифологии.

Знаменитая мысль Руссо об общественном договоре между народом и властью, взятый из орденового катехизиса лозунг французской революции «Свобода, равенство и братство или смерть», идеи гражданского и правового общества, даже само политическое понятие «Конституция» (так именовался свод масонских правил) как собрание обязательных для власти, народа и личности основных законов – всё это фирменные изделия масонской «фабрики мысли». Главным же её «произведением», железом и кровью вытесанным из «дикого камня» провинциальной английской колонии в борьбе с могучей Британской империей, являются Соединенные Штаты Америки с их декларацией независимости, конституцией и входящим в нее Биллем о правах человека, созданные в XVIII веке масонами Б.Франклином и Д.Вашингтоном, чьи портреты попеременно с масонскими знаками мы видим на зелёных долларовых банкнотах (творение русского художника Н.К.Рериха).

Одну из первых наших конституций написали для возведённой ими на престол Екатерины II наместный мастер ордена Н.И.Панин и его друг и единомышленник Денис Фонвизин, за чем неизбежно последовали гонения властолюбивой императрицы на непрошенных юристов и последующий разгром русского масонства с заключением Н.И.Новикова в Шлиссельбургскую крепость и конфискацией и сожжением масонских книг и архивов. Наши вольные каменщики были русскими дворянами, т.е. частью правящего и вместе с тем служилого сословия и отлично знали, что тоталитарная имперская власть никогда эти «общественные» идеи не примет, никаких обязательных *для неё* законов и, тем более, ограничивающей *её* конституции не признает, но верили в торжество и справедливость своих идей, были готовы навязать их власти силой, создав мощное и богатое тайное общество вольных каменщиков и с его помощью воспитывая общество гражданское, умело дискредитируя и размывая властную вертикаль изнутри и

соответствующим образом формируя и настраивая общественное мнение, вербуя и воспитывая сторонников. «Ими руководило одно пламенное желание: в грозных и тяжелых русских условиях создать основы культуры - *законность* и *гражданственность*», - утверждал в начале XX века известный исследователь масонства и член масонской ложи Великого Востока Франции В.В.Святловский³⁸.

Правда, уважаемый историк не объяснил, что на благородном пути к законности и гражданственности русские масоны организовали три удачных государственных переворота: «революцию» 1762 года, цареубийство 1 марта 1801 года и февральско-мартовскую революцию 1917 года, когда были убиты три императора. Очень нужное нелегитимной Екатерине II убийство законного императора Иоанна VI Антоновича совершено в 1764 году масоном В.Я.Мировичем не без ведома братьев Паниных. А внук Павла I, царь-освободитель Александр II, отказавшийся снова разрешить легальную работу масонов в России (есть в архиве настоятельное прошение об этом очень влиятельных людей с резолюцией императора «Оставить без внимания»), был убит интеллигентными народолюбцами тоже 1 марта 1881 года – в масонский Новый Год. Простое совпадение? Возможно. Но что-то уж очень много совпадений...

Стоит напомнить, что само понятие "интеллигенция" включено в наш политический словарь именно масонами, впервые оно встречается в знаменитых публичных лекциях таинственного профессора И.Г.Шварца, неизвестно откуда явившегося в Россию духовного вождя русских розенкрейцеров³⁹. Но ещё интереснее самооценка русских масонов в их ритуалах, она это существенно важное понятие хорошо разъясняет. В "Уставе траурной ложи" великий мастер, простившись с умершим "братом", зажигает погашенные им ранее три свечи и напоминает собравшимся у гроба вольным

³⁸ Святловский В.В. Русский утопический роман. Пб., 1922. С. 11.

³⁹ См.: Тукалевский В.И. Искания русских масонов. СПб., 1911. С. 53. Ср.: Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth-Century Nobility. New York, 1966.

каменщикам: "Вы есте соль земли. Вы есте свет миру. Вы есте род избран, царское священство, язык свят, люди обновления..."⁴⁰. Жизнь ордена и его тайная борьба за обновление мира и возрождение человека продолжают.

Масонская интеллигенция - высший круг мудрецов, "водителей" рядовых "братьев" и малообразованной "толпы", т.е. собственного народа. Немецкий пастор-авантюрист И.Штарк терпеливо разъяснял в масонском журнале Новикова "Утренний свет": "Писатели суть соль народа, и по ним, если я не ошибаюсь, безопасно можно заключить о просвещении всего народа"⁴¹. Как видим, журнальная статья немецкого писателя-масона почти дословно совпадает с ритуалом русской траурной ложи.

Этого, понятно, никто не заметил, кроме посвящённых, разумеется. Но мысль учёного немца его русские братья по ордену сразу слышали и приняли, доказательство - революционная книга Радищева, пьесы и памфлеты Фонвизина, общественная (читай - политическая) деятельность Новикова, переводы и издания сочинений самого Штарка. Этой элитарной идее ещё предстояло стать одним из излюбленных общих мест интеллигентской мифологии в России.

Русская интеллигенция начинает собираться и организовываться в "культурный слой" не у подножия трона Екатерины Великой (эта красивая государственная идея "слуг престола" воплощена в известном санкт-петербургском памятнике императрице на Невском проспекте), а в ложах вольных каменщиков, из которых незримо управляют Дружеское учёное общество, Типографическая компания и другие "неправительственные", как мы сказали бы сегодня, объединения и кружки, а также полностью контролируемый орденом Московский университет. Ложи появляются во всех крупных городах, в них вступают губернаторы, высшие чиновники, военные. Здесь, в ордене, оказался цвет русской знати и государственной верхушки, что

⁴⁰ ГИМ. Ф. 281. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 36-36об.

⁴¹ Утренний свет. 1780. Т. 8. Февраль. С. 179.

потрясло и обидело императрицу, привыкшую видеть этих сильных гордых людей у своих ног.

У нарождающейся интеллигенции постепенно появляются свои союзы, клубы, салоны, библиотеки, издательства, вольные типографии, университеты, газеты, банки, и тайно действующие масонские ложи все эти новые действенные формы неофициального влияния стремятся организовать, направить в нужную сторону и контролировать. Как всегда бывает в таких случаях, умело сформулированные и приспособленные к практической деятельности идеи, появившиеся вовремя и адресованные конкретным социальным группам и слоям, объединяют мыслящих и деятельных людей, быстро становятся материальной силой, что принесло разительные, испугавшие саму императрицу Екатерину II результаты.

Масоны в Российской империи 80-х годов XVIII века стали серьезной политической, экономической и культурной проблемой для правящего класса. Тем более что лучшие силы этого класса очутились "вдруг" в ложах, умело использовали их для увеличения своей и без того огромной власти. Нарушались привычные сословные представления, ступени подчинения и политические связи⁴². Рождалась новая иерархия тайного влияния, целей и интересов, невидимых ступеней, рычагов и пружин закулисного властного механизма.

Мы по дурной марксистской инерции преувеличиваем историческое значение бедных и нечиновных дворян Новикова и Радищева, которых уняли с помощью десятка гусар, каземата Шлиссельбургской крепости и сибирской несуровой ссылки. Не их боялась Екатерина II, державшая под рукой в особом сундучке списки масонских лож и другие документы из "дела" ордена вольных каменщиков. "В реестре членов многие знатные лица помещены", - с

⁴² См.: *Марасинова Е.Н.* Русский дворянин второй половины XVIII в. (социопсихология личности) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1991. № 1. *Лотарева Д.Д.* Масонство в системе русской культуры второй половины XVIII – первой четверти XIX в. (Проблемы контекстного изучения источников) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1995. № 6. *Байбурова Р.М.* Московские масоны эпохи Просвещения - русская интеллигенция XVIII века // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999.

тревогой писал секретарь императрицы⁴³. С «реестром» мартинистов Екатерина II всегда справлялась при важных назначениях⁴⁴. Но произошло это не только потому, что в ложах собирались вельможи самого высокого ранга, выдающиеся политические деятели, полководцы, дипломаты и писатели. Им ведь удалось спасти от смертной казни своего бесстрашного «брата» Радищева и защитить смело спорившего в печати с самолюбивой императрицей Фонвизина. Они вернули из ссылки Радищева и И.Лопухина и освободили из крепостного каземата Новикова.

Рядом с практически безграничной материальной силой самодержавной монархии и её военно-феодалного колоссального государства, где даже церковь и религия всегда были в полном подчинении у власти и играли роль служебную, неожиданно появилась "третья сила", независимая духовная власть, опиравшаяся на мнения рождавшегося образованного общества. Сила эта сразу вступила в тайные сношения не только с масонством Запада, но и с враждебными Екатерине II дворами Пруссии, Швеции и Англии, на равных правах «провинции» участвовала в международных тайных конвентах ордена. Она умела воззвать и к просвещённому разуму выдающихся деятелей культуры Запада, с которыми считалась сама императрица, переписывавшаяся с энциклопедистами и другими духовными авторитетами Европы.

Русский философ И.В.Киреевский точно сказал о результатах просветительской деятельности Новикова и масонов 80-х годов XVIII века: "Тогда отечество наше было, хотя не надолго, свидетелем события, почти единственного в летописях нашего просвещения: рождения *общего мнения*"⁴⁵. Знаменитый историк В.О.Ключевский, бывший, как теперь выяснилось, масоном, говорил о Новикове то же: "В его лице русский издатель и книгопродавец стал общественною, народно-просветительною силой... Стало пробиваться то, с чем ещё незнакомо было русское просвещённое общество:

⁴³ Грибовский А. Записки о императрице Екатерине Великой. С. 91.

⁴⁴ См.: Храповицкий А.В. Памятные записки. М., 1862. С. 292.

⁴⁵ Киреевский И.В. Избранные статьи. М., 1984. С. 42.

это - *общественное мнение*"⁴⁶. И здесь масонство оказывается законным, пусть и непризнанным детищем эпохи Просвещения, хотя православный философ Иван Киреевский много спорил о самом понятии "просвещение" с масоном П.Я.Чаадаевым⁴⁷.

Возникает новая идейная среда, которая легко преодолевает социальные, национальные и государственные границы и объединяет людей различных народов, сословий, классов и групп с помощью книги, газеты, музыки, живописи, университетской кафедры, пансионов и лицеев, писем, тайно пересылаемых с доверенными лицами теоретических градусов, рукописных инструкций, кодексов и т.п. Конечно, здесь распространяются не только отвлечённые идеи масонского просвещения и ритуалы лож; мыслители и политики ордена высказываются по всем важным вопросам общеевропейской и национальной жизни, имеют свой взгляд на мировую историю, на прошлое и будущее народов, не ограничиваются чистым философствованием, на языке шифра и символов обсуждают пути изменения судеб Европы и России. Начинается и более трехсот лет продолжается тайный обмен мнениями, на основе которых принимаются исторические решения. Это именно разговор единомышленников, диалог влиятельных идей и личностей, непрерывный обмен капитальными мыслями и планами на принципиально новом общеевропейском уровне, не контролируемом монархами, государствами и церквями и не подвластным просветительской философии. Так начинается история русской интеллигенции.

В тайной "архиве" русских масонов, невзирая на все правительственные гонения, предусмотренное уставом ордена периодическое сожжение бумаг и варварские полицейские конфискации⁴⁸, сохранилось множество писем, уставов, инструкций, печатных списков членов иностранных лож и других

⁴⁶ Ключевский В.О. Литературные портреты. М., 1991. С. 53, 75.

⁴⁷ См.: Сахаров В.И. Страницы русского романтизма. М., 1988. Глава "Движущаяся эстетика: Иван Киреевский".

⁴⁸ Историограф капитула Феникса говорит о присланных из Швеции рукописных книгах масонских актов: "Последствием различных гонений и превратностей, претерпенных орденом в России, и кончиной многих из бр<атьев> мы лишились

секретных документов из Германии, Франции, Англии, Швеции. Немцы, англичане, шведы, французы, итальянцы становились членами и даже руководителями русских масонских лож. «Ни одна страна не получила от ордена так много и так быстро поддержки, как Россия», - записал в дневнике немецкий розенкрейцер⁴⁹. Вспомним, что поддержка эта включала в себя и немалые деньги. Мировое масонство пошло на это, понимая, что очень многое решается в России.

В свою очередь бумаги, посланные русскими вольными каменщиками для расширения орденских связей и поисков новых союзников, обнаружены в США, Англии, Франции, Германии⁵⁰. Но это лишь случайно сохранившиеся материальные вехи мощного тайного потока идей, изменившего мир в конце XVIII столетия. И с этой точки зрения масонство вполне может рассматриваться как новая действенная идеология, своего рода марксизм той эпохи, заменивший кабинетную философию Вольфа и Лейбница⁵¹.

Но масонство с самого начала представляет собой нечто гораздо большее и сложное, нежели очередная философская система или идеология идущего к власти класса или социальной группы. Иначе оно не стало бы самобытным и действенным явлением духовной культуры Западной Европы и России. Вольные каменщики мыслили о себе и своей "божественной науке" в категориях мировой истории, натурфилософии и жизни космоса, и не случайно великий мастер ложи, принимая в орден очередного ученика, напоминал ему со значением обо "всех рассеянных по вселенной братьях

большей части книг сих" (РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 564. Л. 10-10об.). Конфискованные у Новикова и Лабзина книги и рукописи просто сжигались.

⁴⁹ Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869. С. 85.

⁵⁰ См.: Leighton L.G. Freemasonry in Russia: The Grand Lodge of Astraea (1815-1822) // The Slavonic and East European Review. Vol. 60. № 2. April 1982. Cross A.G. British Freemasons in Russia during the Reign of Catherine the Great // Oxford Slavonic Papers. New Series. Oxford, 1971. Vol. IV.

⁵¹ Передавая архив предка-масона в Исторический музей, князь Б.С. Щербатов писал о знаменитом историке и прозаике М.М. Щербатове: "Воспитанный философско-религиозным учением Мальбранша, в 1740 году он примыкает к религиозно-нравственному обществу франк-масонов" (ГИМ. Ф. 268). Таков был путь многих русских писателей.

наших"⁵². Так масоны становились гражданами мира: "Ваше отечество - весь мир, а вовсе не тот маленький уголок его, где вы родились"⁵³.

Этот псевдоинтернационализм мирового масонства неизбежно приводит нас к вечной проблеме влияния и заимствования, для русского ума всегда болезненной, вынуждавшей наших писателей и историков культуры эти влияния (чаще всего бесспорные) раздраженно отрицать и упрямо настаивать на национальной самобытности. Для России XVIII столетия и в особенности для ее новой литературы эта проблема - главная.

Блестящий знаток эпохи Л.В. Пумпянский говорил о русской литературе того времени: "Она может быть представлена как ряд духовных волн, идущих с Запада и на русской почве претерпевающих исключительно интересную эстетическую судьбу"⁵⁴. Иногда бурная и трагическая русская судьба такого "заимствованного" явления была гораздо интереснее и важнее его долгого, весьма спокойного бытования в родной западноевропейской культуре. Именно такова история русского масонства, пришедшего к нам с Запада и ставшего уникальным явлением отечественной культуры⁵⁵.

Западноевропейское масонство - явление сложное и очень серьезное, развивавшееся на протяжении нескольких столетий и продолжающее свою деятельность поныне, и его в силу различных объективных и субъективных причин принято или недооценивать, или переоценивать (традиция, идущая от антимасонских памфлетов конца XVIII века и орденских возражений и самооправданий), но одно несомненно: это отлично организованная политическая, духовная и культурная сила, многое определившая в истории Европы и России, умевшая до поры до времени скрывать свою немалую

⁵² ГИМ. Ф. 83. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 33об.

⁵³ Русская старина. 1907. № 5. С. 425.

⁵⁴ Пумпянский Л.В. К истории русского классицизма. Рукопись. Архив вдовы писателя Е.М. Иссерлин. Эта классическая работа выдающегося ученого напечатана в сборнике "Контекст-1982" (М., 1983), но там цитируемый фрагмент текста, как и ряд других неудобных мыслей, при публикации опущен. Перепечатано в сборнике избранных работ Л.В.Пумпянского «Классическая традиция» (М., 2000).

⁵⁵ См.: Bouryckhine P. Bibliographie sur la Franc-Maçonnerie en Russie. Paris, 1927. Bacounine T. Le repertoire biographique de franc-maçons russes (XVIII-XIX siècles). Bruxelles, 1937. Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730-1917. М., 1993. Серков А.И. История русского масонства. СПб., 1997. Ведьмин О.П. Масоны в России. 1730-1825. Кемерово, 1998.

реальную власть и ловко отвлекать внимание и преследования на свои боковые, формально независимые ответвления вроде ордена иллюминатов⁵⁶.

Но в любой своей личине, "системе" или организационном принципе (Капитул «Феникса», тамплиерский клерикат И. Штарка, Орден розенкрейцеров и т.п.) эта тайная власть, проникая в Россию и встречая жадный интерес местных "адептов", простодушное согласие на сотрудничество и даже добровольное подчинение иностранной Великой ложе ради приобщения к великим тайнам мирового масонства, никак не может в этой странной, неуютной, "варварской" (любимое слово иностранных визитеров о России) стране прижиться, приобрести доверие и уважение, политическое, экономическое и культурное влияние. "Русский народ склонен ко всяким крайностям", - горестно замечали немецкие масоны⁵⁷.

Мы сколько угодно можем говорить о влиянии и подражании, но русское масонство XVIII столетия (в отличие от наших вольных каменщиков начала XX века, легко слившихся с Великим Востоком Франции) никогда не равно своим западным образцам. Формально оно может признать себя восьмой провинцией всемирного масонского братства и подчиняться кому угодно: шведскому принцу, брауншвейгскому герцогу, прусскому министру или французскому философу, но это не духовное и политическое рабство, а понятное в данной исторической ситуации желание любой ценой получить в просвещенной Европе новые идейные материалы, политический опыт, связи и организационные формы для национальной созидательной работы. Здесь и проходит незримая грань между двумя культурными мирами - Россией и Западом.

Происходят неизбежный, весьма целеустремленный отбор и переоценка предлагаемых извне духовных ценностей. Здесь Россия быстро приобрела

⁵⁶ См.: *Черняк Е.Б.* Западноевропейское масонство XVIII века // Вопросы истории. 1981. № 12. *Туган-Барановский Д.М.* Второй заговор генерала Мале // Вопросы истории. 1974. № 8. *Черняк Е.Б.* Невидимые империи. Тайные общества старого и нового времени на Западе. М., 1987. *Морамарко М.* Масонство в прошлом и настоящем. М., 1990. См. также: *Ferrer Benimeli J.A.* Bibliografía de la Masonería. Zaragoza-Caracas, 1974.

⁵⁷ *Пекарский П.П.* Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. С. 86-87.

необходимый опыт. "В нашей разреженной культуре, как в решете, сор мысли как-то сам собою отсеивался от ее зерна", - говорил Ключевский⁵⁸. А другой наш великий историк и тоже масон, Николай Карамзин, уточнял: "Мы заимствовали, но как бы *нехотя*, применяя все к нашему и новое соединяя со старым"⁵⁹.

Возникает очередной исторический парадокс: журналист-сатирик Новиков смеется над галломанией и прочим обезьянничанием русских дворян и потом сам как масон высоких степеней вполне серьезно подражает красивым рыцарским ритуалам западных вольных каменщиков, становится мастером ложи, членом капитула, розенкрейцером. Простое бездумное подражание на уровне быта и моды сменяется последовательным изучением и усвоением капитальных идей мировой эзотерической философии и литературы. Эпоха Просвещения в России в исканиях ордена вольных каменщиков получает неожиданное развитие и новый духовный контекст; выясняется, что ее учителя и идеалы обретаются не в современной им Франции энциклопедистов или ученой Германии, а в совсем других странах и эпохах.

Русский масон и писатель Елагин неожиданно называет среди предшественников и учителей вольных каменщиков древнюю секту ессеев и уточняет: "Тамплиерские рыцари принесли свет сей на Запад"⁶⁰. В анонимных "Материалах для каменщиков" теология католицизма порицается как "хитросплетенный школьный спор" и указано, что подлинные знания в средние века были у арабов и евреев-каббалистов, основавших при халифах академии: "Искони народ сей уважал **Аллегории**; во всей восточной мудрости уважались **иероглиф** и **число**; вся пифагорейская система была облечена в тонкие эмблемы, и таким образом составила в сие время Каббала, которая от

⁵⁸ Ключевский В.О. Литературные портреты. С. 57.

⁵⁹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 31.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 255 (1). Л. 39.

древнейших подобных идей отличается тем, что она **в одних Символах искала существенную силу к действиям в Натуре**"⁶¹.

Для масонов важны путь и судьба всех капитальных идей, из которых складывались их мирозерцание, философия жизни и смерти, эстетика, литературное творчество. Они знают и помнят своих предшественников и учителей в школе мысли. «Наше нравоучение вышло из Пифагорова училища, и система религии Василида снабдила нас положениями, основаниями и гиероглифами», - сказано в «Изъяснении при учреждении вольнокаменнического общества»⁶². Эти точно названные имена античных мыслителей сразу связывают масонскую философию и эстетику с наследием мирового гностицизма. Выстраивается иная, куда более длинная и запутанная, чем у просветителей, цепочка традиций и исторической преемственности. Масонам в высшей степени свойственно "искусство памяти" ("The Art of Memory" - название ныне и у нас переведенной известной книги F. Yates, знатока Розенкрейцерского Просвещения).

Русские масоны читают, переводят и издают эзотерические книги разных эпох и народов Запада и Востока, не ограничиваясь средневековой европейской мистикой и творениями Якоба Бёме. "Не могут быть для нас все роды познания равноценны", - говорят они⁶³. Первостепенно важен выбор источников, откуда вольные каменщики России черпают идеи для своей "божественной науки". Ведь это и литературные источники.

Тайные учения Древнего Египта, античной Греции и Рима, гностиков и офитов, манихеев, древней Индии и Китая, раннего христианства, иудейской каббалы, арабских мыслителей, средневековых сект и философов вроде св. Ириния Лионского, богомилов, катаров и альбигойцев, итальянцев Лелио Социна и Марсилио Фичино, доктрины рыцарей-тамплиеров, византийского исихазма (именно масоны переводят и издают беседы Григория Паламы и

⁶¹ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. Ед. хр. 159. Л. 31об.

⁶² Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. Ф. 5 Тв 134. Л. 16.

⁶³ ГИМ. Ф. 281. Оп.1. Ед. хр. 180. Л. 1.

житие Григория Назианзина) и розенкрейцеров, алхимия⁶⁴, немецкая и английская мистика XVII века⁶⁵ - все это отразилось в масонских трактатах и прочей литературе, рукописной и печатной, свидетельствуя о неожиданном возрождении в век Просвещения тысячелетней традиции мировой эзотерики⁶⁶.

Открывая каталоги орденских коллекций редких манускриптов, обнаруживаем там то переведенную с маньчжурского и китайского языков "Книгу о верности", то сочинение "Индийский философ, или Наука жить счастливо в обществе" (обе - РНБ), то алхимическую рукопись "Гебера царя Аравийского, остроумного философа и истинного адепта, любопытное и полное химическое писание" (ГИМ). Это не обычное для того времени библиофильство, а продуманный подбор всех сокровищ тайного знания Востока и Запада. "Занесенные в Европу сочинениями так называемого Дионисия Ареопагита семена мистики не остались также бесплодными", - писал лицейский учитель Пушкина профессор А.И. Галич, называя одного из любимых, часто переводимых масонами авторов⁶⁷. В рукописях русских масонов встречаются имена Гермеса Трисмегиста, Пифагора, Марсилио Фичино, Парацельса, Р. Фладда, Роджера Бэкона, Я. ван Гельмонта, Я. ван Рюйсбрука, госпожи Гюйон, Мартиниша Паскуалиша - словом, весь пантеон мировой эзотерики.

Масонская русская литература в основе своей переводная, маскирующаяся под перевод или подражающая иноземным образцам. Именно поэтому так важна в это время вечная проблема перевода. Еще Сумароков это видел,

⁶⁴ См.: Рабинович В.Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. М., 1979. Свинцовые врата алхимии: история, символы, практика. СПб., 2002. Ознакомление с текстами классических трактатов алхимиков показывает, откуда прозаики и поэты русского масонства брали многие свои темы, идеи и образы.

⁶⁵ См.: Тайные фигуры розенкрейцеров. Киев, 1997. Здесь, наконец, переведен поэтический сборник Даниэля Стольция «Химический цветник».

⁶⁶ См.: Радлов Э.Л. Сочинения о магии // Отчет Императорской публичной библиотеки за 1885 г. СПб., 1888. Мартынов И.Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981. Лотарева Д.Д. Некоторые источниковедческие проблемы изучения масонской книжности в России в конце XVIII - первой половине XIX века // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI-XIX вв.). М., 1994. Серков А.И. Масонские библиотеки // Масонство и масоны. М., 1997. Вып. II. Помимо многочисленных книг и статей об источниках и составных частях философского наследия русских масонов необходимо указать на содержательную неопубликованную работу историка А.А. Сиверса "Существо и цели всемирного общества фран-масонов", хранящуюся в архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН (Ф. 121. Оп. 1. Ед. хр. 25).

⁶⁷ Галич А.И. История философских систем. СПб., 1818. Т. I. С. 299.

отделяя вечное от преходящего: "Обогащается общество переводными книгами; но сии книги в потомстве почти все исчезнут и веку нашему славы они не принесут"⁶⁸. Масоны хорошо это понимали и потому организовали при Московском университете переводческую семинарию, продуманно отбирали и воспитывали молодых переводчиков. Они превратили перевод в профессию, школу писателей и вместе с тем в искусство, сделали его художественным, литературным, т.е. *сотворчеством*.

Через весьма вольное "преложение" западных и восточных эзотерических учений приходят в обновляющийся русский литературный язык критическое понимание и обогащение различных способов выражения отвлеченных философских понятий и художественных образов, сложной барочной символики, происходит обновление самого словаря понятий и терминов русской философии и литературы. Возникает особый язык аллегорий, адресованный новой духовной элите и скрывающий истину от профанов.

Русские масоны разработали оригинальную теорию символа-иероглифа как шифра, ключа к ценностям «закрытой» эзотерической культуры: «Гиероглиф есть назнаменование какой-нибудь не подверженной нашим чувствам вещи чрез представление вещи, подверженной чувствам, которая содержит в себе качества, подобные изображаемой»⁶⁹. Опять-таки это не безоглядное новаторство, а сознательное следование определенной мировой традиции, которая жива и сегодня.

"Аллегорические произведения имеют то преимущество, что достаточно одного слова, чтобы прояснить отношения, недоступные толпе; они отданы всем, но их значение адресовано элите. Отправитель и адресат понимают друг друга поверх толпы. Непонятный успех некоторых произведений идет от этого достоинства аллегии, которая является более чем просто модой - способом эзотерического выражения", - сказано в документах некой тайной

⁶⁸ Сумароков А.П. Полн. собр. соч. М., 1787. Ч. X. С. 41.

⁶⁹ Барсов Н.П. Из масонского ритуала начала настоящего столетия // Историческая библиотека. 1878. № 11. С. 12.

организации - Сионской Общины, сегодня руководящей и масонскими ложами⁷⁰. Организация очень старая, давно сложилась и высказанная в этом документе философия аллегории и знака, тайного языка и элитарной литературы.

Это уже особая эзотерическая лингвистика, орденский жаргон, определяющий стиль мышления и творчества. Ибо переводятся не только слова и книги, в русскую культуру приходят и критически осваиваются целые мировоззрения и методы познания, национальные, кружковые и личные точки зрения, языки иных культур. Каждая из этих "систем" имеет свой словарь коренных понятий, символов и аллегорий, осваиваемый русскими умами. То есть творчески переосмысливается язык (точнее, языки) мировой культуры в одной из самых сложных и тайных его форм, его десятилетиями приспособляют к новому культурному контексту новой России.

Из этой школы выходят великие русские писатели: ведь Фонвизин, Карамзин и другие наши литераторы начинали как переводчики масонских сочинений, книгами же расплачивались с ними Новиков и другие заказчики-масоны⁷¹. В этой духовной среде, в Московском университете и тургеневском кружке воспитался и гений русского перевода Василий Жуковский, чья связь с философией, эстетикой и литературой масонства очевидна, но изучена мало, часто вообще отрицается⁷².

Русские масоны не только перевели и издали классику эзотерической литературы, они усвоили и приспособили к своим нуждам и духовным исканиям пестрое необозримое наследие проповедников тайного знания и откровения. Утопическая идея земного рая - Златого века богини справедливости Астреи, - стремление к всемирной масонской монархии, самоубийственное в тоталитарно-феодальной империи требование

⁷⁰ Байджент М., Лей Р., Линкольн Г. Священная загадка. СПб., 1993. С. 123.

⁷¹ См.: Сазонова Л.И. Переводная художественная проза в России 30-60-х годов XVIII века // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982. История русской переводной художественной литературы. СПб., 1995-1996. Т. I-II.

⁷² См.: Новиков В.И. Масонство и русская культура. М., 1993.

выборности и конституционности верховной власти, вполне серьезное искание философского камня и способов делать золото, попытка заменить европейскую аналитическую, уже распавшуюся на сферы знания науку Нового времени целостной "божественной наукой" в духе Парацельса и средневековых алхимиков, поиски откровения, тайного познания, "утраченного слова", особого языка символов, жестов и обрядов - эти и другие теории и практические опыты русских масонов говорили о парадоксальном движении очень образованных и искренне верующих людей эпохи Просвещения к новому средневековью, сложному сектантству, "масонской метафизике"⁷³.

Отсюда и осторожные, но принципиальные споры русских масонов с официальной православной церковью (их не надо путать с вольтерьянским вольнодумством и неизбежными сатирами на духовенство), воспитание учеников из среды университетских студентов и семинаристов, появление в ложах православных священников вплоть до иерархов церкви, попытка заменить общие догматы церкви индивидуальной практической этикой и духовной властью розенкрейцеров и вольных каменщиков высших степеней, масонскими катехизисами, теоретическими градусами, уставами и конституциями⁷⁴.

Не случайно одним из первых прозаических произведений масонов стала весьма нелюбимая изобразившая наше духовенство аллегория Ф.И. Дмитриева-Мамонова "Дворянин-философ" (1769), привычно воспринимавшаяся советскими учеными как "антиклерикальный памфлет" (Л.Б. Светлов), хотя смысл этого сочинения, конечно, сложнее и глубже, к тому же сознательно замалчивалось масонское мировоззрение автора. А ведь это было начало неравного спора очень разных религиозных организаций, официальной и тайной. Завершился же он обращением масонов к императору Павлу I, в котором прямо говорилось о "внешней церкви": "Духовенство

⁷³ Бенуа Л. Эзотеризм // Комментарии. 1992. № 1. С. 25.

⁷⁴ См.: Стенник Ю.В. Православие и масонство в России XVIII века (к постановке проблемы) // Русская литература. 1995. № 1.

потеряло руководствующую к истинным откровениям нить, то есть потеряло из виду цепь, связующую божественные таинства с естественными, кои должны друг на друга взаимно указывать и друг о друге свидетельствовать"⁷⁵.

Пышная обрядность лож с их алтарями, миропомазанием, религиозными песнопениями, особой "сакральной" музыкой (ее писали Моцарт и Бортнянский), священными текстами (это не только Евангелие от Иоанна, лежавшее в ложе на аналое-алтаре рядом с молотком и мечом мастера стула, но и утвержденные тексты разных ритуалов, вплоть до траурной логи), проповедями (иначе нельзя назвать речи мастеров и риторов), ритуальными предметами ("сокровищами логи"), статуями богов (например, древнеегипетской Изиды под тайной завесой), жреческими одеждами, фартуками-запонами и заменяющими наперсный крест нашейными знаками логи свидетельствовала об очень серьезной, тщательно обоснованной претензии масонства на роль новой, "внутренней" церкви⁷⁶.

В век Просвещения, прогрессивную эпоху торжества точных наук, расцвета философии и политической экономии, рождения эстетики как науки о природе изящного и падения влияния религии и церкви среди образованных сословий, вдруг возродилась новая теология, тайное общество, увидевшее свой идеал государства и человека в доисторических, мифологических временах, желающее читать "великую книгу натуры" и ставящее своей главной целью "сохранение и предание потомству некоторого важного таинства"⁷⁷. Конечно же, и Просвещение влияло на масонство, освобождая его от "родимых пятен" средневековой секты ремесленников и прививая терпимость, гуманизм, давая ключ к новым научным знаниям. Но в конечном итоге это лишь обновляло и усиливало тайное учение вольных каменщиков⁷⁸.

⁷⁵ Государственный архив Тверской области (далее ГАТО). Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1136. Л. 12.

⁷⁶ См.: Некрасов С.М. Обряды и символы вольных каменщиков // Наука и религия. 1974. № 10. Существует целая литература по масонской символике. См.: Lurker M. Freimaurerische Symbole // Wörterbuch der Symbolik. Stuttgart, 1985. Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. СПб., 1994. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996.

⁷⁷ Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. С. 50.

⁷⁸ См.: Киселев Н.П. Из истории русского розенкрейцерства. СПб., 2005.

Идеи этого эзотерического учения запрещено высказывать вне лож, писать на бумаге и вырезать на камне, в чем и давалась кровавая страшная клятва, заставляющая вспомнить времена языческих жертвоприношений и средневековые ритуалы сект, и на язык вступавшего в ложу "ученика" братом первым надзирателем публично налагалась металлическая Соломонова печать скромности. "Истинное масонство должно быть молчаливо", - сказано в дневнике розенкрейцера⁷⁹.

Эта закрытая "школа великих таинств натуры" в эпоху просветительского механического материализма вдруг заявляет, что мысль и дух нематериальны ("Мысль не есть собственность материи") и что единственный путь познания - это "сверхнатуральное" постижение высшей мудрости, откровение. Отсюда приход русских масонов-розенкрейцеров к "парапсихологическим", как мы теперь сказали бы, идеям и исканиям жившего во Франции португальского мистика Мартиниша Паскуалиша и его талантливому ученику Л.К. де Сен-Мартена видится неизбежным, они сознательно приняли имя "секты мартинистов", ставшее их общепринятым названием в письмах и указах императрицы Екатерины II и других официальных документах и литературе того времени.

В масонских архивах имеются философические трактаты о Боге и человеке, где говорится: "Никто да не почитает маловажным истлевший и сожженный пепел человеческого тела, ибо в нем сокрыта чистая соль света, материя духовного тела из небесной плоти; из нее-то, после оной великой перемены, когда плоть и кровь, как принадлежности звериного человека, прошед чрез тление и сожжение, престанут существовать, ТВОРЧЕСКАЯ сила явит прозрачное и прославленное тело!"⁸⁰. Это, конечно же, не "правильная" научная философия, а "донаучная" синкретическая мистика, эзотерическое учение, хранимое в символах и таинственных "гиероглифах" и доступное

⁷⁹ Там же. С. 78.

⁸⁰ РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 564. Л. 3.

лишь избранным "ученикам", "детям вдовы", как именовали себя масоны, т.е. детям таинственной Натуры, вдовствующей ночью без ушедшего солнца матери-природы. Поэтому трактат превращается в "шифрованную", насыщенную орденовыми символами и "гieroглифами" художественную прозу.

«Заблуждались, заблуждаются и будут заблуждаться, потому что философы не установили, что есть собственно движущая сила», - говорил философ XV века Дж. Понтано⁸¹. А поскольку они вкупе с представителями так называемых «точных» наук этого не установили и по сей день, то заблуждения продолжают расти и усложняться, целостное знание о мире и человеке дробится на все новые дисциплины. Тем самым все «естественные» науки Нового времени признаны недостаточными и неточными, для обретения первоначальной «естественности» их снова надо соединить в целостную "божественную науку", содержащую в себе все сокровища тайного, эзотерического человеческого знания с доисторических времен. И здесь появляется много громких имен связанных с розенкрейцерством и масонством ученых - от легендарного врача Парацельса до самого И. Ньютона. Вольные каменщики особо ценили этих людей, мысливших в своей «прикладной», «точной» науке философски и диалектически: «Из философов один только Богоговейный Ньютон усмотрел, что две противные центральные силы суть начало колеса рождения, откуда колотечение вещей происходит»⁸². Новая Россия не осталась в стороне от этого общеевропейского стремления к обновлению и углублению науки. Известно, что в 1698 году с Ньютоном встречался в Англии и получал от него знания по математике, физике, химии и оптике молодой Яков Брюс, обрусевший потомок шотландских королей и рыцарей-тамплиеров⁸³. От его философских исканий и научных опытов остались лишь легенды о служанке-роботе и летающем корабле и загадочный

⁸¹ Одоевский В.Ф. Записки для моего праправнука. М., 2006. С. 183.

⁸² Этингер Ф.К. Библейский и эмблематический словарь. М., 1786. С. 334-335.

⁸³ См.: Boss V. Newton and Russia. The early influence. 1698-1796. Cambridge (Mass.), 1972.

образ «Колдуна с Сухаревой башни», но это и есть настоящий предшественник Ломоносова, отец новой русской науки.

Поражает присутствие в рядах ордена крупнейших астрономов, химиков, физиков и математиков XVIII столетия, не говоря уже о врачах и философах. Казалось, новая академическая наука на грани позднеренессансного розенкрейцерства и эпохи Просвещения вспомнила о своем происхождении, вернулась к древним источникам тайного знания о мире и человеке, к Леонардо да Винчи и Фрэнсису Бэкону, к идеям и открытиям алхимиков и розенкрейцеров. Об этом, кстати, свидетельствуют «Ода, выбранная из Иова», «Письмо о пользе Стекла» и два размышления о «Божием Величестве» великого философа и ученого Ломоносова, где в самих образах его поэзии содержится самобытная натурфилософия, размышляющая об огне как движущей силе всех вещей и помещающая смертного человека в центр вечного кругообразного движения бытия. Литература эпохи Просвещения тоже тесно была связана с тогдашней наукой⁸⁴, но масоны-писатели иначе понимали природу и назначение науки и роль ученого, осознали необходимость возвращения и в литературе к древним "донаучным" знаниям и личностям легендарных "мудрецов" и "мастеров".

Этим и занимались уединенные идеологи и мудрецы масонского ордена, и, прежде всего надо указать на поистине огромный неопубликованный труд И.П. Елагина "Учение древнего любомудрия и богомудрия, или Наука свободных каменщиков, из разных творцов светских, духовных и мистических собранная" (1787), этот простодушный компендиум, реферат всех мистических учений, где о "божественной науке" мирового масонства говорится: "Она от умственных очей наших покровом почти непроницаемым иносказаний одеянна и сокровенна в темном облаке невразумительных символов, обрядов и деяний, которые от самая ветхия древности в крайнем

⁸⁴ См.: Разумовская М.В. От "Персидских писем" до "Энциклопедии". Роман и наука во Франции в XVIII в. СПб., 1994.

таинстве содержимы, а в непонятных токмо гиероглифах истинный смысл свой предлагают"⁸⁵.

Русские масоны в своих изданиях и рукописях собрали постепенно целую энциклопедию и антологию мировой эзотерики, показав, что эта традиция жива и, более того, отвечает духовным исканиям русского образованного человека, обращающегося в эпоху Просвещения к наследию мировой философии и литературы, куда просвещенный мистицизм, иррациональное барокко и объективный идеализм входят как важная составная часть. Характерно, что именно Новиков в одной из своих типографий издал в русском переводе (его сделал священник Феофан Колокольников) немецкий масонский словарь эмблем, символов и "гиероглифов", где говорилось о мировой эзотерике: "От нас еще многие вещи закрыты, доколе по частности откроются некогда во храме Изекииелевом. Между тем довольствуемся мы малым указанием на будущий полный смысл, который мы имеем, яко наследники мира"⁸⁶. Вот источники символов и образов для масонской литературы, заботливо собираемые и издаваемые орденом вольных каменщиков.

Масонство в России стало сознательным возрождением просвещенной, научно изученной мистики как практического богословия и самовыражения и самопознания человека, желающего восстановить утраченную внутреннюю гармонию путем тайного общения с Богом: "Внутренняя жизнь или мистика становилась реже и неизвестнее и, наконец, учинилась подозрительною"⁸⁷. Конечно же, это тайное учение подозревалось в ереси прежде всего церковью и властями, и даже защитник масонов, автор анонимного апологетического трактата "Взгляд на философов и революцию французскую", признавал: "Все ереси древних христиан вкрались в масонство"⁸⁸. И тут же заявлял: "Орден

⁸⁵ РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 255 (1). Л. 6.

⁸⁶ *Этингер Ф.К.* Библейский и эмблематический словарь. С. 5.

⁸⁷ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. Ед. хр. 149. Л. 15.

⁸⁸ РНБ. ОСРК. Q. III. № 120. Л. 28.

свободных каменщиков есть ничто иное, как истинное, просвещенное, чистое христианство".

Мастер в ложе обычно объявлял, что здесь нет и не может быть ничего противного Богу, православной вере и учению церкви, в ордене же усматривал "союз, освященный учением Христовым"⁸⁹. М. Невзоров стоял на том же: "Орден свободных каменщиков, в котором я был членом, для меня был лучшим училищем христианским, и я по милости Бога не хотел иначе понимать его"⁹⁰. Атеист не мог вступить в ложу русских вольных каменщиков.

Даже в принятый шведский ритуал русские масоны ввели собственное обязательство распространять именно православную веру⁹¹. В ордене русских вольных каменщиков в период его упадка ("Усердие к царственному ордену везде угасло") создаются особые тайные ложи (они именуются "дружескими, справедливыми и совершенными"), куда принимаются только дворяне православного вероисповедания ("Чтоб был россиянин, и, конечно, греческого исповедания, хотя из другога закона в наш крещением возрожден") и где проповедуются простота нравов и обрядов и суровое единоначалие, полное подчинение управляющему мастеру⁹². Эти ложи находились вне масонской "цепи" и как бы контролировали ее, следили за верностью идеям православия и национальной государственности. Рождалась еще одна политическая цензура со своим духовным регламентом.

Так что видеть в русском масонстве простое подражание модному и влиятельному западному движению умов было бы так же ошибочно, равно как и утверждать, что орден возник у нас как "реакция на духовный разлад общества"⁹³. Да ведь само общество-то еще не сложилось... И почему всегда именно реакция? И слово-то само какое-то начетническое, из сердитого

⁸⁹ ГИМ. Ф. 241. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 40об.

⁹⁰ Библиографические записки. 1858. № 21. Стб. 646.

⁹¹ См.: Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Пг., 1916. С. 34.

⁹² ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1174. Л. 1, 4. Ср.: Соколовская Т.О. Новые данные для истории русского масонства по рукописям Тверской ученой комиссии. Тверь, 1912.

⁹³ См.: Худушина И.Ф. Свобода ищущего духа. Русское масонство XVIII века // Философия и культура в России: методологические проблемы. М., 1992. С. 51.

марксистского комикса на сто слов, из области казенной поклажи и идеологического доноса... Почему в русском образованном обществе не может явиться сильнейшая жажда новой духовности, новой русской идеи, личного идеалистического мировоззрения, столь необходимого мыслящему несвободному человеку среди торжествующей тоталитарной государственности?

Об этом со знанием дела говорил университетский профессор, друг Пушкина С.П. Шевырев: «Материализм, порожденный в конце прошлого столетия движением естественных наук на Западе, встретил у нас сильный отпор в сочувствиях к религиозному мистицизму, принесенному Шварцем из Германии»⁹⁴. Писал то же и князь А.Б. Голицын, известный масон и член преддекабристского Союза русских рыцарей, в знаменитом доносе: "Наука древнего масонства подвела меня к истине, устроила в моей голове все отношения человека к Богу, к человеку и природе"⁹⁵. То же могли сказать и говорили даже на допросах масоны XVIII века, и, прежде всего сам Николай Новиков. Лабзин, с юных лет связанный с работой ордена, вспоминал: "Вдруг явились любители, стали искать духовных книг"⁹⁶. Это было внешнее выражение назревшей общей потребности весьма малочисленного русского образованного общества в духовном развитии и внутреннем обновлении. Понятно, что неизбежным становилось и обновление литературы, выражающей интересы и чувства этой части общества.

Очевидно, что масонская "божественная наука" пронизала многие сферы русской духовной жизни, в частности повлияла на развитие отечественной литературы. Более того, литература, и в том числе художественная, стала главным путем распространения масонских идей в русском обществе, ибо ложь не могли и не должны были пропагандировать эти идеи публично. Затем

⁹⁴ Шевырев С.П. Обзорение 100-летнего существования Императорского Московского университета // Вестник МГУ. Серия 9 «Филология». 2002. № 1. С. 160.

⁹⁵ Гордин Я.А. "Донос на всю Россию", или Миф о масонском заговоре // Звезда. 1990. № 6. С. 121. См.: Гордин Я.А. Мистики и охранители. Дело о масонском заговоре. СПб., 1999. Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой половины XIX века. М., 2003.

и понадобились воспитанные орденом литераторы, типографские станки и книжные лавки Новикова, Лопухина, Бекетова и Лабзина.

Об этом тем более необходимо вспомнить, что новая литература наша тогда только зарождалась, обретала свой язык, художественные идеи и образы, с трудом освобождалась от пут подражания западным образцам. "У нас науки словесные только начинаются, и наш язык едва чиститься начал... Язык наш великого исправления требует", - говорил поэт и масон А.П. Сумароков⁹⁷. Неизбежно было ускоренное развитие этой литературы, требующее огромного напряжения и совместной работы лучших творческих сил. "В течение каких-нибудь ста лет русские литераторы выбирают себе для подражания литературные формы и образцы, на развитие которых на Западе ушло до трехсот лет", - верно заметил немецкий литературовед Р. Лауэр⁹⁸.

В этом "исправлении" языка и литературы многочисленные масоны-писатели приняли самое непосредственное участие, и в результате возникло целое литературное направление, игнорировать которое более невозможно. "Можно говорить о масонском стиле, о *масонизме*", - писал в свое время академик П.Н. Сакулин, знаток русского идеализма⁹⁹.

Говорить можно и нужно о целой литературной (и не только литературной) школе, материал, в том числе и архивный, имеется для этого научного, вполне академического разговора огромный. И такой разговор в мировом литературоведении давно уже ведется, он отразился уже в библиографических указателях, литературных энциклопедиях и словарях¹⁰⁰. Но далее он должен продолжаться в первую очередь на уровне капитальных научных исследований и публикаций архивных документов.

⁹⁶ Сионский вестник. 1818. № 2. С. 284.

⁹⁷ Трудолюбивая пчела. 1759. Декабрь. С. 758, 764.

⁹⁸ Лауэр Р. Рецепция как трансформация. Особенности русского усвоения западных литературных форм в XVIII столетии // *Slawische Kulturen in der Geschichte der europäischen Kulturen vom 18. bis zum 20. Jahrhundert*. Berlin, 1982. S. 116.

⁹⁹ Сакулин П.Н. Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей. М., 1929. Ч. 2. С. 339.

¹⁰⁰ См.: Baehr S.L. Freemasonry in Russian Literature // *Handbook of Russian Literature*. New Haven, 1985. Baehr S.L. Freemasonry in Russian Literature: Eighteenth Century // *The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet Literatures*. Vol. 8. Кочеткова Н.Д. Масонство и литература // *Литературный энциклопедический словарь*. М., 1987.

История русского масонства имеет филологический, литературный аспект. Позволим себе один только пример. В списке кронштадтской ложи «Нептун» за 1781 год под номером 48 числится капитан-лейтенант, преподаватель морского кадетского корпуса Александр Шишков¹⁰¹. Разве столь бесспорный и красноречивый факт его долгой и бурной биографии не заставляет нас иначе взглянуть на жизнь и творчество этого выдающегося политического и литературного деятеля?

И здесь, как и в других случаях, надобна общая, коллективная работа представителей разных наук. Она, похоже, только начинается, ведется пока разрозненно, по "епархиям", т.е. по разным областям научного знания, и историки, прежде всего западные, пока опережают здесь литературоведов. К тому же в эту работу неизбежно привносятся разного рода ненаучные соображения, политические страсти и субъективные эмоции, в нашем истерично-политизированном обществе, увы, неизбежные, но в серьезной науке недопустимые. Ибо Россия по эмоциональным массовым настроениям все же остается страной антимасонской, хотя здесь давно работают ложи Великого Востока Франции и инсталлирована Великая ложа России¹⁰².

Интерес к масонству и его литературе сегодня огромен, но, как заметил в свое время философ Н.А. Бердяев, "этот интерес рожден на почве патологической мнительности и подозрительности... толком никто ничего о масонстве не знает"¹⁰³. Сегодня дело с изучением масонства в России обстоит много лучше, уже издано многое из классического наследия (книги А. Пыпина, Т. Соколовской, М. Лонгинова, Г. Вернадского, Н. Киселева, Т. Бакуниной-Осоргиной и др.), мы медленно продвигаемся вперед, и слава Богу.

¹⁰¹ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1185. Л. 2.

¹⁰² См.: *Лебедева Е.* Каменщики вне политики // *Московские новости*. 1995. № 56. 20-27 августа. С. 25. *Платонов О.А.* Терновый венец России. История масонства. 1731-1995. М., 1995. *Платонов О.А.* Исторический словарь российских масонов XVIII-XX веков. М., 1996. *Соловьев О.Ф.* Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. *Острецов В.М.* Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки. М., 1998. *Брачев В.С.* Масоны и власть в России. М., 2003. *Смит Д.* Работа над диким камнем: масонский орден и русское общество в XVIII веке. М., 2006. Антимасонским эмоциям отчасти посвящена и известная западная книга: *Piatigorsky A.* Who's afraid of Freemasons? The Phenomenon of Freemasonry. London, 1997. Она переведена при участии автора на русский язык в 2009 году.

¹⁰³ *Бердяев Н.А.* Жозеф де Местр и масонство // *Новый мир*. 1990. № 11. С. 224.

Литературоведы, занимающиеся творчеством писателей-масонов, начинают оглядываться на работу историков, философов и представителей других сфер науки. Свидетельство тому - всероссийская научная конференция "Масонство и русская литература XVIII - начала XIX веков", состоявшаяся 16 и 17 мая 1995 года в Институте мировой литературы Российской академии наук¹⁰⁴, и конференции «Философско-эстетические взгляды русских масонов» (23 января 1997 года) и «Масонство: посвятителеская традиция и современность» (24 апреля 1998 года), проведенные Институтом философии, ИМЛИ РАН и гуманитарным фондом «Гармония», за которым стояла Великая ложа России. «Масонские» темы появились и в программах тверских конференций по романтизму¹⁰⁵.

Одна из главных и поныне далеких от решения проблем в изучении русского масонства и его литературы - это тайный архив ордена вольных каменщиков, рассеянный по государственным хранилищам, бесчисленным личным фондам и собраниям лож и капитулов, коллекциям историков и архивистов. Часть этого собрания была уничтожена, значительные массивы рукописей еще не найдены, затеряны в частных коллекциях и областных архивах, зарубежных библиотеках. Их систематическое научное выявление, исследование и публикация требуют многолетней работы целого института, состоящего из ученых разных специальностей и архивистов, мощного компьютерного и полиграфического оснащения и значительных затрат на финансирование всей этой программы и связанных с ее выполнением научных мероприятий (конференций, симпозиумов, командировок) и издательских проектов (сборники статей, монографии, библиография).

Одновременно должна вестись и систематическая *коллективная* работа над библиографией отечественных и зарубежных работ по русскому масонству и составлением нового словаря или энциклопедии русского масонства, куда

¹⁰⁴ См.: Филологические науки. 1995. № 5-6. На основе этой конференции создан коллективный труд «Масонство и русская литература XVIII – начала XIX веков». М., 2000.

¹⁰⁵ См.: Сахаров В.И. Романтизм и масонство в России (к проблеме метода и преемственности) // Романтизм и его

войдет и орденовая литература¹⁰⁶. Вся эта работа в российских и зарубежных масонских архивах и библиотеках только начинается¹⁰⁷ и ведется пока разрозненно, усилиями отдельных российских и зарубежных ученых-энтузиастов¹⁰⁸. Такая понятная ограниченность личных возможностей ощутима и в предлагаемой книге.

Данная работа о русском масонстве видится автору как его посильный личный вклад в общее научное дело, как заведомо неполное (мы здесь не касались, например, драматургии масонов¹⁰⁹, ибо она связана с другим, чрезвычайно требовательным видом искусства, а подлинным масонским театром, как уже говорилось в известной работе В. Всеволодского-Гернгросса¹¹⁰, остаются логи), далекое от совершенства введение в историю и поэтику русской масонской литературы XVIII - начала XIX столетий. Мы вынуждены отказаться от изучения эпистолярной и мемуарной прозы масонов, хотя, естественно, пользовались ею как источником¹¹¹.

Литературный материал здесь, повторяем, огромен, особенно архивный; редкие масонские издания составляют целую библиотеку, причем они иногда сохранились в меньшем количестве экземпляров, нежели орденовые рукописи. Но отечественное литературоведение пока делает первые шаги, осваивая

исторические судьбы. Тверь. 1998. Ч. II. *Сахаров В.И.* Романтизм в России: эпоха, школы, стили. Очерки. М., 2004.

¹⁰⁶ См. ценнейшее, продолжающееся многотомное издание: *Словарь русских писателей XVIII века*. Л., 1988. Вып. 1-2.

¹⁰⁷ См.: *Серков А.И.* Судьбы масонских собраний в России // 500 лет гнозиса в Европе. Амстердам, 1993. *Серков А.И.* Русское масонство в эмиграции и гностическая традиция // 500 лет гностицизма в Европе. М., 1994. "Распространивший первые лучи..." Н.И. Новиков и русское масонство XVIII - нач. XIX вв. СПб., 1994. Новиков и русское масонство. М., 1996. *Новиков В.И.* Масонство и русская культура. М., 1998. *Серков А.И.* История русского масонства XIX века. СПб., 2000. *Соловьев О.Ф.* Масонство. Словарь-справочник. М., 2001. *Серков А.И.* Русское масонство. 1731-2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. *Соколовская Т.О., Лотарева Д.Д.* Тайные архивы русских масонов. М., 2007. *Соколовская Т.О.* Статьи по истории русского масонства. М., 2008. *Карпачев С.П.* Масоны. Словарь. М., 2008.

¹⁰⁸ См.: *Сахаров В.И.* Все о вольных каменщиках // НГ-религии. 2002. 19 июля.

¹⁰⁹ Разработка масонских тем и мотивов в русской драматургии только начинается. См.: *Одесский М.П.* Об "откровенном" и "прикровенном". София в комедиях В.И. Лукина // Литературное обозрение. 1994. № 3-4. *Одесский М.П.* Поэтика русской драмы: вторая половина XVII – первая треть XVIII в. М., 2004.

¹¹⁰ См.: *Всеволодский-Гернгросс В.* История русского театра. Л.- М., 1929. Главы "Дворянский "самодельный" театр" и "Масонство".

¹¹¹ См.: *Лазарчук Р.М.* Дружеское письмо второй половины XVIII в. как явление литературы. Л., 1972. *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII - первой половины XIX вв. От рукописи к книге. М., 1991. *Чекунова А.Е.* Русское мемуарное наследие второй половины XVII-XVIII вв. Опыт источниковедческого анализа. М., 1995. *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика и историческое сознание XIX в. М., 1997. *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XIX века (По материалам переписки). М., 1999. *Гончарова О.М.* Власть традиции и «новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII века. СПб., 2004. Гл. II.

сложнейший материал, и настоящая книга - один из таких начальных опытов научного понимания и описания масонской художественной литературы как феномена русской духовной культуры XVIII - начала XIX веков.

Полная академическая история этого литературного направления - дело будущего, она неизбежно возникнет на новом этапе развития нашего литературоведения как результат освобождения отечественной академической мысли от идеологических, религиозных и политических оков и схем (чему явно мешает участие некоторых видных историков масонства в работах лож, ставящее под серьезное сомнение их научную объективность и к тому же нарушающее ими же данную при вступлении в орден клятву не разглашать устно или письменно его тайны), открытия для *всех* ученых *всех* архивных собраний, разумной консолидации, коллективной работы и последовательной экономической поддержки лучших научных сил, активного и систематического международного сотрудничества.

Автор благодарит российских и зарубежных коллег-филологов, библиотекарей, историков, музыковедов, архитекторов и архивистов за помощь, доброжелательные советы и научную критику и выражает глубокую признательность Институту «Открытое общество» (Прага) за финансовую поддержку многолетней работы над данной книгой.

ГЛАВА 1

ПОЭЗИЯ РУССКИХ МАСОНОВ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПУТИ РАЗВИТИЯ, СИСТЕМА ЖАНРОВ, СТИЛЬ

Само понятие "масонская поэзия" на первый взгляд представляется "незаконным", весьма неясным и спорным. В нем ощущается нечто нефилологическое, парадоксальное сочетание литературного и нелитературного. Тот очевидный факт, что в масонских ложах в разное время состояли крупнейшие русские поэты (А.П. Сумароков, А.А. Ржевский, Ф.И. Дмитриев-Мамонов, И.Ф. Богданович, М.М. Херасков, В.И. Майков, А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин, С.С. Бобров и многие другие), не способствовал необходимым обобщениям. Помимо понятных цензурных и идеологических запретов советского времени здесь сказывается сложность проблемы: ведь масонскую поэзию трудно сразу увидеть и понять как художественное и историко-литературное целое, во всей полноте ее имен, произведений и изданий, в непростой и скрытой исторической динамике. Этому мешали и мешают не только внешние факторы и литературоведческие штампы, но и потаенность, зашифрованность самой масонской словесности, ее удивительный дар социальной и литературной мимикрии, принципиальная анонимность, способность и непонятная для "чистых" литераторов готовность существовать только в рукописном виде.

Для поэзии это тем более трудно, ибо лирика - дело очень личное, самозабвенный пир поэтического самолюбия и одновременно беззащитная открытость исповеди, она требует признания и сочувствия, слушателя и читателя, салона и эстрады, журнала и поэтического сборника. Здесь и речи быть не может о какой-то анонимности. К тому же русская масонская поэзия рождается в эпоху, когда лирика как самоценный род поэтического слова у нас только начинается.

Между тем ясны и черты типологического сходства между поэзией и масонством, позволяющие им соединиться и составить самостоятельное направление, поэтическую школу, оригинальный стиль. Это кружок (ложе), сплоченная литературная среда (орден вольных каменщиков), оригинальная философия творчества (масонское поэтическое мирозерцание), отбор и воспитание учеников в гимназиях, семинариях, пансионах и университетах (ученические ложи поучения и сама первая степень ученика), профессура (мастера и высшие степени шотландского масонства), журнальная и книгоиздательская деятельность. Для наших поэтов таинственное и романтическое масонство с его рыцарскими ритуалами, эзотерическим учением о внутренне сложном и свободном человеке стало оправданием и возвращением подлинной лирики (в том числе и любовной), что не помешало новому расцвету русской религиозно-философской поэзии. Символы, ритуалы и мифология ордена стали богатым и оригинальным источником образов и тем для поэм, од и малых поэтических жанров.

Поскольку поэзия, как и орден вольных каменщиков, живет и движется, прежде всего, личностями, неповторимыми индивидуальностями, то и здесь в основе всего конкретные имена, в истории русской литературы XVIII столетия давно известные, но в тайных архивах лож и капитулов заботливо скрытые или же просто уничтоженные. Но поскольку все списки и другие документы ордена сжечь или скрыть навсегда оказалось невозможным даже для профессиональных конспираторов, имена поэтов-масонов все чаще обнаруживаются, публикуются, и это обнародование многое открывает, меняет и уточняет в отдельных биографиях, общей теории и истории отечественной литературы, в наших представлениях о путях развития русской прозы, драмы, поэзии, перевода, критики и литературоведения, журналистики, книжного дела.

Все дело в том, что круг поэтов-масонов узок, включает считанные имена. Но какие имена! Литературовед Н.К. Пиксанов, столь много

сделавший для изучения жизни и творчества масона А.С. Грибоедова, точно заметил: "Исторически значимы основные масонские кадры"¹.

Вся сложность в том, чтобы эти кадры выявить. Это не удалось сделать всемогущей и многочисленной тайной полиции Российской империи на протяжении более чем двух столетий. Все масонские энциклопедии и словари неполны и неточны. И все же историкам литературы стоит попытаться определить по спискам лож и другим свидетельствам (тут важны масонские письма, мемуары, архивы той же тайной полиции) основной круг имен русских поэтов-масонов XVIII - начала XIX веков. Пропущенные фамилии неизбежно возникнут и будут добавлены в общий список позднее.

Уже в знаменитом доносе Михайлы Олсуфьева сообщен правительству "реестр" масонской ложи середины 1750-х годов, и в нем рядом с Романом Воронцовым, Михайлой Дашковым, Семеном Пушкиным, Мелиссино, каким-то итальянцем Векари стоят имена "бригадира Александры Сумарокова", князя М.М. Щербатова, Ф.И. Дмитриева-Мамонова, И.И. Болтина². Сумароков и Дмитриев-Мамонов - выдающиеся поэты той эпохи, Щербатов - не только историк и памфлетист, но и интересный прозаик и поэт. Болтин - тоже историк, но с точки зрения эпохи он литератор, писатель.

То есть в первом же до нас дошедшем списке масонской ложи очерчен литературный кружок, неожиданно появляются и сближаются известные писательские имена, почему-то изучаемые порознь. А ведь "реестр" Олсуфьева явно неполный, кого-то доносчик не стал по тем или иным соображениям называть. Но определенное единство, ядро, центр литературной среды в документе обозначены, далее следует искать не тайной экспедиции, а ученому-литературоведу.

¹ Пиксанов Н.К. Масонская литература // История русской литературы. М.-Л., 1947. Т. IV. Ч. 2. С. 57.

² Летописи русской литературы и древности. М., 1862. Т. IV. С. 51.

Ибо в центре этого кружка-ложи стоит крупнейший поэт и литературно-театральный деятель 1750-х годов - Александр Петрович Сумароков (1717-1777). Это не просто писатель, но учитель писателей и актеров. Сумароков ищет учеников, воспитывает новые поэтические дарования, опираясь на шляхетный, то есть кадетский корпус, литературно-театральные объединения и издания при нем и нарождающийся там же русский театр, директором которого становится. Возникает культурная среда, объединяемая литературным авторитетом Сумарокова, творческими исканиями его учеников, организационными и идейными принципами раннего русского масонства, журналами. О многом говорит письмо к учителю видного поэта и масона А.А. Ржевского: "Я вас начал почитать почти с ребячества, я видел ваши ласки ко мне с тех же пор"³. Это могли за ним повторить многие деятели русской культуры.

Сумароков деятелен именно в сфере литературы и театра, а не академической науки, как его великий соперник Ломоносов. Он создал новую русскую поэтическую школу. Историк Г.В. Вернадский справедливо назвал его "литературной силой раннего русского масонства".

Рядом с «мастером» Сумароковым появляются «ученики» - Федор Волков, И.П. Елагин, М.М. Херасков, А.А. Ржевский, другие молодые поэты. Важны деятельность и литературная позиция сумароковского журнала "Трудолюбивая пчела" (пчелиный улей - один из главных символов в масонском репертуаре⁴, обозначающий общее дело, братство и трудолюбие), но ученики писателя создают свой кружок и свой журнал - "Полезное увеселение", давший имя школе молодых сумароковцев. Что же их объединяет? Любовь к поэзии, авторитет и воззрения их учителя, новая эпоха в развитии русской лирической поэзии - одним словом говоря, литература. Но только ли она?

³ Отечественные записки. 1858. № 2. С. 588.

⁴ См. знак ложи "Александра к Пчеле" в кн.: *Лотарева Д.Д.* Знаки масонских лож Российской империи. М., 1994. С. 92.

Есть явные, самим издателем поставленные знаки, о которых напомнил американский исследователь А.А. Левицкий: «С самой первой виньетки в "Полезном увеселении" журнал Хераскова примыкал к символике, распространенной среди масонов на Западе, и особенно к гравюрному изложению дидактических трудов Коменского, изданному в середине XVII века, где наверху изображено почти то же воспроизведение солнца, луны, звезд и туч, как на виньете херасковского журнала»⁵. Но литературоведы на такие емкие символы внимания обычно не обращают. А зря... Ибо масонский текст не только неотделим от символа и изображения, но и требует его.

С точки зрения формы и текста, сквозь призму поэтики и стиля взглянул на этот поэтический кружок выдающийся литературовед Г.А. Гуковский, прошедший школу сухощавого тыняновского формализма, овладевший безотказными приемами анализа поэтического языка и уверенно сводивший к этому языку всю многосложную литературу. Язык - не человек и не его идеи, но в лирическом стиле личность, идейный мир поэта и его школы запечатлены исчерпывающе.

И отточенный формальный метод Гуковского в данном случае оказался эффективен и полезен, ибо, расшифровывая стиль поэтической тайнописи, выявил интересные особенности в творчестве молодых участников "Полезного увеселения", и, прежде всего странную для столь молодых, легкомысленных и богатых дворян, живших в галантный век любви и весьма вольных нравов, склонность к дидактике, исправлению пороков человека и несовершенства мира силою нравоучительного искусства: "Приступая к изданию журнала, Херасков и его единомышленники думали, что под влиянием их проповеди московское дворянство начнет быстро

⁵ *Левицкий А. Н.И.Новиков и М.М.Херасков. Масонская тема в творчестве. (Предпосылки для дальнейшего исследования.) // Новиков и русское масонство. М., 1996. С. 23.*

исправляться, покидать пороки, становиться добродетельным и культурным"⁶.

Но каковы источники этой дидактики? Каковы организационные основы литературного кружка Хераскова и смысл их проповедей? Может быть, в среде молодых стихотворцев (а здесь мы видим и И.Ф. Богдановича, и В.И. Майкова) стали действовать идеи и принципы масонской "божественной науки" и сложная этика ученической ложи, где нравоучение ценится превыше всего? Ведь в своих песнях масоны так характеризовали ложу:

В храме чистых Муз священном,
 Равном с вечностью времен,
 По собранье съединенном,
 Верны братья всех племен,
 Воспоем Творцу хваленье...⁷

В этих же торжественных песнопениях вольный каменщик с напоминающим уже пушкинскую лирику изяществом именовался "любимцем ложи чистых Муз" (мы сразу видим в таких случаях, откуда берутся те или иные устоявшиеся поэтические формулы)⁸. На печати Великой провинциальной ложи России, руководимой учеником Сумарокова поэтом И.П. Елагиным, изображены венок и лира, лежащие на четверугольном алтаре масонского храма. Это венок и лира античного бога поэзии Аполлона, который тем самым попадает в многоликий масонский пантеон высших существ. В таком храме рано или поздно будут служить подлинной поэзии, "чистым Музам", т.е. литературе. И «материнскую» ложу свою великий мастер Елагин и его друзья-литераторы потом называли ложей "Девяти Муз". Но к этой идее русским поэтам надо было прийти через долгую масонскую работу и понимание своих главных задач и целей.

⁶ Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. М.-Л., 1936. С. 41.

⁷ ГИМ. Ф. 450. № 558/б. Л. 1.

⁸ ГИМ. Ф. 342. Ед. хр. 159. Л. 41.

Этим и занялись в 1760-е годы молодые участники херасковского кружка. Если оно так (архивные документы и поэтические тексты дают немалые основания для подобных предположений), то мы имеем дело с зарождением и формированием нового литературного течения, в котором принимают участие почти все (за исключением Г.Р. Державина и еще нескольких поэтов) будущие властители русской поэзии. Организующей силой и источником творческих идей новых поэтов становится не классицизм (который для стихотворцев-масонов вовсе не отменен, но отходит в их творчестве на второй план и получает роль чисто служебную), а масонство как учение о жизни и человеке, философская эстетика.

Вот главные масонские кадры, которые будут позднее решать в отечественной поэзии если не все, то очень многое. И встретились они в кружке и ложе в очень важное для их и России судеб время. Молодые ученики поэта-масона Сумарокова объединились накануне екатерининского переворота, после которого для русской поэзии и ордена вольных каменщиков наступила новая благодатная эпоха. Многие из них оказались так или иначе к этой «революции» причастны, что изменило их военную, придворную, чиновничью и литературную карьеру.

Нас в этой сложной, плохо для писателей-масонов кончившейся эпохе интересует опять-таки организационный момент, укрепивший ранее наметившийся союз масонского ордена и художественной литературы, поэзии. Суть его в вырвавшихся у И.П. Елагина словах - "матерь наша Аглицкая ложа"⁹. И это поворот не только к новому центру, но и к новой литературе, чьи традиции были богаты и самобытны. Русское (в основном петербургское) масонство упорядочило и развило свою организацию и подчинилось Великой лондонской ложе. Поэт и историк Елагин стал Великим мастером Великой провинциальной ложи России, и в 1774 году

⁹ РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 255 (1). Л. 5об.

секретарь этой ложи драматург В.И. Лукин повез в Лондон масонские отчеты, и в их числе списки членов лож.

В английском масонском архиве эти уникальные по своей оригинальности и подлинности бумаги сохранились, опубликованы профессором Кембриджского университета Энтони Кроссом, и содержащийся там список петербургской ложи “Девяти Муз” больше похож на словник литературной энциклопедии. Это какой-то писательский клуб, а не собрание религиозных мыслителей.

Ложа подчиняется поэту Елагину и драматургу Лукину, в ней состоят поэты И.А. Дмитриевский, И.Ф. Богданович, А.А. Ржевский, Ф.Я. Козельский¹⁰. Елагину подвластны и другие ложи, куда вступают А.Н. Радищев, В.И. Майков и Н.И. Новиков и куда настойчиво приглашается Державин. Обратившись к словарю Т.А. Бакуниной и архивным документам, список можно значительно увеличить, но и так мы видим в одной только елагинской ложе “Девяти Муз” почти всех заметных петербургских поэтов. Сюда розенкрейцер Трубецкой хочет пригласить и Г.Р. Державина, о чем стоит поговорить особо.

Позднее центр масонского движения перемещается в Москву, там появляются Новиков и И.Г. Шварц, открываются новые ложи, возникает розенкрейцерский капитул. Другая традиция приходит на смену «аглицкой» - немецкая, более глубокая и мистическая. Масонство становится глубокой и влиятельной философией жизни, дает новое направление мыслям и творчеству. Орден ищет и находит молодых работников и мыслителей именно через литературу, через издательство и книжные лавки, журналы, газеты, университет и его гимназию и театр, студенческие литературные кружки и семинарии. И работа эта успешна, в масонских журналах и прочих изданиях появляются новые имена даровитых поэтов.

¹⁰ См.: Cross A.G. British Freemasons in Russia during the Reign of Catherine the Great. P. 63.

Но основные кадры масонов все те же, и чтобы еще раз в этом убедиться, достаточно сослаться на список московской ложи «Озирис» 1781 года, учрежденной и руководимой мастером стула князем Н.Н. Трубецким, сводным братом поэта-масона М.М. Хераскова. Здесь мы видим поэта и переводчика И.П. Тургенева, самого Хераскова, А.М. Кутузова, Н.И. Новикова («поручик, мастер и почетный член»), И.Г. Шварца, Ф.П. Ключарева и С.И. Гамалею¹¹. Опять тайный реестр ложи похож на материалы для биографического словаря русских писателей XVIII века.

Мы сослались только на несколько документов из тайных масонских архивов. Отбор их вполне субъективен, да и сами списки неполны и неточны. Но общее направление развития ордена вольных каменщиков и путь русской поэзии эти избранные реестры лож отражают: во второй половине XIX века наша молодая литература в своих духовных исканиях все более срастается с масонством, их содружество обогащает обе стороны и покоится на личных судьбах выдающихся русских поэтов.

Здесь нет и быть не может прямолинейных, изначально неточных выводов типа «был масоном – значит, писал только масонские стихи». Связи между орденом вольных каменщиков и литературой несравненно более тонкие и сложные, нежели анкетно-организационный принцип «состоял или не состоял в ложе». Потому в данном случае не годятся раздраженные возражения типа: «Вы всех русских поэтов зачислили в масоны», - каковые автору этих строк уже приходилось слышать.

Ученые никого никуда не зачисляют, тем более в масонскую ложу, им приходится работать с имеющимися литературными фактами и документами, ранее игнорировавшимися или же неизвестными. А эти документы и масонские «компоненты» в творчестве известнейших и забытых русских поэтов XVIII – начала XIX веков разительно меняют картину развития самой поэзии и всей литературы в целом, что и вызывает

¹¹ РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 378. Л. 1.

раздражение моих коллег, привыкших работать со старыми схемами. Один из них, ленинградец, ныне покойный, после своего доклада подошел ко мне на устроенной мной в Москве конференции и посетовал: зачем вы вообще придумали это масонство, раньше так было все понятно и удобно – классицизм, сентиментализм, просветительский реализм.

Удобно – не значит верно и научно. На самом деле все обстояло гораздо сложнее, можно было многие годы быть великим мастером или занимающимся поиском философского камня розенкрейцером и ни разу не обмолвиться в своей галантной лирике об орденовых идеях и символах. У В.В. Капниста масонские "компоненты" гораздо легче обнаружить, чем у Ю.А. Нелединского-Мелецкого или А.А. Дельвига. Ибо тут не было никаких орденовых нормативов и жестких, сковывающих поэта требований. А иногда не состоявшие в ложах стихотворцы создавали шедевры масонской поэзии (здесь главная тайна и загадка - мрачная "барочная" лирика Е.А. Боратынского).

Но может ли добросовестное, подлинно научное литературоведение игнорировать очевидную связь масонства и русской поэзии? Могло, очень даже могло, скажем мы осторожно и пока в прошедшем времени. Масонство как литература слишком долго было темой запретной, и понятна инерция автоматической самоцензуры советских ученых-литературоведов (других у нас пока нет), основанной на естественном в тоталитарном государстве чувстве самосохранения. И не удивительно, что порой сама неясность проблемы и неизбежные колебания относительно масонской поэзии принимали интересные формы.

Н.К. Пиксанов, например, решительно утверждал: "Русское масонство не оказалось в состоянии создать свой особый литературный стиль"¹². Но зачем же тогда писать о масонской "литературе без стиля" целую главу? Другой знаток и публикатор масонских песнопений А.В. Позднеев был в выводах

более точен: "Русское масонство стремилось создать свой стиль, свою поэзию, и это ему в какой-то мере удалось"¹³. Хорошо, что уже в самом начале изучения столь сложной "материи" наметилось здоровое разномыслие.

Однако, приступая к конкретным исследованиям, ученые брали творчество какого-нибудь поэта-масона, вскользь упоминали о его принадлежности к ордену или же чаще умалчивали о ней и находили в этом творчестве подтверждение любой своей теории. И мы получали очередного представителя "просветительского классицизма", "просветительского реализма" или сентиментализма.

Здесь особо примечателен традиционный подход к Михаилу Матвеевичу Хераскову (1733-1807). Поэт "проходит" в академических трудах и вузовских учебниках и как крупнейший представитель русского классицизма, и как "отец" сентиментализма, и как просветитель. Для одного писателя это много. Почувствовав сложность ситуации, мой старший коллега по ИМЛИ РАН, потомок Тютчева К.В. Пигарев так попытался выйти из не им созданного неловкого положения: "В некоторых случаях, по-видимому, придется говорить об отсутствии единого творческого метода. Примером такой непоследовательности может служить творчество Хераскова"¹⁴. Как же мог столь непоследовательный, эклектичный писатель "без метода" создать многотомное собрание сочинений, стать одним из крупнейших поэтов эпохи?

Не случайно в сборник поэзии Хераскова, вышедший в 1966 году в Большой серии "Библиотеки поэта" (издания традиционно авторитетного, академического), включены в основном его "домасонские" нравоучительные и анакреонтические оды. Изъяты поэмы и философические оды, где явственно прочитываются идеология и символика

¹² Пиксанов Н.К. Масонская литература. С. 84.

¹³ Позднеев А.В. Ранние масонские песни // Scando-Slavica. Copenhagen, 1962. Vol. VIII. S. 30.

¹⁴ Пигарев К.В. К вопросу о русском классицизме // Проблемы Просвещения в мировой литературе. М., 1970. С. 105.

ордена вольных каменщиков. Херасков превращен в образец классицизма, трактуется как автор "Россияды". И сделано это сознательно и целеустремленно. Вот что получается, когда исследователи игнорируют тот очевидный, до революции изученный и доказанный факт, что зрелый Херасков в своих творениях был прежде всего масоном и что существовала масонская поэзия как самостоятельное, оформленное литературное течение.

Другое характерное недоразумение, тоже происходящее из сознательного заблуждения и умолчания литературоведов, - намеренно завышенная и уже поэтому неверная оценка творчества Ивана Петровича Пнина (1773-1805), поэта менее значительного, но более "передового", чем «консервативный» вельможа Херасков. Он везде числится как выдающийся демократ-антикрепостник, просветитель, печатается в поэтической антологии "Поэты-радищевцы", ибо воспел жизнь и деяния автора "Путешествия из Петербурга в Москву", с которым познакомился лишь в 1802 году.

Что же все эти громкие, но общие определения означают? Да ничего или же очень мало, ибо в них нет конкретно-исторического смысла. Даже пресловутое "просветительство" Пнина вовсе не означает его принадлежности к поэзии классицизма. Разве вольнолюбивый масон Новиков не был великим просветителем?

А вот конкретные литературные и биографические факты. И.П. Пнин был незаконным сыном виднейшего масона и вельможи, князя и фельдмаршала Н.В. Репнина (впрочем, таково общепринятое мнение П.А. Орлова и Ю.М. Лотмана, а осведомленный М.Н. Лонгинов считал отцом поэта другого известного масона, князя Петра Ивановича Репнина), т.е., по орденской терминологии, "луфтоном", получил соответствующее домашнее воспитание, поступил в 1782 году в Благородный пансион при Московском университете, эту созданную и умело управляемую Херасковым и другими масонами школу для избранных своих питомцев. Там, по всей видимости, юноша начал писать стихи, что входило в пансионскую программу и

поощрялось куратором-поэтом. Учился он и в Артиллерийском и инженерном корпусе, где преподавал масон А.Ф. Бестужев. Путь Пнина в орден вольных каменщиков, как видим, был определен изначально, чему способствовали круг родственников и знакомых и дружба с таинственным И.Н. Инзовым.

В поэзии он также избрал уже сложившуюся традицию, стал следовать масонской школе стихотворства, и очевидный политический радикализм молодого поэта этому вовсе не противоречит (вспомним оды того же Радищева), напротив, он характерен для нового этапа в истории ордена, когда масоны, причастные к успешному дворцовому перевороту 11 марта 1801 года, были полны надежд на "дней Александровых прекрасное начало" (Пушкин), на возрождение своего тайного общества и его активную политическую и литературную деятельность. Поэзия также стала тяготеть к политическим темам (мы увидим это позднее, когда будем говорить в четвертой главе о масонских одах в честь императора Александра I).

Радищева Пнин воспел в стихах не как революционного демократа, а как старшего собрата по ордену, причем сделал это в соответствующих ритуальных формулах, близких к погребальным масонским одам-панегирикам и обрядам траурной ложи ("Сей друг людей, сей друг природы, кто к счастью вел путем свободы" и т. п.). Во всех начинаниях и передовых идеях поэта-демократа прослеживается эта тайная и сложная связь с орденом и "братьями".

Вместе с флотским офицером (видимо, они вместе служили и участвовали в войне со шведами) и литератором-масоном А.Ф. Бестужевым, отцом знаменитых декабристов-масонов, Пнин в 1798 году издавал "Санкт-петербургский журнал", причем делалось это еще при жизни императора Павла I на деньги цесаревича Александра Павловича и его молодых друзей-масонов П.А. Строганова, Н.Н. Новосильцева, А. Чарторыйского. Это был единственный тогда печатный орган масонской оппозиции, допущенный

Павлом I. Здесь публиковались политические трактаты западноевропейских просветителей, многие масонские произведения, и в том числе неизвестные рукописи Фонвизина. Знакомство поэта с возвращенным из Сибири писателем-масоном Радищевым также возникло на организационной орденовой основе, сродстве философских, политических и литературных идей.

И завершается эта тайная страница биографии Пнина тем интересным обстоятельством, что траурное стихотворение "На смерть Пнина" пишет Н.Ф. Остолопов, один из виднейших масонских поэтов Александровской эпохи. Очевидно, что стихотворение это ритуальное, написано для траурной ложи и лишь потом прочитано на поминальном заседании Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, куда входили многие писатели-масоны.

Эта цепь фактов и биографических черт многое объясняет и в поэтическом наследии Пнина. Его философические оды "Слава", "Человек", "Бог" принадлежат к масонской духовной поэзии, развивают ее деистические идеи о Великом Архитекторе Вселенной, системе мира и чертеже натуры, о человеке как венце и светоче природы, здесь та же тяжеловесная барочная риторика, аллегории, дидактический пафос, мистическая антропология. Здесь нет ничего «дворянско-революционного» или «революционно-демократического».

Религиозно-политическая лирика Пнина живет орденовой мифологией. Это ясно любому ее непредвзятому читателю, но изъять творчество И.П. Пнина из сборника поэтов-"радищевцев" и поместить его в грядущую антологию "Масонская лира" никак не удастся, ибо фантастические поэты-"радищевцы" в истории русской литературы есть, мифический "просветительский реализм" тоже там имеется, а масонской поэзии как литературного течения нет, не существуют и все орденовые связи и мысли Репнина-сына. То есть игнорируется конкретный историко-литературный

контекст, а в нем и нужно согласно нормам литературоведения читать просветительские идеи и вольнолюбивые стихотворения И.П. Пнина, существования и значения которых никто не отрицает.

И все же русская масонская поэзия существует и в своем реальном, печатном и рукописном бытии не зависит от суждений историков литературы. Другое дело, что она является частью единой орденовой мифологии и философии культуры. "Масонство есть древнейшая таинственная наука, святой премудростью называемая... Она все прочие науки и искусства в себе содержит", - говорится в известной записке поэта и великого мастера провинциальной ложи И.П. Елагина¹⁵.

Поэзии здесь определено место среди сфер тайного орденового знания. Ибо в рукописи "Мысли о ходе и порядке масонства" из архива ложи "Астрея" сказано ясно: "Предполагается, что свободное каменничество есть наука, заслуживающая уважения, требующая всего внимания человеческого, яко необходимая для его временного и вечного блага, то сия наука, яко из всех высочайшая, должна иметь свой классический порядок, устроенный ход и точное систематическое преподавание тех ведений, или познаний, кои в себе сия высокая наука заключает"¹⁶.

Эта философическая трактовка предполагает очень серьезное, педантичное отношение к весьма вольному и внешне беспорядочному, неуправляемому поэтическому слову и мышлению орденовых стихотворцев. Для русских масонов характерен теоретический, научный подход к поэзии. Разумеется, таков был век Просвещения, эпоха классицизма, ставшая царством литературных канонов, правил и нормативных поэтик¹⁷. О науке стихотворства рассуждают не только Буало и Лагарп, но и А. Кантемир, Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков, Ржевский, Херасков, молодой

¹⁵ Русский архив. 1864. Стб. 599.

¹⁶ Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (далее ИРЛИ). Р I. Оп. 44. Ед. хр. 39. Л. 1об.

¹⁷ См.: Курилов А.С. Литературоведение в России XVIII века. М., 1981. Смирнов А.А. Литературная теория русского классицизма. М., 1981.

Карамзин - т.е. все заметные поэты XVIII столетия. В каждом отдельном случае их рассуждения выглядят как личное мнение, рассказ творческого человека о своем ремесле.

Трудно выделить во всех пестрых теориях, трактатах и полемических статьях XVIII столетия "масонский слой", но сделать это можно, ибо единая поэтика с какого-то момента литературного развития оформляется, скрытно существует и осторожно высказывает свои обязательные для стихотворцев ордена требования и правила как суждения независимого поэта. Но масоны и здесь идут гораздо дальше просветителей, заменяя их заранее обозначенные каноны новым отношением к поэзии как части орденской "божественной науки". Поэтому они тоже начинают с конца, то есть с теории поэзии.

Масоны вообще внимательны к "словесным наукам" (напомним, что юному Радищеву их преподавал в Лейпцигском университете профессор-масон и знаменитый поэт Х.Ф. Геллерт), т.е. к той их части, которую мы сегодня называем теорией литературы, литературоведением. Они и в этой важной области знания много переводили и издавали - того же Гуэция (в их транскрипции). Конечно, выбранные ими теоретики чаще всего не были масонами, но у них наши вольные каменщики находили свое, сходные мнения и пафос, образцы европейской словесной науки, подтверждение собственной правоты. Масонская оригинальная теория и история поэзии в России рождались из переложения умело отобранных и переосмысленных "чужих" идей на быстро оформляющийся язык отечественной культуры, и здесь важна деятельность молодых талантливых "переводчиков идей", скоро ставших ведущими деятелями русской литературы.

Здесь показательна литературная деятельность молодого Д.И. Фонвизина, знаменитого впоследствии драматурга, прозаика и поэта. Будучи студентом Московского университета, он стал близок к тамошней немецкой профессуре и, следовательно, к существовавшей при университете

масонской ложе, скрывавшейся за кулисами литературного кружка-салона Хераскова.

Разумеется, юноша поначалу и не догадывался, что его любимый профессор и учитель немецкого языка Иоганн Готфрид Рейхель (1727-1778), этот даровитый предшественник знаменитого И.Г. Шварца¹⁸, состоит в ордене вольных каменщиков. Но молодой профессор, читавший увлекательные лекции по всеобщей истории¹⁹, философии, риторике и литературе и являвшийся к тому же университетским библиотекарем, сразу заметил живой ум, острый язык и природный литературный талант своего русского студента с дворянской немецкой фамилией фон Визин, потомка рыцарей-меченосцев, и предложил ему переводить для университетского журнала "Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия". Смысл этого просветительского издания выражен в его втором названии - "Смешанная библиотека". Все дело в том, кто и что отбирает для этой "библиотеки", какая смесь идей и произведений образует журнал, определяет позицию главного редактора, каковым фактически и был немец-профессор, действовавший с ведома и одобрения Хераскова.

Сразу образовалась характерная масонская "цепь" влияния: создатель университета и хозяин литературного салона И.И. Шувалов, куратор Херасков, учитель-мастер Рейхель (его, кстати, не надо путать с гвардейским аудитором бароном И. фон Рейхелем, возглавившим русское масонство в 1770-е годы), талантливый ученик Фонвизин, знающий свое дело книгопродавец и издатель Людвиг Вевер, журнал, книга (ибо Фонвизин стал переводить и романы, о чем речь ниже), университетская типография, читатель. Это уже та продуманная схема выхода в литературу и обретения общественного влияния на читателей, то посеянное М.М.

¹⁸ См.: *Петров Ф.А.* Немцы профессора в Московском университете. М., 1997. С. 33-35.

Херасковым и Рейхелем в Московском университете культурное зерно, из которого впоследствии выросло всероссийское "дело" издателя и книгопродавца Н.И. Новикова, соученика Фонвизина, занявшегося переводами, изданием и продажей книг, журналов и газет при содействии того же Вевера²⁰.

Среди "образцовых" иностранных сочинений, отобранных и данных Рейхелем Фонвизину для перевода, было и "Господина Ярта рассуждение о действии и существе стихотворства", взятое из французского журнала. Конечно, в нем нет ничего масонского, но поэзия представлена Яртом как "высокая наука", как последовательное воспитание чувств. Ключевое слово его трактата - "*сердце*". Это суждение после открытий Руссо и европейского сентиментализма стало общим местом, но в 60-е годы и тем более в России звучало как смелая новация, как литературная ересь.

"XVIII век был воспитан в психологическом бескорыстии, т.е. в не-лиризме", - напоминает нам Л.В. Пумпянский²¹. В эпоху весьма холодных, напыщенных и возвышенных стихотворцев-одописцев Ярт с помощью юного переводчика Фонвизина говорит русским поэтам о лирическом вдохновении как о "чрезмерном движении души", "божественном восхищении" и так определяет поэзию: "История ее есть история чувствия"²².

Отсюда выводится мысль о законном главенстве лирической поэзии как вида литературы, ибо новая проза слишком слаба, еще не обладает разработанным языком, приемами повествования, всеми художественными средствами для выражения сильных и сложных страстей. Для поэтов-масонов очень важно суждение авторитетного иностранного теоретика об одах духовных, их излюбленном жанре: "Сердце одно может сердце

¹⁹ Они были переведены с латыни его учеником Аполлосом и посвящены цесаревичу Павлу Петровичу. См.: *Рейхель И.Г.* Краткое руководство к познанию натурального, церковного, политического, экономического и учебного состояния некоторых знатнейших европейских государств. М., 1775.

²⁰ См.: *Некрасов С.М.* Апостол добра. Повествование о Н.И.Новикове. М., 1994. С. 18-19.

²¹ *Пумпянский Л.В.* К истории русского классицизма (поэтика Ломоносова) // Контекст-1982. М., 1983. С. 315.

возвысить к Богу"²³. Ибо именно возвышенный авторский лиризм, очевидная «неканоничность» идей и образов и смелость поэтической мысли отличают масонскую "оду духовную" от традиционно-государственной, живущей внеличностным восторгом ломоносовского изобретения, и чисто религиозной²⁴.

Мы привели здесь этот характерный пример раннего обращения русских писателей-масонов к литературной теории для того, чтобы ясна была постоянная связь творческой мысли орденских поэтов с поэтикой и риторикой, принципиальная научность их подхода к поэтическому слову. Ибо за переводами следуют подражания и оригинальные сочинения. Каков характер этой сложной самобытности, из какого подражания она вырастает, - вот главный вопрос, требующий нового осмысления. И здесь особо важны теоретико-литературные воззрения писателей-масонов.

Ибо значительная часть русских книг, трактатов и статей по теории и истории поэзии написана масонами - от часто переиздававшихся, служивших учебным пособием для многих поколений русских образованных людей "Правил пиитических" архимандрита Аполлоса (А.Д. Байбакова, "человека духовного звания, близко стоявшего к масонам"²⁵, литератора, переводчика и ученика Рейхеля) до не менее известного трехтомного "Словаря древней и новой поэзии" Н.Ф. Остолопова.

Здесь слышны очень интересные переклички мнений, частные споры и согласие по центральным проблемам литературной теории: достаточно сравнить основные положения переведенного юным Фонвизинным трактата Ярта и определение поэзии из книги Аполлоса: "Поэзия, или стихотворство, есть наука всякую вещь или данную материю лирически или по мере стоп описывать с некоторым подражательным вымыслом к пользе и увеселению

²² Собрание лучших сочинений к распространению знания и произведению удовольствия. 1762. Ч. III. С. 134.

²³ Там же. С. 142.

²⁴ См.: Семенова Е.В. Система жанров русской духовной поэзии XVIII века. М., 2001.

²⁵ Лауэр Р. Рецепция как трансформация. Особенности русского усвоения западных литературных форм в XVIII столетии. S. 117.

слушающих или читающих"²⁶. Аполлос сам составляет маленький словарь литературоведческих понятий (впоследствии вышедший отдельным изданием), дает важные для понимания масонской поэтики определения символа, иероглифа ("гиероглифика") и загадки, восхищается поэтическим мастерством М.М. Хераскова, и эти страницы его книги объяснимы лишь связью архимандрита с орденом вольных каменщиков.

Те же темы, проблемы и слова-"сигналы" встречаются у других масонских историков и теоретиков поэзии. Это обстоятельство заставляет иначе взглянуть на их многочисленные статьи и высказывания о поэзии, увидеть в этих внешне разрозненных, часто друг другу противоречащих личных мнениях и субъективных идеях целостную теорию литературного творчества, мнение поэтической школы, литературного направления, часть орденской "высокой науки". Ибо, как заметил И. Штарк, сам орден вольных каменщиков является "стихотворцем таинств"²⁷.

От "божественной науки" масоны-литераторы приходят к поэтике, и часто их теоретические суждения о поэзии высказаны стихами вослед эпистолам Сумарокова. В сфере "художеств", и прежде всего в поэзии, это образное, глубоко идеалистическое, романтическое мирозерцание неизбежно порождало особый творческий метод, постепенно объединивший очень разных писателей в литературную школу, в целостное направление - масонскую литературу. Поэзия занимает в ней главное место, оттеснив еще не развившуюся прозу и слишком зависимую от деспотического классицистского театра драму (кстати, тоже написанную стихами и близкую к эпической поэме и масонской "оде духовной") на второй план.

Здесь отразились общий характер развития русской литературы второй половины XVIII века и особенности самой масонской изящной словесности, которая, конечно, была не только литературой. Огромное значение имели

²⁶ Аполлос. Правила пиитические. М., 1790. С. 5.

²⁷ Штарк И. О древних мистериях, или таинствах, бывших у всех народов. М., 1785. С. 175.

переходное состояние русского литературного языка, находившегося в стремительном становлении и развитии, сложное отношение писателей-масонов к наследию мировой литературы и неожиданное на первый взгляд возрождение эзотерической традиции древности и средних веков в культурную эпоху Просвещения, высокомерно презиравшую всю эту "дикую", "ненаучную" архаику и мистику.

У масонской поэзии есть свои источники и образцы разных литератур и эпох, из которых черпала она идеи и образы или, точнее, образные, то есть *художественные* идеи. Прежде всего это, конечно, Библия, Ветхий завет, учение о сотворении мира и человека, о грехопадении и возрождении. В Новом же завете поэтов-масонов привлекало Евангелие от Иоанна, всегда лежавшее раскрытым на аналое-алтаре ложи. Псалмы стали для них школой религиозной поэзии, философической оды, образцом величественного поэтического цикла.

Христианской традицией масонские поэты не ограничивались. К книгам отцов западной (Августин, Фома Кемпийский и др.) и восточной церкви, сочинениям Дионисия Ареопагита, Григория Назианзина и Григория Паламы присоединялись священные поэтические книги Востока - древнеиндийская "Бхагавадгита", переведенная А.А. Петровым как "род мистической поэмы", только тогда, в 1771 году, найденная и опубликованная в Париже и сразу же оказавшаяся в библиотеке И.П. Тургенева зороастрийская "Зенд-Авеста", Талмуд, этот главный источник средневековой каббалистической эзотерики, трактаты мусульманских мистиков и алхимиков. Но не следует забывать, что книги эти масонское поэтическое сознание воспринимало чаще опосредовано, через не менее художественную теософию XVII века в духе барочного мыслителя Я. Бёме, созданную идеологами ордена.

И здесь величественные, тяжеловесные и дисгармоничные идеи и символы масонской "таинственной науки", опиравшейся на мировую

эзотерику, давали богатую пищу творческой фантазии поэтов. Мистический идеализм вызывал к литературной жизни сложные сюжеты, далекие от реальности и рождавшиеся из орденовой мифологии. В предисловии к дидактико-религиозной поэме "Вселенная" М.М. Херасков прямо говорил: "Творение сие есть плод моего воображения"²⁸. Но помимо Библии и творений западных и восточных мистиков он называет и другие свои образцы для подражания ("За ними шествую...") - поэмы англичанина Д. Мильтона "Потерянный рай" и немца Ф. Клопштока "Мессиада", которую намеревался переводить Державин и которая повлияла на «Демона» Лермонтова.

Как и всякая литературная школа, масонская поэзия имеет предшественников и учителей, истоки и традиции, сама их выбирает и называет. Возникает новая, новаторская при кажущейся архаичности традиция философического стихотворства, характеризующаяся сознательным уходом от норм классицизма к более архаичным, сильным и величественным явлениям мировой поэзии, последовательной сменой литературных вех - от французской поэтической культуры к немецкой (см. работы Пумпянского и Лауэра). Да, это барокко, но новое, иное, нежели в XVII веке, прошедшее через строгую школу эзотерической философии, европейского классицизма и изящную вязь рококо.

Следует вначале обратить внимание на масонские переводы из западноевропейских поэтов. Здесь, как всегда, характерен уже сам сознательный, целенаправленный выбор имен и произведений. Поэма "Избиение младенцев" знаменитого итальянца Марино, давшего имя целому направлению в поэзии европейского барокко - маринизму, московский цикл Пауля Флеминга, книга философических стихотворений-афоризмов немецкого мистика Ангелуса Силезиуса "Райские цветы", переведенные Аполлосом "Песни духовные" Х.Ф. Геллерта, "Потерянный рай" Мильтона

²⁸ Херасков М.М. Творения. М., 1796. Ч. III. С. 25.

(еще в 1745 году появился перевод А.Г. Строганова под названием *“Погубленный рай”*, сделанный с французского издания), дидактическая поэма А. фон Галлера *“О происхождении зла”*, *«Мессиада»* Клопштока в переложении А.М. Кутузова, *“Музариона”* и *“Оберон”* К.М. Виланда, *“Смерть Авеля”* С. Геснера, *“Ночи”* и *«Страшный суд»* англичанина Э. Юнга, фонвизинский прозаический перевод библейской поэмы П.-Ж. Битобе *“Иосиф”* - все свидетельствует об устойчивом интересе русских масонов-литераторов к поэзии философической, “сюжетной”, отличающейся мощью тяжеловесных витиеватых образов, насыщенной архаизмами и библеизмами, сложной “барочной” символикой и риторикой, своего рода апокалиптичностью, более эпической, нежели лирической. В самих именах и названиях мы видим и смену поэтической географии - Германия, Англия, Италия, т.е. периферия литературы классицизма, где вдали от французских теоретиков, давления парижских мод и мнений смогли сохраниться и спокойно работать “неправильные”, неклассические поэты.

Масонами отбираются родственные явления в поэтическом наследии Ренессанса и барокко. В названных выше поэтах наших писателей привлекали в первую очередь мысли, их глубина и взаимосвязь, философский смысл высокого поэтического слова. Отсюда интерес масонов к “сюжетным” жанрам, где в аллегориях и символах разворачивается мир идей, - дидактической поэме, оде духовной, переложениям псалмов.

Поэтический язык еще не развит, явно недостаточен, не успевает за миром идей, за философией и мифологией, и формой для них на первых порах становится та же барочная проза, должным образом ритмизованная и впоследствии переходящая в белый стих (ею написана даже “священная трагедия” Аполлоса “Иеффай”). Недаром молодой Н.М. Карамзин и его друг и “брат” по ложе А.М. Кутузов переводят целые немецкие и английские поэмы прозой и сами пишут белым стихом, а их талантливый

предшественник, поэт-масон Ф.И. Дмитриев-Мамонов переложил прозой с французского "Овидиевы превращения". Даже казанский масон С.А. Москотильников сделал прозаический перевод «Освобожденного Иерусалима» Тассо.

Так что Ю.М. Лотман имел право говорить о масонской поэзии: "Отношение к легкому стихотворству здесь было резко отрицательным"²⁹. Так оно и было, хотя, конечно, и здесь необходимы серьезные оговорки и уточнения. Ведь и у не очень близкого им Ломоносова масоны находили и ценили свое, им созвучное – оба "Размышления о Божием Величестве" и "Оду, выбранную из Иова", величественно-риторические философско-религиозные произведения, родственные масонским "одам духовным" и восходящие к их излюбленному образцу - поэзии западноевропейского, точнее, немецкого барокко, за которым стояли философия розенкрейцеров и идеи И. Ньютона.

Причем и сами образцы меняются, переосмысливаются, переводятся очень вольно, что мы встречаем потом в классической школе перевода Жуковского и других романтиков, учитывавших масонский опыт. Даже у Ж.Б. Расина выбираются для перевода не изящные и весьма лиричные псевдоримские трагедии (напомним, что строгий теоретик Ярт не без оснований рассматривал этого великого поэта именно как лирика, то есть как "слабого" драматурга-трагика), а тяжеловесные библейские драмы, в своей "барочности" и темноватой архаической символике близкие к псевдоэпическим и аллегорическим масонским поэмам.

И в то же время поэтам русского масонства совсем не чужда легкая, изящная лирика в стиле рококо, красивые правильные стихотворные формы вроде сонета, в их журналах постоянно встречаются рондо, фигурные стихи, мадригалы, любовные песенки - вспомним анакреонтику Сумарокова, молодого Хераскова и С.И. Гамалеи, прециозную поэзию видного

петербургского масона А.А. Ржевского, галантную поэму Ф.И. Дмитриева-Мамонова "Любовь", ранние стихотворения В.И. Майкова, безымянную лирику новиковских журналов.

Здесь масонская поэзия преобразается, уходит от темной мистической глубины, насыщенной философичности, тяжеловесности и витиеватости, явно обозначенной орденской символики. Возникает неожиданное на первый взгляд, а на самом деле закономерное соединение, казалось бы, несоединимых черт - тяжеловесной темноватой глубины философического барокко, торжественного восторга и витиеватой риторики классицизма, радостно-легкомысленной лирики рококо, где может свободно явиться нежный Богданович со своей «Душенькой». Об этой особенности масонской поэзии говорил А.А. Морозов: "Это совмещение отнюдь не представляло собой механический конгломерат заимствованных элементов различных стилей, а возникало в результате их сложного взаимодействия, часто порождавшего внутренне противоречивые, но все же целостные произведения, отвечавшие индивидуальной манере поэта"³⁰.

Добавим, что они отвечали и общему стилю самого литературного направления. Масонская поэзия при всей ее дидактической монотонности сознательно основана на контрастах, постоянно использует и переосмысливает темы, стили и жанры, разработанные в разных поэтических школах. Но воспринимает это "чужое" как "свое", как материал для законных творческих экспериментов; в "готовые", "пустые" стихотворные формы вливается мощный поток совершенно им не соответствующих, часто просто чуждых и враждебных творческих идей, новых мировоззренческих и эстетических отношений к человеку и действительности.

²⁹ Лотман Ю.М. Поэзия 1790-1810-х годов // Поэты 1790-1810-х годов. М.-Л., 1971. С. 40.

³⁰ Морозов А.А. Судьбы русского классицизма // Русская литература. 1974. № 1. С. 20.

Это поэтическое сознание развивается во времени и литературе - от Сумарокова к позднему Хераскову, Радищеву-поэту, С.С. Боброву, М.А. Дмитриеву-Мамонову, Н.Ф. Остолопову, Г.С. Батенькову и Ф.Н. Глинке. Поэтому масонские поэмы, оды и прочие сочинения в стихах далеко уходят от своих образцов, созданных литературой позднего барокко и классицизма, и не превращаются в сентиментализм, хотя иногда приближаются к нему. Никакого сентиментализма не существовало, когда в "пре-масонском" журнале Сумарокова "Трудолюбивая пчела" за 1759 год появились направленные против капитальных идей классицизма и Просвещения поэтические строки:

Трудится тот вотще,
Кто разумом своим лишь разум заражает...
Но стихотворец тот, кто сердце заражает
И чувство изображает,
Горячую имея кровь³¹.

А переводчик Юнга А.М. Кутузов в 1782 году писал своему коллеге и "брату" по ордену И.П. Тургеневу: "Сердце мое управляет пером сим и так весьма естественно, что живо оно себя тут изображает"³². Такое отношение к литературе как к лирическому, т.е. высказывающему авторскую душу и сердце творчеству рождалось в масонской поэтической школе, которую прошел и Руссо.

Поэтому Н.Д. Кочеткова лишь отчасти права, когда пишет: "Масонство было во многом философской основой для нового направления - сентиментализма"³³. Это разные явления (масонство шире, действует в общественной жизни, политике, религиозной сфере, живописи, архитектуре, музыке) и направления, многие творческие их идеи и искания имели одни

³¹ Трудолюбивая пчела. 1759. Август. С. 482.

³² Лотман Ю.М. "Сочувственник" А.Н.Радищева А.М.Кутузов и его письма к И.П.Тургеневу // Ученые записки Тартуского гос. университета. Тарту, 1963. Вып. 139. С. 298.

источники, они развивались параллельно, пути их иногда пересекались. Масон Карамзин в России, как и масон Жан Жак Руссо во Франции, стал создателем и вождем сентиментальной литературы, это вполне закономерно.

Ибо оказался важен и необходим опыт масонства в эстетической, философской и литературной сфере, орденовая концепция человека, открывавшая новые горизонты и пути для романа и подлинной лирики. И все же в русской литературе XVIII века масонство не стало прямым предшественником сентиментализма, оно не сошло на нет после его зарождения, спокойно просуществовало в литературе еще несколько десятилетий, у него были свои капитальные цели и литературные ориентиры, свои поэтические кадры.

Масонство и в XIX столетии продолжало оставаться заметной литературной силой, воздействуя не только на Ф.Н. Глинку и других поэтов-декабристов, но и на молодого Пушкина, Вяземского, Боратынского, М.А. Дмитриева и даже В.Г. Бенедиктова. Высказано предположение о масонских корнях философии природы Тютчева (К. Касама), что при подтверждении этой спорной гипотезы реальными фактами сможет, наконец, объяснить таинственные и важные причины (их знал Пушкин) снятия в 1836 году *духовной* цензурой двух важнейших строф его знаменитого философско-религиозного стихотворения «Не то, что мните вы, природа...» Не было и не могло быть механической "смены" одного поэтического направления другим - уже хотя бы потому, что масонство как феномен русской духовной культуры больше, чем литература.

Его поэзия пестра и разнолика. Ибо сама идейная и организационная пестрота русского масонства, соединявшего в своем сложном, десятилетиями развивавшемся организме много "систем" и орденов

³³ Кочеткова Н.Д. Идеино-литературные позиции масонов 80-90-х годов XVIII в. и Н.М. Карамзин // Русская литература XVIII в. Эпоха классицизма. М.-Л., 1964. С. 195. Ср.: Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. Эстетические и художественные искания. СПб., 1994.

(шотландская, шведская и прусская системы, клерикат И. Штарка, тамплиерство, розенкрейцеры, иллюминаты и т.п.), неизбежно отражалась в литературной практике орденских поэтов.

Уже великий мастер Елагин говорил о великом разномыслии в ордене, где каждый искал личный путь спасения и духовного самоусовершенствования. "Масонство не было едино и в малой степени", - справедливо утверждал Г.А. Гуковский³⁴. И все же излишне доверялся масонской мимикрии и хитроумной тактике тайного общества. Ибо существовало внутреннее единство идей и стратегических целей, в том числе и литературных, соединявших все эти "системы", ложи и капитулы в целостное явление мировой истории и духовной культуры.

Ведь внешняя пестрота и многоликость изначально были защитной маской, умело отводившей удары карательных государственных служб от сердцевины ордена вольных каменщиков на те или иные боковые, второстепенные его ответвления. Вспомним, что писали русские масоны немецкому "брату" и покровителю герцогу Фердинанду Брауншвейгскому: "Внешний образ, различные внешние степени, учреждение и подчиненность лож кажутся нам совершенно условными"³⁵.

Масонство, и в том числе литературное, духовно едино. Масонская поэзия, следуя неписаным правилам ордена, иногда неразличимо "сливается" с классицизмом, иногда "срастается" с сентиментализмом, позднее оказывает воздействие на лирику романтиков, но никогда не равна им, служит собственным целям, используя чужую творческую оболочку, и потому сама становится влиятельной поэтической школой с собственным стилем, системой жанров, "сквозными" темами и образами, мифологией, символикой и тайнописью.

³⁴ Гуковский Г.А. Русская литература XVIII в. М., 1939. С. 294.

³⁵ Барсков Я.Л. Переписка русских масонов XVIII в. Пг., 1915. С. 239.

Именно поэтому масонской поэтической школе присуща особая творческая свобода, немыслимая для классицизма. Здесь индивидуальные манеры и стили разных стихотворцев не схожи между собой, что не удивительно хотя бы потому, что поэзия русских масонов зарождается в середине XVIII века, а прямые ее предшественники, например, немецкий поэт и дипломат XVII века Пауль Флеминг или его несчастный соотечественник, выдающийся поэт-мистик барокко Квиринус Кульман, приехавший к своим единомышленникам в Москву и после страшных пыток сожженный здесь за "ересь" на костре в 1689 году, появляются в России раньше, читаются, переводятся, как Я. Бёме и Дж. Пордедж, становятся известными. Неожиданно оказываются близкими к масонской поэзии такие писатели из разных эпох и культур, как Нострадамус с его знаменитыми «барочными» «Центуриями» (вот одна из протомodelей масонской поэтической "тайнописи") и малороссийский мудрец Г.С. Сковорода с "Садом божественных песен", послуживший образцом жизненного поведения для украинца Гамалеи и описанный в мемуарах масона Лубяновского. Медленно выстраивается интересный ряд имен и явлений, на которых основывается масонская школа поэзии в России.

Эта поэтическая традиция рождается и развивается, как бы прорастая через многие культурные эпохи и наслоения, и несет на себе отпечаток разных мирозерцаний, творческих методов и стилей. Так оно и должно быть, ибо здесь запечатлен масонский метод работы с источниками, метод их отбора, критической оценки, соединения и преображения. Именно это обстоятельство заставляло многочисленных западных исследователей масонской поэзии рассматривать ее не как целостное явление, а как "элементы" и "компоненты" тогдашней религиозной литературы и при этом указывать на удивительную устойчивость, повторяемость, разработанность

и взаимосвязь всех этих "составных частей", т.е. на очевидное наличие особым образом оформленной поэтической школы³⁶.

Масонская идеология, став мифологией и практической этикой тайного ордена, давала богатую пищу не только уму, но и воображению и чувствам. Историк литературы М.Н. Лонгинов, стоявший совсем близко к этой эпохе и заставший ее живых деятелей, показал русское масонство как часть общего для революционного XVIII столетия всеобщего брожения умов и смятения чувств: "Какое-то неугомонное беспокойство бросало умы в самые противоположные стороны. Материализм и крайний мистицизм шли, так сказать, бок о бок"³⁷. Отсюда проистекают постоянное эмоциональное напряжение, проповеднический пафос, вдохновенная риторика, борьба страстей в сочетании с аскетизмом, жажда жизни и любовь к смерти, присущие масонству и составляющие характерные особенности его поэзии.

Осторожный и многознающий Карамзин всегда обходил эту опасную тему и все же вспомнил однажды о прежних друзьях-мартинистах, которые "*были (или суть) не что иное, как христианские мистики*"; толковали природу и человека, искали таинственного смысла в Ветхом и Новом завете, хвалились древними преданиями, унижали школьную мудрость и проч., но требовали истинных христианских добродетелей от учеников своих, не вмешивались в политику и ставили в закон верность к государю"³⁸. Пушкин, в юности опрометчиво вступивший в кишиневскую ложу "Овидий" и сблизившийся с ее казначеем, талантливым масонским поэтом младшего поколения и генералом-оппозиционером С.А. Тучковым, оставил сходное воспоминание: "Мы еще застали несколько стариков, принадлежащих этому полуполитическому, полурелигиозному обществу. Странная смесь

³⁶ См.: Baehr S.L. The masonic component in eighteenth-century Russian Literature // Russian Literature in the age of Catherine the Great. Oxford, 1976. Lauer R. Russische Freimaurerdichtung im 18. Jahrhundert // Beförderer der Aufklärung in Mittel- und Osteuropa. Berlin, 1979. Levitsky A. Masonic elements in Russian Eighteenth-century Religious Poetry // Russia and the World of the Eighteenth Century. Columbus, 1988. Baehr S.L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Stanford, 1991.

³⁷ Лонгинов М.Н. Новиков и московские масоны. М., 1867. С. 70.

³⁸ Карамзин Н.М. Соч. М., 1984. Т. 2. С. 167.

мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия ярко отличали их от поколения, которому они принадлежали"³⁹.

Мемуарные заметки двух великих русских писателей о масонах, как видим, очень разные, иногда друг другу противоречат. Но главный принцип ордена они выявляют: "странная смесь" философских идей, политических принципов, религии и науки, возрождение и новое толкование древних преданий и философских учений, критика "школьной мудрости" просветителей, вольнодумство, романтический идеализм. Разумеется, этот список не исчерпывающий.

Цель идеологов масонства - создать из умело подобранной философской "смеси" идей и символов новую мифологию и мирозерцание, путь в Золотой век, утопию нового рая вольных каменщиков, где все возродятся и будут равны пред Великим Архитектором Вселенной. Цель поэтов-масонов - преобразовать эту составную мифологию в стройную систему художественных образов, как это уже сделала на их глазах и с их участием литература европейского классицизма, обратившаяся к наследию античности.

Суть этих духовных исканий, отразившихся в поэтическом слове, кроется в словах Карамзина - "толковали природу и человека". Тем же, как известно, занимались и просветители, которые хотели силой просвещенного разума исправить общество и личность и заодно с помощью прикладной науки и техники усовершенствовать неидеальную природу. Но масонская литература не просто спорила с ними, она возродила многие древние идеи, символы-иероглифы и тайные верования и с их помощью создала новую картину мира и человека, макрокосма и микрокосма⁴⁰.

³⁹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. VII. С. 241.

⁴⁰ См.: Сахаров В.И. Чаяния «ветхого Адама». Концепция человека в философии русских масонов.

Все эти понятия, символы и мифы пришли из античности, средневековья и ренессансной неоплатоники, питая эзотерическими идеями масонское мирозерцание, высказавшееся и в художественных образах, в поэтическом слове. Масонские стихотворцы трактовали этот непроницаемый для разума профанов мир образов как сложный шифр, тайнопись, загадочный язык символов и аллегорий, где скрыта древняя вечная тайна мироздания и назначения человека: "Однако, говоря вообще о мифологии, она по большей части есть ничто иное как покров, которым древние мудрецы завешивали магическую свою мудрость, не для того, чтобы она совсем была закопана и зарыта; но чтоб менее была известна и обща недостойной злой толпе людей"⁴¹.

Очевидно, что столь оригинальный взгляд масонских идеологов, которые в большинстве своем были поэтами, на древнее предание привел к новому толкованию и применению мифологических образов и сюжетов в масонской поэзии, к иному пониманию жанра псалма, оды и эпической поэмы, очень далекому от норм поэтики классицизма. Античная мифология находит здесь свое место в ряду других культурных "слоев", благодаря чему классицистский элемент в масонской поэзии сохранен, но переосмыслен и оттеснен на второй план иными творческими идеями.

Но главная тема масонской поэзии - не мифология и не тайное знание, которые для орденских поэтов лишь удобный способ выражения, достойный предмета метод его художественного изучения и толкования. В центре их внимания - природа и человек. И здесь литераторы-масоны предлагают свою картину мироздания, мрачную, полную архаичной образности, гнева и отчаяния, проникнутую мистическими идеями идеалистической диалектики и апокалиптическим утопизмом: "Весь мир сей есть единая токмо цепь, из различных звен состоящая"⁴².

⁴¹ Хризомандер. М., 1783. С. 202.

⁴² Магазин свободно-каменьщической. 1784. Т. I. Ч. 1. С. 2.

Мысль эта развита в орденской философии и закреплена в масонских обрядах, эмблемах, символах и знаках, осязательна в литературных произведениях. Именно поэтому историку литературы, этими сложнейшими предметами занимающемуся, стоит прислушаться к совету Папюса: "Брат мой, изучите историю преданий этих древних братств... Без этой работы, которая должна быть вашим личным делом, франк-масонство, подобно закрытой книге, останется для вас непонятным"⁴³.

Картина меняющегося мира и развивающейся вместе с ним человеческой души имеет весьма мало общего с прямолинейно-механическими идеями просветителей, толковавших человека как мыслящую, полностью зависящую от внешних условий машину и веровавших в исправление неидеального мира путем навязывания ему "правильных", прогрессивных рецептов развития. Идеям царства разума и прогресса масоны противопоставили учение о повреждении разума и падении идеального, обладавшего полным знанием человека. "Разум наш, будучи изощрен бесполезными науками и подкрепляем самолюбием, или надеянием на свои способности, увеличивает воображение, которое удобно приводит человека и к совершенному добру и к совершенному злу", - говорил в лекциях духовный вождь русского масонства профессор И.Г. Шварц⁴⁴. В масонском гимне сказано то же:

Ума пределы тесны,
Чтоб таинства объять...

Не случайно главная "великая" (или "материнская") ложа русских масонов всегда носила имя Астреи, древнегреческой богини справедливости, управлявшей счастливым миром идеальных людей в Золотом веке (см. работы Л. Лейтона и особенно книгу С. Бера о райской

⁴³ Папюс. Генезис и развитие масонских символов. СПб., 1911. С. 67.

⁴⁴ Шварц И.Г. Отрывки из лекций (1783) // Друг юношества. 1813. № 1. С. 85. На Западе существует множество работ по масонской символике. См.: Некрасов С.М. Масонские предметы в собрании Музея истории религии и атеизма // Атеизм. Религия. Современность. Л., 1973. Вып. 1.

мифологии масонов). В этой и других ложах братья воспевали в гимнах светлое прошлое:

Когда любовь в златые веки
 Блистала всем в своей красе
 И в братстве жили человеки,
 Тогда масоны были все⁴⁵.

В их поэтических идеях и художественной космологии особое место занимал миф о Золотом веке, находившемся в доисторическом идеальном прошлом, где жил светлый, близкий к Великому Архитектору Вселенной до-человек Адам Кадмон, достойный окружавшего его стройного мира всеобщей гармонии. "Единое понятие о златом веке может представлять черты истинного, общественного (social) блаженства. Чем более оный открыт в обществе, тем оно счастливее; чем менее, тем несчастнее", - утверждал И.П. Тургенев⁴⁶.

Потому-то так интересовали поэтов-масонов знаменитая поэма Мильтона "Потерянный рай" и миф о Купидоне и Психее, в XVII веке давший очаровательно-легкомысленную и грациозную, но на самом деле скрывавшую глубокие философические мысли аллегорическую повесть Лафонтена, французского писателя, близкого к знаменитому тайному предмасонскому Обществу святых даров⁴⁷ и потому привлечшего внимание русских его "братьев" - Ф.И. Дмитриева-Мамонова и И.Ф. Богдановича.

Тема философических аллегорий одна - странствования человеческой души-Психеи, ее любовь и возвышение, прикосновение к светлой вечной тайне мира и неспособность сохранить это тайное знание и следовать ему, приводящие к падению и потере света. Пал, утратил прежнюю гармонию, свое высшее духовное начало, облекся тленным телом, косной материей и пороками человек. Пала и природа, "падшая натура", ставшая диким

⁴⁵ Русский архив. 1916. № 4. С. 444.

⁴⁶ Тургенев И.П. Кто может быть добрым гражданином и верным подданным? Российское сочинение. М., 1798. С. 39.

⁴⁷ См.: Байджепт М., Лей Р., Линкольн Г. Священная загадка. С. 118.

материальным хаосом, мрачным лабиринтом мертвых вещей. Но именно здесь кроются возможности духовного возрождения человека и природы.

Главная масонская работа есть возрождение человека ветхого, падшего, греховного, раздвоившегося на душу (хозяина дома) и тело (дом, орудие души). Эту работу и выполняет масонская поэзия, объединяющая братьев, певших: "Составим цепь, сплетясь руками". Так только может быть восстановлена разорванная цепь натуры. Поэзия должна этому способствовать. "Человек есть в сей цепи *соединяющее* существо духовное с материею; он есть последний из духов и первый из существ материальных", - утверждал Шварц⁴⁸.

Лишь возрожденный человек может упорядочить своей духовной и материальной деятельностью, просветлить разумом, душой и верой, гармонизировать неустроенный мир косной мертвой материи и окаменевшей души ("дикий камень"), привести восставшее к новой жизни человечество в Золотой век Астреи, в вечное царство блаженства и гармонии. Это и есть прямо названная в масонском гимне высшая награда ордену и каждому верному его "брату" от Великого Архитектора Вселенной:

Желанный вами век златой,
Равенство, вольность и покой⁴⁹.

Масонский Золотой век оказывается и впредь, в послеисторическом будущем, вечном царстве света. Это и время, и место. Но его нет на географических картах, а времени в нашем понимании там нет и не будет. На знаках лож и в книге Радищева мы встречаем масонский символ вечности – змею, кусающую собственный хвост. Мифология ордена как бы образует мировое кольцо, рассматривая историю человечества как переход от одной светлой вечности к другой сквозь мрак недолжного бытия и дикий

⁴⁸ Шварц И.Г. Из лекций (1782-1783) // Философские науки. 1992. № 1. С. 80-81.

⁴⁹ ГИМ. Ф. 450. Ед. хр. 558/б. Л. 1об.

хаос косной материи и заблудшей, «ветхой» и потому тоже тленной человеческой души⁵⁰. Понятно, какие богатые возможности представляет такая глубокая, красивая и мрачноватая мифология философической поэзии.

Масонство в этой схеме выступает как избранный народ просвещенных и справедливых спасителей уклонившегося от света и истины человечества. "Водители" масонской толпы стремятся вернуть "братьев" и остальных людей в потерянный рай, в Золотой век богини справедливости Астреи. План же устройства новой жизни и обработки "дикого камня" заблудшей души содержится в Библии, которую надо толковать как шифрованное послание Великого Архитектора Вселенной (принцип древнеиудейской каббалы), в Евангелии от Иоанна и масонской "составной" мифологии, частью которой является орденская поэзия.

Это эзотерическое учение разъясняет, помимо всего прочего, откуда и в каком направлении движется поток художественных идей, символов и образов, питающий масонскую поэзию. Герой этой поэзии - "человек вообще", пытающийся понять и усовершенствовать, воспитать самого себя, найти в себе высшие внутренние силы и чувства. «О бrenна и немощна тварь!» - сурово сказано о нем в мистерии Радищева «Творение мира» (1779-1782?). Его породило «упруго древле ничто». Но эта «тварь» при всем своем несовершенстве содержит в себе «нетленный корень своего блаженства». Бог в поэме Радищева называет его «первенец меня». Отсюда повторяемая аллегория путника, странника, идущего сквозь испытания и познание мира к светлой высокой истине. Это странствия души, отсюда Психея Лафонтена, ее русский "перепев" - "Любовь" Ф.И. Дмитриева-Мамонова, "Душенька" И.Ф. Богдановича.

Масонские стихотворения и поэмы поэтому часто бывают рассудочны, полны аллегорической схоластики и прямолинейной дидактики, подчиняются формулам орденских обрядов. Но они всегда обращены к

⁵⁰ См.: Baehr S.L. The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Chapter V.

отдельному, уединенному человеку, вызывают к его душе и разуму, выражают авторские чувства. И поэтому они являются уже подлинной лирикой, отвечавшей требованиям нового времени и новому пониманию самоценной, освободившейся от оков надличного "служения" личности. "Присмотритесь к настроению народов - везде проявляется сознание человеческого достоинства", - говорилось в одном масонском документе⁵¹. Мятёжный Радищев так и писал: «Не скот, не дерево, не раб, но человек!»

В масонском «закрытом» журнале описано начальное движение души по пути сложного, ступенчатого самопознания и воспитания чувств согласно правилам ордена вольных каменщиков:

Покрыты мраком, развлеченны,
О чувства! Миром ослепленны,
Сберитесь купно внутрь меня,
Мне нужно ныне знать себя⁵².

И это масонское стихотворение с характерным названием "Размышление" отразило в своих образах известную идею Шварца о сосредоточенном самопознании как возрождении, развитии духовного начала в личности: "Когда мы в уединении, занимаемся сами собою, когда входим внутрь себя, тогда небесные силы в нас умножаются и тогда видим мы духовного своего человека"⁵³.

Ведь и масонский поэт Н.М. Карамзин, обращаясь в 1786 году к швейцарскому философу-масону Лафатеру, признавался, что учился у него "философскому наблюдению" внутреннего человека: "Нужно знать себя и со стороны души, и со стороны тела, нужно вникнуть в различные отношения их между собою, чтобы осмелиться сказать: я себя знаю"⁵⁴. Назвать эти слова идеями сентиментализма можно только при полном

⁵¹ Русская старина. 1907. № 5. С. 427-428.

⁵² Магазин свободно-каменщицкой. 1784. Т. I. Ч. 2. С. 141.

⁵³ Шварц И.Г. Из лекций. С. 84-85.

⁵⁴ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 468.

забвении принадлежности автора и адресата письма к европейскому масонству.

Путь творческого масонского самопознания - стихотворство, "высокая наука" философической оды и лирической поэзии, приводящая в стройный порядок несовершенные мысли и чувства и учащая человека таинству жизни и смерти. Для масонов поэзия суть "познание приятное", питающее воображением разум. Эта лирика, разумно освобождающая и гармонизирующая личность, подчинялась масонскому учению о свободе человеческой воли, наиболее полно изложенному в известной книге Л.К. Сен-Мартена "О заблуждениях и истине".

В примечаниях Карамзина к переведенной им прозой поэме Галлера сказано ясно: "Свободная воля причинила падение человека, свободная воля токмо может и паки возставить падшего; она есть драгоценный дар творца, сообщенный им тварям избранным"⁵⁵. Это философское учение, выраженное немецким масоном в философской поэме о мировом зле и вызвавшее глубокомысленные примечания русского ее переводчика, предполагало и разумную свободу чувств.

Русское масонство и в поэзии стремилось к высочайшей культуре просветленных, гармоничных чувств, противопоставляя им несовершенный ум человеческий, извращенные переживания, поврежденный, греховный разум. Литература масонов стала сознательно изображать состояние писавшего, стала авторской, лирической. Это особенно ясно видно в поэзии, где уже больной, уставший Радищев в 1800 году перевел басню Эвальда фон Клейста «Журавли» как элегию.

Произошло освобождение человека как предмета литературы от оков нормативной, надличной эстетики тоталитарного классицизма. Именно к создателям этой эстетики, руководствовавшимся сочинениями типа трактата Ж. Ламетри "Человек-машина", обращался французский философ-

масон, учитель русских мартинистов Сен-Мартен: "Итак, я спрошу материалистов, как могли они ослепиться до того, что им кажется человек токмо машиною? Сия машина есмь действующая и содержит в себе начало своего действия"⁵⁶.

Вопрос этот был вполне законен и правилен и к тому же возник задолго до оформления литературы сентиментализма. Ответом стало творчество писателей-масонов. Здесь возобладали новая концепция изображения человека и отношения к автору. Посланный в Берлин для установления более тесных связей с западноевропейскими "братьями" по ордену А.М. Кутузов писал Карамзину в 1791 году: "Сочинения суть изображения внутреннего нашего состояния"⁵⁷. Вот главный лозунг новой русской поэтической школы, хотя это, конечно, и общее правило всей масонской литературы конца XVIII - начала XIX веков.

Такой взгляд на поэзию определял совершенно иное место и назначение писателя. В письмах А.М. Кутузова содержится характерная для масонов и уже прозвучавшая у Фонвизина критика эгоцентричных литераторов-просветителей Франции: "Почти все они пишут токмо для того, чтобы писать. Истинное их побуждение, хотя они и прикрывают оное различными благовидными предлогами, есть сие: я умнее и учение моих сограждан, уча их, заставлю их удивляться моим дарованиям"⁵⁸.

Писатель-масон такому самодовольству чужд, он не претендует на роль салонного остроумца, высокомерного "учителя жизни", на личный литературный успех, славу и почести (здесь главный отрицательный пример – Вольтер, упомянутый и в «Бове» Радищева). Он - брат читателя, умный его друг и ненавязчивый советчик, врачует, просветляет поврежденный, несовершенный дух человека, исправляет его больной, ослепленный разум и

⁵⁶ Галлер А. О происхождении зла. М., 1786. С. 30.

⁵⁷ Сен-Мартен Л.К. О заблуждениях и истине. М., 1785. С. 47-48.

⁵⁸ Русский исторический журнал. 1917. Кн. 1-2. С. 139.

⁵⁸ Там же. С. 133. Удивительно совпадение этих мыслей со знаменитыми инвективами книги Фонвизина «Письма из Франции», одобренными Пушкиным в его пометах на книге Вяземского об авторе «Недоросля».

помраченные чувства, обдуманно ведет читателей по ступеням возвышающих понятий и тайных знаний. Это дорога в орден, к масонским духовным "сокровищам".

И потому для масонов поэт - это уединенный философ, жрец и маг, посвященный в высшие тайны мироздания, владеющий символическим языком-шифром матери-природы. Его литературное дело, стихотворство, - часть, причем не самая главная, общей анонимной масонской работы, "божественной науки", познание приятное, но еще не полезное.

"Познание приятное есть живопись, стихотворство, музыка и сему подобное. Оно удовлетворяет наш слух, наше зрение и воображением питает разум", - говорил в своих лекциях И.Г. Шварц⁵⁹. Понятно, что с помощью "приятного познания" поэт постиг все тайны ордена, принадлежит к его элите, обращается к посвященным, к "братьям" по ложе, пишет для них, а не для "профанов".

Отсюда проистекает очевидная сокровенность, зашифрованность и безымянность масонской поэзии, о которой нам еще много придется говорить. У авторов ее словно нет писательского самолюбия, желания славы, а часто и просто имени, ибо подавляющее большинство масонских стихотворений были анонимны. Сама же поэзия часто остается рукописной и потаенной, в составе сборников хранится в личных масонских архивах, собраниях лож, известна лишь избранному кругу читателей - вольных каменщиков.

В вышедшем в Германии и Италии "Известии о некоторых русских писателях" (1768), литературном словаре, принадлежащем, по всей видимости, перу театрального деятеля, поэта и масона И.А. Дмитриевского, сказано о стихотворце и мастере Великой провинциальной ложи И.П. Елагине: "Он писал также о важных предметах, как в стихах, так и в прозе;

⁵⁹ Шварц И.Г. Из лекций. С. 80.

но эти произведения слишком скромный автор еще не отдавал в печать"⁶⁰. Молодой Елагин - талантливый поэт 1750-х годов, стихотворец легкий, изящный, чуждый тяжеловесности, последователь Сумарокова, автор знаменитой сатирической "Эпистолы" (1758), нападавшей на Ломоносова, щеголей-петиметров и кокеток и вызвавшей множество полемических откликов в стихах. Назвать его поэтом-философом весьма трудно.

В "Известии" речь идет, конечно, не обо всем известной сатире поэта, а о его куда более "важных" для ордена масонских трудах, которые оставались в рукописи вовсе не по причине авторской скромности Елагина, а из-за их сокровенности, требовавшей весьма ограниченного распространения среди "братьев" в списках. И.А. Дмитриевский знал, о чем говорил, ибо состоял в руководстве петербургской ложи "Девяти Муз", подчинявшейся великому мастеру Елагину.

У бесчисленных гимнов, од, стихотворений к масонским праздникам (например, к дню Св.Иоанна Крестителя, покровителя ордена) и прочих ритуальных поэтических текстов, сохранившихся в архивах лож, у безымянных стихотворений и поэм в масонских альманахах и журналах были авторы, часто поэты с именем, выдающиеся русские стихотворцы, отказавшиеся от "тленной", неверной мирской славы светского литератора во имя духовных идеалов и интересов масонского братства. Орден же усердно распространял их сочинения в списках, печатал их, причем не только в книгах и журналах, но и на отдельных листах, раздаваемых в ложах.

"Вольные" типографии вольных каменщиков опубликовали множество поэтических текстов, в книжных лавках Вевера и его преемника Новикова книги и журналы эти успешно продавались, разливая по читающей России свет масонского просвещения и распространяя творения лучших русских стихотворцев. Масоны очень высоко ставили своих поэтов, были

⁶⁰ Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867. С. 136.

откровенно пристрастны в оценках, имели собственную литературную "табель о рангах", свою картину, понимание путей развития русской поэзии и главных ее деятелей.

Очень характерно для литераторов-масонов неприязненное отношение к М.В. Ломоносову, его «официозной» одической поэзии, тщательно, впрочем, скрываемое. Не случайно А.Н. Радищев пытался критиковать великого поэта в "Путешествии из Петербурга в Москву", применив, по точной оценке Пушкина, испытанный метод двусмысленных похвал, позаимствованный у врагов-учителей масонов - отцов-иезуитов⁶¹. А когда простодушный юноша С.Т. Аксаков стал в кругу мартинистов хвалить Ломоносова, ему сразу было сделано осторожное, но решительное возражение: "Да и за что такое поклонение господину Ломоносову? Конечно, есть и у него достойные похвалы стихи, как, например, "Размышление о Божием величии" и "Ода к Иову"; но поэма господина Хераскова "Владимир" содержит в себе несравненно более христианских истин, полезных и душеспасительных для человека"⁶².

Мы сразу видим, кто и за что считался лучшим поэтом эпохи, как умело, откровенно пристрастно смещаются литературные приоритеты. В масонской картине развития поэзии возникают новые имена, а если публика с их оценками не соглашается, поэтов этих не признает, читает мало или вовсе не знает, то тем хуже для читающей публики. Литераторы-масоны пишут не для нее.

Такой взгляд отразился и в уже цитированной масонской переписке Карамзина с Лафатером. Там Херасков прямо назван лучшим поэтом России, а о поэме его "Владимир Возрожденный" Карамзиным сказано: "Лучшее произведение его остается еще непонятым моими соотечественниками". И автор письма ничего плохого в этом не видит:

⁶¹ См.: Сахаров В.И. Спор о Ломоносове. К истории полемики о «старом и новом слог» // Наш современник. 1987. № 1. С. 180, 183.

⁶² Аксаков С.Т. Собр. соч. М., 1955. Т. 2. С. 229.

соотечественники поймут поэта. А рядом названо имя еще одного талантливого русского стихотворца, "брата" по ложе, определено главное его достоинство с точки зрения ордена: "В господине Ключареве мы имеем теперь поэта-философа, но он пишет немного"⁶³.

Вспомним, что Радищев в своей книге обвиняет Ломоносова-поэта в громоздучной, но пустой, далекой от подлинной философичности риторике, пышном многословии, лишенном многомыслия: "...В самых одах своих вмещал иногда более слов, нежели мыслей"⁶⁴. Получается, что с масонской точки зрения Ф.П. Ключарев, поэт самобытный, выше гения Ломоносова, ибо он философ-масон и мыслит в своих стихах. Безусловно, таковым считал себя и Радищев, автор философической оды «Вольность» (сюда стоит прибавить и оду «Древность», ему с полным основанием приписываемую) и поэмы-оратории «Творение мира», произведений масонских по идеям, символике и тяжеловесно-темному «барочному» стилю, стоящих рядом с одами и поэмами Майкова, Хераскова и Богдановича⁶⁵.

Поэтическая же философия Ломоносова таковой не признается, считается многословными стихотворными упражнениями великого ученого. Ценится именно философская поэзия орденой эзотерики, символов и иносказаний, до понимания которой читателю надо дорасти, развивать свою душу и разум в масонской школе назидательного, дидактико-философического стихотворства.

То есть отношение самих литераторов-масонов к поэзии на первый взгляд представляется прикладным, утилитарным, мало чем отличающимся от просветительской идеи служения, хотя служат они совсем другим богам и идеалам. И все же это не так.

⁶³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 469.

⁶⁴ Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1790. С. 452.

⁶⁵ См.: Кочеткова Н.Д. Радищев и масоны // Русская литература. 2000. № 1.

Масонство как культурное явление изначально поэтично, о чем писал еще в прошлом веке знаток тайн ордена Альберт Мэки⁶⁶. Рифма, ритм, разработанная поэтическая образность, цепочки аллегорий, запутанные сюжеты лироэпических жанров - любимые формы масонских сочинений. В стихах написаны старейшая конституция Халивелл, древние катехизисы степеней, не говоря уже об огромном количестве песен, гимнов, од. Стихотворными были даже надписи на печатях лож; на одной печати из коллекции Санкт-Петербургского филиала Института отечественной истории РАН (№ 35) изображены глобус с надписью "Здесь счастье меня бежало" и гроб с поэтической строкой "А там не нужно мне оно". Уже на этом характерном примере видны умелая игра русских поэтов-масонов орденскими символами и иносказаниями, совпадение графики вырезанного на печати изображения-иероглифа и строения поэтического слова.

Ритуальной, звучащей в ложе наряду с речами мастера поэзией гимнов и песен масоны не ограничились, стихотворные сочинения писались ими и для чтения. Уже в 1756 году во Франкфурте появилась первая анонимная (автором ее, вероятно, был французский поэт М. Жартиг) масонская поэма "Благородство франкмасонов", являвшаяся апологией ордена и включавшая в себя основы его мифологии. За нею последовали другие книги типа "Масонской лиры".

Быстро сложилась целая литература, причем особенно отличились французские авторы, печатавшиеся в Голландии. Русская поэзия возникла не на пустом месте, она опиралась на разработанную западноевропейскую традицию, уже сложившуюся эстетику и литературу ордена, в рядах которого были виднейшие поэты эпохи, начиная с Вольтера и кончая Гёте, о чьей неопубликованной философской поэме-драме "Фауст" первым оповестил русских читателей в 1780 году масонский писатель и переводчик

⁶⁶ См.: Mackey A. Encyclopedia of Freemasonry. London, 1927. Vol. II. P. 571.

В.А. Левшин, видимо, лучше нас знавший розенкрейцерские корни идей и образов молодого немецкого поэта⁶⁷.

В художественный мир масонской поэзии русские писатели второй половины XVIII века входили так же осторожно и медленно, как и в круг лож, идей и мифов самого ордена. На примере петербургских масонов, и прежде всего И.П. Елагина, И.Ф. Богдановича и А.А. Ржевского, видно, что путь этот в общих чертах выглядит как очень сложное, вполне сознательное движение от "легкой", быстро европеизировавшейся, "светской" поэзии школы А.П. Сумарокова к усложненной, многосмысленной поэтической философии барокко, к символическому языку и аллегории, к позднему Сумарокову - автору "од духовных", переводчику "кафизм" Ф.И. Дмитриеву-Мамонову, зрелому Хераскову, В.И. Майкову, Радищеву, Ф.П. Ключареву, С.С. Боброву и другим стихотворцам-масонам.

В хронологическом аспекте можно говорить о примечательной смене литературных эпох и поколений, ибо 60-е, 70-е и 80-е годы разительно друг от друга отличаются в самом взгляде на поэзию, ее назначение и стиль. В эти годы литература русского масонства зарождается, развивается, приходит в упадок вместе с разгромом ордена; центр ее перемещается из Санкт-Петербурга в Москву, что тоже показательно, имеет существенное значение, оказывает влияние на эволюцию масонской поэзии.

Поэзия эта не может возникнуть на пустом месте, без стиля, языка, разработанной системы жанров. Она подчиняется общелитературным законам. В примечательной борьбе школ Ломоносова и Сумарокова литераторы-масоны приняли участие на стороне издателя "Трудолюбивой пчелы", вступившего в ложу еще в 1756 году. Сумароков стал их учителем, и лишь много позднее его сменил во главе кружка способный ученик М.М. Херасков, который нашел новых последователей, в их числе Богдановича и

⁶⁷ См.: Мартынов И.Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. С. 163. Напомним, что в московском Особом архиве (ныне ЦХИДК) хранятся трофейные списки членов немецких масонских лож, среди которых с 17 февраля 1783 года числится молодой Гете.

Майкова. И позднейшие литературные масонские журналы того же Хераскова и Богдановича, а затем и Новикова в своих поэтических разделах повторяли с разными вариантами композицию сумароковской "Трудолюбивой пчелы": преложения псалмов, нравоучительно-философические "оды духовные" в сочетании с "легкой" поэзией (рондо, мадригалами и т.д.), статьи о поэзии. Литературная эволюция здесь ощутима, хотя не всегда ясна была скрытая масонская взаимосвязь имен и изданий. В этой цепи имен и событий в литературном мире надо видеть и понимать явление Радищева-поэта, связанного с тем же кружком Е.Р. Дашковой и ее брата М.Р. Воронцова.

Эту смену литературных вех в русской поэзии описал в своих мемуарах И.И. Дмитриев, начинавший литературную деятельность в 1777 году под сильнейшим влиянием Сумарокова: "Одну только плавность стиха и богатую рифму я считал красотой и совершенством поэзии... Но впоследствии я уже предпочитал ему Хераскова, находя в стихах его более мыслей и стихотворных украшений"⁶⁸. То же могли сказать ученики Хераскова (среди них был и молодой Державин, на что указал А.А. Левицкий), ставшие масонскими поэтами.

Ибо поэтическая философия неизбежно требовала от них барочного "украшенного" стиля. Но и сам их учитель в "раннемасонский" период был весьма терпим к "легкому" стихотворству школы Сумарокова: "Язык наш равно удобен для слога важного, возвышенного, нежного, печального, забавного и шутливого"⁶⁹. В этой школе диалектики "составного" высокого стиля учились первые поэты русского масонства, начинавшие как "легкие", галантные, гармонические стихотворцы.

В этом нет ничего удивительного, ибо в 60-70-е годы русское масонство только оформляется как целостная идеология и организация, его центр -

⁶⁸ Дмитриев И.И. Соч. М., 1986. С. 324, 283.

⁶⁹ Херасков М.М. Рассуждение о российском стихотворстве (1772) // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9/10. С. 294.

новая столица Санкт-Петербург, идейная, а значит и эстетическая ориентация - шведская и английская. Первые ложи мало походили на таинственные собрания мудрецов, знатоков мистической философии и алхимии, это были закрытые клубы аристократов. Здесь пока не было места философской орденской поэзии в тяжеловесно-мистическом стиле розенкрейцерского барокко. Царил более изящный и легкий стиль Сумарокова и Ржевского.

И.П. Елагин сетовал на увлечение красивой формальной стороной орденского рыцарского ритуала и "мнимое равенство", сделавшие столичное масонство филиалом петербургских дворцов, гостиных и канцелярий. "Братья" собирались в ложах, чтобы через влиятельных лиц делать карьеру, сплетничать, слушать музыку, играть в карты и бильярд, "реветь песни и на счет ближнего хорошим упиваться вином"⁷⁰. Песни, т.е. гимны уже были, но пока масонские собрания более напоминали дворянские заседания в Английском клубе. Немцу И. Рейхелю пришлось терпеливо учить молодых русских "братьев" "древнейшей таинственной науке" европейского масонства, одновременно давая им уроки русского языка, литературы и издательского дела. Темы и пути будущей масонской поэзии только начинали определяться.

Разнобой "систем", смена зарубежных покровителей, темнота масонской "божественной науки" мешали руководству ордена выработать собственную литературную политику, создать систему требований, из которой рождается постепенно школа писателей, целое направление со своей эстетикой и поэтикой, журналами, книгоиздательской деятельностью.

Т.е. литературы русского масонства в петербургский период его развития пока нет, но есть общее движение к ней через кружок и журнал в рядах принадлежавших к ордену писателей. Оно в основном определяется сумароковской поэтической школой, и все же есть интереснейшие,

несправедливо позабытые поэты раннего масонства, которые шли в литературе своим путем, отличались самобытностью, порой граничившей с чудачествами московских знатных оригиналов. Таков, на наш взгляд, первый русский поэт, официально объявленный по воле императрицы Екатерины II сумасшедшим, предшественник Чаадаева - Федор Иванович Дмитриев-Мамонов (1727-1805).

Характерен уже литературный псевдоним, выбранный Дмитриевым-Мамоновым, - *"Дворянин-философ"*. Поэт постоянно подчеркивал свою знатность (он происходил из древнего рода князей Смоленских) и любовь к философствованию, размышлению в стихах о важных темах и предметах - от строения Солнечной системы и математики до истории нравов россиян. В неопубликованной поэме "Россия" (начало 1770-х годов) Дмитриев-Мамонов пишет о себе в предисловии: "Читатель, без сомнения, пожелает знать причину, которая меня побудила сочинять поэму, столь великую в своем предмете? Причины другой нет, как моя охота - философствовать; способность, которую я имею, писать великое предприятие стихами... Охота моя упражняться больше в философствовании, нежели с праздными глаголы"⁷¹. Но в своей исторической поэме он посвятил немало строк "страсти сладкия любви".

Дмитриев-Мамонов был в одной ложе с Сумароковым, впоследствии формально отошел от ордена, проявил себя офицером находчивым и храбрым во время чумного бунта в Москве, одиноко жил и чудачествовал в своем дальнем имении, издавал книги в Смоленске. Его трудно назвать последователем масонской школы в поэзии. И все же творчество Дмитриева-Мамонова несет на себе характерный отпечаток соединения несовместимых, казалось бы, стилистических принципов, барочной архаики и прециозных стихотворений, каковыми отличалась поэзия масонов.

⁷⁰ Русский архив. 1864. Стб. 594.

⁷¹ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 237/416. Л. 2.

Важно уже сочетание двух тем: галантной "легкой" (поэма "Любовь" и примыкающая к ней лирика переводов из Лафонтена, оригинальных эпистол и мадригалов) и тяжеловесно-"героической" (неопубликованная и незавершенная историческая "героида" "Россия"). Автор не ученик Сумарокова, он вообще избежал пребывания в какой-то поэтической школе или же кружке, мало учился литературному ремеслу и потому гораздо ближе к архаике и силлабике, никак не может преодолеть монотонию парных рифм, словарь его и синтаксис тяготеют не к Ломоносову, а к Тредиаковскому.

В поэме "Россия" есть интересные хвалы "славенскому" (то есть церковно-славянскому) языку: "Приятный выговор, способный слог речей". Тем не менее "дворянин-философ" начинает свою литературную деятельность в 1769 году с архаичного перевода галантной повести Лафонтена "Любовь Псиши и Купидона" и поэмы Овидия "Метаморфозы" (последняя, переведенная с французского прозой, утеряна), снова заставляя вспомнить "архаиста" Тредиаковского и его перевод "Езды в Остров Любви" П. Тальмана.

Оригинальная поэма Дмитриева-Мамонова "Любовь" все же является не очень изящным перепевом "Метаморфоз". Однако именно после его переводов и тяжеловесной галантной лирики становятся возможны легкие "прециозные" поэты-масоны А.А. Ржевский и И.Ф. Богданович; их темы и стиль предопределены в переводах и ранних поэмах и эпистолах "дворянина-философа", который, впрочем, мог писать и великолепные, гармонические, достойные пушкинской эпохи строки типа стиха о горлице: "Поет она одни забавы прежних дней".

Поэма Дмитриева-Мамонова "Россия" не принадлежит, как это на первый взгляд может показаться, к распространенному тогда жанру "эпических героид". Это история в стихах, но история баснословная, сочетающаяся с астрономией, географией и мифологией, причем сам автор

становится мифотворцем, идя здесь следом за Гомером и Овидием, но гордо эту очевидную зависимость отрицая:

Но я в том признаюсь, что в нраве я такой,
 Терпеть что не могу пример брать никакой,
 И если пел Гомер, нигде не занимая,
 Лишь в том беру пример, Гомеру подражая ⁷².

Эта тяжеловесная, доходящая до "высокого косноязычия" "барочность" заставляет поэта отправиться в допотопные времена, встретиться с "ветхим" Адамом, рассказать о сотворении мира и древнем Египте, происхождении созвездий и самому придумать забавный миф о женитьбе Геракла на змее, "что стала скифам мать", заняться сравнительным языкознанием и "корнесловием" в духе А.С. Шишкова и вообще демонстрировать свою ученость и любовь к рассуждениям, т.е. к философствованию.

Подобно Сумарокову Дмитриев-Мамонов воспел героическую личность и деяния Петра Великого и оставил нам одно из первых стихотворных описаний его конной статуи, предваряющее знаменитую поэму Пушкина "Медный всадник":

Изваятель лица и медных дел француз
 Ко статуе Петра не сделал шведов уз:
 Скандавов сих сковав, к статуе не приделал,
 Он память тем глушил, чтоб свет сих дел не ведал ⁷³.

Заметим, что тема эта развита в изданной Дмитриевым-Мамоновым книге-альбоме "Слава России", где графически, в прорисях воспроизведены выбитые в честь побед Петра медали, собранные автором. Там есть и как бы предваряющие пушкинскую поэму стихотворные "Надписи к изваянному изображению Петра Великого" с обращением к музам и описанием "блат и лесов непроходимых" :

⁷² Там же. Л. 4.

⁷³ Там же. Л. 21.

Красуйтесь, берега, где вид стоит Петров...⁷⁴

Дмитриев-Мамонов постоянно подчеркивает, что пишет "историю в стихах", но понимает российскую историю весьма своеобразно, как часть семейных преданий своего древнего рода, упоминает своих родственников - генералов и адмиралов, погибших в боях с турками и шведами. Описывая быт, обычаи и прошлое России, автор поэмы ссылается на исторические труды Татищева, Щербатова, Пуффендорфа, князя Хилкова.

Хотя Мамонов и хвалит мудрого Фенелона, он здесь же порицает Вольтера и обращается к его русскому простодушному последователю-просветителю:

Кривые о других Волтера слыша мненья,
Как слеп рожден кладет свои в том убежденья.

Бессмысленной, скажи...⁷⁵

И становится ясно, что устоявшаяся репутация Ф.И. Дмитриева-Мамонова как убежденного вольтерьянца и атеиста покоится на давнем недоразумении; пресловутый антиклерикализм "дворянина-философа", во-первых, весьма сомнителен, а во-вторых, скорее близок к масонской критике официальной церкви, о которой нам уже приходилось говорить. Ибо, повествуя о язычестве древних славян, поэт использует масонскую символику света:

Откуда взять им свет и чем им просветиться.

О христианстве же в поэме сказано совсем не в духе скептического насмешника Вольтера:

Но свет тогда Христов вселенну осветил,
Тут праведный закон всяк в сердце ощутил⁷⁶.

Когда обращаешься к рукописям, неопубликованному наследию даже такого относительно слабо изученного и мало издаваемого поэта, как Ф.И.

⁷⁴ Дмитриев-Мамонов Ф.И. Слава России. М., 1783. С. 2. На с. 7 этой книги автор воспроизвел рисунок конной статуи Петра Великого, попирающего поверженных шведов.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 237/416. Л. 52.

Дмитриев-Мамонов, лучше понимаешь логику творчества литератора-масона, оторванного от орденой среды и литературной школы и все же сохранившего с ними связь через усвоенные в масонской культурной среде темы и идеи.

Но уйдя из этой среды, Дмитриев-Мамонов остался один, и заказные хвалы бедных студентов и приходских священников этому богатому и своенравному вельможе не могли заменить даровитых друзей-поэтов и молодых образованных учеников⁷⁷. Автору "России" пришлось собственными силами и разумением добираться до того сложного, уравновешенного строения своего художественного мира, к каковому Херасков, Богданович и другие последователи Сумарокова пришли через кружок Дашковой, дружеское литературное общество, университет, книжную лавку и журнал, общаясь с писателями и читателями.

Если сопоставить поэтическое наследие Дмитриева-Мамонова с творчеством других масонов и с композицией журнала "Трудолюбивая пчела", видно, какого важного для орденой школы лиро-эпического жанра здесь не хватает, - "оды духовной". Галантность и тяжеловесная архаика этой поэзии не подтверждают громко заявленной в предисловиях и в самом псевдониме "Дворянин-философ" репутации глубокого и самобытного мыслителя-патриота, ревностного христианина.

И все же Дмитриев-Мамонов обращается к этому жанру масонской поэзии и создает странную, переходную книгу, где отразились его искания в сфере жанра, религиозно-нравственных тем и стиля философии в стихах. И здесь его путь совпадает с работой Сумарокова, однако литератор-профессионал далеко обогнал знатного дилетанта, это видно при сопоставлении их "преложений" из священного писания.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ См.: *Лепехин М.П.* "Дворянин-философ" в кругу почитателей // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14.

Ибо оба поэта переложили стихами Псалтирь⁷⁸. Но если эта книга часто издавалась в составе сочинений Сумарокова, то переводческий опыт Ф.И. Дмитриева-Мамонова до недавнего времени оставался неизвестен российскому читателю⁷⁹.

Станный человек был "дворянин-философ", странная и его книга "преложений". Она называется "Семь кафисм Псалтири, преложенныя на оды. Сочинение дворянина-философа. 1777. Москва". Это именно книга, а не рукопись: она написана красивым шрифтом и иллюстрирована цветными рисунками и заставками, роскошно издана для читателя в единственном экземпляре.

Здесь мы встречаем ту же "славенскую" архаику ("уснух и спях", "востах" и т.п.), мощную инерцию старинной силлабики, культурным Сумароковым и его школой давно преодоленную, но унаследованную через их головы Державиным:

Там слабы оных всех глаголы,
Чем ищут навести крамолы⁸⁰.

Ф.И. Дмитриев-Мамонов упорно борется с мощными образами священной поэзии, безжалостно редактирует набело написанную неизвестным каллиграфом-художником книгу, создавая новые варианты духовных стихов. Поэту явно мешают дилетантизм и весьма скудное стародворянское воспитание и образование (домашнее, как у фонвизинского Митрофанушки, плюс незаконченная Артиллерийская школа, не лучшее убежище для муз), церковнославянский язык оригинала, но Ф.И. Дмитриев-Мамонов находит то, что ищет в Псалтири: капитальные идеи одного из главных произведений мировой литературы, мощь и глубину поэтической

⁷⁸ См.: Горячева О.Н., Разживин А.И. Русская псалтирная поэзия XVIII века. Елабуга, 2006.

⁷⁹ Теперь эта уникальная рукописная книга издана: Дмитриев-Мамонов Ф.И. Псалтирь, переложенная на оды. СПб., 2006.

⁸⁰ РНБ. Ф. F.XIV. Ед. хр. 4. Л. 356.

мысли. В его "преложении" возникают образы поистине ломоносовской силы, предвосхищающие позднюю духовную поэзию Г.Р. Державина:

Работай господу со страхом,
Со трепетом ему будь рад.
Сие ученье мы вещахом,
Да знает свет путь божьих чад⁸¹.

В "преложениях" и оригинальных творениях Ф.И. Дмитриева-Мамонова мы видим многие особенности развития русской масонской поэзии 60-70-х годов XVIII столетия, но как бы искаженные неверным зеркалом полупросвещения. Этот несомненно даровитый стихотворец работал вне орденской и литературной среды, в журналах не печатался, предпочитая издавать свои сочинения самостоятельно в виде книг, не писал ритуальных стихотворений и гимнов; символы и эмблемы, масонские обрядовые формулы и "гиероглифы" встречаются у него редко. Поэтому стоит сравнить поэзию "дворянина-философа" с более характерными именами и явлениями литературы ордена вольных каменщиков.

Здесь одна из интереснейших, "славных", т.е. всем известных и в то же время неясных, закрытых фигур - Ипполит Федорович Богданович (1744-1803), автор знаменитой поэмы "Душенька" (1783), идиллий, пасторалей, любовных песенок, поэт изящный, чувствительный, "живописец граций" (М.Н. Муравьев), далекий от какой-либо мистики и основательной философии. Этот скромный выходец из Малороссии (потом он окажется в одной ложе с влиятельным земляком, последним гетманом Украины К.Г.Разумовским), принадлежавший к бедному польскому шляхетскому роду, очень показателен для начального этапа истории масонской поэзии. Тем более что этот поэт развивается вместе с поэзией, отражает в своей творчестве ее путь и становится одним из лучших российских стихотворцев XVIII столетия. Стоит взглянуть на Богдановича с этой точки зрения и

изучить его реальную биографию, и в привычном облике галантного стихотворца проступают новые черты.

В биографии И.Ф. Богдановича, основой которой является его автобиография, есть красноречивые умолчания и сознательно сделанные фактические ошибки, намеренные неточности, скрывающие реальные факты. Есть неслучайная путаница и в официальных бумагах: формуляры и послужные списки Богдановича противоречат друг другу. Даже в прошении на имя императрицы Екатерины II, лично знавшей поэта и покровительствовавшей ему, Богданович не называет точные даты своей служебной карьеры, хотя и просит о справедливом вознаграждении за заслуги⁸². Этот человек умел молчать, всегда находиться в тени, и не случайно место службы ему подобрали "братья" соответствующее: состоять в Государственном архиве старых дел и в конце концов стать его председателем.

Укажем на одну только важную подробность: в автобиографии Богданович уверенно пишет, что принят в штат П.И. Панина переводчиком в 1763 году и тут же говорит о покровительстве Е.Р. Дашковой, пригласившей его участвовать в издававшемся ею в этом же году московском журнале "Невинное упражнение"⁸³. Между тем в послужном списке поэта ясно сказано, что к Панину он определен в 1761 году⁸⁴.

Казалось бы, это мелочь, ошибка памяти очередного начальника или канцеляриста, не имеющая прямого отношения к поэзии. Однако между этими двумя датами произошло историческое событие, очень многое определившее в литературной судьбе Богдановича, - "революция" Екатерины II, переворот 28 июня 1762 года, главными участниками которого были братья Панины и княгиня Дашкова, «военные» масоны Орловы. Гуковский верно пишет о приглашении молодого Богдановича в

⁸¹ Там же. Л. 8.

⁸² См.: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 251-252.

⁸³ *Богданович И.Ф. Автобиография // Отечественные записки. 1853. № 4. С. 184.*

журнал Дашковой «Невинное упражнение»: «Все это были плоды победы 1762 года»⁸⁵. А ведь нарождающееся русское масонство этой победе по мере сил способствовало, но не сумело воспользоваться ее плодами.

Неточностей и "белых пятен" в этой таинственной истории много, однако есть и вещи очевидные, исторические факты. В 1760-е годы тихий чиновник дипломатического ведомства Богданович стал доверенным лицом Н.И. Панина, одного из негласных вождей раннего русского масонства, долго жившего в Швеции и привезшего оттуда орденские бумаги, уставы и инструкции, поддерживавшего тайные связи со шведской аристократией, принцами крови, стоявшими во главе ордена. Вельможа этот не случайно избран наместным мастером Великой провинциальной ложи России. Не без его ведома петербургские ложи подчинены были потом Великому стокгольмскому капитулу.

Панин и его влиятельные единомышленники, опираясь на крепнущую масонскую организацию в правящих и военных кругах, помогли Екатерине II захватить престол (заметим, что здесь принял посильное участие и знаменитый мистик и масон Сен-Жермен, приехавший, как утверждают некоторые источники, на помощь неопытным русским "братьям" и впоследствии посетивший в Париже своего петербургского знакомого, другого доверенного человека Паниных - Д.И. Фонвизина), долго диктовали ей условия, политику, прежде всего внешнюю, стремились ограничить самодержавную власть императрицы введением соправительствующего органа дворянской (читай - масонской) олигархии, соответствующим образом воспитывали и настраивали ее сына, цесаревича Павла, законного наследника своего убитого отца Петра III. Вскоре созрел и неизбежный заговор против строптивой, неблагодарной, не желающей ни с кем делиться неограниченной властью императрицы с целью возвести на престол Павла.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 808. Л. 575.

⁸⁵ *Гуковский Г.А.* Очерки по истории русской литературы XVIII века. С. 183.

Участники те же: Панины, Дашкова, Д.И. Фонвизин, генерал-розенкрейцер Н.В. Репнин, связанные с масонами церковные иерархи, аристократы, гвардейские офицеры⁸⁶. Где-то рядом с ними, в тени вельмож, затерялась изящная фигура поэта и архивиста Богдановича.

Всего этого памятливая и властолюбивая государыня никогда не могла забыть и простить, чем и объясняются опала Н.И. Панина и его верного сподвижника Фонвизина, разрыв с Дашковой и позднейший продуманный и жестокий разгром масонской организации Новикова. "Масонская работа" Паниных не ограничивалась политическими прожеками и интригами в высших сферах: ими подготовлено, явно с ведома нелегитимной императрицы, убийство несчастного законного императора-узника Иоанна Антоновича, стоившее жизни и простодушному масону-исполнителю Мирвичу.

Богданович принимал участие в этих сложных и опасных политических маневрах, верно служил Н.И.Панину. Вместе со своим начальником П.И. Паниным он входил в руководство петербургской ложи "Девяти Муз", где исполнял обязанности церемониймейстера⁸⁷. По заказу своего покровителя поэт написал оду Екатерине II на новый 1763 год, где уже есть масонская формула об Астреином веке ("век златой дала узреть").

Однако Панины, чувствуя нарастающее неудовольствие императрицы их тайной политикой, стали готовить ей преемника - своего воспитанника, наследника престола Павла Петровича. К его маленькому оппозиционному двору и был приставлен в 1764 году скромный чиновник Богданович. Здесь нашел наконец применение его поэтический дар.

Цесаревич надеялся, что поэт станет новым Ломоносовым и воспоеет его грядущее царствование, и, выслушав ломоносовскую оду на взятие Хотина, изрек: "Может быть, Богданович таков будет"⁸⁸. Однако оды Богданович

⁸⁶ См.: Эйдельман Н.Я. Твой 18-й век. Прекрасен наш союз... М., 1991. Глава 5.

⁸⁷ См.: Cross A.G. British freemasons in Russia during the Reign of Catherine the Great. P. 63.

⁸⁸ Порошин С.А. Записки. СПб., 1881. Стб. 189.

писал в основном для Екатерины (см. также его "Стансы", "Стихи великой монархине", "Стихи к музам на Сарское Село", "Надписи"), хотя в качестве придворного поэта наследника исправно его воспевал, откликался на его свадьбу, посещение Академии наук и другие «протокольные» события и однажды в похвальных стихах публично пожелал неуравновешенному и подозрительному цесаревичу "души спокойствия".

Живя в любимом императрицею Царском Селе, Богданович создал для ее сына не оду, а совсем иное по духу и жанру произведение - очень странную для того времени дидактико-философскую поэму "Сугубое блаженство", вскоре автором сокращенную и переделанную и названную "Блаженство народов" (1765).

Она содержала не только масонскую мифологию, но и серьезные исторические пророчества, сбывшиеся при жизни Павла и предсказавшие его трагический конец. Впоследствии Карамзин, совсем не случайно написавший предисловие к собранию сочинений автора "Душеньки" и по своим глубоким познаниям в орденой "царственной науке" понимавший масонские иносказания и символы поэмы Богдановича гораздо лучше нас, назвал ее тему "важным предметом"⁸⁹.

Действительно, это риторическое произведение ничего или очень мало общего имеет с галантной "Душенькой", автор обратился к августейшему воспитаннику и последней надежде теряющего влияние Н.И. Панина (он по свидетельству С.А.Порошина очень хвалил поднесенную автором наследнику поэму Богдановича) с учительной аллегорией о совершенном и свободном человеке, жившем в золотом Астреином веке, счастливом Адаме, не ведавшем страстей, войн, собственности, государства и рабства. Всех людей кормила "неразделимая питательница" - земля, на высшую ступень возведены были науки и искусства.

⁸⁹ Карамзин Н.М. Соч. Т. 2. С. 132.

В золотом веке не было не только золота (т.е. корысти и наживы), но и железа, оружия и, следственно, войны. Богданович позднее не случайно выбрал для перевода знаменитый проект о вечном мире аббата Сен-Пьера. Он и в своем "Историческом изображении России" порицал войну и следовал здесь масонскому учению: "Война составила из народов политические неестественные смещения и разделения, которые делают насилие природе, в свое время воспринимающей свои права"⁹⁰. Первоначальное это счастье было нарушено, в чем обвиняются, в частности, философы-просветители:

Науки сделались орудием их мести,
И разум растревлял жестокость общих ран...

Далее следует характерное для учительной орденской поэзии описание олицетворенных страстей - ненависти, гордости, лести, притворства. Спасти впавшее в грехи и страсти человечество может лишь идеальный монарх и совершенный человек, стоящий во главе всемирной империи и обладающий высшими степенями масонского знания, - то есть все тот же опальный цесаревич Павел Петрович, которого братья Панины и другие масоны хотели сделать "конституционным" (мы как-то забываем, что такие понятия, как "конституция" и "интеллигенция", введены в наш политический словарь масонами), т.е. избранным царем, исполняющим конституцию, т.е. юридически выраженную и утвержденную волю ордена, сплоченной им дворянской элиты, оформленную как "олигархический закон", высшую нравственность:

Был избран человек подать законы всем...

Здесь Богданович пользуется масонскими символическими формулами и иносказаниями ("я новый свет приемлю"), определяет назначение поэта - служение ордену:

Не славным в свете я - полезным быть хочу.

⁹⁰ Малиновский В.Ф. Рассуждение о мире и войне (1798) // РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Ед. хр. 2822. Л. 1.

Обратив внимание на все эти скрытые от непосвященных слова-"сигналы" и прочие красноречивые "знаки", мы увидим, как в раннем творчестве талантливого поэта, всецело преданного Паниным и другим старшим "братьям" по ложе, оформляется очень серьезное, чисто масонское произведение (оно стоит рядом с «Творением мира» Радищева и «Вселенной» и «Страшным судом» Хераскова), которое остается незамеченным, непонятым большинством читателей и исследователями, и это нисколько не мешает Богдановичу впоследствии творить в излюбленном "легком" роде, пожать лавры автора всероссийски известной "Душеньки", занимать важные государственные посты, получать чины, перстни, денежные поощрения и орденские награды от императрицы.

Ничто, казалось бы, не выдает в этом благополучном придворном стихотворце облеченного немалой властью церемониймейстера ложи «Девяти Муз» и правую руку Паниных, хотя, например, в поздних "Стансах к Л.Ф.М." (1784) есть чисто масонские темные пророчества в духе Нострадамуса:

Загадки сфинксовы возникнут в дни златые,
Где глас лжемудрости давно уже умолк.

Комментаторы этого таинственного стихотворения ищут конкретного человека, адресата послания, пытаются расшифровать буквы "Л.Ф.М." как инициалы. А ведь шифр здесь совсем другой - масонский, читать эти буквы можно, исходя из традиционных конспираторских формул и сокращений в орденских рукописях, как "Любезным франк-масонам". Конкретные имена адресатов также давно известны, их легко обнаружить в новонайденном списке, составленном простодушным поэтом Д.И. Хвостовым: "Богданович очень часто ездил к Княгине Дашковой, к графу <А.С.> Строганову, Ивану Перфильевичу Елагину, к Министру Финансов графу <А.И.> Васильеву,

сенатору <А.А.> Ржевскому, Державину и в многие другие знатные дома”⁹¹. Здесь ясно обозначена масонская элита, орденская культурная среда, из которой выпадает пока один лишь Державин.

Это, конечно, только основательное предположение, но даже в случае подтверждения его новыми фактами приходится признать, что из этих зашифрованных стансов, поэмы "Блаженство народов", стихотворения "Философические мысли некоторого французского писателя", нескольких псалмов и "од духовных" масонская поэзия Богдановича составить пока не может, поэт уходит к иным литературным целям и идеалам. Его знаменитая "Душенька" и родственные ей "легкие", грациозные, чувствительные произведения определяют творческий облик и стиль приятного придворного стихотворца и чистого лирика; масонский "компонент" в поэзии Богдановича продуманно замаскирован, зашифрован, отодвинут на третий план изящными, гармоничными, далекими от таинственного глубокомыслия поэмами и стихотворениями:

Не лиры громкий звук - услышишь ты свирель...

Как и его Великий мастер Елагин, Богданович стремится создать "светскую", "сумароковскую" поэзию, хотя в "Душеньке", особенно в описании храма Венеры и златого века всеобщей взаимной любви, есть явные отзвуки ранней поэмы "Блаженство народов", прочитывается масонский "слой" идей и образов, высказана критика в адрес трагедии "брата" по ложе Ф.Я. Козельского "Пантея", совпадающая с мнением Н.И. Новикова, содержащимся в "Опыте исторического словаря о российских писателях" (1772).

Ведь и в поздней поэме Богдановича есть ставшая у масонов "общим местом" дидактическая аллегория о довременном рае, "где смерть была запрещена... насильством кровь не проливалась", говорится о первоначальном счастье гармоничного человека, жившего в любви и

⁹¹ Хвостов Д.И. Заметки 1834 года // Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 180.

взаимопонимании с божеством и затем впавшего в грех и соблазн, изгнанного из блаженной страны богов в пустыню, о пути испытаний, борьбе за потерянное счастье и новую гармонию. Автор "Душеньки" не может отказаться от масонского круга идей, но не высказывает их прямо в своей поэме, они ощутимы лишь для внимательного, осведомленного в тайнах ордена читателя. Таким был, как уже говорилось, Карамзин, писавший о поэме Богдановича: "Мысль аллегии есть та, что душа наслаждается в любви божественным удовольствием"⁹². Но в том-то и дело, что мало кто читал эту поэму согласно ее названию - как масонскую аллегию о странствиях и приключениях души человеческой.

Карамзин написал свою статью о Богдановиче как предисловие к его посмертному собранию сочинений, подготовленному и изданному масоном Платоном Петровичем Бекетовым. Издание отличалось не только изяществом и полиграфическим искусством, но и в наши дни недостижимой полнотой, тщательностью текстологической подготовки.

Когда это собрание сочинений поэта в 1814 году снова вышло в свет, литератор-масон новиковской школы и теперь университетский профессор А.А. Прокопович-Антонский написал Бекетову: "Вы сделали весьма важную услугу Отечеству, что приняли на себя труд издания сочинений любимого всеми писателя. Жаль, если бы такое сокровище пропало"⁹³. Сокровище усилиями ордена и группирующей его литературной общественности было собрано и издано в надлежащем виде (позднее превосходные гравюры к "Душеньке" выполнил известный скульптор и масон Ф.П. Толстой), и именно это собрание сочинений И.Ф. Богдановича показало, что поклонник ломоносовских од, пройдя школу Хераскова и университетской литературы, стал грациозным, светлым лириком, учителем Батюшкова и юного Пушкина, поэтом не просто талантливым, но очень

⁹² Карамзин Н.М. Соч. Т. 2. С. 134.

⁹³ ГИМ. Ф. 398. Ед. хр. 3/388. Л. 4.

культурным, сумевшим высказать в своих гармоничных, веселых стихах капитальные и серьезные масонские идеи.

С этой точки зрения стоит взглянуть и на всю поэзию херасковского кружка учеников Сумарокова, сплотившегося вокруг журналов "Полезное увеселение" и "Свободные часы". Г.А. Гуковский именовал кружок "дворянской фрондой", что, конечно, имеет свои исторические основания, но не объясняет многого в последующей судьбе этих поэтов. Ведь из молодых «фрондеров» вышли вельможи, общественные деятели, масоны высоких степеней. И каковы же философские и политические идеи этой фронды?

Елагин, молодой Херасков, В.И. Майков, А.А. Ржевский, Ф.Я. Козельский, Богданович, близкий к их кругу Ю.А. Нелединский-Мелецкий, родственник Паниных и Н.В. Репнина, - масоны. Но в 1760-е годы печатаются они в журналах и типографиях, ордену не принадлежавших и с масонами не связанных. Их первоначальная программа "легкой", гармоничной, светской поэзии, требования чистоты приличного слога, вольности стиля и разнообразия поэтических размеров, живости, приятного изображения, разработка фигурных стихов, сложных лирико-дидактических жанров вроде сонета, "станса" и рондо - все это на первый взгляд имеет мало общего с масонской барочной поэзией последующих десятилетий, хотя обретенный тогда творческий опыт для орденских книг, журналов, стихотворцев и даже для ритуальных гимнов весьма важен.

Ибо только после лириков Богдановича, Ржевского и Нелединского-Мелецкого в суровых масонских песнопениях могли вдруг возникнуть изящные, галантные строки, преисполненные светского, вполне неканонического жеманства, религиозного легкомыслия:

Дума моя покой вкушает,
В Йисусовой пребыв крови,
Там веет, дышит, прохлаждает

Приятной ветерок любви⁹⁴.

Поэты-"сумароковцы", ставшие в 60-70-е годы членами петербургских лож, не составляют пока слитную литературную среду, школу орденских стихотворцев, создают переходные формы, соединяют мистическую и общедворянскую, светскую тематику. Массонские идеи в их поэзии тщательно маскируются, шифруются.

Мы говорили об этом на примере массонских поэм Богдановича. Можно указать и на характерную для этой переходной эпохи фигуру чистого лирика Алексея Андреевича Ржевского (1737-1804). Видный петербургский массон, член руководства елагинской ложи "Девяти Муз", осуществлявший связь с московскими "братьями" и в 1780-е годы примкнувший к розенкрейцерскому капитулу И.Г. Шварца - Н.Н. Трубецкого - Н.И. Новикова, он совсем не случайно был похвален в новиковском словаре писателей, хотя ко времени выхода книги в свет поэт ушел из литературы. Уже говорилось, что Ржевский был учеником Сумарокова и одним из ведущих стихотворцев херасковского поэтического кружка. Это для него не только путь в большую литературу, но и в массонскую ложу.

Но на своего друга Хераскова он походит мало, торжественная тяжеловесность массонского барокко, одическая традиция философической риторики этому прециозному поэту хотя и доступны, но явно не близки. Здесь сразу вспоминается Богданович, чью поэму "Душенька" Ржевский издал полностью за свой счет и сопровождал хвалебным предисловием.

Ржевский - приятный элегик и идиллик 60-х годов, автор любовных мадригалов, вдохновленный экспериментатор в сфере поэтических жанров и форм, составлявший оды из односложных слов и сонеты на заданные рифмы, писавший "двойные" сонеты и фигурные (т.е. в виде ромбов и других геометрических символов) стихотворения. Он усердно печатался в "Трудолюбивой пчеле", "Полезном увеселении" и "Свободных часах" и

⁹⁴ Собрание разных песней, ко умилению души служащих. М., 1785. Ч. I. С. 199.

затем из автора любовных стихотворений стал вельможей, вице-директором Академии наук и президентом Медицинской коллегии (т.е. практически министром здравоохранения) и перестал публиковать стихотворения в журналах.

Масонский "слой" обнаруживается и в этой грациозной поэзии. В лирике Ржевского появляются дидактические жанры "станса" и рондо, относящиеся к поэзии объективной, размышляющей, философствующей, говорящие о бренности всего земного, тленности суетного человека с библейской торжественностью. Те же "вечные" темы масонской нравственной диалектики и дидактический стиль поэт разрабатывает и в философических сонетах, которые кажутся иногда вольными переложениями псалмов.

"Стансы", сонеты и рондо Ржевского предваряют позднейшие философические (или "духовные") оды поэтов-масонов, а великолепное по глубине поэтической мысли, полное торжественного и в то же время очень личного, искреннего лиризма "Письмо к Алексею Нарышкину" (1761) уже является такой одой с очень характерной орденой тематикой, лишено ломоносовского восторга и велеречивого парения одописца. Звучит спокойный и откровенный разговор (ибо масон Нарышкин отвечал "брату" Ржевскому в печати) друзей-мудрецов о Боге, смысле бытия и назначении человека.

Конечно, это творческая эволюция, и весьма примечательная. Ржевский не просто способный ученик Сумарокова. Г.А. Гуковский взглянул на изменения в его лирике с точки зрения стихотворной формы, стиля: "Поэзию простоты сменяла поэзия искусственности"⁹⁵. Да, сменяла, хотя "простота" Ржевского, как и его друга Богдановича, сама по себе достаточно сложна, за нею ощущается многолетняя работа поэта, его достаточно сложные идеи и символы. Но что такое в данном случае "искусственность", зачем она именно этому стихотворцу необходима?

В новых формах отражается новое содержание, поэт поворачивает к новым темам. А многие из них дает ему масонская "божественная наука", которой так интересовался Ржевский, переживший трагедию ранней смерти жены-писательницы и искавший нравственного утешения в орденой мудрости, в ритуалах высших степеней розенкрейцерства. В его стансах, сонетах, рондо и одах постепенно оформляется характерная для масонской среды высокая культура чувств, нравственных исканий, здесь виден автор-мыслитель, человек исповедующийся, ищущий просветления, душевного покоя среди сует и трагедий мира в преддверии смерти.

При этом Ржевский четко проводит грань между философской (или "духовной") и традиционной (или "государственной") одой, написав оду Петру Великому, "преобразователю" России и ее народа, из "дикого камня" непросвещенной восточной деспотии и ее лукавых и нерадивых "холопов" высекающему великую европейскую державу и нового просвещенного человека, любимому герою масонских песен, поэм и од. Все это мирно уживается с любовной лирикой, анакреонтикой, элегиями, баснями-притчами и эпиграммами. "Легкая" поэзия прежнего "сумароковца" становится более объективной, философской, стиль ее усложняется, жанры переосмысляются, наполняются новым духовным и творческим опытом. Как и друг его Богданович, Ржевский подходит к проблеме создания целостной масонской поэзии, причем делает свои открытия преимущественно в сфере лирики.

Все эти перемены в отдельных судьбах поэтов и индивидуальных стилях говорили об объективных чертах литературного процесса, о рождении нового поэтического течения, отражающего существенное преобразование общественного и творческого сознания. Все это, конечно, не сводится к литературе, к истории поэзии.

⁹⁵ Гуковский Г.А. Русская поэзия XVIII в. Л., 1927. С. 182.

И когда на склоне лет А.П. Сумароков издал "Стихотворения духовные" (СПб., 1774), то это было не просто воспоминанием маститого поэта о масонской молодости (ибо здесь были не только характерные для орденской поэзии "Ода о величестве Божиим", "Ода на суету мира" и "Ода к добродетели", но и "Гимн о премудрости Божией в солнце", весь пронизанный гностической "софийной" символикой и эмблематикой орденских философических трактатов и обрядов лож), но и стремлением стареющего автора не отстать от способных учеников, соответствовать духу времени, требованиям новой литературы 1780-х годов. А литература эта включала в себя обновленное розенкрейцерами Шварцем и Новиковым, философствующее масонство, видевшее в Сумарокове, пусть пережившем свое время, озлобившимся и нравственно опустившемся, своего первого учителя, автора духовного цикла поэтических произведений, ядром которого является полностью им переведенная Псалтирь⁹⁶.

Поэт начинал как философический обличитель, сатирик и создатель грандиозных образов в библейско-барочном стиле:

Да снидет огонь и гром да грянет,
Да взыдет вихрь из земных недр.

Уже в одах Елизавете есть упоминание о возвращенных императрицей "златых веках", поэт восхваляет ее миролюбие, нежелание проливать кровь подданных. Хоры Сумарокова в честь Екатерины II содержат те же масонские хвалы и целую программу и приближаются к орденским гимнам (см. особенно "Хор ко златому веку"). Одически-библейский стиль выдержан здесь всюду.

Эта интонация сохранилась и в "Стихотворениях духовных", особенно в апокалиптическом космизме "Гимна о премудрости Божией в солнце":

Вострепетала тьма, лишь только луч пустился,

⁹⁶ См.: Ровнер М.Л. Преложения псалмов А.П.Сумарокова в религиозно-философском контексте XVIII в. // Духовная поэзия XVIII в. М., 1995.

Лишь только в высоте подвигнулся с небес,
 Горящею стрелой дом смертных осветился,
 И мрак перед тобой исчез.

Здесь традиционные обличения пороков продолжают, но в них четко выделяются орденские формулы о золоте и железе:

О люты человеки!
 Преобратили вы златые веки
 В железны времена...

Сумароков создал классические орденские стихотворения о суете мира и тленности материального человека, превратил свои "Стихотворения духовные" в ортодоксальный кодекс масонской нравственности (см. "О люблении добродетели", "На суету человека", "Час смерти", "О страшном суде", сонет со странным для этого поэтического жанра названием "На отчаяние" и др.). Идеалистическая диалектика этой нравственной философии, ее картина природы и человека им выражена в поэтически завершенной формуле "Свет только образ колеса". Не случайно Сумароков закончил свой путь книгой духовной поэзии, включившей в себя и его излюбленную сатиру, обличения и поучения.

В сумароковском переложении псалма 33 учительный, пророческий пафос этой поэзии выражен наиболее полно:

Откинь дела, которы грубы,
 И мысли правдой обуздай,
 Сдержи от зла язык и губы
 И мерзкой лжи не созидай.
 От всякой злобы отклоняйся
 И мирный обретай покой:
 Пред истиной не обвиняйся,
 Ниже и нуждою какой.

Показателен и тот факт, что полное посмертное собрание сочинений петербургского стихотворца Сумарокова издал московский розенкрейцер Николай Иванович Новиков. Оформилась целая масонская литература, главным родом которой стала поэзия, что признал Сумароков, опубликовав поэтический сборник.

Это никак нельзя назвать вынужденным возвратом к ломоносовской традиции, никто не принуждал Сумарокова писать духовные оды, да гордый поэт никогда бы и не пошел на такое публичное признание своего поражения. Такова стала литературная форма времени, поэтический способ выражения нового мироощущения. У нас в свое время много, даже слишком много говорилось о том, что новая литература возникла после страшных социальных потрясений пугачевского восстания. Но уже доказано, что масонская поэзия появилась в России за два десятилетия до народного бунта.

Гражданская война только выявила и ускорила нарождающиеся в литературе перемены, показав кабинетную умозрительность либеральных схем философов-просветителей. Масонская поэзия сложилась как целостное явление в эпоху чрезвычайно сложную и шаткую, по сути дела *межреволюционную*, как бы зажатую между "дикой" пугачевщиной и "просвещенной" Французской революцией, событиями одинаково кровавыми⁹⁷. Отсюда весь трагический утопизм масонских планов и доктрин, увенчанный намеренно антиисторическим мифом о Золотом веке Астреи, где не будет наций, границ, религии, войн, государства и государей, собственности. Все это отразила, высказала масонская литература.

К концу 1770-х годов создана была мощная и разветвленная организационная основа для этой литературы. Московский университет и его типография, Типографическая компания Новикова, книгоиздательская и

⁹⁷ См.: Сахаров В.И. Союз ума и фурий. Великая французская революция глазами русских романтиков // Московский вестник. 1997. № 1. Перепечатано в моей книге «Русское масонство в портретах».

книготорговая деятельность, выпуск журналов "Утренний свет", "Вечерняя заря", "Покоящийся трудолюбец" и других повременных изданий, переводы из иностранных писателей, Дружеское ученое общество, лекции И.Г. Шварца, воспитание молодых масонских кадров, широкая филантропическая деятельность, публичная библиотека и аптека, связи с зарубежными орденовыми центрами и выдающимися писателями-масонами - все это способствовало объединению лучших литературных сил вокруг капитула московских розенкрейцеров. К ним присоединяются петербургские "братья"-писатели (см. переписку Ржевского с Н.Н. Трубецким и Новиковым).

Появляются масонская писательская среда, определенные литературные вкусы, конкретные требования к поэтам-масонам идеологов ордена, складывается литературная критика, разрабатываются основные понятия литературоведения. Становятся возможны такие подробные разборы поэтических сочинений, как разговор Новикова с юным М.Н. Муравьевым о его стихах на смерть Сумарокова: "В самом деле, дано у меня много вольности воображению. Так Новиков хотел, чтоб я ослабил инде выражения свои... Причины Новикова приносят честь его образу мыслей. Он друг точности... Например, он не хотел бы сказывать, что Сумароков мудрец, которого мнения были развратны и жизнь полна соблазнов"⁹⁸. За этими поучениями - целая литературная программа, масонская политика, требующая от поэта определенных творческих принципов и оценок, не расходящихся с общей стратегией ордена. В простодушной муравьевской формуле "он не хотел бы сказывать" видно зарождение очередной духовной цензуры.

В таких условиях поэтическая школа масонского стихотворства оформилась к концу 1770-х годов, расцвет ее приходится на 1780-е годы, связан с журнальной и книгоиздательской деятельностью московских

розенкрейцеров. Здесь примечательны сами поэтические имена и судьбы: Херасков, В.И. Майков, С.И. Гамалей, А.Н. Радищев, Ф.П. Ключарев, Карамзин масонского периода, С.А.Тучков, С.С.Бобров, за которыми идут новые литературные силы в лице И.П. Пнина, С.А. Москотильникова, Г.П. Каменева, А.Ф. Лабзина, М.А. Дмитриева-Мамонова, вплоть до романтика Ф.Н. Глинки, одного из самых интересных стихотворцев в истории ордена, его литературы, и Г.С. Батенькова, романтиков-декабристов. Это именно целостная поэзия, жизнеспособная школа со своими идеями и реальными достижениями, прорывающаяся сквозь барьеры запретов и гонений в новый, послереволюционный XIX век.

На примере "превосходнейшего из российских стихотворцев писателя"⁹⁹, поэта-масона М.М. Хераскова можно увидеть, как эта школа складывается, куда она идет, какие жанры выбирает для высказывания в притчах, "тиероглифах" и символах идей "божественной науки". Обратившись к словарю Новикова, легко заметить, что автор пишет о своем "брате" и благодетеле буквально то же, что и о масоне Ржевском: "Стихотворство его чисто и приятно, слог текущ и тверд, изображения сильны и свободны; его оды наполнены стихотворческого огня"¹⁰⁰.

Очевидно, что это стандартные хвалы масону «братом» по ложе. Новиков знал, что изящный стихотворец Ржевский и тяжеловесный, вовсе не "огненный", а скорее водянистый пиит Херасков очень разные люди и поэты, хотя и вышли из одной "сумароковской" школы, из круга журнала "Полезное увеселение".

Но и Херасков, автор знаменитой "Россияды", начинал, подобно другу и "брату" Ржевскому, как приятный, легкий поэт, публиковал в журнале "Свободные часы" галантные идиллии ("Пастушка") и развивал эту тему в позднейших анакреонтических одах (см. его "Оду XVI" в седьмом томе

⁹⁸ Письма русских писателей. С. 310.

⁹⁹ *Аполлос*. Правила пиитические. С. 61.

¹⁰⁰ Новиков Н.И. Избр. соч. М.-Л., 1951. С. 361.

"Творений"), хвалил "приятного Сумарокова", смеялся "над утрюмы философы", писал:

Других нет правил в свете
 Стихи и лиры строить,
 Как только чтоб с забавой
 Мешая общу пользу,
 Петь внятно и согласно...
 Хочу приятны песни строить...
 Я пел и буду петь героев и безделки...

Однако, обратившись к Ржевскому с особой одой, со значением вопрошал:

Ты, просты видя нравы,
 Желал простых стихов...
 Спокойна ль жизнь твоя?

Программа "легкой" поэзии, выдвинутая Ржевским в "Свободных часах" (1763, № 5) и вполне разделяемая, как видим, Херасковым, оказалась недостаточной для выражения масонских исканий беспокойной души и во всем сомневающегося разума. Гамалея описал этот смятенный внутренний мир: "Внутри нас - хаос, смешанный из любви и гнева, из света и тьмы"¹⁰¹. Для галантной лирики такие капитальные темы неподъемны. Поэтому уже в ранних херасковских эпистолах, помещаемых с 1760 года в его журнале "Полезное увеселение", появляются масонские темы суеты, устремления внутрь себя и искания света, критики ослепленного разума.

Херасков поворачивает от, условно говоря, "французской" школы "легкого", чисто лирического и в то же время бездумно-объективного стихотворства к немецкой поэтической культуре, к традициям европейской богословской оды, подражаний псалмам. То есть приходит к поэзии религиозной и, следовательно, философской, объективной и дидактической,

ибо она более соответствует природе его дарования. Л.В. Пумпянский точно обозначил многие особенности этого поворота в своей работе о Ломоносове, где, в частности, сказано: "...На первом месте после протестантских стран стоит русская религиозная поэзия; язык псалмов дал в русском поэтическом языке особую поэтику, ясно различимую от общелитературной, но так же ясно отличимую от церковного языка"¹⁰². Исследователь здесь же верно определяет оду Хераскова как "мистико-религиозную", основанную "на громадном резонансе философских решений"¹⁰³. Очевидно, что херасковская "ода духовная" вырастает из "идейного резонанса" масонских мистико-философских исканий, на ее барочный стиль и обновленную жанровую форму влияет все то же "преложение" псалмов.

Херасков-поэт писал во всех известных тогда жанрах, а главным из них считал эпическую поэму. Но не простодушно-историческую "Россияду", а сложную аллгорию "Владимира Возрожденного" называл он своей главной заслугой, высшим поэтическим достижением, призывал читать ее "как странствование внимательного человека путем истины"¹⁰⁴.

Такое усложнение формы эпической поэмы, включение в нее элементов религиозной оды, песни духовной и даже стихотворной трагедии эпохи классицизма (история с узнаванием сына Пламира) сделало "Владимира Возрожденного" громоздким, зашифрованным произведением-лабиринтом, где герой - "Человек вообще" шел от падений и соблазнов к просветлению и возрождению через медленное и трудное познание истины. Здесь есть продуманная цепь масонских идей и символов (свет - мрак, грешник тленный, ложный свет дьявола, цепь из сплетенных рук, учение о свободе воли, борение страстей, тленность богатства и т.п.), но она слишком насыщена, загромождена аллгориями и "гиероглифами", быстро утомляет

¹⁰¹ Гамалея С.И. Письма. М., 1836. Кн. I. С. 45.

¹⁰² Пумпянский Л.В. К истории русского классицизма. С. 321-322.

¹⁰³ Там же. С. 325.

читательское внимание, заставляя тратить много времени на догадки и расшифровку. Разрушается единое эпическое пространство исторической поэмы. Все эти мысли и эмблемы вполне умещаются в границах философской (или нравоучительной) оды, имеющей идейное и образное "двойное дно", дидактический, морализующий смысл и назначение и часто сближающейся с масонским гимном.

В жанре оды Херасков показал себя как поэт изобретательный и необыкновенно трудолюбивый, но чуждый подлинного лиризма. Начав с упоминаний о златом Астреином веке в одах Екатерине, библейских тем, подражания псалмам ("Почерпнутые мысли из Экклезиаста", "Три печальные главы из Премудростей Соломоновых"), он построил одический мир, выразивший многослойную масонскую мифологию, от торжественной космогонии оды "Мир" с ее символами тысячи миров и скрытого в мироздании божественного света переходящий к "Оде к Богу", картине Земли-песчинки, на которой носится в бескрайнем космосе "тварь дрожащая", пылинка, невидимая точка - человек, ветхий Адам с ослепленным рассудком, не видящий божественный свет, но скрывающий в себе другое, доисторическое, идеальное бытие, полученное от Бога тайное полное знание, Золотой век Астреи, грядущего нового Адама. Это отражение масонского учения о двух Адамах, первого и второго творения, почерпнутого из орденских трактатов и словарей: "Адам был, может быть, в первое творение свое таков, каковы мы будем в воскресении"¹⁰⁵. Падение несет в себе семена возрождения. Коловращение бытия составляет одну из главных тем масонской идеалистической диалектики:

Все вещи есть кора одна,
В которой жизнь заключена.

¹⁰⁴ Херасков М.М. Творения. Ч. II. С. VIII.

¹⁰⁵ Этингер Ф.К. Библейский и эмблематический словарь. С. 13.

Мир для поэта-масона являет собой не только колесо, но и "позорище", то есть сцену, поучительное зрелище падений и грехов тленного человека, трагический театр суетного, смертного бытия:

На малые разрезав доли
Театр пространная земли,
Мы разные играем роли,
В палатах, в хижинах, в пыли;
Шагаем, ползаем и бродим,
И тако в вечность переходим...

Херасков в своих "анакреонтических" (более по размерам, чем по тематике и стилю) и нравоучительных одах собрал целый словарь-справочник вечных тем (смерть, бессмертие, бренность, вечность), человеческих грехов, увлечений, самообманов - о силе разума, о вреде от разума, о суетных желаниях, и просто развернутые олицетворения - "Богатство", "Тишина", "Злато", "Честь", "Терзание", "Гордость", "Старость", "Лесть", - десятки дидактических, морализующих этюдов в стихах о тленности, корысти, страстях и ложном счастье людей:

Мы зрели разумы высоки,
Людей ученых зрели мы,
В такие ж вверженных пороки,
В какие слабые умы.

Этот сборник обвинительных речей против грехов и грешников умело использует приемы ораторской риторики речей мастера ложи, торжественность "высокого" стиля псалмов и дидактичность масонских гимнов с их славословиями, обличениями пороков и призывами к единению и возрождению "братьев". В полном согласии с лекциями И.Г. Шварца Херасков обращается к читателю с призывом идти по масонскому пути работы над диким камнем собственной омертвелой, но стремящейся к возрождению души:

Однако ты старайся прежде

Познать и чувствовать себя.

И не случайно самая знаменитая ода Хераскова, прославившая автора и, тем не менее, отсутствующая в его сочинениях - это "Коль славен наш Господь в Сионе"¹⁰⁶, относящаяся к подражаниям псалмам, положенная на музыку композитором-масоном Д.С. Бортнянским и одно время бывшая государственным гимном¹⁰⁷.

Эту оду знали все образованные русские люди, ее мелодию вызывали кремлевские куранты. И все же Херасков писал вначале орденский ритуальный гимн, пасхальное масонское песнопение, с которого начинались многие рукописные сборники гимнов, а получилась религиозная, вполне приемлемая для всех православных ода, воспевающая Господа и впервые выразившая глубоко национальную идею "Молитвы русского народа" - будущего знаменитого государственного гимна России "Боже, царя храни". Напоминаем, что в рукописных масонских сборниках ода Хераскова имела характерное название - "Песнь Богу"¹⁰⁸.

Опять мы встречаемся с парадоксальным смещением литературных оценок в масонской среде: Херасков, лучший поэт ордена, на самом деле фигура переходная, он, казалось бы, недалеко ушел от своего друга Ржевского. Но тот рано замолчал, а автор "Россияды" пошел дальше. Он сумел благополучно избежать гнева императрицы, потребовавшей его отставки с поста куратора Московского университета за мартинизм и покровительство типографщику Новикову, и стал печататься у другого масона - уже упоминавшегося Платона Бекетова.

За этими биографическими подробностями кроется весьма серьезная эволюция масонского поэта, начинавшего печатать стихи еще во времена Елизаветы и завершившего свой путь при благоволившем к масонам

¹⁰⁶ См.: Бернштейн Н. История национальных гимнов. Пг., 1914.

¹⁰⁷ См.: Бронникова Е.В., Сахаров В.И. Листки из масонской "архивы" // Форум. 1993. № 4.

¹⁰⁸ Так она названа в масонском рукописном сборнике Исторического музея (ГИМ. Ф. 342. Ед. хр. 159. Л. 81об.).

императоре Александре I. Свой новый взгляд на творчество Херасков высказал в стихотворении "Поэт" (1805), но его биография стихотворца-масона завершается рыцарской поэмой-сказкой "Бахарияна, или Неизвестный" (1803).

Эта огромная по объему книга, названная автором волшебной повестью, и поныне не переиздана полностью, имеется только в отделе редких книг Российской государственной библиотеки. Между тем это одно из лучших произведений Хераскова, где он освобождается не просто от личных творческих недостатков (что само по себе не худо для столь высокомерного вельможи и знаменитого литератора), но и от тяжеловесного одического стиля XVIII века, от излишней простодушной дидактики, монотонных, скрывающих поэта парных рифм, длинных строк, ненужной объективности и неуместного в волшебно-комических и пародийных поэтических жанрах "государственного" мышления.

Автор "Россияды" в конце пути учел уроки Радищева-поэта, Державина, Карамзина и сентименталистов и написал грациозную шутливо-пародийную сказку в духе "Душеньки" И.Ф. Богдановича. Однако он оставался убежденным розенкрейцером и сохранил в новой поэме масонский слой идей и образов.

По сути дела это уже поэзия другого века, волшебная, не чуждая пародии сказка, стоящая рядом с "Бовою" А.Н. Радищева, "Ильей Муромцем", "богатырской сказкой" в "народных" стихах Н.М. Карамзина, и "Громвалом", рыцарской поэмой казанского поэта-масона Г.П. Каменева, и предвещающая романтические поэмы В.А. Жуковского и молодого Пушкина. Достаточно сопоставить "Владимира Возрожденного" и "Бахарияну", чтобы увидеть, как преобразился поэтический дар Хераскова, как изменились цель и стиль его творческих исканий.

Ушла прежняя суровая и простодушная серьезность, заставлявшая автора XVIII столетия громоздить образ на образ, обращаться к читателю с

одических ходулей; взамен появилось сомнение в действенности масонской дидактики, насмешки над поэзией нравоучительной и философской:

Слишком много в мире издано
И духовных книг, и нравственных,
А сердца не исправляются,
Люди так же развращаются¹⁰⁹.

Рыцари, нимфы, злые волшебники, остров любви, пещеры, тайны, невероятные приключения, новое "древнее стопосложение", заимствования из народных былин и сказок - все это превращает последнюю поэму Хераскова в занимательное чтение. И все это уже предсказано в поэме "Владимир Возрожденный", где говорится о царевице Пламире:

Он с жадностью прочел писателей российских;
Однако не терпел творений вздорных, низких,
И сладость некую в тех книгах ощущал,
О благонравии писатель где вещал.
Приятны выдумки и слога чистота
Пленяли ум его, а паче простота...

"Приятны выдумки", чистота слога, стремление упростить громоздкую конструкцию отвлеченно-риторической поэмы XVIII века видны в "Бахарияне", где изменившийся вместе со временем и литературой автор учено-масонской поэмы "Вселенная" говорит теперь другое:

Стихов надутых не люблю...
Стихи великолепны, пышны
Нередко производят шум,
Но год пройдет - совсем не слышны;
А простота прельщает ум...

Уроки "Душеньки" и "Ильи Муромца" переимчивый Херасков учел, и тем не менее его волшебная повесть в стихах - типичная масонская поэма-

аллегория, где человек странствует по миру и по времени, проходит ряд испытаний, очищается и возрождается. Это громоздкая и архаичная сюжетная схема "Владимира Возрожденного" и херасковских "романов испытания", должным образом переосмысленная и усовершенствованная в соответствии с требованиями времени и новой литературы, с жанром волшебной-комической сказки.

Желая занять читательское внимание, Херасков меняет стихотворные размеры, но вкладывает в эти новые поэтические формы старые орденские идеи. Есть описание олицетворенных страстей - самолюбия, обольщения, лени, праздности и т.п. Имеется даже традиционная критика "ложных философов" - просветителей. И здесь соблюдается главный принцип масонской литературы - принцип тайны, сокровенности, зашифрованности основной идеи поэмы:

Под личиной баснословия

Часто истины скрываются.

Орденская символика света и тьмы, их борьбы в мире и душе человека, восходящая к древним тайным учениям манихейства и зороастризма, питает поэтическую образность сказки Хераскова:

Составлен мир из тьмы и света,

Нам зеркало, эмблема эта!

Мотив тленности всего живого, "грубой вещественности" пронизывает веселую "Бахарияну":

Все, что в мире ни встречается,

Глеет, вянет, разрушается...

Много говорится у Хераскова о бессмертии души, о "жезде душевной непорочности", приводится целый масонский катехизис нравственности:

Щит его богобоязненность,

Шлем его благонамеренье,

¹⁰⁹ Херасков М.М. Бахарияна, или Незвестный. Волшебная повесть, почерпнутая из русских сказок. М., 1803. С. 7.

Сердце чистое - орудие.

Собрат поэта по ордену и сам стихотворец, И.В. Лопухин писал в "Духовном рыцаре": "*Хаос* был и есть коренное начало всех тварей"¹¹⁰. Шутливость тона и сказочный сюжет не мешают Хераскову развить в "Бахарияне" ту же философскую идею, воплотившую смысл орденской эзотерики:

В мире все хаос и колдовство.

Даже потаенные занятия московских розенкрейцеров алхимией нашли в поэме Хераскова свое отражение, давая идеи для поэтических аллегорий:

Золоту нельзя очиститься,

Не прошед сквозь опыт огненный;

Так пороком зараженные,

Наши души очищаются

Истины огнем - раскаяньем!

И тем не менее в рыцарской сказке и масонской поэме есть новейшие исторические известия (описание Французской революции, "когда Париж как сноп горел, Где струсил Царь, народ, вельможи..."), рассказ о только что найденной древней поэме "Слово о полку Игореве" ("Вот для нас достойный образец"), строки, предвосхищающие не только поэму В.А. Жуковского "Двенадцать спящих дев" и "Руслана и Людмилу" молодого Пушкина, но и "Евгения Онегина" ("Но он, держась честных правил, без ласки девушку отправил")¹¹¹. Символика и мифология волшебной сказки Хераскова очень далеко отходят от традиционных для масонской поэзии XVIII века "оды духовной" и дидактической поэмы-аллегии и тем не менее остаются в идейных и тематических рамках этой поэзии, запечатлев полувековой путь масона-стихотворца и всей орденской литературы от старого к новому.

¹¹⁰ Лопухин И.В. Искатель премудрости, или Духовный рыцарь. М., 1994. С. 21.

¹¹¹ См.: Сахаров В.И. Русский романтизм XIX века: лирика и лирики. М., 2006

Однако Херасков в начале XIX столетия был иронически воспринят и раскритикован молодыми поэтами Дружеского литературного общества (напомним, что в этот кружок входили сыновья И.П. Тургенева, выпускники Московского университета и Благородного пансиона при нем, т.е. питомцы масонов) как стихотворец устаревший, "забавный старичок, прославленный пиита" (Андрей Тургенев. "М.М. Хераскову". 1803)¹¹². Разумеется, эта романтическая критика была намеренно несправедливой и обуславливалась самой репутацией официозно-образцового одописца из прошлого столетия; поэт прожил в литературе долгую и достойную жизнь, его находками и уроками пользовались многие российские стихотворцы. Талант и творческие достижения М.М. Хераскова бесспорны, мы же лишь хотели напомнить о его месте в истории масонской поэзии.

Рядом с Херасковым в истории этой поэзии стоит имя другого известнейшего стихотворца из кружка "Полезного увеселения", тоже ставшего масоном, - Василия Ивановича Майкова (1728-1788). Во всех учебниках он числится в знаменитых сатириках, поэтах озорных, эротических, именуется еще при жизни русским Скарроном, самое известное его творение - "ирои-комическая" или травестийная поэма "Елисей, или Раздраженный Вакх", вольный, "низкий" бурлеск. И в то же время духовные оды Майкова справедливо именуются "лучшими образцами русской масонской поэзии"¹¹³.

Повторяется история с Радищевым, который мог написать такие разные вещи, как «Бова» и «Творение мира». Снова проявляется "многослойность" творчества поэта-масона, спокойно сочетавшего взаимоисключающие, казалось бы, темы, стили и жанры. Кажется, что поэма "Елисей", басни, трагедия "Агриопа" и ода "О страшном суде" написаны разными людьми.

¹¹² См.: Сахаров В.И. Страницы русского романтизма. Глава "У истоков. Дружеское литературное общество 1801 г.".

¹¹³ Lauer R. Russische Freimaurerdichtung im 18. Jahrhundert. S. 274.

Майков входит в масонскую поэзию как ученик Сумарокова (см. его "Оду о вкусе" и уже масонскую по образности и стилю "Оду о суете мира, писанную к Александру Петровичу Сумарокову") и преданный "человек свиты" видного масона и фельдмаршала З.Г. Чернышева, после переезда в Москву и активного сотрудничества в новиловских журналах "Утренний свет" и "Покоящийся трудолюбец". О его сознательном участии в сложившейся к середине 1770-х годов масонской поэтической школе говорит то обстоятельство, что главным жанром сам стихотворец считает не "ироикомические" поэмы, эти "грехи" литературной молодости, а философскую оду, к которой он шел, как и Херасков, через переложения псалмов и орденскую гимнографию.

Достаточно прочесть известную оду Майкова "Война" (1773), чтобы обнаружить в ней многие черты масонской мифологии. Масоны, как уже говорилось, были принципиальными противниками войн и профессиональных армий, проповедниками идеи "вечного мира", сторонниками всемирной монархии вроде наполеоновской, но управляемой их "конституционным" верховным вождем, ставленником ордена. Майков гневно порицает войну как "раздор", разрыв мирных союзов между царствами, "божий гнев", "бич народов", помеху уединенному масонскому философствованию и самосовершенствованию. Это окончательное повреждение и без того павших, неидеальных человека и природы, греховное нарушение божественного порядка.

И сразу же рядом с картиной войны возникает "спокойный век" древности, золотое время Астреи, эпоха вечного мира и братского единения людей: "Земля там в части не делится... Там жители земного круга // Едина кажется семья". Люди не сеют, не жнут, живут единой семьей (напомним, что масоны были против семьи обычной, уводившей "брата" из ордена, их "Нравоучительный катехизис" призывал не "прилепляться" к родителям и ближним родственникам). Это рай, где совершенный доисторический

человек существует в единении с передавшим ему важные тайные знания и откровения Богом и идеальной, гармонической природой:

В таком-то были совершенстве
 Живущи твари на земли,
 В свободе, братстве и равенстве
 Счастливу жизнь свою вели.
 О жизнь, которой нет примера,
 Меж всех была едина вера,
 Меж всех единый был закон,
 И царствовал над всеми он.

В оде русского поэта мы неожиданно встречаем знаменитый лозунг грядущей Великой французской революции "Свобода, равенство и братство", что говорит о происхождении этих очень дорого стоивших человечеству красивых слов из одного источника - масонского катехизиса. И не в том дело, что Майков, будучи офицером императорской гвардии и даже бригадиром (т.е. имея уже первый, пятого класса воинский генеральский чин), начальником (директором) Оружейной палаты, на войне никогда не был и порицал это мировое зло чисто теоретически. Куда важнее происхождение его теорий, высказанных языком возвышенной и глубокомысленной поэзии.

Рассказ о "повреждении" греховного человека, о гибели Золотого века завершается призывом к императрице Екатерине создать всемирную монархию ("Вручи во власть ее весь свет!"), и это свидетельствует о том, что ода "Война" с начала и до конца проникнута масонской идеологией и символикой, написана на заданную орденом актуальную тему. Образность этого стихотворения - "высокая", величественная, основанная на религиозном стиле псалмов, масонской цепочке сплетенных символов, аллегорий и эмблем, завершается же ода ключевым словом-сигналом "Свет". Как и в ранней поэме Богдановича "Блаженство народов", здесь в

витиеватом ораторском стиле риторического барокко развернута целая дидактическая поэма о сотворении мира, Златом веке Астреи и падении идеального человека, причем у Майкова масонская мифология умело сочетается с политической концепцией ордена, чему служит традиционная символика мрака и света.

В оде Майкова есть завершенный сюжет, много пафоса, много гневного порицания и риторических призывов, но нет личного начала, нет лиризма. Частному человеку, его сокровенным чувствам не находится места в мире отвлеченных, надличных идей. Очевидна близость оды Майкова к стихотворениям немецких барочных поэтов о войне и многочисленным масонским переводам и сочинениям, относящимся к теме "вечного мира".

Разумеется, в столь строгом и ответственном жанре, где поэт-масон в стихотворных "притчах" высказывает капитальные идеи тайного "братства", недопустимы разгульно-легкий, комический, "низкий" бурлеск, сочная грубоватая эротика и пародийно-сатирические картины "ироикокомических" поэм Майкова. А вот его философические оды 70-х годов составляют с "Войной" внутренне единый цикл, ибо обращаются к другим темам масонской "божественной науки".

В "Оде ищущим мудрости" (1778), обращенной, как следует уже из ее названия, к "братьям" по ложе, к "чадам утреннего света" (сложный перифраз масонского самоназвания - "дети вдовы"), есть образ "премудрости троякий свет". Речь идет о масонской премудрости, учившей, что есть три света: божественный (Бог), духовный (ангелы) и чувственный (жилище всех тварей). Образ этот известен по масонским песнопениям ("Блеснул, блеснул троякий свет, // Прогнал лучами мрачность ночи").

Вместе с тем это и "дщерь неба" София - Премудрость Божия, покровительница ордена, объясняющая посвященным "братьям" тайны и тяготы пути истинного знания и возрождения. Путь этот ведет через Восток (т.е. ложи), через "царственную" масонскую работу к "Надежде" и

"Счастью", описанным в имеющих такие названия философско-дидактических одах Майкова. Масонские образы многослойны, существуют внутри лирико-философских циклов, объединенных в кольцевую композицию орденской разветвленной аллегорией. Поэт задает значимые вопросы, рассуждает, сомневается, и здесь ощутимо следование силлогизмам масонских катехизисов.

Одни символы влекут за собой другие, эта последовательность определена мифологией ордена вольных каменщиков, и вокруг алтаря при венчании цесаревича Павла Петровича в праздничной оде Майкова появляются олицетворенные добродетели Надежда, Верность, Честь и т.д. - совсем как в поэмах Богдановича и Хераскова.

Очевидно, что и здесь идет речь о масонских добродетелях. А ранняя ода "О страшном суде", переработанная в масонский период, этот цикл Майкова о пути ищущего света человека как бы завершает картиной последнего испытания людей, грандиозной космической катастрофы, уравнивающей царя, воина и пастуха, богатого и нищего, образом карающего и очищающего огня.

Свершив во гневе последний суд и наказав грешников, Бог обращается к немногим избранным праведникам (разумеется, масонам) с обещанием открыть им в раю часть божественных тайн:

...Озарит вас всех мой свет.
Моих вас таин удостою,
Открыв вам часть судеб моих.
Познаете состав вы свой,
Познаете состав вы света...

В оде к московскому епископу Платону, покровительствовавшему масонам, Майков по-своему трактует вечную тему о бессмертии души, бичует любителей тленности, говорит о тщетной бесконечности желаний смертного человека:

Что движет мыслию моею

В составе тленна естества?

Майков спорит с иерархами церкви, высказывает в посланиях к Платону и архиепископу Гавриилу великие сомнения, тревоги беспокойной масонской души, не удовлетворяющейся ортодоксальным православием и ищущей свой путь к истине, свету и возрождению. Это традиционные для европейской религиозной поэзии вопросы смятенной души, ее "лживы мысли", рассуждения о непостижимом смысле божественного творения, которые в XIX столетии дали русской философской лирике "Элегию" (1830) И.И. Козлова и "Странника" Пушкина, причем первый вольно переводил византийского философа и поэта Григория Назианзина, а второй еще более свободно подражал "Пути паломника" английского богослова Джона Бэньяна, взяв эти книги из круга масонского чтения.

Но, конечно, главным наследником и преемником одописца-масона Майкова, развивавшим позднее традицию философической, размышляющей оды, является мрачноватый и одинокий романтик-мыслитель Е.А. Боратынский, особенно в одах "Смерть" и "Последняя смерть", причем для обоих поэтов характерна одна особая масонская "добродетель", или, как говорили в ордене, "должность" - любовь к смерти. Даже "Осень" Боратынского предвосхищена поэтами ордена: в собрании рукописей С.С. Ланского (РГБ) хранится стихотворение с таким названием.

Мы можем уверенно назвать предшественников и последователей масонского одописца-философа, и это говорит о том, что в русской поэзии XVIII столетия сложилась определенная и влиятельная традиция, целая школа стихотворцев, ибо В.И. Майков, конечно, был не один, в масонских журналах, сборниках, авторских книгах, песенниках публиковались многочисленные и очень разные талантливые поэты, которые при всех своих индивидуальных различиях разрабатывали одни и те же темы и сюжеты, пользовались устойчивыми масонскими формулами "солнце

знания", "мрак неведения", "море вечности", "тонкая влага", "храм чести", "трон правды", "змея гордости", "молния сует", "слепотствующий разум", "крылья истины", "троякий свет" и многими другими орденовыми словами-сигналами, словесными фигурами, эмблемами и мифами. Здесь надобно составить целый поэтический словарь, что и попытался сделать масон Н.Ф. Остолопов.

Забытый Ф.П. Ключарев был способным орденовым одописцем, не уступавшим Майкову в мерной громкозвучности масонских формул, написал для своей ложи великолепный гимн, где есть удивительные слова "Под знаменем я стою багровым", и сильную, полную высоких образов и философических мыслей поэму "Воплощение Мессии", замеченную, как нам представляется, юным Пушкиным в масонских списках и спародированную в "Гавриилиаде".

Кроткий С.И. Гамалея стоял под тем же "знаменем", но печатал в "Магазине свободно-каменническом" совсем другие, анакреонтические стихи, лирическую исповедь "брата", ставшего на путь премудрости, возлюбившего свет. С масонской традицией стоит сопоставить и "оды духовные" В.В. Капниста, поэзию Н.М. Шатрова, особенно его многочисленные «преложения» псалмов. Управляющий мастер московской ложи "Нептун" П.И. Голенищев-Кутузов не только публиковал масонские оды, но и писал для ордена ритуальные поэтические тексты вроде недавно найденного "Ободрения свободному каменщику", распространявшегося в списках и читавшегося в ученических ложах "старшим братом". Но и враг Голенищева-Кутузова Карамзин в масонские годы создал стихотворения, вполне включающиеся в данную традицию медитативной, философской поэзии.

Совершенно очевидно, что история этой школы будет неполной без соответствующей расшифровки и трактовки масонских символов и "иероглифов", из которых состоят громоздкие, намеренно темные оды-

пророчества А.Н. Радищева "Вольность", «Древность» и "Осмнадцатое столетие". А С.С. Бобров, начинавший как питомец Н.И. Новикова и автор "Покоящегося трудолюбца", оставил в своих философических одах и поэмах целую энциклопедию образов и тем русского масонства¹¹⁴.

О Пнине, Москотильникове, Каменеве¹¹⁵, М.А. Дмитриеве-Мамонове, других многочисленных поэтах, в разное время принадлежавших к ложам, масонским литературным кружкам и изданиям, мы уже или говорили, или же косвенно учитывали их прикосновенность к литературным деяниям и идеям ордена. Это новые явления и имена в орденской литературе, достойные отдельного рассмотрения и включения в целостную историю масонской поэзии.

К поздним образцам масонской поэзии относится и недавно напечатанный цикл А.Т. Болотова "Дюжина сотен вздохов, чувствований и мыслей христианских"¹¹⁶. Очевидна связь с этой школой Ф.Н. Глинки и других поэтов-декабристов, воспитавшихся в идейной и литературной школе новиковского масонства¹¹⁷.

Школа эта не просто передает свои принципы от одного поэта-масона другому, она известна и авторитетна, воздействует на крупнейших стихотворцев XVIII века, чему способствует мощное тайное влияние масонских идей. И здесь наиболее интересная и характерная фигура - величайший поэт эпохи Гаврила Романович Державин (1743-1816).

Он традиционно рассматривается в нашем литературоведении как прямолинейный и убежденный противник масонов, ибо смеялся над ними в стихотворениях, посвященных Екатерине II, именовал вольных каменщиков "мартышками", "халдеями", "новыми чудотворцами". Однако это всего лишь лесть умелого царедворца, каковым Державин все же был, несмотря

¹¹⁴ См.: *Коровин В.Л.* Семен Сергеевич Бобров. Жизнь и творчество. М., 2004.

¹¹⁵ См.: *Валеев Э.Н.* Судьбою прерванный полет. Г.П. Каменев в русской литературе рубежа XVIII-XIX веков. Казань, 2001.

¹¹⁶ Российский Архив. М., 1992. Т. II-III.

на свою легендарную грубость, неуживчивость и полукультурность, делающие его, как и Радищева, типичным представителем нашего полупросвещения. Стоит прислушаться к мнению его младшего современника, поэта и масона П.А. Вяземского, сказавшего об авторе "Водопада": "Его стихотворения, точно как Горациевы, могут при случае заменить записки его века. Ничто не ускользнуло от его поэтического глаза"¹¹⁸. Массонство и его литература не были исключением. В державинских творениях содержатся ценные материалы к истории ордена вольных каменщиков в России.

В мемуарах Державина есть интересный эпизод: описывая свое появление в Москве после переворота 1762 года, поэт дает характеристику своей двоюродной тетушки Ф.С. Блудовой, "женщины по природе умной и благочестивой, но по тогдашнему веку непросвещенной, считающей появившихся тогда в Москве масонов отступниками от веры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которых разглашали невероятные басни, что они заочно за несколько тысяч верст неприятелей своих умерщвляют и тому подобные бредни, а <И.И.> Шувалова признавали за их главного начальника"¹¹⁹. Это уже ближе к подлинным мыслям поэта об ордене вольных каменщиков. Мысли же эти были масонам известны, о чем говорит письмо московского розенкрейцера и поэта Н.Н. Трубецкого Ржевскому, помеченное 10 сентября 1783 года: "Державин поехал в Петербург; он, мне кажется, готов быть в ордене. Испытай его"¹²⁰.

Державин был не так прост, чтобы вступать в орден вольных каменщиков, зная об отношении к нему императрицы. Массоны тоже не до конца своенравному, "неуправляемому" поэту доверяли, как позднее

¹¹⁷ См.: *Raeff M. The Decembrist Movement. Englewood, 1966. P. 22-23. Leighton L.G. The Esoteric Tradition in Russian Romantic Literature. Decembrism and Freemasonry.*

¹¹⁸ *Вяземский П.А. Записные книжки. М., 1963. С. 35.*

¹¹⁹ *Державин Г.Р. Избранная проза. М., 1984. С. 39.*

¹²⁰ *Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII в. С. 261.*

молодому Пушкину. И тем не менее Державин и его сочинения тесно связаны с русским масонством.

Многие рукописные и печатные сборники масонов начинались с державинской оды "Бог", некоторые мысли (о человеке, связующем тленный и нетленный миры) и формулы ("цепь существ") которой почти дословно совпадают с лекциями Шварца. В ложах пелась его "Песнь Петру Великому". Державин посвящает свои стихотворения видным масонам А.И. Бибикову, Н.В. Репнину, А.С. Строганову, А.И. Бибикову, И.И. Шувалову, П.И. Панину, А.Ф. Лабзину, М.И. Кутузову; недавно обнаружена его дарственная надпись на книге "Переход в Швейцарию через Альпийские горы..." (1799) префекту капитула Феникса, главе масонства шведской системы: "Его сиятельству милостивому государю князю Гавриле Петровичу Гагарину от сочинителя"¹²¹. Известно, что поэт спас розенкрейцера Хераскова во время разгрома ордена, «по дружбе» обратившись к фавориту (и тоже масону) П.А. Зубову.

С юных лет державинская ориентация в поэзии была немецкой, он переводил "Мессиаду" Клопштока, Галлера, оды прусского короля-масона Фридриха II, при переводе Псалтири пользовался ее немецким переложением Мендельсона, в чем признавался ученику, поэту-масону Н.Ф. Остолопову¹²². Здесь его поэтические вкусы полностью совпадали с эстетикой ордена. Требуют сопоставительного анализа и поздние, почему-то не перепечатававшиеся в советское время духовные стихотворения Державина, такие, как "Гимн Солнцу", "Христос", "Гимн Богу", которые, как представляется, могут быть правильно прочитаны лишь в масонском поэтическом контексте.

Но самым интересным по близости к ордену стихотворением Державина является знаменитая философическая ода "На смерть князя Мещерского".

¹²¹ Каталог коллекции авторских надписей. М., 1994. С. 20. Книга хранится в Отделе редких книг Государственной публичной исторической библиотеки.

¹²² См.: Остолопов Н.Ф. Ключ к сочинениям Державина. СПб., 1822. С. 22-23.

Когда, о ком и зачем она написана? Вопросы эти могут показаться странными, ведь для ответа надо просто заглянуть в академические примечания, которые, впрочем, не всегда бывают полными и объективными. А о теме державинской загадочной оды уже сказал его биограф, поэт В.Ф. Ходасевич: "...Державин говорит о владычестве смерти... Уже самая постановка темы замечательна"¹²³.

И все же напомним, что просвещенный друг поэта князь А.И. Мещерский был не "просто богачом... ничего больше" (Ходасевич), а видным масоном, входил в руководство старейшей ложи «Скромности» и "материнской" ложи "Девяти Муз", в 1773-1775 годах посещал (вместе с приятелем Державина поэтом А.А. Ржевским, Новиковым и А.Н. Радищевым) ложу «Урания», с 1775 года в качестве мастера стула возглавлял элитную ложу "Эрато". 18 мая 1779 года в его память и в честь его высоких масонских степеней и заслуг была устроена торжественная траурная ложа в петербургской ложе «Скромности».

Знаменитая державинская формула «Где стол был яств, там гроб стоит» отражает именно эту продуманную смену масонских работ и ритуалов в сакральном прямоугольном пространстве орденового храма: светлая, ярко освещенная столовая ложа, где "братья" вчера веселились, пели и пили за праздничным столом, сменилась полумраком, темными завесами и траурным собранием – *ложей скорби* у стоявшего на том же столе черного гроба почившего мастера, где при свете трех свечей пелись уже другие, погребальные гимны и читались поминальные стихотворения в честь покойного. Масоны называли такие оды «духовными».

Сам поэт лучше своих позднейших исследователей понимал природу жанра такой одической ритуальной песни, именовал ее вслед за Аристотелем *сколией* и ясно высказался об этом в своем замечательном

¹²³ Ходасевич В.Ф. Державин. М., 1988. С. 122-123.

«Рассуждении о лирической поэзии или об оде»: «От них, мне кажется, произошли застольные и масонские песни»¹²⁴.

Об этих ритуальных песнях Державин мог узнать только в масонской ложе, где они пелись братьями и тайно распространялись среди вольных каменщиков в виде сборников и печатных листков. И такой траурной, традиционно написанной по заказу ложи одой нам представляется знаменитое стихотворение Державина, по-видимому, прочитанное самим автором у черного гроба мастера Мещерского, его близкого друга.

А тема владычества и величия смерти со всей глубиной и серьезностью поставлена лишь в масонской гностической философии жизни, с которой Державин был хорошо знаком еще по ранним своим поэтическим переводам из Фридриха Великого и в которой князь П.А. Вяземский, говоря позднее о мрачноватом философском стихотворении Боратынского «Смерть», не увидел ничего христианского¹²⁵. Здесь есть чрезвычайно любопытное единомыслие и переклички, противоречащие догмам официального православия.

Интересные наблюдения над этим таинственным, “шифрованным” текстом Державина содержатся в работе швейцарского слависта Рольфа Фигута, где, в частности, сказано: «Мотив молнии в оде “На смерть князя Мещерского” служит вдохновенному изображению величия не Бога, но смерти; и даже больше: вообще целая первая строфа стихотворения говорит косвенно, но очень выразительно о мистически восторженном и восхищенном страхе и ужасе поэта перед обликом смерти»¹²⁶. Жаль, что мой коллега не вспомнил, что любовь к смерти является одной из семи масонских добродетелей.

Все это, разумеется, весьма спорно, лишь намечено пунктиром, требует дальнейшего тщательного, подлинно научного изучения и архивных

¹²⁴ Державин Г.Р. Избранная проза. С. 333.

¹²⁵ См.: Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского. М., 1998. С. 215.

разысканий. Странно, что до сих пор это не сделано. Однако уже сейчас можно сказать, что творчество великого поэта Г.Р. Державина нуждается в развернутых научных сопоставлениях с западноевропейской и русской масонской поэзией его времени и дает для таких сравнений немалые основания.

Подробный анализ, полная академическая история этой поэзии - дело будущего, дело историка литературы и требует не только рассмотрения напечатанных произведений, но и обращения к масонским архивам, хранящим множество не предназначавшихся для печати ритуальных стихотворных текстов. Здесь речь идет о публикации целого пласта потаенной русской поэзии.

Цель же нашей работы иная - очертить границы самобытного течения в русской философской поэзии XVIII столетия, определить общую логику и этапы его развития, основные принципы поэтики, назвать главные имена, указать на связь творческих идей поэтов этой школы со сложной, зашифрованной, потаенной философией и идеологией русского масонства.

¹²⁶ *Фигут Р.* Схематизированные аспекты в поэзии Г.Р. Державина на примере первой строфы оды «На смерть князя Мещерского» // Контекст-1994, 1995. М., 1996. С. 282.

ГЛАВА 2

МАСОНСКАЯ ПРОЗА: ИСТОРИЯ, ПОЭТИКА, ТЕОРИЯ

Художественная литература для ордена вольных каменщиков прежде всего была средством эмоционального воздействия на людей. Символ "цепь сплетенных рук" перерастал в "цепь сердец". Сердца надо было увлечь и затем завоевать. Вот цель масона-писателя. "В человеке чувственном лежит глубоко усыпленный человек внутренний; для возбуждения сего спящего потребны сильные и резкие ударения в человека чувственного", - сказано в "Инструкции мастеру ложи" (1818)¹. Эти слова объясняют ту энергию убеждения и возмущения, которая всюду ощутима в «книге великого гнева» - «Путешествии из Петербурга в Москву» масона А.Н.Радищева.

У поэзии, особенно у лирики, были свои значительные и многообразные средства художественного воздействия на читателей. В изданной Новиковым книге немецкого философа И.Г.Зульцера сказано о стихотворстве: "Оно есть такое красноречие, которое стремится во всех предметах к высочайшей степени чувственного совершенства"². С прозой же дело обстояло значительно сложнее.

Масонство застало европейскую и русскую прозу в важный момент становления и развития главных ее жанров – повести и вырастающего из нее психологического романа. Причем понятное, обусловленное объективными причинами отставание русских прозаиков очевидно: сравним хотя бы знаменитый роман аббата А.Ф.Прево «Манон Леско» (1731, первый русский перевод сделан известным писателем-масоном И.П.Елагиным в 1790 году) и

¹ Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Московского университета. Фонд В.В. Величко. Инв. номер 3975-6-60. Л. 50б.

² Зульцер И.Г. Сокращение всех наук и других частей учености. М., 1781. С. 101.

чувствительную повесть бывшего масона Карамзина «Бедная Лиза» (1792). Проза отстает и от поэзии, оставаясь на периферии литературы классицизма.

Это эпический, объективный род литературы, где лиризм, прежде всего, авторский, не исчезает, но перестает быть главной творческой стихией. Здесь чувства уходили в подтекст и служили уже сотворению образов повести и романа и ходу действия, на первый план выдвигался сюжет, эпическое повествование о жизни других людей и об их развивающихся в ходе действия характерах, оказывалось воздействие на разум читателя, автор стремился к жизнеподобию, философствованию и нравоучению. "Чувственное совершенство" достигалось с гораздо большими творческими усилиями, ибо психологизм прозы был сложнее и к тому же менее разработан, нежели в поэзии.

В художественном мире литературы классицизма проза оставалась родом третьестепенным, ценилась менее, нежели героические поэмы, написанные стихами трагедии и оды³. Теоретики той эпохи вообще сомневались в ее способности выразить всю силу и глубину страстей человеческих: "Проза становится для них слаба"⁴.

Через прозу шел в литературу поток новых идей, расшатывавших красивый, канонически правильный, но душевно несколько бедный мир классицизма, причем главным жанром здесь становился стремительно развивавшийся роман: "Роман вытеснял классическую литературу"⁵. В общем, это известное, часто цитирующееся утверждение Г.А.Гуковского верно, но романы и их авторы и тогда были очень разные. Следовательно, и вытесняли они классическую литературу по-разному, с разными целями и намерениями. Такова была логика литературной жизни и борьбы.

³ См.: Билинкис М.Я. Русская проза XVIII века. Документальные жанры. Повесть. Роман. СПб., 1995.

⁴ Собрание лучших сочинений к распространению знаний и к произведению удовольствия. 1762. Ч. III. С. 125.

⁵ Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. С. 222.

Вокруг художественной прозы и в особенности вокруг главного ее жанра - романа завязалась во второй половине XVIII века серьезная полемика⁶. Время для споров было выбрано не случайно. В начале столетия спорить (да и писать прозу), в сущности, было пока рано: тяжеловесные "гиштории" и само состояние русского литературного языка, прозаического повествования тому мало способствовали.

Замечательный теоретик литературы и посредственный поэт В.К.Тредиаковский в "Предъизъяснении об ироической пииме" (1763) именовал романы "сказками" и "романцами", те же колебания мы видим у Ломоносова, т.е. термин еще не был определен окончательно. Затем русская художественная проза прошла через школу перевода, неизбежное "преложение" западных образцов на отечественные нравы и темы, через стилизацию и приступила к созданию оригинальных книг, опираясь на фольклор, рыцарские романы, историю "типов" и нравов нарождающейся России. Писатели-масоны деятельно участвовали в этой литературной работе. Какова же была их позиция и роль в становлении и развитии русской прозы?

Прежде всего, надо отметить, что прозаики-масоны не примыкали к одному из литературных лагерей, имели собственный взгляд на пути и назначение прозаических жанров. Как и для всех русских литераторов XVIII столетия, главной для них была проблема наследия, национальной самобытности. В.А.Левшин, издавший у Новикова свои десяти томные "Русские сказки", писал во введении: "Романы и сказки были во все времена у всех народов; они оставили нам вернейшие начертания древних каждой страны народов и обыкновений. Россия имеет такие свои, но оные хранятся только в памяти"⁷. Все эти "русские" (Левшин) и "славенские" (М.Д.Чулков) сказки и "старинные диковинки" (М.И.Попов) были талантливыми

⁶ См.: *Budgen D.E. The Concept of Fiction in Eighteenth-Century Russian Letters // Great Britain and Russia in the Eighteenth Century: Contacts and Comparisons. Newtonville, 1979.*

⁷ *Левшин В.А. Русские сказки. М., 1780. Ч. I. С. 2.*

стилизациями русского и западного фольклора, вольными до полного забвения о первоисточнике вариациями на сказочные темы и сюжеты⁸.

Все эти талантливые, порождавшие оригинальные книги заимствования из народного творчества, ренессансных новелл и рыцарских романов объяснялись в эту переходную эпоху просто: прозаики искали для своих беллетристических книг занимательные сюжеты, экзотический "местный колорит", героические характеры, красивые любовные и воинские приключения, освобождающую творческое сознание сказочную фантастику.

Ничего этого новый, пребывающий пока в хаосе становления русский быт дать не мог, ибо сам еще находился в состоянии двойственном, соединяя в себе миры Древней Руси и новой Российской империи. Столь же двойствен был и так называемый "новый герой" - человек, метавшийся между этими мирами, переставший быть самобытным сыном допетровской Руси и не ставший еще полноправным гражданином просвещенной Европы. Это был дворянин, т.е. представитель боевого служилого сословия, ставшего теперь одновременно и правящим.

Но Табель о рангах царя Петра открыла путь в дворянство всем способным и храбрым людям из народа. Это окончательно разрушило строгую иерархию бытия, присущую Древней Руси и породило хроническую нестабильность, неуверенность людей в завтрашнем дне, отличающую новую Россию. Поэтому новый человек петровской эпохи и позднейших времен никогда не чувствовал себя полноправным хозяином русской жизни и собственной судьбы, все время выслуживался, изворачивался и унижался, кровью и потом, правдой и неправдой добивался чинов, наград и денег, волей-неволей участвовал во всех войнах, переворотах и заговорах, претерпевал гонения и жестокие наказания. Он мог взять Нарву, героически

⁸ Теперь есть доступные, хотя и неполные, популярные издания. См.: Чулков М.Д. Пересмешник. М., 1987. Приключения славянских витязей. Из русской беллетристики XVIII века. М., 1988. Повести разумные и замысловатые. Популярная бытовая проза XVIII века. М., 1989.

биться с турками и шведами, жениться, народить детей, но внутренний мир его не мог пока дать материал для настоящего романа.

У русского писателя-романтика В.Ф.Одоевского, тесно с масонской литературой связанного, есть фантастическая повесть о петровской эпохе "Саламандра" (1841), где о "новом герое" сказано одной только фразой: "Сын Зверева был всегда в походах"⁹. Более сказать о нем в прозе нечего, ибо с точки зрения литературы, художественной прозы, повести и романа этот рядовой человек петровской эпохи, в отличие от негероического Евгения Онегина или хладнокровного скептика Печорина, одномерен.

Ни действительность, ни герой, ни общее состояние литературы не давали оснований для подлинного реализма и подлинного психологизма, без которых классический русский роман невозможен. Само по себе это ни хорошо, ни плохо, ничего обидного для отечественной литературы XVIII века и ее талантливых писателей здесь нет; такова историческая ситуация, в которой не мог появиться никакой "просветительский", да и любой другой реализм. С этим обстоятельством приходилось считаться и создателям новой русской художественной прозы.

У этой прозы было два пути, два выхода из уникальной культурной и исторической ситуации: писать далекие от отечественной грубоватой реальности "русские сказки" о богатырях и волшебниках или же изображать новую действительность и нового героя доступными художественными средствами, бедность коих, как и бедность самих действительности и героя, ощущалась всеми. Второй путь был единственно возможен и верен и к тому же не отрицал безусловной законности и пользы пути первого. Писатели-масоны хорошо понимали суть трудной культурной ситуации и свои творческие задачи соизмеряли с общим состоянием нарождающейся литературы и развитием прозаических жанров и самого литературного языка, находившегося в становлении.

Как всегда, орденская литература обратилась к теории, там искала объяснения закономерностей развития художественной прозы. Масоны много сделали для становления отечественного литературоведения, очень серьезно, академично разрабатывая теорию прозы.

Написано множество статей в журналах - от Сумарокова до А.Т.Болотова. Самое заметное масонское издание, этой теме посвященное, - напечатанное изданием Н.И.Новикова и Типографической компании сочинение Гуэция (так тогда писалось имя французского писателя XVII века П.-Д.Юэ) "Историческое рассуждение о начале романов" (1670, русский перевод 1783). Здесь, как всегда, характерен сам выбор книги для перевода (переводчик Иван Крюков), причем ясна убыточность этой "некоммерческой" акции.

Это классическое ученое сочинение, выводящее историю и теорию романа как жанра прозы из глубины веков, из чтимого масонами Египта, арабской и персидской литературы, Греции и Рима, литератур средневековья. Хотя автор-француз считал любовь "главной материей" романа, но русских масонов привлек другой его теоретический вывод: "Главное намерение романов... есть наставление читателей, которым надобно всегда показывать добродетель увенчанную, а порок наказанный"¹⁰. Гуэций утверждал, что романы должны быть только в прозе, подчиняться строгой системе правил, быть более реалистичными, нежели эпические поэмы в стихах, не чуждаясь при этом чудесного. Всеми этими особенностями и отличались романы русских прозаиков-масонов.

Перевод сочинения Гуэция о романах, присоединившись к ученым книгам И.Г.Зульцера и К.Мейнерса, стал заметным явлением в истории русского литературоведения. Но все дело в том, что он к тому времени

⁹ Одоевский В.Ф. Соч. М., 1981. Т. 2. С. 163.

¹⁰ Гуэций <Юэ П.-Д.>. Историческое рассуждение о начале романов. М., 1783. С. 5.

устарел и к тому же завершал эпоху становления романного жанра и, шире, всего русского прозаического повествования.

Главные масонские романы и повести русских писателей тогда уже были задуманы или написаны. Авторитет западного теоретика лишь подтвердил обоснованность и верность их творческих исканий, чем и объясняется запоздалый перевод книги Гуэция на русский язык. Полемика о романе и первое обращение русских писателей к литературоведческому труду Гуэция состоялись на полтора десятилетия раньше, и именно тогда определились основные направления развития русской масонской прозы.

Масонские инвективы в адрес просветительской литературы и главного ее жанра - романа обобщил потом ученик Шварца мистик А.Ф.Лабзин: "С изобретением книгопечатания знания полились рекою во все концы и быстрым своим потоком ниспровергли многие здания ума, подмыли и подрыли самые основания долголетних опытов и наводнением своим иные места запрудили, другие опустошили. Мелочи всплыли наверх и скрыли под собою немелочные произведения; люди стали ловить, что всплывало, а что всплывало, то стало ловить людей; родилась страсть к писанию, явились подражатели и копиисты, явились подражания подражаниям и копии с копий; а оригиналы исчезли, творческий ум как бы притиснут стал типографским станком"¹¹. Ясно, что масонов не устраивал предложенный просветителями тип романа, а не сам жанр как таковой. Более того, писатели ордена хотели возродить роман как высокий учительный жанр и освободить романиста от служения философской и литературной моде и законам массовой беллетристики.

Масонские мысли о природе и назначении романа вначале приняли форму критических суждений и породили критику и даже теорию литературы. Речь шла о выборе типа романа для прозы русских масонов, поэтому так основателен теоретический подход к проблеме жанра,

являющийся при всей своей внешней академичности полемическим. И снова литературные теории рождаются в колыбели масонства - Московском университете.

Одна из первых русских работ по теории романа написана еще в 1762 году профессором-масоном И.Рейхелем по поводу фонвизинского перевода на русский язык романа французского писателя Ж.Террасона "Геройская добродетель, или жизнь Сифа, царя Египетского, из таинственных свидетельств древнего Египта взятая".

Здесь повторилась история с трактатом Ярта о поэзии. Юный Денис Фонвизин по совету своего профессора выбрал для перевода толстенный многотомный роман аббата Террасона, "природного француза и Королевской Академии члена", как написано на книге, изданной тем же Людвигом Вевером. И опять выбор не случаен, свидетельствует не только о личных литературных вкусах Рейхеля и Фонвизина, но и о продуманной политике ордена в отношении романа¹². Это и есть характерный прием масонской литературной полемики. Роман Террасона сознательно противопоставлен знаменитой книге Фенелона, из которой ошибочно выводятся многие масонские романы, и прежде всего сочинения М.М.Хераскова. Однако многотомное издание Рейхеля - Фонвизина - Вевера, явно одобренное Херасковым и, уж во всяком случае, ему известное, свидетельствует о другом.

Это тяжеловесная и скучная ученая книга с многочисленными сносками и комментариями, изложением разных исторических сведений и тайных учений, аллегорическое путешествие, несущее в себе близкие масонам идеи и нравоучения¹³. Причем Рейхеля привлекли в романе не только философия и мораль: еще П.А.Вяземский усмотрел в надгробной речи жреца изложение политических доктрин ордена: "В сей речи, под видом похвалы усопшей,

¹¹ Сионский вестник. 1818. № 1. С. 210.

¹² См.: Сахаров В.И. Переводы молодого Д.И.Фонвизина и литературная полемика 1760-х гг. // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 5. Перепечатано в моей книге «Русское масонство в портретах».

ясно изложены правила чистой политической нравственности”¹⁴. Интересно, что ссылка на перевод с французского не соответствует действительности: Фонвизин тогда по собственному признанию французского еще не знал и переводил книгу с немецкого ее издания 1732-1737 годов, данного ему Рейхелем. Любопытно и введение, где переводчик признает, что книга Террасона - не роман, а нечто другое. Главным ее достоинством Фонвизин считает открывающее тайны премудрости нравоучение, а свою задачу определяет так: "Что же надлежит до моего перевода, то я главное имел старание не отступить по возможности от автора и изображать все его мысли, которыми он старается сделать полное нравоучение"¹⁵.

Этот точный перевод нравоучительной масонской книги и поддержал профессор Рейхель в своей ученой статье. Она вполне профессиональна и к тому же в некоторых своих тезисах повторяет мысли тогда еще не переведенной книги Гуэция о романе. Опираясь на положения французского теоретика, Рейхель разработал типологию европейского романа от античности до середины XVIII века и дал определение жанра; он советовал русским писателям подражать именно роману Террасона: "В нем находятся такие нравоучения, такие тонкие рассуждения и высокие мысли, каких в "Телемаке" искать бесполезно... "Сиф" не столь приятен, как "Телемак"; но он превосходит "Телемака" в учености, философии и нравоучении"¹⁶.

Любопытна сама логика аргументов литературоведа-масона ("не столь приятен... но"). Здесь указаны образцы, определены основные черты будущего масонского романа ("ученость, философия и нравоучение", "высокие мысли") и содержится резкая критика французских романистов, тяготевших к реализму (особенно тут досталось Кребийону-сыну) и обвиненных критиком-масоном в "повреждении нравов".

¹³ См.: *Стричек А.* Денис Фонвизин. Россия эпохи Просвещения. М., 1994. С. 73-74.

¹⁴ *Вяземский П.А.* Фонвизин. СПб., 1848. С. 33.

¹⁵ *Террасон Ж.* Геройская добродетель, или жизнь Сифа, царя Египетского, из таинственных свидетельств древнего Египта взятая. Перевел Денис фон Визин. М., 1762. Ч. I. С. 4-5.

¹⁶ Собрание лучших сочинений к распространению знаний и к произведению удовольствия. 1762. Ч. III. С. 103.

Для масонской критики характерны нападки на занимательные переводные романы типа "Маркиза Глаголя", "Кливленда", "Железной маски", наводнившие русский книжный рынок. Она уверенно делит литературу на ложную и подлинную и свою задачу видит в решительном изменении движения отечественной словесности, журналистики, переводческой и книгоиздательской деятельности.

Выполнению этой задачи посвятили свою жизнь сменившие Вевера масонские издатели Новиков, Лопухин, Лабзин и Бекетов, печатавшие в основном духовные, философические и нравоучительные книги и журналы и существенно изменившие круг чтения дворянства и просвещенных разночинцев. Немецкий розенкрейцер вспоминал о русских "братьях": "Однажды я рассказывал <Вельнеру>, как сильно любят они теозофию и мистические книги и какое они питают отвращение к химии"¹⁷.

Романы, о которых писал теоретическую статью Рейхель, вскоре появились и были изданы. Это была продуманная борьба с существовавшими тогда литературными вкусами. "Государственный" классицизм просветителей в прозе всячески дискредитировался и вытеснялся масонской "тайнописью", антипросветительской по своей идейной и художественной сути.

С точки зрения истории жанра масонский "роман испытания", образец которого Рейхель и Фонвизин нашли в громоздкой и скучной книге Террасона, продолжал традиции барочной прозы: "Барочный роман стал для последующего времени энциклопедией материала: романских мотивов, сюжетных положений, ситуаций"¹⁸. Другое дело, что к этому времени эта традиция стала уже архаической, и русские прозаики-масоны, в сущности, продлили жизнь неактуальному жанру, что неизбежно сказалось на художественном уровне херасковских "романов испытания".

¹⁷ Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. С. 86.

¹⁸ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 199.

Вообще масонскую прозу в "чистом" виде обнаружить практически невозможно: всегда она таится, не желает высказаться прямо, изобретает условный язык-шифр, умело скрывается за различными личинами и сложными иносказаниями, для выражения своих сокровенных идей с легкостью пользуется готовыми художественными формами, жанрами и стилями, созданными другими литературными направлениями, и прежде всего литературой классицизма, а затем и сентименталистами.

Характерная деталь: проза русских масонов часто стремится подделаться под перевод, выглядеть иностранной литературой. В масонском журнале "Утренний свет" многочисленные безымянные нравоучительные "восточные" повести ("Возалдаб", "Аз-Нейта" и др.), печатавшиеся рядом с переводами из Виланда, Юнга и Паскаля (впрочем, за сочинения последнего тогда принимали фрагменты из книги П.Ж.Брийона), тоже обозначены как переводы с шведского, немецкого и французского языков, хотя некоторые из них - оригинальные творения русских писателей-масонов.

Столь устойчивый и явный интерес к "восточному" колориту и жанру философической повести свидетельствует, что русские писатели-масоны очень многое заимствовали в литературе французского классицизма. Их многочисленные повести в восточном стиле и волшебные романы-сказки (такие, как "Золотой прут" Хераскова) образцом своим имели прозу Монтескье и Вольтера.

Оттуда позаимствованы весьма прямолинейные дидактизм и условность, присущие масонским нравоучительным "романам путешествий" и взятые из европейски известных произведений французских писателей. "Над всеми романами Хераскова веет дух Фенелона", - отмечал позднейший исследователь¹⁹. Мы знаем теперь, что это был дух куда менее известного и талантливого Террасона.

¹⁹ *Благосветлов Г.Е.* Исторический очерк русского прозаического романа // Сын отечества. 1856. № 31. С. 94.

И все же образованный купец, литератор и издатель Благодетель ошибался не очень сильно: роман Хераскова "Нума Помпилий, или Процветающий Рим" (1768) представляет собой слегка беллетризованный политический трактат о просвещенном и добродетельном государе, мало отличающийся от творений Фенелона и других писателей французского классицизма. Ибо эту и другие идеи просветителей масоны принимали, хотя и вкладывали в них особый смысл.

Тем не менее, первостепенно важные идеи русских масонов не могли быть выражены в формах тогдашнего классицизма. К тому же он не являлся для масонов единственным образцом для подражания, очевиден их интерес к прозе позднего барокко. В европейской литературе последней трети XVIII века оформилось новое направление - масонское, в котором некоторые исследователи усматривали "кризис просветительского реализма"²⁰.

Просветительский реализм навряд ли существовал в XVIII веке, когда для его возникновения не имелось исторических условий и предпосылок. Но масонская проза тогда была, причем объяснить ее появление одним "кризисом" классицизма и просветительства невозможно, а именовать реалистической затруднительно.

Отчасти это можно увидеть по прозаическим переводам русских масонов. Достаточно сослаться на переведенные А.С.Волковым масонские романы Ф.-О. д'Арка "Дом молчания" и Э.-М.Рамзея "Новое Киронаставление". Большое влияние на русскую прозу оказал масонский роман-утопия Л.-С.Мерсье "Год две тысячи четырехста сороковой", также переводившийся. Живший одно время в России и много здесь печатавшийся немецкий пастор И.Штарк был интересным прозаиком и написал масонский роман в письмах "Сен-Никэз" (1785). Популярны были переводы "Агатона" и "Истории абдеритов" Виланда. Отношение ордена вольных каменщиков к

²⁰ См.: Жирмунский В.М., Сигал Н.А. У истоков европейского романтизма // Уолпол Г., Казот Ж., Бекфорд У. Фантастические повести. Л., 1967. С. 265. Себежко Е.С. Друг друга отражают зеркала... Уильям Бекфорд и его след в русской литературе. М. – Калуга, 2002.

Г.А.Потемкину выразилось в выборе В.А.Левшиным для перевода немецкого романа-памфлета И.Альбрехта "Пансалвин, князь тьмы" (М., 1809). Этот список можно продолжить (один Левшин перевел в 1780 году целую "Библиотеку немецких романов" в трех томах), и видна будет вся западноевропейская литература масонской ориентации, в контексте которой надо читать художественную прозу русских масонов²¹.

В ней можно встретить самые разные произведения - от знаменитой, повлиявшей на русских романтиков и Пушкина повести французского писателя Жака Казота "Влюбленный дьявол" (1772, русский перевод - 1780) до весьма сухой аллегории немецкого писателя Ф.Кёппена "Crata repoa", дважды переведенной и изданной русскими масонами и вызвавшей весьма характерный спор между Новиковым и И.Штарком, попавший и на страницы масонского журнала "Утренний свет"²². Заметим, что, только очутившись в России и добившись влияния при дворе Павла I и материального достатка, немецкий писатель-масон и русский генерал Ф.-М.Клингер смог издать на родине в Лейпциге (на книге местом издания обозначен Петербург) свой ранний «штюрмерский» роман «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад» (1791?), написанный, по всей видимости, еще десятью годами ранее в Германии и известный некоторым литераторам в рукописи. Здесь же был написан и издан в Петербурге по-французски столь же знаменитый роман поляка Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе». Картина получается достаточно пестрая. Но это уже единое литературное направление, частью которого стала затем проза русского масонства.

На стиль масонской прозы повлияли и усердно переводившиеся русскими писателями книги Парацельса и других алхимиков, знаменитая аллегорическая повесть "Хризомандер", философские сочинения мистиков

²¹ См.: Рак В.Д. Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века. Иностранные источники, состав, техника компиляции. СПб., 1998.

²² См.: Медовой М.И. "NN иностранец" и "Всезнающий" // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11.

Я.Бёме, Д.Пордеджа, Л.Сен-Мартена, Э.Сведенборга, Юнга-Штиллинга, Г.Сковороды, отличающиеся сложной и разветвленной символикой, самобытной художественной образностью, характерной для литературы барокко. Эти философско-мистические сочинения воспринимались читателями как романы, чему свидетельство - написанное литератором Ф.В.Каржавиным на книге Сведенборга "Чудеса неба и преисподней" (хранится в Библиотеке Академии наук) "мнение": "бредни метафисико-богословские... метафисико-богословский роман". В масонских романах можно заметить явственное воздействие стиля Библии, массовое дешевое издание которой было осуществлено Новиковым и пользовалось огромным успехом у читателей²³.

Интерес к библейскому стилю и темам сказался и в переводе поэмы Клопштока "Мессия", выполненном в прозе А.М.Кутузовым. Молодой Карамзин переложил прозой философскую поэму А.Галлера "О происхождении зла". Интересны и фонвизинские опыты прозаических переводов библейских поэм, которые похвалил в своей газете «Санкт-петербургские ведомости» видный масон и поэт И.Ф.Богданович. Наконец, многие образы масонской прозы непосредственно заимствованы из ритуалов и символики лож "вольных каменщиков", где также ощущается влияние библейского стиля и встречаются цитаты из Ветхого и Нового завета, апостольских посланий и псалмов, сочинений "отцов восточной церкви", а также из Талмуда.

Все это повлияло на "барочное" масонское повествование, державшееся на витиеватых словесных фигурах, величественных образах и философических силлогизмах в стиле Сковороды: "Мир есть великолепный корабль на опасных морях: смотреть на него приятно, но сесть на него весьма опасно. Проходит он с забавами своими, и актеры его скоро

²³ См.: Рижский М.И. История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978.

переменяют сцены"²⁴. Это цитата из трактата "Кто я?", написанного рукой опытного и даровитого литератора, ходившего по масонским рукописным сборникам и не предназначавшегося для печати.

Но вот еще один хранящийся в орденом архиве рукописный сборник, и в нем художественное произведение - диалог "Дружеский разговор о мире", где говорится в том же масонском усложненном велеречивом стиле: "Мы рождены к истинному счастью и к нему путешествуем; а жизнь наша есть путь, как река текущая"²⁵. В архиве И.П.Тургенева хранится биография С.И.Гамалеи, написанная скорее всего тем же Левшиным, где даны портреты Новикова и Гамалеи в старости и сказано: "Мир души их вот их награда! Вот два кормщика, беседующие на обломках кораблей!"²⁶. Напомним, что в этих же сборниках аккуратно переписано с авторской рукописи слово Фонвизина на смерть князя Г.А.Потемкина, прозаическое сочинение, для масонов столь же важное, как и ода Державина на смерть масона-мастера Мещерского, ими впоследствии опубликованное и интересно перекликающееся с переведенным Левшиным немецким романом "Пансалвин, князь тьмы".

Именно в орденских трактатах зарождается прозаическое повествование, и даже в чисто служебных "Материалах для каменщиков" вдруг возникают изящные, литературные, далекие от схоластики и дидактики фразы: "Что же заставляет автора писать? Сия ли болтливость нетерпеливой полноты сердца?"²⁷. Сразу вспоминаются слова Пушкина о том, что роман требует болтовни. Таков закон повествования, которому позднее научил Карамзина и других русских писателей Лоренс Стерн.

Но пока необходимость в "болтовне", т.е. в свободном разговоре автора-повествователя с читателем ощущалась как желаемое, но трудно достижимое мастерство вольного слога. И первые опыты такого "слога"

²⁴ ГИМ. Ф. 281. Оп. 1. Ед. хр. 180. Л. 24об.

²⁵ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. Ед. хр. 159. Л. 60.

²⁶ ГИМ. Ф. 247. Ед. хр. 8. Л. 97об.

появляются в орденских трактатах. И.П.Елагин, поэт, обратившийся к прозе, начинает писать вполне литературные "Скаски", открывает их "Маленьким словцом к читателям", обещает поведать им не басню ("Ибо басни ложь, а скаски быль"), но рассказать "простым слогом" "какое-нибудь **бытие**"²⁸. А в конце концов у него получается масонский философско-алхимический трактат с рассуждениями о символах огня и воды, солнце мира, с аллегориями и иносказаниями, алхимическими знаками и древнееврейскими буквами на полях рукописи. В печать эти "Скаски" не попали, оставаясь частью сокровенной масонской эзотерики.

В.А.Левшину также удалось выйти из сферы потаенной масонской словесности в открытые просторы официальной печатной литературы с памфлетом, направленным против скептических софизмов Вольтера. Но его прозаическое произведение памфлетом не ограничилось. Споря с французским философом по поводу его поэмы на разрушение Лиссабона, русский писатель следовал орденским трактатам о человеке. Впрочем, это сочинение Вольтера перевел тогда масон Богданович.

Деист Вольтер утверждал, что все на свете цепь случайностей и что провидения не существует. В.А.Левшин в ответ написал поэму в прозе о красоте и величии человека, доказывающего своим существованием в коловращении мира бытие Бога – великого строителя вселенной: "Человек есть как бы союз и средняя точка всей Природы... Всяк видит, что для человека находится все, что земля внутри и снаружи в себе ни имеет... Человек есть средоточие дел Божиих на земле, он есть намерение оных, на нем утверждается все согласие оных... Богу невозможно было создать человека, чтоб лишить душу его воли"²⁹. Написано это по поводу поэмы великого французского писателя, но мысли и стиль взяты из тайной

²⁷ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. Ед. хр. 159. Л. 28об.

²⁸ РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 249. Л. 1.

²⁹ *Левшин В.А.* Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме г.Волтера на разрушение Лиссабона. М., 1788. С. 14, 15, 38, 56.

масонской "архивы", из рукописных сборников и трактатов о смысле бытия и назначении человека.

То же самое можно сказать о недавно опубликованных сочинениях А.Т.Болотова "Письма о красотах натуры" (начало 1790-х годов) и "Живописатель натуры" (1794-1798). Это лирико-философские письма о русской природе, замечательная по своей поэтичности и живописности проза и в то же время масонский трактат, доказывающий всемогущество Великого Архитектора Вселенной: "Натура всегда вещает и всем доказывает мне, что течение и деяние ее не происходят просто и по единому только слепому случаю, но оснуются на порядке, устроенном владыкою и зиждителем мира... Силы таковых немощных тварей, каковы мы, далеко недостаточны к произведению в деяниях ее и малейшей остановки и перемены"³⁰.

Не стоит усматривать в этой прозе заметки фенолога. Орденская философия считала, что Бог растворен в зримой природе, где надо искать доказательства его бытия. Об этом говорилось в изданной Лопухиным книге И.Арндта "Об истинном христианстве" (М., 1784), которой и следовал Болотов. Его масонская натурфилософия почти дословно совпадает с аргументами Левшина в споре с поэмой скептика Вольтера и обоснована в рукописных орденских трактатах о стихиях природы.

Конечно, рукописная орденская литература - лишь один из многочисленных источников и образцов русской масонской прозы. Она изначально архивная, не предназначена для печати и не посвященного в тайны лож читателя. Но от нее шел скрытый поток капитальных идей, организовывавший на свой лад художественную ткань прозы "легальной", т.е. романов, повестей, "сказок" и других "малых" жанров, разрабатываемых масонами.

³⁰ Болотов А.Т. Избранное. Псков, 1993. С. 289.

Поэтому проза эта неизбежно тяготела к существенной сложности, многосмысленности и разнородности сюжетов, художественного материала и идей. Как и в поэзии, мы встречаем здесь жанровую и стилистическую пестроту, многослойность сюжетных построений и художественных образов, не допускающих прямолинейного, однозначного восприятия и толкования, архаичный язык, обладающий особой возвышенной гармонией и иногда соединявшийся с гибким "просторечием", живой устной речью народа.

Одна из первых прозаических масонских книг показала, что стиль этот и сами темы масонов происходят из орденой "герметической" библиотеки. Ф.И.Дмитриев-Мамонов свою сатирическую утопию-аллегория-памфлет "Дворянин-философ" (1769) присоединил к переведенной им стихами и прозой повести Лафонтена "Любовь Псиши и Купидона".

Сложность точной формулировки жанра мамоновской книги связана с ее изначальной конспективностью, стремлением поставить перед собой и решить сразу несколько задач. Автор соединяет ученую книгу с сатирой, не просто следуя "Микромегасу" Вольтера, но высказывая здесь свои мысли вольного каменщика и демонстрируя хорошее знакомство с орденой символикой и эмблематикой, с трактатами масонов. И его книга - не только "интересное подражание "Микромегасу""³¹. Думается, что более прав В.В.Сиповский, писавший: "...Весь исходя из Вольтера, поняв его и прочувствовав, Дмитриев-Мамонов ушел дальше его в безотрадном понимании жизни"³².

Мамонов написал конспект философского романа, и там влияние идей и символов масонства видно уже в переосмыслении сатирической схемы книги Вольтера. Некий дворянин-философ чуть ли не под Смоленском устроил в своем имении "план света" по системе Коперника, уточнив ее на

³¹ Заборов П.Р. Русская литература и Вольтер. XVIII - первая треть XIX века. Л., 1978. С. 16.

³² Сиповский В.В. Философские настроения и идеи в русском романе XVIII в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. № 5. С. 76.

свой лад. Это деталь автобиографическая: Дмитриеву-Мамонову, придумывавшему слишком оригинальные планетные системы и толковавшему устройство мира, самому присуща чисто масонская любовь к астрономии, изучающей божественное создание - вселенную, сотворенную Великим Архитектором.

"Вся моя аллегория ни к чему больше клонится, как явить разные неосновательные мнения суемудрых людей о свете, то как и все наши священные писания, преизнаполнена притчами нравоучения", - уверял Дмитриев-Мамонов³³. Книга его написана в защиту философии ("Великому философу надлежит много быть любиму всеильным Богом"), а философия эта выражена в терминах ордена вольных каменщиков типа "Великий огонь - золото" и "тленность всех людей".

Знаменитая притча о двенадцати черных муравьях, в которой усматривали антиклерикальную сатиру и вольтерьянское вольнодумие, вполне укладывается в рамки споров масонов - создателей "внутренней" церкви с церковью "внешней", официально-государственной, осуществлявшей за орденом строгий "духовный" присмотр и цензуровавшей его книги и журналы. Главная черта утопии Дмитриева-Мамонова - сухоощающая умозрительность и схематичность, насыщенность памфлетными намеками и бедность художественной ткани. Это прямое следствие тогдашнего состояния литературы.

Прозаик-масон идет от ученого "трактатца" к роману, и это путь многих писателей, приоткрывающий художественную лабораторию орденой прозы. Путь этот приводит к насыщению прямолинейно-логического повествования образами и усложнению его аллегорическими фигурами. В масонских архивах имелось систематизированное собрание подсобного художественного материала, откуда и черпали прозаики.

³³ Дмитриев-Мамонов Ф.И. Дворянин-философ. Аллегория. Смоленск, 1796. С. 404.

Для творческого мышления писателей-масонов, которому отнюдь не чужд холодный рационализм, характерно стремление к продуманной иерархии образов, разветвленной символике и эмблематике, причем сюда включаются соответствующим образом отобранные и переработанные древние мифы, легенды (в основном египетские, библейские, греческие и римские), рассказы античных историков, прозрачные намеки на тогдашние общественные события (правление императрицы Екатерины II, войны, революцию во Франции и т.п.), а также памфлеты, утопии и антиутопии. И весь этот разнородный материал стянут воедино "составным" масонским мировоззрением, видевшим в художественной прозе один из центральных путей своего выражения и распространения.

Было бы очередным упрощением сводить источники масонской прозы к орденским трактатам и мистическим книгам Бёме, Поредджа и Юнга-Штиллинга. Мы не случайно упомянули в начале главы о "славенских сказках", этих пестрых и увлекательных стилизациях "под фольклор", пользовавшихся успехом у массового читателя. Масоны умело используют этот популярный жанр прозы как модную литературную оболочку, скрывающую их идеи и несущую их в, условно говоря, широкий (а фактически весьма ограниченный) круг культурных русских читателей. Здесь рождался еще один парадокс: масонская проза, опирающаяся на тайное знание ордена, обречена была на элитарность, но жаждала громких успехов, доступных лишь "массовой" литературе, романам, новеллам и сказкам.

Здесь характерный пример - известные "Русские сказки" В.А.Левшина, изданные Н.И.Новиковым³⁴. Этот многотомник вобрал в себя русские летописи, фольклор и лубок, иностранную волшебную-рыцарскую литературу, юмористическую интонацию сатирических повестей-аллегорий

³⁴ См.: *Омелько Л.В.* "Русские сказки" В.А.Левшина и проблема становления русского романа // Художественная традиция в историко-литературном процессе. Л., 1988. *Омелько Л.В.* Масонские идеи в прозе В.А.Левшина 1780-х годов // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. М., 2000.

Вольтера, и весь этот разнородный литературный материал, умело обработанный и сюжетно соединенный в цикл "сказок", а точнее повестей, способствовал становлению русского повествования и жанра романа.

Это была уже "массовая" литература, использующая безотказные пружины занимательности. "Русские сказки" Левшина можно сравнить с "Пересмешником" М.Д.Чулкова и другими популярными тогда сборниками повестей и волшебных новелл.

Из воспоминаний А.Т.Болотова и позднейших писем Левшина (ИРЛИ) мы знаем, что автор "Русских сказок" был литератором-профессионалом, не без основания видевшим в Новикове опытного и хитрого эксплуататора капиталистического образца, хотя при всем размахе и деловитости издателя-масона деятельность Типографической компании была весьма патриархальна. Но у Новикова и его компаньонов имелись свои воззрения на литературу и весьма жесткие требования к авторам. В случае с талантливым и трудолюбивым Левшиным обращение издателей с автором и его оригинальным замыслом оказалось волевым, в его вполне "светские" сказки под давлением редакции введена масонская новелла, в своей астрономической теме схожая с трактатом Ф.И.Дмитриева-Мамонова "Дворянин-философ" и отчасти перекликающаяся с третьей главой сентиментальной повести М.Н.Муравьева "Обитатель предместия"³⁵.

В восьмом томе "Русских сказок" среди увлекательных историй с рыцарями, волшебниками и красавицами вдруг появляется явно "вставной", совсем не нужный автору эпизод, где описывается некий древний храм - галерея аллегорических истуканов. Новый текст введен уже в корректуре, после чтения гранок, и выполнено это поспешно и неаккуратно, перепутаны страницы. Остроумный автор книги вынужден сделать здесь странное примечание, что эту его "вставку" прочтут против своей воли, "ошибкой" и, может быть, полюбят. Это похоже на извинение.

Уже появление глобуса в круглой зале храма говорит о многом: это образ рассеяния "братьев" по миру и вместе с тем символ 24-й степени шотландского ритуала масонства, вводящей мастера в высшее тайное знание³⁶. Ибо храм - масонский, и описание его становится в орденской прозе общим местом. Над глобусом - образ солнца, и о нем сказано: "Солнце есть истинный элемент единственного огня"³⁷. Опять заходит речь о главной движущей силе мироздания и нашей вселенной, о чем задумывался и поэт-философ Ломоносов.

Автор уверяет, что чтимое, воспетое масонами светило состоит из тленного вещества и потому подвержено бурям и "умалениям". В зале стоят шесть истуканов - олицетворенная солнечная система, вместе с тем дающая и список основных элементов, из которых согласно орденскому учению составлены человек и мир, микрокосм и макрокосм. Есть здесь тайнопись знаками и цифирью, выражения типа "великая лира света", "сухой огонь" и "толстая вода", заимствованные из алхимических трактатов. Посетитель разговаривает с надзирателем храма о населении планет - великанах и лилипутах и о "проницании таинств".

Масонская астрономия переходит у Левшина в орденскую антропологию. Мир и человек признаны конечными, человек назван наисовершеннейшим творением. По своему стилю и мыслям эта тяжеловесная зашифрованная вставка резко отличается от всей остроумной и занимательной книги Левшина, явно написана под диктовку старших "братьев", решивших нагрузить популярную сказочную прозу казенной масонской поклажей.

Поиски жанра у Левшина не случайно соединяются с поисками стиля. Частью воззрений русских прозаиков-масонов на пути повествования были их представления о литературном языке, основе стиля художественной прозы. Язык, как уже говорилось, представлялся им системой

³⁵ См.: Русская сентиментальная повесть. М., 1979. С.75.

³⁶ *Ligou D.* Dictionnaire de la franc-maçonnerie. Paris, 1987. P. 507.

³⁷ *Левшин В.А.* Русские сказки. Ч. VIII. С. 79.

"тиероглифов", орудием орденской тайнописи и аллегории, художественным шифром, пользующимся символами, эмблемами и иносказаниями. В результате рождался фигурный, "барочный" стиль прозы.

Однако прозаики этого направления понимали всю сложность и первостепенную важность создания русского литературного языка, задолго до Карамзина и А.С.Шишкова мыслили сотворение языка как диалектику (борьбу) старого и нового "слога". И было бы непростительным упрощением трактовать масонов как убежденных архаистов, они предваряли здесь "новатора" Карамзина, открывали и указывали ему дорогу. Это верно и для Новикова, и для главной книги Радищева. Да и поэт и архивист И.Ф.Богданович, ставший предшественником Карамзина и в сочинении русской истории, писал: "Что надлежит до слога в моей книге, то хотя я стараюсь дать ему древнего нашего языка важность, свойственную лицам и вещам, представляющимся в *Российской* истории, но не вовсе избегаю употребления слов нынешних; ибо, почитая высокое *Славенороссийское* витийство умерших, не ставлю за маловажно соглашаться с простонаречием живых людей"³⁸.

Русские писатели-масоны отлично сознавали огромную популярность и действенность романа, теснившего классические оды, героические поэмы-эпопеи и трагедии. Их продуманная борьба с переводными романами отнюдь не означала отрицания самого жанра. Просто вместо дискредитированных книг враждебного им направления русские писатели-масоны хотели создать и утвердить в литературе и на книжном рынке свой собственный роман - масонский. Понимали они и то очевидное обстоятельство, что их существенно сложное философское мирозерцание не может быть выражено полностью в одной только поэзии. "*Сущность* поэзии и душа состоит в замысловатой *выдумке*, пользу приносящей, и в

³⁸ Богданович И.Ф. Историческое изображение России. СПб., 1777. Ч. I. С. 4.

подражании, по стопам измеряемом", - писал близкий к масонам архимандрит Аполлос³⁹.

Роман давал "выдумке" и "подражанию" гораздо больший простор, нежели поэтические жанры. И дело было не только в освобождении от "стоп". Херасков, например, воспринимал жанр романа "по Рейхелю" - как "свободную" эпическую поэму в прозе. В предисловии к роману "Кадм и Гармония" (1789) он так объяснял свое обращение к прозе: "Мне советовали переложить сие сочинение стихами, дабы вид эпической поэмы оно приняло... Но я не поэму писал, а хотел сочинить простую токмо повесть, которая для стихословия не есть удобна"⁴⁰. Следовательно, в романной форме воплощалась тема более "низкая", нежели в оде и поэтической эпосе, и в то же время более сложная, требующая объективного и разветвленного прозаического повествования о ней и развития главной идеи и характеров, а не одического "парения" и красноречивого славословия.

В масонских романах последовательно выражается новое мирозерцание, о чем писал уже осведомленный Карамзин: "Сочинитель "Кадма" хотел в привлекательной мифологической одежде сообщить *свои* нравоучения, политические наставления и понятия о разных вещах, важных для человечества"⁴¹. Херасков отчетливо провел грань между предметами романного и поэтического повествования, завершив политический роман-утопию об идеальном государе Нуме Помпилии классической одой в честь вполне реальной императрицы Екатерины II.

Поэтическая, одическая хвала уже представлялась русским масонам традиционной, обязательной, частью старой, от Ломоносова и Сумарокова идущей литературы классицизма. Новое же творческое осмысление центральных проблем жизни и человека требовало новой жанровой формы, которой и стал масонский прозаический "роман испытания". Г.А.Гуковский

³⁹ Аполлос. Правила пиитические. С. 5.

⁴⁰ Херасков М.М. Творения. Ч. VIII. С. IV.

⁴¹ Московский журнал. 1791. № 1. С. 80.

отметил особенность тогдашнего художественного сознания: "Херасков хотел победить и в прозе, победить, уступив кое-что и тем самым вводя новое в рамки законного движения"⁴². Стремление к новым прозаическим формам повествования и привело к появлению масонского романа, ставшего особой разновидностью этого жанра русской прозы XVIII века.

В основе масонского романа лежит аллегория. Мы встречаем ее и в классицистской прозе, но масонские аллегории и символы более разработаны и философичны, имеют иное назначение и смысл. Это целая наука, опирающаяся на словари и орденскую ритуальную литературу градусов и степеней.

Проза масонов учитывает не только основывавшиеся на многовековой эзотерической традиции реестры символов и обрядов, но и сам фигурный, "тиероглифический" стиль рассказа о них. Стиль этот - "закрытый", построенный по "принципу тайны", шифрованный, многослойный. Читателю его необходимо весьма основательное знакомство с тайным знанием ордена. Не случайно знаток масонских изданий и рукописей П.Н.Сакулин отнес художественный язык орденской эзотерики к "*ирреальному* типу"⁴³.

Уже в переводной немецкой масонской книжке "Crata heroa" введена строгая иерархия аллегорий и символов, отчасти соответствующая порядку масонской обрядности. Здесь лестница с ее ступенями - эмблема путешествующей души и т. п. Сова, с которой древние изображали Изиду и Минерву, толкуется не только как символ мудрости, но и как эмблема человеческого прозрения: "Человек, который сколь скоро на свет родится, бывает столь же слеп, сколько и сова. Однако своими хорошими опытами и философическою жизнью делается человеком"⁴⁴.

⁴² Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. С. 224.

⁴³ Сакулин П.Н. Русская литература. Ч. 2. С. 344.

⁴⁴ Кёппен Ф. Crata heroa, или Каким образом в древние времена происходило в таинственном обществе посвящение египетских жрецов. СПб., 1779. С. 42.

Интерес русских писателей-масонов к древнеегипетским мистериям, философии и литературе показывает, что ориентализм их прозы существенно иной, чем у писателей французского классицизма. Это мы видим не только в повести П.Ю.Львова «Храм Истины, видение Сезостриса, царя египетского» (1790), но и в одновременно с нею изданной книге Радищева. Здесь мы встречаемся с гораздо более усложненной, разработанной символикой и аллегоричностью, требующей особой многослойной образности. Польский писатель-масон конца XVIII - начала XIX веков Ян Потоцкий писал о характерном для того эклектичного времени интересе к Древнему Египту и его таинствам: "Особенно притягательной казалась загадочность египетской литературы, порождаемая, видимо, иероглифическим письмом и принципом, согласно которому следует обращать внимание не на символ, а на скрытую в нем мысль"⁴⁵. Те же особенности привлекли масонов к таинственным книгам иудейской каббалы и арабских мистиков и алхимиков.

Русские писатели-масоны прислушиваются к западноевропейским коллегам, принимают предложенную ими иерархическую аллерию, однако развивают ее в ином направлении. Они от философской схемы идут к повествованию в образах. Их символика и иносказание сцеплены между собою единым сюжетом и героями, движутся к развязке в рамках романа.

Книгой, отразившей движение русских прозаиков-масонов от иносказаний ритуальной прозы к аллегорическому роману, стала "священная повесть" Аполлоса "Лишенный зрения Ураний, несчастный государь".

Для масонской литературы образ слепца характерен; можно сказать, что это центральный ее образ, встречающийся и в прозе, и в поэзии (например, в одах В.Майкова и поэмах М.Хераскова). Он восходит к орденской

⁴⁵ *Потоцкий Ян*. Рукопись, найденная в Сарагосе. М., 1971. С. 381. Отметим, что первая часть написанного по-французски романа Потоцкого была анонимно опубликована в 1804 году в Санкт-Петербурге, а сам автор, там живший и служивший в коллегии иностранных дел, тесно связан с русскими масонами, и, прежде всего с М.Ю.Виельгорским.

концепции падшего человека и связан с масонской критикой просветительской философии, возвещавшей "царство разума" на земле. В романе о Нуме Помпилии Херасков, не до конца порвавший еще с просветительскими идеями Фенелона, изобразил легендарного римского царя, черпающего законы из "просвещенного разума". Этой идее масоны противопоставили теорию "повреждения", слепоты, прискорбной слабости человеческого разума. И вышедшая в 1780 году известная книга И.Лопухина так и называлась - "Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями и опровержение их вредных правил".

Аполлос написал книгу "Неразрывный союз двух братьев", умозрительную притчу-схему, которую называли "аллегорической повестью, изъясняющей сообщение души с телом"⁴⁶. Он развил затем масонскую идею повреждения разума в романе об Урании, где разветвленная аллегория для опоры в длительном повествовании уже потребовала определенного сюжета.

Его Ураний - это слепец, "человек вообще", путешествующий по свету в поисках прозрения. "А под именем *слепоты* разумею ослепление разума, а наипаче слепоту его в вышеестественных делах, т.е. в своем спасении", - пояснял автор во введении, говоря о намерении "описывать аллегорически"⁴⁷. Путешествием Урания и его образом все эти ветви символов (дом - рай, отец - бог, мнимые мудрецы - философы-просветители) соединяются в роман, а в обширных ученых комментариях аллегорическое повествование разъясняется со ссылками на историков и философов.

То есть здесь русский прозаик-монах идет по пути, указанному немецким теоретиком-масоном И.Рейхелем с помощью переводчика Д.Фонвизина, и пишет ученую книгу в духе романа Террасона о Сифе, царе Египетском. В сочинении Аполлоса рассудочному, логическому и потому неподлинному

⁴⁶ Евгений (Блоховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. М., 1995. С. 41.

⁴⁷ Аполлос. Лишенный зрения Ураний, несчастный государь. Священная повесть. М., 1784. С. 6.

знанию просветителей противопоставлено интуитивное проникновение в суть жизни и человека, откровение, умение видеть "внутренними очами" (И.Шварц).

С этой целью автор заставляет персонажа пройти по Древнему Египту, Греции, Риму, Иудее, побывать на строительстве Вавилонской башни, знакомит его с легендарным египетским мудрецом и магом Гермесом Трисмегистом, чьи "герметические" сочинения особо ценились и переводились русскими масонами, с Платоном, Зеноном, Эпикуром и другими античными мыслителями, открывающими Уранию путь к подлинному знанию и добродетели. "Но как разум человеческий и натуральное познание есть поврежденное, то Бог познается более из откровения", - пояснял смысл аллегории Аполлос⁴⁸.

Аллегория в прозе приняла форму романного повествования, хотя и сохранила черты "ученой" масонской книги для избранных. В "Урании" ощутим и стиль церковных книг, уроки семинарской риторики, ораторская интонация проповеди. В книге Аполлоса, в сущности, два слоя - художественный и научный, что проливает свет на происхождение масонской прозы, рождающейся не только в творческом переосмыслении европейских литературных образцов, но и в ходе ученых разысканий образованного философа-масона и православного богослова. Повествование пока не развито, автору-монаху не хватает литературного опыта и мастерства, увлекательного сюжета, знания механики романа, умения строить движущиеся характеры, светского вольного слога, стернианской шутиливой болтовни рассказчика с читателем.

Роман М.Хераскова в "восточном" стиле "Золотой прут" (1782) гораздо более "литературен", чем ученая книга Аполлоса. Он создан под очевидным

⁴⁸ Там же. С. 12.

воздействием философских повестей Вольтера и фенелоновского аллегорического "романа путешествий"⁴⁹.

После "Персидских писем" Монтескье все восточное было в моде, читатели требовали экзотики, и поэтому в западноевропейской литературе появляются и такие незаурядные вещи в условно-ориентальном стиле, как нравоописательная книга очерков английского писателя О.Голдсмита "Гражданин Мира", и бесчисленные низкопробные подражания Монтескье и Вольтеру. Мода на восточное захватила и Россию. Писатели-масоны это знали и учитывали в своей переводческой и творческой деятельности, их ориентальные повести становятся главным прозаическим жанром масонских журналов. Восточная экзотика проникает и в масонские романы.

В "Золотом пруте" Херасков использует все возможности, предоставляемые писателю жанром "восточной" повести. Здесь встречаются характерные для классицистской "восточной" прозы иносказания и аллюзии, постоянная ирония и вольное обращение с мировой историей (паша упоминает о комедии Мольера "Прodelки Скапена", описана русско-турецкая война 1768-1774 годов и победы Румянцева, названо имя известного американского деятеля-масона Б.Франклина и т.п.). Изображенные в романе Хераскова характеры (скучающий богач Гомар, завистливый завоеватель Барбадес и др.) столь же неподвижны, лишены признаков живой личности, психологического развития, как и персонажи "восточных" повестей Вольтера; это люди-маски, за которыми не очень ловко скрываются авторские идеи.

И если бы херасковский ориенталистский роман отличался только такими особенностями, то автора его можно счесть простым подражателем прозаикам французского классицизма, что и сделано Г.Е.Благосветловым,

⁴⁹ См.: *Нарышкина Л.Н.* Вольтер и "восточная" повесть М.М.Хераскова "Золотой прут" // Зарубежная литература в эволюции русского литературного процесса XVIII-XIX вв. Тюмень, 1991.

чьи выводы приняты на веру позднейшим академическим литературоведением.

Однако в "Золотом пруте" Херасков выступает не только как подражатель. Эта книга написана русским вельможей, изобразившим в аллегорической форме памфлета роскошный двор Екатерины, борьбу министров и фаворитов, главные события тогдашней русской истории. Здесь Херасков творчески развивает традиции французского классицизма, создавая весьма прозрачную просветительскую сатиру на нравы двора и высшего русского общества. Но этим он не ограничивается, ибо для автора-масона жанр "восточной" повести, - литературная маска, способ без опасений высказаться о многих вещах.

В аллегориях "Золотого прута" есть и еще один, главный "слой" - масонский. Здесь появляется формула "обрести свет", взятая из обрядов масонских тайных собраний⁵⁰. В книгу включена типичная для масонской литературы новелла-утопия об идеальном государстве, где все граждане стали равны, жили в вечном мире, стремились только к познанию души самобытной личности, изучали связь человека с небесами и землей и его предназначение. Здесь высказана позаимствованная из лекций И.Г.Шварца идея высшего познания через откровение. Характерен и весьма устойчивый интерес Хераскова-масона к Древнему Египту, мистериям и преданиям, из которых, по его мнению, и надо черпать идеи для новой натурфилософии и романа.

Прежняя же эмпирическая, идущая опасным путем недальновидных опытов наука, созданная Галилеем и другими учеными эпохи Возрождения и расцветшая в промышленную эпоху Просвещения, в "Золотом пруте" беспощадно высмеяна. Философы-просветители представлены здесь в виде двух бессовестных придворных шутов, отвергающих бессмертие души и подлинную науку: "Многие представляют себя потому только

просвещенными, что древние предания, прежние своих предков обычаи в смех обращают и пороков не стыдятся"⁵¹.

Херасков-масон отвергает предложенный просветителями путь в "царство разума" и утверждает, что "свет истины" можно познать только внутренним очищением души. Масонский гнозис подсказывает прозаику величественный образ Софии - Премудрости Божией: "Будет время, когда снидет с небеси Премудрость, просветит умы и род человеческий или часть одного учинит благополучною"⁵². Очевидно, что высокие тайны премудрости может постичь только "божественная наука". О самих же масонах, созидających такую "науку", сказано: "И ныне есть уже счастливые в мире люди"⁵³.

В аллегориях "Золотого прута" Херасков изложил программу русского масонства, но ее основные положения умело спрятаны в занимательном повествовании и сатире. Так просветительская "восточная" повесть была повернута против ее создателей, вобрала в себя чуждые им идеи и образы, став, в сущности, масонским романом и не потеряв при этом многих черт прозы классицизма.

Такой же "составной", многослойной книгой является и лучший масонский роман М.Хераскова "Кадм и Гармония" (1789). Сюжет книги традиционно позаимствован писателем из "Метаморфоз" Овидия (здесь он неожиданно совпал в своих пристрастиях с переводившим эту поэму прозой Ф.И.Дмитриевым-Мамоновым), а сама конструкция аллегорического "романа путешествий" взята у французских и немецких (см. книги Виланда) писателей. "Таинственные пещеры, быстрые превращения людей и целых народных масс из одного состояния в другое, зловещие предсказания, гибельные кораблекрушения, чудесное покровительство богов, одним

⁵⁰ См.: Розанов И.Н. М.М.Херасков // Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1913. Т. 2. С. 48.

⁵¹ Херасков М.М. Золотой прут. Восточная повесть. М., 1782. С. 148.

⁵² Там же. С. 158-159.

⁵³ Там же. С. 159.

словом, весь избитый механизм ложноклассической повести занят Херасковым у Фенелона", - писал Г.Е.Благосветлов⁵⁴.

Однако внутри "избитого механизма", снова позаимствованного у Террасона, пульсируют новые мысли, ибо к тому времени Херасков и его собратья по ложе обратились к идеям розенкрейцерства, стали искать объяснения мира и человека в магии, алхимии и древней иудейской каббале, а стремительно развивавшиеся события европейской истории заставили русских масонов занять более консервативную политическую позицию, отвергнув "левые", революционные идеи иллюминатов, отозвавшиеся лишь в книге Радищева. Все эти перемены и отразились в херасковском романе, над которым автор работал от издания к изданию, добавляя новые мысли и детали. Книга менялась вместе с автором, литературой и историей.

Роман "Кадм и Гармония" выстроен как лабиринт (напомним, что Елагин писал о лабиринте в ложе, через который ведут посвящаемого, а его подчиненный Д.И.Фонвизин сравнивал с лабиринтом и темной храминой ложи длинный крытый мост через Эльбу, годный "к принятию в масоны"), как разветвленная, состоящая из вставных новелл аллегория и в этом схож с книгами Аполлоса, самого Хераскова и другими произведениями масонской литературы. Повествование чрезвычайно сжато, торопливо (о красавице говорится, что "была она лепоты неописанныя" и т.п.), часто встречаются громоздкие архаизмы. Характеров, реальных личностей, по сути дела, здесь нет, да они и не нужны в романе-аллегии, где за людьми-масками стоят абстрактные идеи.

В романе Хераскова происходит то же, что и в поэме о Владимире: по совету автора, "Кадма и Гармонию" тоже следует читать "как странствование внимательного человека путем истины, на котором сретається он с мирскими соблазнами, подвергается многим искушениям, впадает во мраки сомнения, борется со врожденными страстями своими,

⁵⁴ Благосветлов Г.Е. Исторический очерк русского прозаического романа. С. 94.

наконец преодолевает сам себя, находит стезю правды и, достигнув просвещения, возрождается"⁵⁵.

Царь Кадм - не конкретный характер, а первосозданный человек (Адам Кадмон масонских легенд), человек вообще, с непонятной легкостью превращающийся из кроткого просвещенного монарха в сластолюбивого тирана. Супруга его Гармония, которую Кадм разыскивает, - символ высшей человеческой мудрости, "успокоения и услаждения сердца". Лабиринт, по которому царь идет к цели, - жизнь, холм - земной шар, звери - погрязшие в грехах люди, прекрасные девы - соблазны и т.д.

Так весь объемистый роман Хераскова можно разложить на аллегории, и жанр "романа испытания", избранный автором, этому способствует, ибо в его рамках можно нанизать на сюжетную нить любое количество новелл и персонажей. Недаром Карамзин назвал роман Хераскова "творением вообразительной силы"⁵⁶.

Книга Хераскова о Кадме и Гармонии столь же откровенно холодна и рассудочна, полна неправдоподобными персонажами и событиями, от начала и до конца придумана, как и другие русские масонские романы. Но автор и не стремился к жизнеподобию сюжетных ситуаций и персонажей, к изображению, пусть несовершенному, реальной жизни и современников. Разумеется, идея реализма, жизнеподобия в художественной прозе была хорошо известна просвещенному масону Хераскову, равно как и его собратьям по ордену розенкрейцеров. Но следовать этой традиции он не желал, масонская эстетика и поэтика были иными.

Русские масоны знали, и не понаслышке, что в Западной Европе давно уже существует целая литература (представленная во Франции именами Прево, Мариво и Кребийона-сына, в Англии - Дефо, Фильдингом и Ричардсоном и т.д.), тяготеющая к жизнеподобию, и что главным ее жанром

⁵⁵ Херасков М.М. Творения. Ч. II. С. VIII.

⁵⁶ Московский журнал. 1791. № 1. С. 81.

стал именно роман, сознательно противопоставляемый прозе барокко и классицизма, аллегорическому воспитательному "роману путешествий" Фенелона, дидактическим эссе, апологам и "восточным" философическим повестям-сатирам. Они были знакомы с авторитетным мнением, выраженным в переведенной тогда книге немецкого эстетика К.Мейнерса: "Из романов те только должно читать, которые писаны великими испытателями сердца человеческого, каковы суть: Смоллет, Лесаж, а особливо Филдинг"⁵⁷.

Борьба этих разнородных литературных идей и направлений ощутима в "Путешествии из Петербурга в Москву" (1784-1789, издана в 1790 году) А.Н.Радищева, многослойной книге, которую можно прочесть и как аллегорический масонский "роман путешествий". Понятны усилия советского литературоведения эту страницу из творческой истории знаменитой книги и биографии ее автора замолчать, поставить под сомнение или представить незначительным, случайным само его масонство. Помещение знаменитой книги в школьную программу привело к школярскому, примитивно схематичному ее прочтению и упрощенному толкованию. Радищев был представлен как одинокий «дворянский революционер» (что сие значит?), каковым он, безусловно, не был. Ибо книга его выражала философские и политические идеи и цели весьма большой и влиятельной группы людей и обращена против русского дворянства как правящего и одновременно служилого сословия и его государства – Российской империи. И это сразу поняла осведомленная Екатерина II. Поэтому укажем на несколько фактов.

С социальными и философскими идеями масонов будущий автор знаменитой книги познакомился уже в Лейпцигском университете, многие профессора которого были вольными каменщиками. Со своим будущим другом, начальником и могущественным покровителем А.Р.Воронцовым

⁵⁷ Мейнерс К. Способ читать, замечать и сочинять. М., 1798. С. 33.

Радищев встречался в ложе «Урания» в 1773-1774 годах. Это объясняет не только важные события его дальнейшей жизни, но и происхождение многих тем и идей знаменитой книги Радищева. С этого времени писатель быстро продвигался по службе в ведомстве «брата» и шотландского мастера Воронцова, фактически, а потом и по императорскому указу возглавил петербургскую таможню, а брат его Моисей получил важное место в таможне архангельской. Так Воронцов добился полного контроля над внешней торговлей Российской империи. Уже в этих событиях видно умелое, характерное для ордена выстраивание масонской «цепи» скрытых связей и закулисных влияний.

Хочется напомнить и о влиятельной литературно-идейной среде, где рождались и обсуждались замыслы Радищева-прозаика: “Он посещал небольшое литературное общество графа Александра Воронцова и его сестры, княгини Дашковой”⁵⁸. Здесь впервые прозвучали и получили полное понимание и поддержку идеи и образы главной книги Радищева. Не случайно автора хвалил в печати видный масон и домашний человек Дашковых, поэт и критик И.Ф.Богданович. Напомним, что и сама Дашкова была не лишенной дарования писательницей, и ее написанная в основном за рубежом и анонимно изданная книга «Разные повествования, сочиненные некоторою россиянкою» (М., 1789), и особенно повесть-утопия о Золотом веке «Гармора», тематически и стилистически связана именно с масонской идеологией и литературой⁵⁹. Потом в знаменитых «Записках» она по понятным причинам уверяла, что была с опальным писателем незнакома, но все же отметила: «Я была опечалена судьбой Радищева»⁶⁰.

«С пылким умом и резким пером, в кипении желчи, он пристал к противной стороне князя Таврического и издал книгу «Путешествие от Петербурга до Москвы»... Я не назову сочинителя упомянутой книги

⁵⁸ Гельбиг Г. Русские избранники. Берлин, 1900. С. 450.

⁵⁹ См.: Егоров Б.Ф. Российские утопии. С. 82-83.

⁶⁰ Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К.Вильмот из России. М., 1987. С. 176.

человеком беспокойным... Он был просто увлечен и завлечен», - вспоминал о Радищеве С.Н.Глинка⁶¹. Осведомленный Пушкин говорил о нем и масонах то же: «Радищев попал в их общество. Таинственность их бесед воспламенила его воображение»⁶². Он же напоминает о несомненном родстве идей Радищева и принадлежавших к «левому» крылу масонства французских революционеров-якобинцев, явственно намекает на известную ему от современников причастность видного масона Воронцова к изданию в обход цензуры и распространению «Путешествия из Петербурга в Москву» в 1790 году. Президент Коммерц-коллегии и его могущественные друзья и «братья» помогли Радищеву напечатать и разослать его мятежную книгу, сделали потом все, чтобы спасти жизнь своего смелого собрата, и облегчили его участь сибирского ссыльного.

В книге вольного каменщика Радищева имеется явственно прочитываемый масонский «слой» идей и образов. Они в основном собраны в философско-сатирической, использующей масонские темы «повреждения» (духовной слепоты) и обретения света Истины главе «Спасская полость», но есть и в других частях «Путешествия из Петербурга в Москву». И их несомненное присутствие там нельзя объяснить антикрепостнической направленностью и революционностью этого сочинения. Скорее наоборот.

Уже в главе «Чудово» как бы мимоходом сказано: «Как в темной храмине, свету совсем неприступной, вдруг отверзается дверь и луч денный, влетев стремительно в среду мрака, разгоняет оный, распростираясь по всей храмине до дальнейших ее пределов». Любой масон знает, о чем идет речь: об особой комнате в ложе, обтянутой черным сукном, где есть мрачный гроб, череп и кости и где принимаемый в орден в первую степень ученика должен в одиночестве долго думать о вечности и смерти, обо всей серьезности и необратимости своего шага⁶³.

⁶¹ Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 243.

⁶² Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. VII. С. 241.

⁶³ См.: Соколовская Т.О. Статьи по истории русского масонства. С. 32-36.

В главе «Спасская полость» есть сон-утопия, где государю снятся знаки его власти. Но это обязательный для масонской ложи мозаичный пол, меч на столпе-аналое – сокровище ложи и знак власти мастера. Имеется и масонский символ Вечности и Мудрости, египетской богини Изиды (имя одной из лож) и самого ордена: «Огромной величины змия, из светлых стали изкованная, облежала вокруг всего сиделища при его подножии и, конец хвоста в зеве держаща, изображала вечность». Упоминаемая здесь же «божественная премудрость» - это София, Премудрость Божия, одно из божеств масонского пантеона. Ясно, что вся эта нравоучительная утопия о «поврежденном», пораженном слепотой государе и его излечении Истиной – прозрачная аллегория, политическая сатира на главного врага масонов Потемкина, задевающая и самое императрицу. Они это хорошо понимали, что следует из их переписки и слишком жестокого приговора суда.

В главе «Подберезье» автор осуждает мартиниста, ученика Сведенборга, но дает все же ему важное слово в своей книге и к тому же упоминает о «духовных витязях», а это самоназвание вольных каменщиков, книга розенкрейцера И.В.Лопухина так и называлась – «Духовный рыцарь».

В главе «Новгород» Радищев говорит о «славных храмах древнего Египта», страны, считавшейся масонами прародиной их тайных знаний. Там же упомянут швейцарский философ и масон К.Лафатер, с которым переписывался и встречался Карамзин.

В главе «Бронницы» речь идет о храме единого для всех вер и народов бога, и ясно, что имеется в виду не Иисус Христос православных христиан, а Великий Архитектор Вселенной, которому поклонялись вольные каменщики.

В главе «Зайцово» автор выступает против войн, а масоны были противниками войн, профессиональных армий и желали наступления вечного мира на всей Земле. Там же высказываются мысли об общественном договоре между властью и гражданами и о праве последних восстать при

нарушении их прав: «Человек рождается в мир равен всем другому». Мысли эти взяты из сочинений Руссо, они же лежат в основе масонских «конституций».

В главе «Торжок» юрист Радищев, порицая цензуру, опирается на сочинения немецкого писателя-масона Гердера и со знанием дела упоминает баварский орден иллюминатов, принадлежавший к левому крылу европейского масонства.

Екатерина II не знала полного текста оды «Вольность», но сразу отметила, что автор книги хвалит американского масона Б.Франклина, идеолога породившей США революции. Но не заметила, что Радищев называет строителя конституционной Америки «зодчим», т.е. великим мастером.

Это лишь на поверхности лежащие факты и детали, отличающие многослойную книгу Радищева, открыто высказывающую масонские идеи и в то же время стоящую уже в преддверии новой литературы европейского сентиментализма, о чем говорят уже осторожная критика в адрес «архаиста» Ломоносова, слова «сочувственник мой» и фраза «Я человеку нашел утешителя в нем самом». Ясно, что одно другому не противоречит. Упоминание чувствительного романа масона Гете «Страдания молодого Вертера» говорит об интересе русского писателя к новому направлению и его главному прозаическому жанру – роману. Не случайно писатель вспоминает и о «Дон Кихоте» Сервантеса. Чувство для Радищева важнее разума, оно объединяет людей разных сословий, делает их «сочувственниками», братьями по сердцу. Спор о Ломоносове и критика идей классицизма показывают, что Радищев в своей страстной книге является предшественником Карамзина.

С наибольшей ясностью основная идея новой литературы была высказана французским писателем Кребийоном-сыном в предисловии к его лучшему роману "Заблуждения сердца и ума" (1736-1738), где, в частности,

говорилося: "Роман, нередко презираемый - и не без оснований - людьми мыслящими, мог бы стать самым поучительным из литературных жанров, если бы авторы умели правильно им пользоваться: не начинали бы его непостижимыми и надуманными совпадениями и небывалыми героями, чьи характеры и приключения неправдоподобны, а сделали бы роман, подобно комедии, правдивой картиной жизни, порицая людские пороки и высмеивая то, что достойно осмеяния"⁶⁴.

Конечно же, писателям-масонам, в отличие от Фонвизина или М.Чулкова, идея романа как "правдивой картины жизни", предвосхищавшая известную мысль Стендаля о "романе-зеркале", была чужда и, более того, враждебна, ибо все недостатки старых романов, иронически перечисленные Кребийоном-сыном, были свойственны их книгам. Поэтому русские масоны и обрушились с яростными нападками на переводные французские и английские романы. Их собственные книги, и, прежде всего утопии, обращены не к настоящему и текущей жизни, а к доисторическому идеальному прошлому и столь же прекрасному послеисторическому будущему, более того, они содержат резкую критику настоящего положения вещей и даже верховной власти и самого монарха (это особенно ощутимо в антиутопиях и памфлетах типа нравоучительно-сатирической повести Е.Р. Дашковой «Звезда на лбу, или Знак добрых дел») и воспитывают несовершенного человека для будущей идеальной жизни, устроенной согласно масонским теориям и верованиям.

В "Кадме и Гармонии" пафос литературы русского масонства выражен с наибольшей полнотой. Херасков начертал здесь картину судеб человечества и человека, в которой масонские воззрения находят свое место среди других идей и предсказаний. Жанр романа этому способствует, готовя для скитаний и испытаний Кадма объемное художественное пространство.

⁶⁴ Кребийон-сын. Заблуждения сердца и ума, или Мемуары г-на де Мелькура. М., 1974. С. 7.

В центре писательского внимания не только духовные искания и заблуждения "человека вообще", хотя им по-прежнему уделяется немало места. Кадм меняется под давлением обстоятельств, он живет среди людей. И потому в книге М.Хераскова повествуется не только о грехах и добродетелях, но и о разных политических системах и государственных организациях, социальном устройстве жизни.

Критика просветительской философии, вообще характерная для масонов, в "Кадме и Гармонии" достигает высшей точки, пронизывая весь роман. Просветители показаны здесь как ложные философы, употребившие разум во зло и превратившие его в "тленный жезл", опасное орудие вольнодумства. И, доказывая свою мысль, Херасков обратился к излюбленному масонами жанру утопии. Однако это уже не простая утопия об идеальном царстве равных, какую мы нашли в "Золотом пруте". Времена изменились, и в "Кадме и Гармонии" появилась антиутопия⁶⁵, рассказывающая о властолюбивых лжемудрецах и своекорыстных софистах, погубивших целое островное государство в стремлении любой ценой утвердить там заведомо ложную, фарисейскую идею социального равенства.

Херасков метит во французских просветителей, когда пишет: "На самом деле были они тигры, вид человеческий принявшие... В гордом безумии своем уничтожили они богов и сами богов места заступили"⁶⁶. Аллегория была предельно прозрачна и всем ясна. Тем более в масонской переписке имена назывались прямо: "...Сочинения Вольтеров, Дидеротов, Гельвециев и всех антихристианских вольнодумцев много способствовали к нынешнему юродствованию Франции"⁶⁷.

⁶⁵ В русской прозе жанр этот предугадан И.В. Лопухиным, обратившимся к философам-просветителям со следующим предложением: "Дабы изобразить все ужасные следствия вашего учения, представим такую страну, которую заблуждение принесло б вам в жертву" (*Лопухин И.В. Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями и опровержение их вредных правил.* М., 1780. С. 6). Через несколько лет такой страной стала революционная Франция.

⁶⁶ *Херасков М.М. Творения.* Ч. VIII. С. 243.

⁶⁷ *Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII века.* С. 16.

Социальные перемены тех лет властно вторгались в отвлеченные философические аллегории, заставляли русских масонов мыслить исторично и конкретно, говорить не только о вневременных категориях разума и добродетели. В романе М.Хераскова есть, конечно, и масонский идеал внутреннего, духовного прозрения и познания сути вещей, предсказание грядущей "божественной науки", соединяющей в себе все знания людей. Но там появляется и мысль, соотносящая исторические судьбы России и Западной Европы. То есть возникает национальная, русская идея, и именно там, где, казалось бы, должен торжествовать (в теории, разумеется) орденский псевдоинтернационализм.

В четвертой книге херасковского романа вещий песнопевец Офар рассказывает о простодушных фессалийцах, которых сбили с пути истинного развратные сибариты. Тогдашним читателям понятно было, что речь идет о русских вольнодумцах и их французских учителях.

Кадм и Гармония изучают египетские таинства, эзотерические творения Гермеса Трисмегиста и магические золотые календарные круги. Но и высшая мудрость не может спасти их от злобного царевича Хадема, обладавшего "разумом острым, но ближним вредным"⁶⁸. Злу, порожденному своевольным демоническим разумом, необходимо было что-то противопоставить. Помимо Бога и православной веры, к которым часто зывали русские масоны, требовались новые духовные ценности.

Такой ценностью для масонов, в конце концов, стали русский народ и государство. Поэтому писательская мысль вместе с Кадмом из библейского Вавилона переносится в Восточную Европу, где обитают славяне, "народ кроткий и добронравный". А фраза "Сколь нежно скифянки любить умеют" предвосхищает чувствительные описания зрелого Карамзина.

Сюда, в "страны полуночные", удаляются с Запада музы - риторическая фигура многих од в честь Екатерины II, скрывающая затаенную мечту

молодой имперской литературы России. Знаменитый прорицатель Тирезий, взятый из античной драмы, предвещает славянам великую славу и военные победы. Таким образом, М.Херасков прошел в своих романах долгий путь - от беглого упоминания о русско-турецкой войне в "Золотом пруте" до целостной историко-философской концепции, основанной на противопоставлении грешного и вольнодумного Запада и устойчивого в добродетели и верованиях славянского Востока, России.

Абстрактная аллегория "романа путешествий" в духе Террасона постепенно превращается в опыт философии истории, причем либеральный розенкрейцер М. Херасков в своих выводах становится близок к идеям консервативного дворянского идеолога масона М.Щербатова. Европейские события 90-х годов заставили русских масонов заметно поправить в своих политических воззрениях, что не могло не отразиться на их литературных творениях. Гонения также заставили их сменить литературные вехи, и все это отразило зеркало романа.

В 90-е годы маститый поэт М.Херасков становится сотрудником журналов молодого Карамзина, испытывает сильное воздействие литературы сентиментализма. Это показывает значительная и продуманная правка, вносимая им в тексты старых сочинений при переиздании и могущая ввести исследователя в заблуждение.

Последний роман Хераскова "Полидор, сын Кадма и Гармонии" (1794) столь же громоздок по форме и причудливому соединению разных идей и замыслов, как и прежнее повествование о родителях главного героя. Есть там и очередная сатирическая антиутопия о государстве вольнодумцев, охваченном революцией. Высказана вполне естественная после пугачевского бунта мысль о том, что народ - дикий зверь.

Но постепенно книга превращается в повесть о "злосчастных любовниках", персонажи льют слезы и прогуливаются в тихой задумчивости

⁶⁸ Херасков М.М. Творения. Ч. VIII. С. 243.

по приятным долинам, а сам писатель восклицает: "Души чувствительные! Не читайте сего плачевного повествования: оно ваши нежные сердца растрогает"⁶⁹. В книге звучат хвалы не только Ломоносову и Державину, но и Карамзину, Богдановичу и И.Дмитриеву.

И все же роман Хераскова о Полидоре - это еще старая литература масонского барокко, книга переходного времени, составная, громоздкая, перенасыщенная персонажами и событиями, полная тяжелых славянизмов, сюжетных и прочих несообразностей. А.Т.Болотов писал о "Полидоре": "Он наполнен был хотя тысячами изящных и превосходных мыслей и содержал в себе хотя наичистейшее нравоучение... но все историческое, и все то в нем, чему бы наиболее надлежало занимать читателя, приводить душу его в разные движения и напоять сердце его сладкими и приятными чувствами, было так скудно, так неудачно и с таким несовершенством соединено... Все расположение оного так неудачно выдуманно. Слог толико надменной и высокопарной и набит таким непомерным множеством славящины и странных, невразумительных речений"⁷⁰.

Это уже критика старой литературы "славянского" барокко. Хотя здесь, в последнем романе М.М.Хераскова, как и в его "Бахарияне", уже произошел знаменательный отход от поэтики масонского аллегорического "романа путешествий", автор пошел навстречу новой литературе, навстречу сентименталистской прозе Карамзина.

В романах Хераскова и других прозаиков-масонов часто появлялись вставные новеллы, написанные в жанре утопии или антиутопии. Это особенность жанра, по своей природе не только философского, но идеологического, даже политизированного, иногда приближающегося к бесцензурному памфлету. Для масонских утопий и антиутопий характерно соединение возвышенных мыслей о светлом будущем с трезвой и грустной

⁶⁹ Там же. Ч. X. С. 4.

⁷⁰ Библиограф. 1885. № 9. С. 35-36.

думой о безрадостном настоящем. "Мыслящее русское общество того времени вообще было затронуто политической мечтательностью, и русский роман второй половины XVIII века был тем литературным жанром, который ярче всего выразил эти мечты", - заметил В.В.Святловский⁷¹.

Оставляя в стороне политику и прогрессивность тех или иных масонских утопий и антиутопий, следует признать, что с точки зрения поэтики прозы это весьма архаический "барочный" жанр, унаследованный нарождающейся новой русской прозой от западноевропейской литературы XVII века. Ведь уже Сумароков поместил в "Трудолюбивой пчеле" (1759, декабрь) коротенькую утопию "Сон. Счастливое общество". Тут уже то характерно, что утопия - вполне газетный материал.

И в то же время в описании счастливого общества, увиденного во сне автором, ощутима сатира на несчастную Россию, памфлетно показанную "от противного": мудрый, справедливый государь-труженик, благочестивые, бескорыстные духовные лица ("Все они люди великого учения и беспорочной жизни"), правит по справедливости Государственный совет, законов мало, чиновников мало, армия миролюбива, дисциплинирована, не грабит, всюду равенство, людей ценят и награждают по достоинствам. После таких снов просыпаться в стране, где ничего этого нет и быть не может, особенно грустно (этот сатирический монтаж утопических контрастов потом был повторен В.К.Кюхельбекером, В.Ф.Одоевским, А.Д.Улыбышевым).

Эту миниатюру "брата" по ложе Сумарокова князь Михаил Михайлович Щербатов (1733-1790) развернул в самую известную русскую утопию XVIII века - роман "Путешествие в землю Офирскую г-на С..., швецкаго дворянина" (1786?). Эта книга составляет дилогию вместе со столь же известным щербатовским политическим памфлетом "О повреждении нравов в России", важным манифестом дворянской фронды. "Путешествие в землю

⁷¹ Святловский В.В. Русский утопический роман. С. 25.

Офирскую" тоже сатира, но скрытая, критика "от противного" по примеру "Сна" Сумарокова. Здесь тоже высказана в сердцах политическая мечта русского дворянина, скорбящего о "поврежденной" тоталитарным самодержавием и народным рабством России. "Под видом описания политической жизни в Офире Щербатов рисует нам идеальную Россию, какой она ему видится", - заметил бельгийский славист Э.Вагеманс⁷².

Для этого Щербатов соединяет памфлет и утопию с литературой путешествий, самым занимательным родом чтения в тогдашней России. "Наполнены уже все вивлиофики множеством путешествий", - признает он и тем не менее пишет еще одну книгу странствий по несуществующей стране, в духе Террасона⁷³. Но роману-утопии это не помогает, все традиционно читают его как памфлет или политическую статью в духе "Философического письма" П.Я.Чаадаева, внука автора и тоже масона. Нет необходимости описывать идеальное устройство земли Офирской, это уже делалось неоднократно и для нашей темы мало интересно.

Суровому аскету и староверу Щербатову в грешной екатерининской России ненавистен расточительный беспорядок, поэтому в Офире царит удручающая скаредная правильность, заставляющая вспомнить совсем другую русскую утопию - роман Е.И.Замятина "Мы"⁷⁴. Щербатов исповедует здесь традиционную для феодально-тоталитарной России философию нищеты. Политическая мечта автора - порядок и законность, утверждаемые железной рукой аристократии на началах российской патриархальности - император подобно древнерусским князьям обедает с низшими сословиями, за умышленное убийство платят виру как в "Правде русской", простые кушанья, убедительная критика построения "противуестественного" Петербурга, военные поселения (пророческая

⁷² Вагеманс Э. К истории русской политической мысли: М.М.Щербатов и его "Путешествие в землю Офирскую" // Русская литература. 1989. № 4. С. 108.

⁷³ Щербатов М.М. Соч. СПб., 1889. Т. I. Стб. 749.

⁷⁴ См.: Сахаров В.И. Воспоминание о будущем. Перечитывая "Мы" Е.Замятина и "Собачье сердце" М.Булгакова // Подъем. 1995. № 7.

программа для Аракчеева), духовная цензура, какие-то "трибуналы (!?) искусств" (вспоминаются советские 1920-е годы и Мейерхольд), образцовые тюрьмы рядом с академией свободных наук, полиция нравов, в которой служат и священники, и т.п. Это не роман, а деловая проза, архаичный, отдающий XVII веком и темными жестокими временами Анны Иоанновны канцелярский язык коллегий, указов и меморий, новый "духовный регламент", боярский "наказ", направленный к беспощадному "унятию всякого беспорядка"⁷⁵.

Что же есть в нем от масонской литературы? Многое, особенно если учесть, что Щербатов - представитель раннего масонства, говорившего на ином русском и политическом языках, нежели Новиков и его "братья". Стилистическая и жанровая архаика и консерватизм скрывают родство идей М.М.Щербатова с политической мифологией ордена вольных каменщиков. А между тем идея Верховного совета и Вышнего правительства, управляющих страной с помощью законов и соблюдения прав человека и тем самым ограничивающих власть монарха, принадлежит Н.И.Панину и его деятельному помощнику Д.И.Фонвизину. Устройство бесплатных народных училищ - одно из начинаний Новикова и Шварца. Мысль о равенстве всех людей - общее место в риторике масонских лож. Офирцы живут не по своду законов Российской империи, а согласно нравственному катехизису, а это один из главных масонских документов, достаточно вспомнить "Духовного рыцаря" И.В.Лопухина.

Этот список перекличек идей дворянского публициста с орденской политической программой можно продолжить, но нас в утопии М.М.Щербатова интересует то, что роднит его книгу со "Сном" Сумарокова и "Дворянином-философом" Дмитриева-Мамонова - откровенный антиклерикализм, совсем не вяжущийся с репутацией дворянина-старовера. Уже выдает потаенные мысли автора идея *выборности* священников. Это

⁷⁵ Щербатов М.М. Соч. Т. I. Стб. 815.

скрытый, но сильный упрек официальной православной церкви и ее Синоду, священников *назначающему*. Брак в Офире отнесен к сфере гражданских дел и, следовательно, перестал быть церковным таинством, введен закон о разводе через гражданский суд. Но и сама религия и церковь Щербатовым реформированы, и это видно в описании храма офирцев, перекликающемся со сходными картинками в других масонских книгах (см. главу 19-ю "Храм" романа Л.-С.Мерсье "Год две тысячи четыреста сороковой. Сон, которого, возможно, и не было")⁷⁶.

"Масонское воздействие особенно явно чувствуется в офирской религии", - пишет Э.Вагеманс⁷⁷, и с ним соглашаешься, читая описание круглого масонского храма, построенного из "дикого камня" (один из ключевых масонских символов и предметов ложи), где на алтаре воздвигнут воспетый Сумароковым и другими поэтами-масонами символ Божества - солнце, которому офирцы земно кланяются и молятся, нарушая тем самым все каноны православия. Иисус Христос превращен в безликое высшее существо, это теперь "единого всемогущий строитель", Великий Архитектор Вселенной, которому возносятся молитвы вроде следующей погребальной: "Пред двери тленного храма твоего приносится труп твари твоей". И тут же звучит гимн человеку - "благороднейшей твари", говорится о первых сотворенных людях, еще не оторвавшихся от Бога и потому знавших высшие тайны бытия. Да, это деизм, но деизм масонский, а не просветительский. Все это прямые цитаты из орденских трактатов, ритуалов и теоретических градусов.

Масонский "слой" и придает роману М.М.Щербатова форму политико-религиозной утопии, формирует ее "составной" стиль и идейный подтекст. В результате книга получается масонская, ирреальная, фантастическая, утопия и сатира вместе, путешествие по будущей счастливой России, архаичный

⁷⁶ См.: Сахаров В.И. К истории масонского храма // Русская усадьба. М., 1999. Вып. 5.

⁷⁷ Вагеманс Э. К истории русской политической мысли: М.М.Щербатов и его "Путешествие в землю Офирскую". С. 116.

"проект", написанное канцелярским слогом руководство к действию для желающих исправить поврежденное общество и падшего человека. Это потаенная орденская литература вроде утопической главы-"проекта" сразу уничтоженной книги Радищева, невозможная в подцензурной печати того сурового времени.

Одновременно с романом М.М.Щербатова появилась и была опубликована другая масонская утопия - "Новейшее путешествие" Василия Алексеевича Левшина (1746-1826), писателя другого поколения и иного отношения к литературе. Этот литератор-профессионал и плодовитый переводчик был начитанным в мировой фантастике человеком, знал античные и европейские мифы и книги о полетах на Луну и вослед им написал свое космическое путешествие.

Проза Левшина вначале выглядит именно как научно-фантастическая: автор рассказывает о летательных аппаратах, плотности атмосферы, безжизненном космосе и говорит: "Творец миров не создал ничего чрезвычайного, ни похожего на волшебство: все действующие причины имеют основание свое в природе"⁷⁸. Но далее полет Нарсима на населенную Луну обретает все черты утопического пребывания в идеальном обществе: "Кажется, что златой век здесь господствует; по сех пор еще не вижу я монахов и ратников"⁷⁹. Нет армии и храмов официальной церкви. То есть здесь царят столь ценимые масонами вечный мир и "внутренняя", не нуждающаяся в посредниках церковь ордена. На Луне нет государей, следовательно, исполнились и политические чаяния вольных каменщиков.

Прилетевший с Луны на Землю Квалбоко наоборот попал в ад, где ведутся религиозные войны, разум поврежден ложным просвещением и гордыней. Словом, в книге Левшина высказаны все аргументы масонской критики политического общества и культуры эпохи Просвещения. В

⁷⁸ Собеседник любителей русского слова. 1784. Ч. XII. С. 146.

⁷⁹ Там же. С. 151.

преданиях Земли житель Луны более всего ценит наследие Древнего Египта, эзотерику, Элевзинские мистерии и неожиданно утверждает, что мистерии эти сохранились "в довольно известных обществах"⁸⁰, т.е. в масонских ложах. Богослужение Гиерофанта демиургу, творцу вселенной, то есть Великому Архитектору напоминает речь мастера стула в ложе. То понятное обстоятельство, что земной рай Квалбоко находит лишь в России, где царят мир и законность, его неизбежные хвалы "великой жене" Екатерине II, описание Санкт-Петербурга - все это не лишает роман-утопию масона Левшина социально-сатирического и философского смысла.

Другое дело, что, невольно совпадая с неопубликованной книгой Щербатова о земле Офирской даже в деталях, опытный литератор Левшин на основе творческого наследия европейских романистов гораздо профессиональнее строит свой роман. Он владеет искусством композиции, соединив два полета: землянина на Луну и жителя Луны на Землю. Здесь умело использованы полученные контрасты и элементы гротеска, которыми живут памфлет и социальная сатира. В то же время писатель владеет искусством занимательного, пестрого и юмористического повествования, здесь сказался опыт обработки сказочных сюжетов. "Новейшее путешествие" В.А.Левшина лишено удручающей серьезности и мелочной обстоятельности крупного русского чиновника, свойственных официозно-деловой прозе князя Щербатова.

Так в масонской прозе сложилась традиция барочного романа-утопии, формально являющегося частью "литературы путешествий" и соединившего в себе философию истории, политический трактат, памфлет и социальную сатиру, способного дать основание отечественной научной фантастике⁸¹. Но традиция эта была оборвана запретом "Путешествия из Петербурга в

⁸⁰ Там же. Ч. XV. С. 26.

⁸¹ См.: *Святловский В.В.* Каталог утопий. М.-Пг., 1923. С. 96-97. Взгляд сквозь столетия. Русская фантастика XVIII и первой половины XIX века. М., 1977. *Шестаков В.П.* Эсхатология и утопия. Очерки русской философии и культуры. М., 1995. *Чудинов А.В.* Утопии века Просвещения. Курс лекций. М., 2000. *Егоров Б.Ф.* Российские утопии. Исторический путеводитель. СПб., 2007.

Москву" А.Н.Радищева и крушением литературно-книгоиздательских планов Н.И.Новикова.

В 90-е годы русское масонство было разгромлено правительством Екатерины II, и запоздавшая павловская амнистия его не спасла. Вместе с ложами прекратила существование и масонская проза, хотя появлялись еще такие любопытные книги, как изданная в 1793 году в Калуге дидактическая утопия Ф.П.Ключарева "Испытание честности", утратившая романский сюжет и превратившаяся в чистую нравоучительную аллегорию. И дело тут было не только в гонениях.

Громоздкие масонские романы с их сложными и запутанными аллегорическими сюжетами и фигурным, витиеватым стилем обращены были, в сущности, только к "посвященным", и, прежде всего к самим масонам. Это многослойное, зашифрованное барокко требовало определенной начитанности, особой книжной культуры, знания масонской литературы, символов и обрядов лож. И отталкивало рождающегося в ходе карамзинской реформы «массового» читателя. Поэт и критик К.С.Аксаков в 1857 году писал: «Прозаические сочинения Хераскова лишены интереса, их даже и современники не очень замечали»⁸².

Сегодня мы знаем, что дело обстояло не так просто. Вольные каменщики-писатели создали "элитарную" прозу для нарождающейся русской интеллигенции, и литература эта была замкнута в круге своих идей, зашифрована и потому трудно доступна, причем писатели-масоны не только эту замкнутость сознавали, но и стремились к ней, высокомерно третируя "непосвященных". В.И.Майков в одной из философских од прямо сказал: "Тому дать света невозможно, // Кто зренья навек лишен".

Масоны даже Карамзину-критику отказывали в способности верно понять и оценить их сочинения: "Смешно и больно безумное его

⁸² Аксаков К.С. Взгляд на русскую литературу с Петра Первого // Русская литература. 1979. № 2. С. 108.

предприятие ценить книги, которых без всякого сомнения он нимало не разумеет"⁸³. Что же говорить о широком круге русских читателей?

Они воспринимали в масонских романах и повестях верхний их "слой", сюжетную событийность, занимательность приключений и путешествий, восточный колорит и т.п., чем и объясняется немалый читательский успех херасковской книги "Кадм и Гармония" и "Новейшего путешествия" Левшина. Сама же многозначная масонская символика чаще всего оставалась непрочитанной. На романы эти смотрели как на интересное чтение, не усматривая в них учебники орденской мудрости и мировой эзотерики.

И в завершение необходимо отметить, что романами и повестями масонская проза отнюдь не исчерпывалась, существовали документальные жанры, мемуары, памфлеты, ритуальные документы, эпистолярное наследие⁸⁴. Все это не только составляло литературный фон, творческий контекст, в котором развивались "большие" прозаические жанры, но и становилось источниками для них, лабораторией нарождающегося русского повествования.

Завершая знаменитые, Герценом изданные "Записки", розенкрейцер высших степеней и книгоиздатель И.В.Лопухин подвел черту под историей русского масонства и созданной им литературы: "Довольно ныне заниматься зрелищем великого театра вселенной, на котором чудесная быстрота сцен весьма разительна вещает, что мир преходит..."⁸⁵. Уже одна эта великолепная фраза выдает самообытный дар прозаика, каковым, несомненно, обладал автор "Духовного рыцаря", и свидетельствует о существовании особого стиля масонского повествования.

⁸³ Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII века. С. 106.

⁸⁴ См.: Лазарчук Р.М. Дружеское письмо второй половины XVIII в. как явление литературы. Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века.

⁸⁵ Лопухин И.В. Записки. СПб., 1884. С. 149.

Лопухин все же не прав: мир, конечно, не уходил, но он был весь в движении истории и дум, разительно менялся, а вот русское масонство XVIII века с его эзотерической прозой и рукописными трактатами уходило и ушло, хотя некоторые его капитальные идеи в иных формах воскресли у мистиков и масонов Александровской эпохи и романтиков XIX века, способствовали появлению русской “готики” и романтической фантастики⁸⁶.

Но сама масонская проза XVIII века осталась в библиотеках русских дворян (одну такую библиотеку, состоящую из таинственных рукописей и алхимических и мистических книг, описал в повести "Сильфида" прозаик-романтик В.Ф.Одоевский), новиковские и лопухинские издания, романы Хераскова и Левшина долго еще читались в России, и особенно в провинции. Продолжала жить, пусть в иных формах, сама литературная традиция.

И надо отметить, что масонская проза, выросшая из литературы русского и западноевропейского барокко и классицизма и боровшаяся с нею, способствовала, несмотря на очевидные, вполне объяснимые художественные недостатки, зашифрованность и архаичность, становлению и плодотворному развитию русского повествования и романного жанра, заняла свое место в истории русской и мировой литературы XVIII столетия, русской художественной прозы, расчистив и указав дорогу сентиментализму и нарождающемуся романтизму.

⁸⁶ См.: The Gothic-Fantastic in Nineteenth-Century Russian Literature. Ed. By N.Cornwell. Amsterdam, 1999. Вацуро В.Э. Готический роман в России. М., 2002. В этих книгах имеется подробная библиография.

ГЛАВА 2

МАСОНСКАЯ ПРОЗА: ИСТОРИЯ, ПОЭТИКА, ТЕОРИЯ

Художественная литература для ордена вольных каменщиков прежде всего была средством эмоционального воздействия на людей. Символ "цепь сплетенных рук" перерастал в "цепь сердец". Сердца надо было увлечь и затем завоевать. Вот цель масона-писателя. "В человеке чувственном лежит глубоко усыпленный человек внутренний; для возбуждения сего спящего потребны сильные и резкие ударения в человека чувственного", - сказано в "Инструкции мастеру ложи" (1818)¹. Эти слова объясняют ту энергию убеждения и возмущения, которая всюду ощутима в «книге великого гнева» - «Путешествии из Петербурга в Москву» масона А.Н.Радищева.

У поэзии, особенно у лирики, были свои значительные и многообразные средства художественного воздействия на читателей. В изданной Новиковым книге немецкого философа И.Г.Зульцера сказано о стихотворстве: "Оно есть такое красноречие, которое стремится во всех предметах к высочайшей степени чувственного совершенства"². С прозой же дело обстояло значительно сложнее.

Масонство застало европейскую и русскую прозу в важный момент становления и развития главных ее жанров – повести и вырастающего из нее психологического романа. Причем понятное, обусловленное объективными причинами отставание русских прозаиков очевидно: сравним хотя бы знаменитый роман аббата А.Ф.Прево «Манон Леско» (1731, первый русский перевод сделан известным писателем-масоном И.П.Елагиным в 1790 году) и чувствительную повесть бывшего масона Карамзина «Бедная Лиза» (1792). Проза отстает и от поэзии, оставаясь на периферии литературы классицизма.

¹ Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Московского университета. Фонд В.В. Величко. Инв. номер 3975-6-60. Л. 50б.

² Зульцер И.Г. Сокращение всех наук и других частей учености. М., 1781. С. 101.

Это эпический, объективный род литературы, где лиризм, прежде всего, авторский, не исчезает, но перестает быть главной творческой стихией. Здесь чувства уходили в подтекст и служили уже сотворению образов повести и романа и ходу действия, на первый план выдвигался сюжет, эпическое повествование о жизни других людей и об их развивающихся в ходе действия характерах, оказывалось воздействие на разум читателя, автор стремился к жизнеподобию, философствованию и нравоучению. "Чувственное совершенство" достигалось с гораздо большими творческими усилиями, ибо психологизм прозы был сложнее и к тому же менее разработан, нежели в поэзии.

В художественном мире литературы классицизма проза оставалась родом третьестепенным, ценилась менее, нежели героические поэмы, написанные стихами трагедии и оды³. Теоретики той эпохи вообще сомневались в ее способности выразить всю силу и глубину страстей человеческих: "Проза становится для них слаба"⁴.

Через прозу шел в литературу поток новых идей, расшатывавших красивый, канонически правильный, но душевно несколько бедный мир классицизма, причем главным жанром здесь становился стремительно развивавшийся роман: "Роман вытеснял классическую литературу"⁵. В общем, это известное, часто цитирующееся утверждение Г.А.Гуковского верно, но романы и их авторы и тогда были очень разные. Следовательно, и вытесняли они классическую литературу по-разному, с разными целями и намерениями. Такова была логика литературной жизни и борьбы.

Вокруг художественной прозы и в особенности вокруг главного ее жанра - романа завязалась во второй половине XVIII века серьезная полемика⁶. Время для споров было выбрано не случайно. В начале столетия спорить (да и писать прозу), в сущности, было пока рано: тяжеловесные "гиштории" и

³ См.: Билинкис М.Я. Русская проза XVIII века. Документальные жанры. Повесть. Роман. СПб., 1995.

⁴ Собрание лучших сочинений к распространению знаний и к произведению удовольствия. 1762. Ч. III. С. 125.

⁵ Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. С. 222.

⁶ См.: Budgen D.E. The Concept of Fiction in Eighteenth-Century Russian Letters // Great Britain and Russia in the Eighteenth Century: Contacts and Comparisons. Newtonville, 1979.

само состояние русского литературного языка, прозаического повествования тому мало способствовали.

Замечательный теоретик литературы и посредственный поэт В.К.Тредиаковский в "Предъизъяснении об ироической пииме" (1763) именовал романы "сказками" и "романцами", те же колебания мы видим у Ломоносова, т.е. термин еще не был определен окончательно. Затем русская художественная проза прошла через школу перевода, неизбежное "преложение" западных образцов на отечественные нравы и темы, через стилизацию и приступила к созданию оригинальных книг, опираясь на фольклор, рыцарские романы, историю "типов" и нравов нарождающейся России. Писатели-масоны деятельно участвовали в этой литературной работе. Какова же была их позиция и роль в становлении и развитии русской прозы?

Прежде всего, надо отметить, что прозаики-масоны не примыкали к одному из литературных лагерей, имели собственный взгляд на пути и назначение прозаических жанров. Как и для всех русских литераторов XVIII столетия, главной для них была проблема наследия, национальной самобытности. В.А.Левшин, издавший у Новикова свои десяти томные "Русские сказки", писал во введении: "Романы и сказки были во все времена у всех народов; они оставили нам вернейшие начертания древних каждой страны народов и обыкновений. Россия имеет такие свои, но оные хранятся только в памяти"⁷. Все эти "русские" (Левшин) и "славенские" (М.Д.Чулков) сказки и "старинные диковинки" (М.И.Попов) были талантливыми стилизациями русского и западного фольклора, вольными до полного забвения о первоисточнике вариациями на сказочные темы и сюжеты⁸.

Все эти талантливые, порождавшие оригинальные книги заимствования из народного творчества, ренессансных новелл и рыцарских романов

⁷ Левшин В.А. Русские сказки. М., 1780. Ч. I. С. 2.

⁸ Теперь есть доступные, хотя и неполные, популярные издания. См.: Чулков М.Д. Пересмешник. М., 1987. Приключения славянских витязей. Из русской беллетристики XVIII века. М., 1988. Повести разумные и замысловатые. Популярная бытовая проза XVIII века. М., 1989.

объяснялись в эту переходную эпоху просто: прозаики искали для своих беллетристических книг занимательные сюжеты, экзотический "местный колорит", героические характеры, красивые любовные и воинские приключения, освобождающую творческое сознание сказочную фантастику.

Ничего этого новый, пребывающий пока в хаосе становления русский быт дать не мог, ибо сам еще находился в состоянии двойственном, соединяя в себе миры Древней Руси и новой Российской империи. Столь же двойствен был и так называемый "новый герой" - человек, метавшийся между этими мирами, переставший быть самобытным сыном допетровской Руси и не ставший еще полноправным гражданином просвещенной Европы. Это был дворянин, т.е. представитель боевого служилого сословия, ставшего теперь одновременно и правящим.

Но Табель о рангах царя Петра открыла путь в дворянство всем способным и храбрым людям из народа. Это окончательно разрушило строгую иерархию бытия, присущую Древней Руси и породило хроническую нестабильность, неуверенность людей в завтрашнем дне, отличающую новую Россию. Поэтому новый человек петровской эпохи и позднейших времен никогда не чувствовал себя полноправным хозяином русской жизни и собственной судьбы, все время выслуживался, изворачивался и унижался, кровью и потом, правдой и неправдой добивался чинов, наград и денег, волей-неволей участвовал во всех войнах, переворотах и заговорах, претерпевал гонения и жестокие наказания. Он мог взять Нарву, героически биться с турками и шведами, жениться, народить детей, но внутренний мир его не мог пока дать материал для настоящего романа.

У русского писателя-романтика В.Ф.Одоевского, тесно с масонской литературой связанного, есть фантастическая повесть о петровской эпохе "Саламандра" (1841), где о "новом герое" сказано одной только фразой: "Сын Зверева был всегда в походах"⁹. Более сказать о нем в прозе нечего,

⁹ Одоевский В.Ф. Соч. М., 1981. Т. 2. С. 163.

ибо с точки зрения литературы, художественной прозы, повести и романа этот рядовой человек петровской эпохи, в отличие от негероического Евгения Онегина или хладнокровного скептика Печорина, одномерен.

Ни действительность, ни герой, ни общее состояние литературы не давали оснований для подлинного реализма и подлинного психологизма, без которых классический русский роман невозможен. Само по себе это ни хорошо, ни плохо, ничего обидного для отечественной литературы XVIII века и ее талантливых писателей здесь нет; такова историческая ситуация, в которой не мог появиться никакой "просветительский", да и любой другой реализм. С этим обстоятельством приходилось считаться и создателям новой русской художественной прозы.

У этой прозы было два пути, два выхода из уникальной культурной и исторической ситуации: писать далекие от отечественной грубоватой реальности "русские сказки" о богатырях и волшебниках или же изображать новую действительность и нового героя доступными художественными средствами, бедность коих, как и бедность самих действительности и героя, ощущалась всеми. Второй путь был единственно возможен и верен и к тому же не отрицал безусловной законности и пользы пути первого. Писатели-масоны хорошо понимали суть трудной культурной ситуации и свои творческие задачи соизмеряли с общим состоянием нарождающейся литературы и развитием прозаических жанров и самого литературного языка, находившегося в становлении.

Как всегда, орденовая литература обратилась к теории, там искала объяснения закономерностей развития художественной прозы. Масоны много сделали для становления отечественного литературоведения, очень серьезно, академично разрабатывая теорию прозы.

Написано множество статей в журналах - от Сумарокова до А.Т.Болотова. Самое заметное масонское издание, этой теме посвященное, - напечатанное изданием Н.И.Новикова и Типографической компании сочинение Гуэция

(так тогда писалось имя французского писателя XVII века П.-Д.Юэ) "Историческое рассуждение о начале романов" (1670, русский перевод 1783). Здесь, как всегда, характерен сам выбор книги для перевода (переводчик Иван Крюков), причем ясна убыточность этой "некоммерческой" акции.

Это классическое ученое сочинение, выводящее историю и теорию романа как жанра прозы из глубины веков, из чтимого масонами Египта, арабской и персидской литературы, Греции и Рима, литератур средневековья. Хотя автор-француз считал любовь "главной материей" романа, но русских масонов привлек другой его теоретический вывод: "Главное намерение романов... есть наставление читателей, которым надобно всегда показывать добродетель увенчанную, а порок наказанный"¹⁰. Гуэций утверждал, что романы должны быть только в прозе, подчиняться строгой системе правил, быть более реалистичными, нежели эпические поэмы в стихах, не чуждаясь при этом чудесного. Всеми этими особенностями и отличались романы русских прозаиков-масонов.

Перевод сочинения Гуэция о романах, присоединившись к ученым книгам И.Г.Зульцера и К.Мейнерса, стал заметным явлением в истории русского литературоведения. Но все дело в том, что он к тому времени устарел и к тому же завершал эпоху становления романного жанра и, шире, всего русского прозаического повествования.

Главные масонские романы и повести русских писателей тогда уже были задуманы или написаны. Авторитет западного теоретика лишь подтвердил обоснованность и верность их творческих исканий, чем и объясняется запоздалый перевод книги Гуэция на русский язык. Полемика о романе и первое обращение русских писателей к литературоведческому труду Гуэция состоялись на полтора десятилетия раньше, и именно тогда определились основные направления развития русской масонской прозы.

¹⁰ Гуэций <Юэ П.-Д.>. Историческое рассуждение о начале романов. М., 1783. С. 5.

Масонские инвективы в адрес просветительской литературы и главного ее жанра - романа обобщил потом ученик Шварца мистик А.Ф.Лабзин: "С изобретением книгопечатания знания полились рекою во все концы и быстрым своим потоком ниспровергли многие здания ума, подмыли и подрыли самые основания долголетних опытов и наводнением своим иные места запрудили, другие опустошили. Мелочи всплыли наверх и скрыли под собою немелочные произведения; люди стали ловить, что всплывало, а что всплывало, то стало ловить людей; родилась страсть к писанию, явились подражатели и копиисты, явились подражания подражаниям и копии с копий; а оригиналы исчезли, творческий ум как бы притиснут стал типографским станком"¹¹. Ясно, что масонов не устраивал предложенный просветителями тип романа, а не сам жанр как таковой. Более того, писатели ордена хотели возродить роман как высокий учительный жанр и освободить романиста от служения философской и литературной моде и законам массовой беллетристики.

Масонские мысли о природе и назначении романа вначале приняли форму критических суждений и породили критику и даже теорию литературы. Речь шла о выборе типа романа для прозы русских масонов, поэтому так основателен теоретический подход к проблеме жанра, являющийся при всей своей внешней академичности полемическим. И снова литературные теории рождаются в колыбели масонства - Московском университете.

Одна из первых русских работ по теории романа написана еще в 1762 году профессором-масоном И.Рейхелем по поводу фонвизинского перевода на русский язык романа французского писателя Ж.Террасона "Геройская добродетель, или жизнь Сифа, царя Египетского, из таинственных свидетельств древнего Египта взятая".

¹¹ Сионский вестник. 1818. № 1. С. 210.

Здесь повторилась история с трактатом Ярта о поэзии. Юный Денис Фонвизин по совету своего профессора выбрал для перевода толстенный многотомный роман аббата Террасона, "природного француза и Королевской Академии члена", как написано на книге, изданной тем же Людвигом Вевером. И опять выбор не случаен, свидетельствует не только о личных литературных вкусах Рейхеля и Фонвизина, но и о продуманной политике ордена в отношении романа¹². Это и есть характерный прием масонской литературной полемики. Роман Террасона сознательно противопоставлен знаменитой книге Фенелона, из которой ошибочно выводятся многие масонские романы, и прежде всего сочинения М.М.Хераскова. Однако многотомное издание Рейхеля - Фонвизина - Вевера, явно одобренное Херасковым и, уж во всяком случае, ему известное, свидетельствует о другом.

Это тяжеловесная и скучная ученая книга с многочисленными сносками и комментариями, изложением разных исторических сведений и тайных учений, аллегорическое путешествие, несущее в себе близкие масонам идеи и нравоучения¹³. Причем Рейхеля привлекли в романе не только философия и мораль: еще П.А.Вяземский усмотрел в надгробной речи жреца изложение политических доктрин ордена: "В сей речи, под видом похвалы усопшей, ясно изложены правила чистой политической нравственности"¹⁴. Интересно, что ссылка на перевод с французского не соответствует действительности: Фонвизин тогда по собственному признанию французского еще не знал и переводил книгу с немецкого ее издания 1732-1737 годов, данного ему Рейхелем. Любопытно и введение, где переводчик признает, что книга Террасона - не роман, а нечто другое. Главным ее достоинством Фонвизин считает открывающее тайны премудрости нравоучение, а свою задачу определяет так: "Что же надлежит до моего перевода, то я главное имел

¹² См.: *Сахаров В.И.* Переводы молодого Д.И.Фонвизина и литературная полемика 1760-х гг. // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 5. Перепечатано в моей книге «Русское масонство в портретах».

¹³ См.: *Стричек А.* Денис Фонвизин. Россия эпохи Просвещения. М., 1994. С. 73-74.

¹⁴ *Вяземский П.А.* Фонвизин. СПб., 1848. С. 33.

старание не отступить по возможности от автора и изображать все его мысли, которыми он старается сделать полное нравоучение"¹⁵.

Этот точный перевод нравоучительной масонской книги и поддержал профессор Рейхель в своей ученой статье. Она вполне профессиональна и к тому же в некоторых своих тезисах повторяет мысли тогда еще не переведенной книги Гуэция о романе. Опираясь на положения французского теоретика, Рейхель разработал типологию европейского романа от античности до середины XVIII века и дал определение жанра; он советовал русским писателям подражать именно роману Террасона: "В нем находятся такие нравоучения, такие тонкие рассуждения и высокие мысли, каких в "Телемаке" искать бесполезно... "Сиф" не столь приятен, как "Телемак"; но он превосходит "Телемака" в учености, философии и нравоучении"¹⁶.

Любопытна сама логика аргументов литературоведа-масона ("не столь приятен... но"). Здесь указаны образцы, определены основные черты будущего масонского романа ("ученость, философия и нравоучение", "высокие мысли") и содержится резкая критика французских романистов, тяготевших к реализму (особенно тут досталось Кребийону-сыну) и обвиненных критиком-масоном в "повреждении нравов".

Для масонской критики характерны нападки на занимательные переводные романы типа "Маркиза Глаголя", "Кливленда", "Железной маски", наводнившие русский книжный рынок. Она уверенно делит литературу на ложную и подлинную и свою задачу видит в решительном изменении движения отечественной словесности, журналистики, переводческой и книгоиздательской деятельности.

Выполнению этой задачи посвятили свою жизнь сменившие Вевера масонские издатели Новиков, Лопухин, Лабзин и Бекетов, печатавшие в основном духовные, философические и нравоучительные книги и журналы и существенно изменившие круг чтения дворянства и просвещенных

¹⁵ Террасон Ж. Геройская добродетель, или жизнь Сифа, царя Египетского, из таинственных свидетельств древнего Египта взятая. Перевел Денис фон Визин. М., 1762. Ч. I. С. 4-5.

¹⁶ Собрание лучших сочинений к распространению знаний и к произведению удовольствия. 1762. Ч. III. С. 103.

разночинцев. Немецкий розенкрейцер вспоминал о русских "братьях": "Однажды я рассказывал <Вельнеру>, как сильно любят они теозофию и мистические книги и какое они питают отвращение к химии"¹⁷.

Романы, о которых писал теоретическую статью Рейхель, вскоре появились и были изданы. Это была продуманная борьба с существовавшими тогда литературными вкусами. "Государственный" классицизм просветителей в прозе всячески дискредитировался и вытеснялся масонской "тайнописью", антипросветительской по своей идейной и художественной сути.

С точки зрения истории жанра масонский "роман испытания", образец которого Рейхель и Фонвизин нашли в громоздкой и скучной книге Террасона, продолжал традиции барочной прозы: "Барочный роман стал для последующего времени энциклопедией материала: романских мотивов, сюжетных положений, ситуаций"¹⁸. Другое дело, что к этому времени эта традиция стала уже архаической, и русские прозаики-масоны, в сущности, продлили жизнь неактуальному жанру, что неизбежно сказалось на художественном уровне херасковских "романов испытания".

Вообще масонскую прозу в "чистом" виде обнаружить практически невозможно: всегда она таится, не желает высказаться прямо, изобретает условный язык-шифр, умело скрывается за различными личинами и сложными иносказаниями, для выражения своих сокровенных идей с легкостью пользуется готовыми художественными формами, жанрами и стилями, созданными другими литературными направлениями, и прежде всего литературой классицизма, а затем и сентименталистами.

Характерная деталь: проза русских масонов часто стремится подделаться под перевод, выглядеть иностранной литературой. В масонском журнале "Утренний свет" многочисленные безымянные нравоучительные "восточные" повести ("Возалдаб", "Аз-Нейта" и др.), печатавшиеся рядом с

¹⁷ Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. С. 86.

¹⁸ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 199.

переводами из Виланда, Юнга и Паскаля (впрочем, за сочинения последнего тогда принимали фрагменты из книги П.Ж.Брийона), тоже обозначены как переводы с шведского, немецкого и французского языков, хотя некоторые из них - оригинальные творения русских писателей-масонов.

Столь устойчивый и явный интерес к "восточному" колориту и жанру философической повести свидетельствует, что русские писатели-масоны очень многое заимствовали в литературе французского классицизма. Их многочисленные повести в восточном стиле и волшебные романы-сказки (такие, как "Золотой прут" Хераскова) образцом своим имели прозу Монтескье и Вольтера.

Оттуда позаимствованы весьма прямолинейные дидактизм и условность, присущие масонским нравоучительным "романам путешествий" и взятые из европейски известных произведений французских писателей. "Над всеми романами Хераскова веет дух Фенелона", - отмечал позднейший исследователь¹⁹. Мы знаем теперь, что это был дух куда менее известного и талантливого Террасона.

И все же образованный купец, литератор и издатель Благодетель ошибался не очень сильно: роман Хераскова "Нума Помпилий, или Процветающий Рим" (1768) представляет собой слегка беллетризованный политический трактат о просвещенном и добродетельном государе, мало отличающийся от творений Фенелона и других писателей французского классицизма. Ибо эту и другие идеи просветителей масоны принимали, хотя и вкладывали в них особый смысл.

Тем не менее, первостепенно важные идеи русских масонов не могли быть выражены в формах тогдашнего классицизма. К тому же он не являлся для масонов единственным образцом для подражания, очевиден их интерес к прозе позднего барокко. В европейской литературе последней трети XVIII

¹⁹ Благодетель Г.Е. Исторический очерк русского прозаического романа // Сын отечества. 1856. № 31. С. 94.

века оформилось новое направление - масонское, в котором некоторые исследователи усматривали "кризис просветительского реализма"²⁰.

Просветительский реализм навряд ли существовал в XVIII веке, когда для его возникновения не имелось исторических условий и предпосылок. Но масонская проза тогда была, причем объяснить ее появление одним "кризисом" классицизма и просветительства невозможно, а именовать реалистической затруднительно.

Отчасти это можно увидеть по прозаическим переводам русских масонов. Достаточно сослаться на переведенные А.С.Волковым масонские романы Ф.-О. д'Арка "Дом молчания" и Э.-М.Рамзея "Новое Киронаставление". Большое влияние на русскую прозу оказал масонский роман-утопия Л.-С.Мерсье "Год две тысячи четыреста сороковой", также переводившийся. Живший одно время в России и много здесь печатавшийся немецкий пастор И.Штарк был интересным прозаиком и написал масонский роман в письмах "Сен-Никэз" (1785). Популярны были переводы "Агатона" и "Истории абдеритов" Виланда. Отношение ордена вольных каменщиков к Г.А.Потемкину выразилось в выборе В.А.Левшиным для перевода немецкого романа-памфлета И.Альбрехта "Пансалвин, князь тьмы" (М., 1809). Этот список можно продолжить (один Левшин перевел в 1780 году целую "Библиотеку немецких романов" в трех томах), и видна будет вся западноевропейская литература масонской ориентации, в контексте которой надо читать художественную прозу русских масонов²¹.

В ней можно встретить самые разные произведения - от знаменитой, повлиявшей на русских романтиков и Пушкина повести французского писателя Жака Казота "Влюбленный дьявол" (1772, русский перевод - 1780) до весьма сухой аллегории немецкого писателя Ф.Кёппена "Crata repoa", дважды переведенной и изданной русскими масонами и вызвавшей весьма

²⁰ См.: Жирмунский В.М., Сигал Н.А. У истоков европейского романтизма // Уолпол Г., Казот Ж., Бекфорд У. Фантастические повести. Л., 1967. С. 265. Себежко Е.С. Друг друга отражают зеркала... Уильям Бекфорд и его след в русской литературе. М. – Калуга, 2002.

²¹ См.: Рак В.Д. Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века. Иностранные источники, состав, техника компиляции. СПб., 1998.

характерный спор между Новиковым и И.Штарком, попавший и на страницы масонского журнала "Утренний свет"²². Заметим, что, только очутившись в России и добившись влияния при дворе Павла I и материального достатка, немецкий писатель-масон и русский генерал Ф.-М.Клингер смог издать на родине в Лейпциге (на книге местом издания обозначен Петербург) свой ранний «штюрмерский» роман «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад» (1791?), написанный, по всей видимости, еще десятью годами ранее в Германии и известный некоторым литераторам в рукописи. Здесь же был написан и издан в Петербурге по-французски столь же знаменитый роман поляка Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе». Картина получается достаточно пестрая. Но это уже единое литературное направление, частью которого стала затем проза русского масонства.

На стиль масонской прозы повлияли и усердно переводившиеся русскими писателями книги Парацельса и других алхимиков, знаменитая аллегорическая повесть "Хризомандер", философские сочинения мистиков Я.Бёме, Д.Пордеджа, Л.Сен-Мартена, Э.Сведенборга, Юнга-Штиллинга, Г.Сковороды, отличающиеся сложной и разветвленной символикой, самобытной художественной образностью, характерной для литературы барокко. Эти философско-мистические сочинения воспринимались читателями как романы, чему свидетельство - написанное литератором Ф.В.Каржавиным на книге Сведенборга "Чудеса неба и преисподней" (хранится в Библиотеке Академии наук) "мнение": "бредни метафисико-богословские... метафисико-богословский роман". В масонских романах можно заметить явственное воздействие стиля Библии, массовое дешевое издание которой было осуществлено Новиковым и пользовалось огромным успехом у читателей²³.

Интерес к библейскому стилю и темам сказался и в переводе поэмы Клопштока "Мессия", выполненном в прозе А.М.Кутузовым. Молодой

²² См.: Медовой М.И. "NN иностранец" и "Всезнающий" // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11.

²³ См.: Рижский М.И. История переводов Библии в России. Новосибирск, 1978.

Карамзин переложил прозой философскую поэму А.Галлера "О происхождении зла". Интересны и фонвизинские опыты прозаических переводов библейских поэм, которые похвалил в своей газете «Санкт-петербургские ведомости» видный масон и поэт И.Ф.Богданович. Наконец, многие образы масонской прозы непосредственно заимствованы из ритуалов и символики лож "вольных каменщиков", где также ощущается влияние библейского стиля и встречаются цитаты из Ветхого и Нового завета, апостольских посланий и псалмов, сочинений "отцов восточной церкви", а также из Талмуда.

Все это повлияло на "барочное" масонское повествование, державшееся на витиеватых словесных фигурах, величественных образах и философических силлогизмах в стиле Сковороды: "Мир есть великолепный корабль на опасных морях: смотреть на него приятно, но сесть на него весьма опасно. Проходит он с забавами своими, и актеры его скоро переменяют сцены"²⁴. Это цитата из трактата "Кто я?", написанного рукой опытного и даровитого литератора, ходившего по масонским рукописным сборникам и не предназначавшегося для печати.

Но вот еще один хранящийся в орденом архиве рукописный сборник, и в нем художественное произведение - диалог "Дружеский разговор о мире", где говорится в том же масонском усложненном велеречивом стиле: "Мы рождены к истинному счастью и к нему путешествуем; а жизнь наша есть путь, как река текущая"²⁵. В архиве И.П.Тургенева хранится биография С.И.Гамалеи, написанная скорее всего тем же Левшиным, где даны портреты Новикова и Гамалеи в старости и сказано: "Мир души их вот их награда! Вот два кормщика, беседующие на обломках кораблей!"²⁶. Напомним, что в этих же сборниках аккуратно переписано с авторской рукописи слово Фонвизина на смерть князя Г.А.Потемкина, прозаическое сочинение, для масонов столь

²⁴ ГИМ. Ф. 281. Оп. 1. Ед. хр. 180. Л. 24об.

²⁵ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. Ед. хр. 159. Л. 60.

²⁶ ГИМ. Ф. 247. Ед. хр. 8. Л. 97об.

же важное, как и ода Державина на смерть масона-мастера Мецгерского, ими впоследствии опубликованное и интересно перекликающееся с переведенным Левшиным немецким романом "Пансалвин, князь тьмы".

Именно в орденских трактатах зарождается прозаическое повествование, и даже в чисто служебных "Материалах для каменщиков" вдруг возникают изящные, литературные, далекие от схоластики и дидактики фразы: "Что же заставляет автора писать? Сия ли болтливость нетерпеливой полноты сердца?"²⁷. Сразу вспоминаются слова Пушкина о том, что роман требует болтовни. Таков закон повествования, которому позднее научил Карамзина и других русских писателей Лоренс Стерн.

Но пока необходимость в "болтовне", т.е. в свободном разговоре автора-повествователя с читателем ощущалась как желаемое, но трудно достижимое мастерство вольного слога. И первые опыты такого "слога" появляются в орденских трактатах. И.П.Елагин, поэт, обратившийся к прозе, начинает писать вполне литературные "Скаски", открывает их "Маленьким словцом к читателям", обещает поведать им не басню ("Ибо басни ложь, а скаски быль"), но рассказать "простым слогом" "какое-нибудь **бытие**"²⁸. А в конце концов у него получается масонский философско-алхимический трактат с рассуждениями о символах огня и воды, солнце мира, с аллегориями и иносказаниями, алхимическими знаками и древнееврейскими буквами на полях рукописи. В печать эти "Скаски" не попали, оставаясь частью сокровенной масонской эзотерики.

В.А.Левшину также удалось выйти из сферы потаенной масонской словесности в открытые просторы официальной печатной литературы с памфлетом, направленным против скептических софизмов Вольтера. Но его прозаическое произведение памфлетом не ограничилось. Споря с французским философом по поводу его поэмы на разрушение Лиссабона,

²⁷ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. Ед. хр. 159. Л. 28об.

²⁸ РГАДА. Ф. 8. Ед. хр. 249. Л. 1.

русский писатель следовал орденским трактатам о человеке. Впрочем, это сочинение Вольтера перевел тогда масон Богданович.

Деист Вольтер утверждал, что все на свете цепь случайностей и что провидения не существует. В.А.Левшин в ответ написал поэму в прозе о красоте и величии человека, доказывающего своим существованием в коловращении мира бытие Бога – великого строителя вселенной: "Человек есть как бы союз и средняя точка всей Природы... Всяк видит, что для человека находится все, что земля внутри и снаружи в себе ни имеет... Человек есть средоточие дел Божиих на земле, он есть намерение оных, на нем утверждается все согласие оных... Богу невозможно было создать человека, чтоб лишить душу его воли"²⁹. Написано это по поводу поэмы великого французского писателя, но мысли и стиль взяты из тайной масонской "архивы", из рукописных сборников и трактатов о смысле бытия и назначении человека.

То же самое можно сказать о недавно опубликованных сочинениях А.Т.Болотова "Письма о красотах натуры" (начало 1790-х годов) и "Живописатель натуры" (1794-1798). Это лирико-философские письма о русской природе, замечательная по своей поэтичности и живописности проза и в то же время масонский трактат, доказывающий всемогущество Великого Архитектора Вселенной: "Натура всегда вещает и всем доказывает мне, что течение и деяние ее не происходят просто и по единому только слепому случаю, но оснуются на порядке, устроенном владыкою и зиждителем мира... Силы таковых немощных тварей, каковы мы, далеко недостаточны к произведению в деяниях ее и малейшей остановки и перемены"³⁰.

Не стоит усматривать в этой прозе заметки фенолога. Орденская философия считала, что Бог растворен в зримой природе, где надо искать доказательства его бытия. Об этом говорилось в изданной Лопухиным книге

²⁹ Левшин В.А. Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме г.Волтера на разрушение Лиссабона. М., 1788. С. 14, 15, 38, 56.

³⁰ Болотов А.Т. Избранное. Псков, 1993. С. 289.

И.Арндта "Об истинном христианстве" (М., 1784), которой и следовал Болотов. Его масонская натурфилософия почти дословно совпадает с аргументами Левшина в споре с поэмой скептика Вольтера и обоснована в рукописных орденовских трактатах о стихиях природы.

Конечно, рукописная орденовская литература - лишь один из многочисленных источников и образцов русской масонской прозы. Она изначально архивная, не предназначена для печати и не посвященного в тайны лож читателя. Но от нее шел скрытый поток капитальных идей, организовывавший на свой лад художественную ткань прозы "легальной", т.е. романов, повестей, "сказок" и других "малых" жанров, разрабатываемых масонами.

Поэтому проза эта неизбежно тяготеет к существенной сложности, многосмысленности и разнородности сюжетов, художественного материала и идей. Как и в поэзии, мы встречаем здесь жанровую и стилистическую пестроту, многослойность сюжетных построений и художественных образов, не допускающих прямолинейного, однозначного восприятия и толкования, архаичный язык, обладающий особой возвышенной гармонией и иногда соединявшийся с гибким "просторечием", живой устной речью народа.

Одна из первых прозаических масонских книг показала, что стиль этот и сами темы масонов происходят из орденовской "герметической" библиотеки. Ф.И.Дмитриев-Мамонов свою сатирическую утопию-аллеорию-памфлет "Дворянин-философ" (1769) присоединил к переведенной им стихами и прозой повести Лафонтена "Любовь Псиши и Купидона".

Сложность точной формулировки жанра мамоновской книги связана с ее изначальной конспективностью, стремлением поставить перед собой и решить сразу несколько задач. Автор соединяет ученую книгу с сатирой, не просто следуя "Микромегасу" Вольтера, но высказывая здесь свои мысли вольного каменщика и демонстрируя хорошее знакомство с орденовской символикой и эмблематикой, с трактатами масонов. И его книга - не только

“интересное подражание "Микромегасу"”³¹. Думается, что более прав В.В.Сиповский, писавший: "...Весь исходя из Вольтера, поняв его и прочувствовав, Дмитриев-Мамонов ушел дальше его в безотрадном понимании жизни”³².

Мамонов написал конспект философского романа, и там влияние идей и символов масонства видно уже в переосмыслении сатирической схемы книги Вольтера. Некий дворянин-философ чуть ли не под Смоленском устроил в своем имении "план света" по системе Коперника, уточнив ее на свой лад. Это деталь автобиографическая: Дмитриеву-Мамонову, придумывавшему слишком оригинальные планетные системы и толковавшему устройство мира, самому присуща чисто масонская любовь к астрономии, изучающей божественное создание - вселенную, сотворенную Великим Архитектором.

"Вся моя аллегория ни к чему больше клонится, как явить разные неосновательные мнения суемудрых людей о свете, то как и все наши священные писания, преизнаполнена притчами нравоучения", - уверял Дмитриев-Мамонов³³. Книга его написана в защиту философии ("Великому философу надлежит много быть любиму всеильным Богом"), а философия эта выражена в терминах ордена вольных каменщиков типа "Великий огонь - золото" и "тленность всех людей".

Знаменитая притча о двенадцати черных муравьях, в которой усматривали антиклерикальную сатиру и вольтерьянское вольнодумие, вполне укладывается в рамки споров масонов - создателей "внутренней" церкви с церковью "внешней", официозно-государственной, осуществлявшей за орденем строгий "духовный" присмотр и цензуровавшей его книги и журналы. Главная черта утопии Дмитриева-Мамонова - сухоощающая умозрительность и схематичность, насыщенность памфлетными

³¹ Заборов П.Р. Русская литература и Вольтер. XVIII - первая треть XIX века. Л., 1978. С. 16.

³² Сиповский В.В. Философские настроения и идеи в русском романе XVIII в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. № 5. С. 76.

³³ Дмитриев-Мамонов Ф.И. Дворянин-философ. Аллегория. Смоленск, 1796. С. 404.

намёками и бедность художественной ткани. Это прямое следствие тогдашнего состояния литературы.

Прозаик-масон идет от ученого "трактатца" к роману, и это путь многих писателей, приоткрывающий художественную лабораторию орденой прозы. Путь этот приводит к насыщению прямолинейно-логического повествования образами и усложнению его аллегорическими фигурами. В масонских архивах имелось систематизированное собрание подсобного художественного материала, откуда и черпали прозаики.

Для творческого мышления писателей-масонов, которому отнюдь не чужд холодный рационализм, характерно стремление к продуманной иерархии образов, разветвленной символике и эмблематике, причем сюда включаются соответствующим образом отобранные и переработанные древние мифы, легенды (в основном египетские, библейские, греческие и римские), рассказы античных историков, прозрачные намеки на тогдашние общественные события (правление императрицы Екатерины II, войны, революцию во Франции и т.п.), а также памфлеты, утопии и антиутопии. И весь этот разнородный материал стянут воедино "составным" масонским мировоззрением, видевшим в художественной прозе один из центральных путей своего выражения и распространения.

Было бы очередным упрощением сводить источники масонской прозы к орденой трактатам и мистическим книгам Бёме, Пореджа и Юнга-Штиллинга. Мы не случайно упомянули в начале главы о "славенских сказках", этих пестрых и увлекательных стилизациях "под фольклор", пользовавшихся успехом у массового читателя. Масоны умело используют этот популярный жанр прозы как модную литературную оболочку, скрывающую их идеи и несущую их в, условно говоря, широкий (а фактически весьма ограниченный) круг культурных русских читателей. Здесь рождался еще один парадокс: масонская проза, опирающаяся на тайное знание ордена, обречена была на элитарность, но жаждала громких

успехов, доступных лишь "массовой" литературе, романам, новеллам и сказкам.

Здесь характерный пример - известные "Русские сказки" В.А.Левшина, изданные Н.И.Новиковым³⁴. Этот многотомник вобрал в себя русские летописи, фольклор и лубок, иностранную волшеббно-рыцарскую литературу, юмористическую интонацию сатирических повестей-аллегорий Вольтера, и весь этот разнородный литературный материал, умело обработанный и сюжетно соединенный в цикл "сказок", а точнее повестей, способствовал становлению русского повествования и жанра романа.

Это была уже "массовая" литература, использующая безотказные пружины занимательности. "Русские сказки" Левшина можно сравнить с "Пересмешником" М.Д.Чулкова и другими популярными тогда сборниками повестей и волшебных новелл.

Из воспоминаний А.Т.Болотова и позднейших писем Левшина (ИРЛИ) мы знаем, что автор "Русских сказок" был литератором-профессионалом, не без основания видевшим в Новикове опытного и хитрого эксплуататора капиталистического образца, хотя при всем размахе и деловитости издателя-масона деятельность Типографической компании была весьма патриархальна. Но у Новикова и его компаньонов имелись свои воззрения на литературу и весьма жесткие требования к авторам. В случае с талантливым и трудолюбивым Левшиным обращение издателей с автором и его оригинальным замыслом оказалось волевым, в его вполне "светские" сказки под давлением редакции введена масонская новелла, в своей астрономической теме схожая с трактатом Ф.И.Дмитриева-Мамонова "Дворянин-философ" и отчасти перекликающаяся с третьей главой сентиментальной повести М.Н.Муравьева "Обитатель предместия"³⁵.

³⁴ См.: Омелько Л.В. "Русские сказки" В.А.Левшина и проблема становления русского романа // Художественная традиция в историко-литературном процессе. Л., 1988. Омелько Л.В. Масонские идеи в прозе В.А.Левшина 1780-х годов // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. М., 2000.

³⁵ См.: Русская сентиментальная повесть. М., 1979. С.75.

В восьмом томе "Русских сказок" среди увлекательных историй с рыцарями, волшебниками и красавицами вдруг появляется явно "вставной", совсем не нужный автору эпизод, где описывается некий древний храм - галерея аллегорических истуканов. Новый текст введен уже в корректуре, после чтения гранок, и выполнено это поспешно и неаккуратно, перепутаны страницы. Остроумный автор книги вынужден сделать здесь странное примечание, что эту его "вставку" прочтут против своей воли, "ошибкой" и, может быть, полюбят. Это похоже на извинение.

Уже появление глобуса в круглой зале храма говорит о многом: это образ рассеяния "братьев" по миру и вместе с тем символ 24-й степени шотландского ритуала масонства, вводящей мастера в высшее тайное знание³⁶. Ибо храм - масонский, и описание его становится в орденской прозе общим местом. Над глобусом - образ солнца, и о нем сказано: "Солнце есть истинный элемент единственного огня"³⁷. Опять заходит речь о главной движущей силе мироздания и нашей вселенной, о чем задумывался и поэт-философ Ломоносов.

Автор уверяет, что чтимое, воспетое масонами светило состоит из тленного вещества и потому подвержено бурям и "умалениям". В зале стоят шесть истуканов - олицетворенная солнечная система, вместе с тем дающая и список основных элементов, из которых согласно орденскому учению составлены человек и мир, микрокосм и макрокосм. Есть здесь тайнопись знаками и цифирью, выражения типа "великая лира света", "сухой огонь" и "толстая вода", заимствованные из алхимических трактатов. Посетитель разговаривает с надзирателем храма о населении планет - великанах и лилипутах и о "проницании тайнств".

Масонская астрономия переходит у Левшина в орденскую антропологию. Мир и человек признаны конечными, человек назван наисовершеннейшим творением. По своему стилю и мыслям эта тяжеловесная зашифрованная

³⁶ *Ligou D.* Dictionnaire de la franc-maçonnerie. Paris, 1987. P. 507.

³⁷ *Левшин В.А.* Русские сказки. Ч. VIII. С. 79.

вставка резко отличается от всей остроумной и занимательной книги Левшина, явно написана под диктовку старших "братьев", решивших нагрузить популярную сказочную прозу казенной масонской поклажей.

Поиски жанра у Левшина не случайно соединяются с поисками стиля. Частью воззрений русских прозаиков-масонов на пути повествования были их представления о литературном языке, основе стиля художественной прозы. Язык, как уже говорилось, представлялся им системой "тиероглифов", орудием орденой тайнописи и аллегории, художественным шифром, пользующимся символами, эмблемами и иносказаниями. В результате рождался фигурный, "барочный" стиль прозы.

Однако прозаики этого направления понимали всю сложность и первостепенную важность создания русского литературного языка, задолго до Карамзина и А.С.Шишкова мыслили сотворение языка как диалектику (борьбу) старого и нового "слога". И было бы непростительным упрощением трактовать масонов как убежденных архаистов, они предвараля здесь "новатора" Карамзина, открывали и указывали ему дорогу. Это верно и для Новикова, и для главной книги Радищева. Да и поэт и архивист И.Ф.Богданович, ставший предшественником Карамзина и в сочинении русской истории, писал: "Что надлежит до слога в моей книге, то хотя я стараюсь дать ему древнего нашего языка важность, свойственную лицам и вещам, представляющимся в *Российской* истории, но не вовсе избегаю употребления слов нынешних; ибо, почитая высокое *Славенороссийское* витийство умерших, не ставлю за маловажно соглашаться с простонаречием живых людей"³⁸.

Русские писатели-масоны отлично сознавали огромную популярность и действенность романа, теснившего классические оды, героические поэмы-эпопеи и трагедии. Их продуманная борьба с переводными романами отнюдь не означала отрицания самого жанра. Просто вместо дискредитированных

³⁸ Богданович И.Ф. Историческое изображение России. СПб., 1777. Ч. I. С. 4.

книг враждебного им направления русские писатели-масоны хотели создать и утвердить в литературе и на книжном рынке свой собственный роман - масонский. Понимали они и то очевидное обстоятельство, что их существенно сложное философское мирозерцание не может быть выражено полностью в одной только поэзии. "*Сущность поэзии и душа состоит в замысловатой выдумке, пользу приносящей, и в подражании, по стопам измеряемом*", - писал близкий к масонам архимандрит Аполлос³⁹.

Роман давал "выдумке" и "подражанию" гораздо больший простор, нежели поэтические жанры. И дело было не только в освобождении от "стоп". Херасков, например, воспринимал жанр романа "по Рейхелю" - как "свободную" эпическую поэму в прозе. В предисловии к роману "Кадм и Гармония" (1789) он так объяснял свое обращение к прозе: "Мне советовали переложить сие сочинение стихами, дабы вид эпической поэмы оно приняло... Но я не поэму писал, а хотел сочинить простую токмо повесть, которая для стихословия не есть удобна"⁴⁰. Следовательно, в романной форме воплощалась тема более "низкая", нежели в оде и поэтической эпосе, и в то же время более сложная, требующая объективного и разветвленного прозаического повествования о ней и развития главной идеи и характеров, а не одического "парения" и красноречивого славословия.

В масонских романах последовательно выражается новое мирозерцание, о чем писал уже осведомленный Карамзин: "Сочинитель "Кадма" хотел в привлекательной мифологической одежде сообщить *свои* нравоучения, политические наставления и понятия о разных вещах, важных для человечества"⁴¹. Херасков отчетливо провел грань между предметами романного и поэтического повествования, завершив политический роман-утопию об идеальном государе Нуме Помпилии классической одой в честь вполне реальной императрицы Екатерины II.

³⁹ Аполлос. Правила пиитические. С. 5.

⁴⁰ Херасков М.М. Творения. Ч. VIII. С. IV.

⁴¹ Московский журнал. 1791. № 1. С. 80.

Поэтическая, одическая хвала уже представлялась русским масонам традиционной, обязательной, частью старой, от Ломоносова и Сумарокова идущей литературы классицизма. Новое же творческое осмысление центральных проблем жизни и человека требовало новой жанровой формы, которой и стал масонский прозаический "роман испытания". Г.А.Гуковский отметил особенность тогдашнего художественного сознания: "Херасков хотел победить и в прозе, победить, уступив кое-что и тем самым введя новое в рамки законного движения"⁴². Стремление к новым прозаическим формам повествования и привело к появлению масонского романа, ставшего особой разновидностью этого жанра русской прозы XVIII века.

В основе масонского романа лежит аллегория. Мы встречаем ее и в классицистской прозе, но масонские аллегории и символы более разработаны и философичны, имеют иное назначение и смысл. Это целая наука, опирающаяся на словари и орденскую ритуальную литературу градусов и степеней.

Проза масонов учитывает не только основывавшиеся на многовековой эзотерической традиции реестры символов и обрядов, но и сам фигурный, "тиероглифический" стиль рассказа о них. Стиль этот - "закрытый", построенный по "принципу тайны", шифрованный, многослойный. Читателю его необходимо весьма основательное знакомство с тайным знанием ордена. Не случайно знаток масонских изданий и рукописей П.Н.Сакулин отнес художественный язык орденской эзотерики к "*ирреальному* типу"⁴³.

Уже в переводной немецкой масонской книжке "Crata heroa" введена строгая иерархия аллегорий и символов, отчасти соответствующая порядку масонской обрядности. Здесь лестница с ее ступенями - эмблема путешествующей души и т. п. Сова, с которой древние изображали Изиду и Минерву, толкуется не только как символ мудрости, но и как эмблема

⁴² Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. С. 224.

⁴³ Сакулин П.Н. Русская литература. Ч. 2. С. 344.

человеческого прозрения: "Человек, который сколь скоро на свет родится, бывает столь же слеп, сколько и сова. Однако своими хорошими опытами и философическою жизнью делается человеком"⁴⁴.

Интерес русских писателей-масонов к древнеегипетским мистериям, философии и литературе показывает, что ориентализм их прозы существенно иной, чем у писателей французского классицизма. Это мы видим не только в повести П.Ю.Львова «Храм Истины, видение Сезостриса, царя египетского» (1790), но и в одновременно с нею изданной книге Радищева. Здесь мы встречаемся с гораздо более усложненной, разработанной символикой и аллегоричностью, требующей особой многослойной образности. Польский писатель-масон конца XVIII - начала XIX веков Ян Потоцкий писал о характерном для того эклектичного времени интересе к Древнему Египту и его таинствам: "Особенно притягательной казалась загадочность египетской литературы, порождаемая, видимо, иероглифическим письмом и принципом, согласно которому следует обращать внимание не на символ, а на скрытую в нем мысль"⁴⁵. Те же особенности привлекли масонов к таинственным книгам иудейской каббалы и арабских мистиков и алхимиков.

Русские писатели-масоны прислушиваются к западноевропейским коллегам, принимают предложенную ими иерархическую аллегорию, однако развивают ее в ином направлении. Они от философской схемы идут к повествованию в образах. Их символика и иносказание сцеплены между собою единым сюжетом и героями, движутся к развязке в рамках романа.

Книгой, отразившей движение русских прозаиков-масонов от иносказаний ритуальной прозы к аллегорическому роману, стала "священная повесть" Аполлоса "Лишенный зрения Ураний, несчастный государь".

⁴⁴ Кёппен Ф. Crata героя, или Каким образом в древние времена происходило в таинственном обществе посвящение египетских жрецов. СПб., 1779. С. 42.

⁴⁵ Потоцкий Ян. Рукопись, найденная в Сарагосе. М., 1971. С. 381. Отметим, что первая часть написанного по-французски романа Потоцкого была анонимно опубликована в 1804 году в Санкт-Петербурге, а сам автор, там живший и служивший в коллегии иностранных дел, тесно связан с русскими масонами, и, прежде всего с М.Ю.Виельгорским.

Для масонской литературы образ слепца характерен; можно сказать, что это центральный ее образ, встречающийся и в прозе, и в поэзии (например, в одах В.Майкова и поэмах М.Хераскова). Он восходит к орденской концепции падшего человека и связан с масонской критикой просветительской философии, возвещавшей "царство разума" на земле. В романе о Нуме Помпилии Херасков, не до конца порвавший еще с просветительскими идеями Фенелона, изобразил легендарного римского царя, черпающего законы из "просвещенного разума". Этой идее масоны противопоставили теорию "повреждения", слепоты, прискорбной слабости человеческого разума. И вышедшая в 1780 году известная книга И.Лопухина так и называлась - "Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями и опровержение их вредных правил".

Аполлос написал книгу "Неразрывный союз двух братьев", умозрительную притчу-схему, которую называли "аллегорической повестью, изъясняющей сообщение души с телом"⁴⁶. Он развил затем масонскую идею повреждения разума в романе об Урании, где разветвленная аллегория для опоры в длительном повествовании уже потребовала определенного сюжета.

Его Ураний - это слепец, "человек вообще", путешествующий по свету в поисках прозрения. "А под именем *слепоты* разумею ослепление разума, а наипаче слепоту его в вышеестественных делах, т.е. в своем спасении", - пояснял автор во введении, говоря о намерении "описывать аллегорически"⁴⁷. Путешествием Урания и его образом все эти ветви символов (дом - рай, отец - бог, мнимые мудрецы - философы-просветители) соединяются в роман, а в обширных ученых комментариях аллегорическое повествование разъясняется со ссылками на историков и философов.

То есть здесь русский прозаик-монах идет по пути, указанному немецким теоретиком-масоном И.Рейхелем с помощью переводчика Д.Фонвизина, и пишет ученую книгу в духе романа Террасона о Сифе, царе Египетском. В

⁴⁶ Евгений (Блоховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. М., 1995. С. 41.

⁴⁷ Аполлос. Лишенный зрения Ураний, несчастный государь. Священная повесть. М., 1784. С. 6.

сочинении Аполлоса рассудочному, логическому и потому неподлинному знанию просветителей противопоставлено интуитивное проникновение в суть жизни и человека, откровение, умение видеть "внутренними очами" (И.Шварц).

С этой целью автор заставляет персонажа пройти по Древнему Египту, Греции, Риму, Иудее, побывать на строительстве Вавилонской башни, знакомит его с легендарным египетским мудрецом и магом Гермесом Трисмегистом, чьи "герметические" сочинения особо ценились и переводились русскими масонами, с Платоном, Зеноном, Эпикуром и другими античными мыслителями, открывающими Уранию путь к подлинному знанию и добродетели. "Но как разум человеческий и натуральное познание есть поврежденное, то Бог познается более из откровения", - пояснял смысл аллегии Аполлос⁴⁸.

Аллегория в прозе приняла форму романного повествования, хотя и сохранила черты "ученой" масонской книги для избранных. В "Урании" ощутим и стиль церковных книг, уроки семинарской риторики, ораторская интонация проповеди. В книге Аполлоса, в сущности, два слоя - художественный и научный, что проливает свет на происхождение масонской прозы, рождающейся не только в творческом переосмыслении европейских литературных образцов, но и в ходе ученых разысканий образованного философа-масона и православного богослова. Повествование пока не развито, автору-монаху не хватает литературного опыта и мастерства, увлекательного сюжета, знания механики романа, умения строить движущиеся характеры, светского вольного слога, стернианской шутилой болтовни рассказчика с читателем.

Роман М.Хераскова в "восточном" стиле "Золотой прут" (1782) гораздо более "литературен", чем ученая книга Аполлоса. Он создан под очевидным

⁴⁸ Там же. С. 12.

воздействием философских повестей Вольтера и фенелоновского аллегорического "романа путешествий"⁴⁹.

После "Персидских писем" Монтескье все восточное было в моде, читатели требовали экзотики, и поэтому в западноевропейской литературе появляются и такие незаурядные вещи в условно-ориентальном стиле, как нравоописательная книга очерков английского писателя О.Голдсмита "Гражданин Мира", и бесчисленные низкопробные подражания Монтескье и Вольтеру. Мода на восточное захватила и Россию. Писатели-масоны это знали и учитывали в своей переводческой и творческой деятельности, их ориентальные повести становятся главным прозаическим жанром масонских журналов. Восточная экзотика проникает и в масонские романы.

В "Золотом пруте" Херасков использует все возможности, предоставляемые писателю жанром "восточной" повести. Здесь встречаются характерные для классицистской "восточной" прозы иносказания и аллюзии, постоянная ирония и вольное обращение с мировой историей (паша упоминает о комедии Мольера "Проделки Скапена", описана русско-турецкая война 1768-1774 годов и победы Румянцева, названо имя известного американского деятеля-масона Б.Франклина и т.п.). Изображенные в романе Хераскова характеры (скучающий богач Гомар, завистливый завоеватель Барбадес и др.) столь же неподвижны, лишены признаков живой личности, психологического развития, как и персонажи "восточных" повестей Вольтера; это люди-маски, за которыми не очень ловко скрываются авторские идеи.

И если бы херасковский ориенталистский роман отличался только такими особенностями, то автора его можно счесть простым подражателем прозаикам французского классицизма, что и сделано Г.Е.Благосветловым, чьи выводы приняты на веру позднейшим академическим литературоведением.

⁴⁹ См.: *Нарышкина Л.Н.* Вольтер и "восточная" повесть М.М.Хераскова "Золотой прут" // Зарубежная литература в эволюции русского литературного процесса XVIII-XIX вв. Тюмень, 1991.

Однако в "Золотом пруте" Херасков выступает не только как подражатель. Эта книга написана русским вельможей, изобразившим в аллегорической форме памфлета роскошный двор Екатерины, борьбу министров и фаворитов, главные события тогдашней русской истории. Здесь Херасков творчески развивает традиции французского классицизма, создавая весьма прозрачную просветительскую сатиру на нравы двора и высшего русского общества. Но этим он не ограничивается, ибо для автора-масона жанр "восточной" повести, - литературная маска, способ без опасений высказаться о многих вещах.

В аллегориях "Золотого прута" есть и еще один, главный "слой" - масонский. Здесь появляется формула "обрести свет", взятая из обрядов масонских тайных собраний⁵⁰. В книгу включена типичная для масонской литературы новелла-утопия об идеальном государстве, где все граждане стали равны, жили в вечном мире, стремились только к познанию души самобытной личности, изучали связь человека с небесами и землей и его предназначение. Здесь высказана позаимствованная из лекций И.Г.Шварца идея высшего познания через откровение. Характерен и весьма устойчивый интерес Хераскова-масона к Древнему Египту, мистериям и преданиям, из которых, по его мнению, и надо черпать идеи для новой натурфилософии и романа.

Прежняя же эмпирическая, идущая опасным путем недальновидных опытов наука, созданная Галилеем и другими учеными эпохи Возрождения и расцветшая в промышленную эпоху Просвещения, в "Золотом пруте" беспощадно высмеяна. Философы-просветители представлены здесь в виде двух бессовестных придворных шутов, отвергающих бессмертие души и подлинную науку: "Многие представляют себя потому только просвещенными, что древние предания, прежние своих предков обычаи в смех обращают и пороков не стыдятся"⁵¹.

⁵⁰ См.: Розанов И.Н. М.М.Херасков // Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1913. Т. 2. С. 48.

⁵¹ Херасков М.М. Золотой прут. Восточная повесть. М., 1782. С. 148.

Херасков-масон отвергает предложенный просветителями путь в "царство разума" и утверждает, что "свет истины" можно познать только внутренним очищением души. Массонский гнозис подсказывает прозаику величественный образ Софии - Премудрости Божией: "Будет время, когда снидет с небеси Премудрость, просветит умы и род человеческий или часть оногo учинит благополучною"⁵². Очевидно, что высокие тайны премудрости может постичь только "божественная наука". О самих же масонах, созидających такую "науку", сказано: "И ныне есть уже счастливые в мире люди"⁵³.

В аллегориях "Золотого прута" Херасков изложил программу русского масонства, но ее основные положения умело спрятаны в занимательном повествовании и сатире. Так просветительская "восточная" повесть была повернута против ее создателей, вобрала в себя чуждые им идеи и образы, став, в сущности, масонским романом и не потеряв при этом многих черт прозы классицизма.

Такой же "составной", многослойной книгой является и лучший масонский роман М.Хераскова "Кадм и Гармония" (1789). Сюжет книги традиционно позаимствован писателем из "Метаморфоз" Овидия (здесь он неожиданно совпал в своих пристрастиях с переводившим эту поэму прозой Ф.И.Дмитриевым-Мамоновым), а сама конструкция аллегорического "романа путешествий" взята у французских и немецких (см. книги Виланда) писателей. "Таинственные пещеры, быстрые превращения людей и целых народных масс из одного состояния в другое, зловещие предсказания, гибельные кораблекрушения, чудесное покровительство богов, одним словом, весь избитый механизм ложноклассической повести занят Херасковым у Фенелона", - писал Г.Е.Благосветлов⁵⁴.

⁵² Там же. С. 158-159.

⁵³ Там же. С. 159.

⁵⁴ Благосветлов Г.Е. Исторический очерк русского прозаического романа. С. 94.

Однако внутри "избитого механизма", снова позаимствованного у Террасона, пульсируют новые мысли, ибо к тому времени Херасков и его собратья по ложе обратились к идеям розенкрейцерства, стали искать объяснения мира и человека в магии, алхимии и древней иудейской каббале, а стремительно развивавшиеся события европейской истории заставили русских масонов занять более консервативную политическую позицию, отвергнув "левые", революционные идеи иллюминатов, отзывавшиеся лишь в книге Радищева. Все эти перемены и отразились в херасковском романе, над которым автор работал от издания к изданию, добавляя новые мысли и детали. Книга менялась вместе с автором, литературой и историей.

Роман "Кадм и Гармония" выстроен как лабиринт (напомним, что Елагин писал о лабиринте в ложе, через который ведут посвящаемого, а его подчиненный Д.И.Фонвизин сравнивал с лабиринтом и темной храминой ложи длинный крытый мост через Эльбу, годный "к принятию в масоны"), как разветвленная, состоящая из вставных новелл аллегория и в этом схожа с книгами Аполлоса, самого Хераскова и другими произведениями масонской литературы. Повествование чрезвычайно сжато, торопливо (о красавице говорится, что "была она лепоты неописанныя" и т.п.), часто встречаются громоздкие архаизмы. Характеров, реальных личностей, по сути дела, здесь нет, да они и не нужны в романе-аллегии, где за людьми-масками стоят абстрактные идеи.

В романе Хераскова происходит то же, что и в поэме о Владимире: по совету автора, "Кадма и Гармонию" тоже следует читать "как странствование внимательного человека путем истины, на котором сретається он с мирскими соблазнами, подвергается многим искушениям, впадает во мраки сомнения, борется со врожденными страстями своими, наконец преодолевает сам себя, находит стезю правды и, достигнув просвещения, возрождается"⁵⁵.

⁵⁵ Херасков М.М. Творения. Ч. II. С. VIII.

Царь Кадм - не конкретный характер, а первосозданный человек (Адам Кадмон масонских легенд), человек вообще, с непонятной легкостью превращающийся из кроткого просвещенного монарха в сластолюбивого тирана. Супруга его Гармония, которую Кадм разыскивает, - символ высшей человеческой мудрости, "успокоения и услаждения сердца". Лабиринт, по которому царь идет к цели, - жизнь, холм - земной шар, звери - погрязшие в грехах люди, прекрасные девы - соблазны и т.д.

Так весь объемистый роман Хераскова можно разложить на аллегории, и жанр "романа испытания", избранный автором, этому способствует, ибо в его рамках можно нанизать на сюжетную нить любое количество новелл и персонажей. Недаром Карамзин назвал роман Хераскова "творением воображительной силы"⁵⁶.

Книга Хераскова о Кадме и Гармонии столь же откровенно холодна и рассудочна, полна неправдоподобными персонажами и событиями, от начала и до конца придумана, как и другие русские масонские романы. Но автор и не стремился к жизнеподобию сюжетных ситуаций и персонажей, к изображению, пусть несовершенному, реальной жизни и современников. Разумеется, идея реализма, жизнеподобия в художественной прозе была хорошо известна просвещенному масону Хераскову, равно как и его собратьям по ордену розенкрейцеров. Но следовать этой традиции он не желал, масонская эстетика и поэтика были иными.

Русские масоны знали, и не понаслышке, что в Западной Европе давно уже существует целая литература (представленная во Франции именами Прево, Мариво и Кребийона-сына, в Англии - Дефо, Фильдингом и Ричардсоном и т.д.), тяготеющая к жизнеподобию, и что главным ее жанром стал именно роман, сознательно противопоставляемый прозе барокко и классицизма, аллегорическому воспитательному "роману путешествий" Фенелона, дидактическим эссе, апологам и "восточным" философическим

⁵⁶ Московский журнал. 1791. № 1. С. 81.

повестям-сатирам. Они были знакомы с авторитетным мнением, выраженным в переведенной тогда книге немецкого эстетика К.Мейнерса: "Из романов те только должно читать, которые писаны великими испытателями сердца человеческого, каковы суть: Смоллет, Лесаж, а особливо Филдинг"⁵⁷.

Борьба этих разнородных литературных идей и направлений ощутима в "Путешествии из Петербурга в Москву" (1784-1789, издана в 1790 году) А.Н.Радищева, многослойной книге, которую можно прочесть и как аллегорический масонский "роман путешествий". Понятны усилия советского литературоведения эту страницу из творческой истории знаменитой книги и биографии ее автора замолчать, поставить под сомнение или представить незначительным, случайным само его масонство. Помещение знаменитой книги в школьную программу привело к школярскому, примитивно схематичному ее прочтению и упрощенному толкованию. Радищев был представлен как одинокий «дворянский революционер» (что сие значит?), каковым он, безусловно, не был. Ибо книга его выражала философские и политические идеи и цели весьма большой и влиятельной группы людей и обращена против русского дворянства как правящего и одновременно служилого сословия и его государства – Российской империи. И это сразу поняла осведомленная Екатерина II. Поэтому укажем на несколько фактов.

С социальными и философскими идеями масонов будущий автор знаменитой книги познакомился уже в Лейпцигском университете, многие профессора которого были вольными каменщиками. Со своим будущим другом, начальником и могущественным покровителем А.Р.Воронцовым Радищев встречался в ложе «Урания» в 1773-1774 годах. Это объясняет не только важные события его дальнейшей жизни, но и происхождение многих тем и идей знаменитой книги Радищева. С этого времени писатель быстро

⁵⁷ Мейнерс К. Способ читать, замечать и сочинять. М., 1798. С. 33.

продвигался по службе в ведомстве «брата» и шотландского мастера Воронцова, фактически, а потом и по императорскому указу возглавил петербургскую таможенную, а брат его Моисей получил важное место в таможене архангельской. Так Воронцов добился полного контроля над внешней торговлей Российской империи. Уже в этих событиях видно умелое, характерное для ордена выстраивание масонской «цепи» скрытых связей и закулисных влияний.

Хочется напомнить и о влиятельной литературно-идейной среде, где рождались и обсуждались замыслы Радищева-прозаика: «Он посещал небольшое литературное общество графа Александра Воронцова и его сестры, княгини Дашковой»⁵⁸. Здесь впервые прозвучали и получили полное понимание и поддержку идеи и образы главной книги Радищева. Не случайно автора хвалил в печати видный масон и домашний человек Дашковых, поэт и критик И.Ф.Богданович. Напомним, что и сама Дашкова была не лишенной дарования писательницей, и ее написанная в основном за рубежом и анонимно изданная книга «Разные повествования, сочиненные некоторою россиянкою» (М., 1789), и особенно повесть-утопия о Золотом веке «Гармора», тематически и стилистически связана именно с масонской идеологией и литературой⁵⁹. Потом в знаменитых «Записках» она по понятным причинам уверяла, что была с опальным писателем незнакома, но все же отметила: «Я была опечалена судьбой Радищева»⁶⁰.

«С пылким умом и резким пером, в кипении желчи, он пристал к противной стороне князя Таврического и издал книгу «Путешествие от Петербурга до Москвы»... Я не назову сочинителя упомянутой книги человеком беспокойным... Он был просто увлечен и завлечен», - вспоминал о Радищеве С.Н.Глинка⁶¹. Осведомленный Пушкин говорил о нем и масонах то же: «Радищев попал в их общество. Тайнственность их бесед

⁵⁸ Гельбиг Г. Русские избранники. Берлин, 1900. С. 450.

⁵⁹ См.: Егоров Б.Ф. Российские утопии. С. 82-83.

⁶⁰ Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К.Вильмот из России. М., 1987. С. 176.

⁶¹ Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 243.

воспламенила его воображение»⁶². Он же напоминает о несомненном родстве идей Радищева и принадлежавших к «левому» крылу масонства французских революционеров-якобинцев, явственно намекает на известную ему от современников причастность видного масона Воронцова к изданию в обход цензуры и распространению «Путешествия из Петербурга в Москву» в 1790 году. Президент Коммерц-коллегии и его могущественные друзья и «братья» помогли Радищеву напечатать и разослать его мятежную книгу, сделали потом все, чтобы спасти жизнь своего смелого собрата, и облегчили его участь сибирского ссыльного.

В книге вольного каменщика Радищева имеется явственно прочитываемый масонский «слой» идей и образов. Они в основном собраны в философско-сатирической, использующей масонские темы «повреждения» (духовной слепоты) и обретения света Истины главе «Спасская полесь», но есть и в других частях «Путешествия из Петербурга в Москву». И их несомненное присутствие там нельзя объяснить антикрепостнической направленностью и революционностью этого сочинения. Скорее наоборот.

Уже в главе «Чудово» как бы мимоходом сказано: «Как в темной храмине, свету совсем неприступной, вдруг отверзается дверь и луч денный, влетев стремительно в среду мрака, разгоняет оный, распростираясь по всей храмине до дальнейших ее пределов». Любой масон знает, о чем идет речь: об особой комнате в ложе, обтянутой черным сукном, где есть мрачный гроб, череп и кости и где принимаемый в орден в первую степень ученика должен в одиночестве долго думать о вечности и смерти, обо всей серьезности и необратимости своего шага⁶³.

В главе «Спасская полесь» есть сон-утопия, где государю снятся знаки его власти. Но это обязательный для масонской ложи мозаичный пол, меч на столпе-аналое — сокровище ложи и знак власти мастера. Имеется и масонский символ Вечности и Мудрости, египетской богини Изиды (имя

⁶² Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. VII. С. 241.

⁶³ См.: Соколовская Т.О. Статьи по истории русского масонства. С. 32-36.

одной из лож) и самого ордена: «Огромной величины змия, из светлыя стали искованная, облежала вокруг всего седалища при его подножии и, конец хвоста в зеве держаща, изображала вечность». Упоминаемая здесь же «божественная премудрость» - это София, Премудрость Божия, одно из божеств масонского пантеона. Ясно, что вся эта нравоучительная утопия о «поврежденном», пораженном слепотой государе и его излечении Истиной – прозрачная аллегория, политическая сатира на главного врага масонов Потемкина, задевающая и самое императрицу. Они это хорошо понимали, что следует из их переписки и слишком жестокого приговора суда.

В главе «Подберезье» автор осуждает мартиниста, ученика Сведенборга, но дает все же ему важное слово в своей книге и к тому же упоминает о «духовных витязях», а это самоназвание вольных каменщиков, книга розенкрейцера И.В.Лопухина так и называлась – «Духовный рыцарь».

В главе «Новгород» Радищев говорит о «славных храмах древнего Египта», страны, считавшейся масонами прародиной их тайных знаний. Там же упомянут швейцарский философ и масон К.Лафатер, с которым переписывался и встречался Карамзин.

В главе «Бронницы» речь идет о храме единого для всех вер и народов бога, и ясно, что имеется в виду не Иисус Христос православных христиан, а Великий Архитектор Вселенной, которому поклонялись вольные каменщики.

В главе «Зайцово» автор выступает против войн, а масоны были противниками войн, профессиональных армий и желали наступления вечного мира на всей Земле. Там же высказываются мысли об общественном договоре между властью и гражданами и о праве последних восстать при нарушении их прав: «Человек рождается в мир равен всем другому». Мысли эти взяты из сочинений Руссо, они же лежат в основе масонских «конституций».

В главе «Торжок» юрист Радищев, порицая цензуру, опирается на сочинения немецкого писателя-масона Гердера и со знанием дела упоминает баварский орден иллюминатов, принадлежавший к левому крылу европейского масонства.

Екатерина II не знала полного текста оды «Вольность», но сразу отметила, что автор книги хвалит американского масона Б.Франклина, идеолога породившей США революции. Но не заметила, что Радищев называет строителя конституционной Америки «зодчим», т.е. великим мастером.

Это лишь на поверхности лежащие факты и детали, отличающие многослойную книгу Радищева, открыто высказывающую масонские идеи и в то же время стоящую уже в преддверии новой литературы европейского сентиментализма, о чем говорят уже осторожная критика в адрес «архаиста» Ломоносова, слова «сочувственник мой» и фраза «Я человеку нашел утешителя в нем самом». Ясно, что одно другому не противоречит. Упоминание чувствительного романа масона Гете «Страдания молодого Вертера» говорит об интересе русского писателя к новому направлению и его главному прозаическому жанру – роману. Не случайно писатель вспоминает и о «Дон Кихоте» Сервантеса. Чувство для Радищева важнее разума, оно объединяет людей разных сословий, делает их «сочувственниками», братьями по сердцу. Спор о Ломоносове и критика идей классицизма показывают, что Радищев в своей страстной книге является предшественником Карамзина.

С наибольшей ясностью основная идея новой литературы была высказана французским писателем Кребийоном-сыном в предисловии к его лучшему роману "Заблуждения сердца и ума" (1736-1738), где, в частности, говорилось: "Роман, нередко презираемый - и не без оснований - людьми мыслящими, мог бы стать самым поучительным из литературных жанров, если бы авторы умели правильно им пользоваться: не начинали бы его

непостижимыми и надуманными совпадениями и небывалыми героями, чьи характеры и приключения неправдоподобны, а сделали бы роман, подобно комедии, правдивой картиной жизни, порицая людские пороки и высмеивая то, что достойно осмеяния"⁶⁴.

Конечно же, писателям-масонам, в отличие от Фонвизина или М.Чулкова, идея романа как "правдивой картины жизни", предвосхищавшая известную мысль Стендаля о "романе-зеркале", была чужда и, более того, враждебна, ибо все недостатки старых романов, иронически перечисленные Кребийоном-сыном, были свойственны их книгам. Поэтому русские масоны и обрушились с яростными нападками на переводные французские и английские романы. Их собственные книги, и, прежде всего утопии, обращены не к настоящему и текущей жизни, а к доисторическому идеальному прошлому и столь же прекрасному послеисторическому будущему, более того, они содержат резкую критику настоящего положения вещей и даже верховной власти и самого монарха (это особенно ощутимо в антиутопиях и памфлетах типа нравоучительно-сатирической повести Е.Р. Дашковой «Звезда на лбу, или Знак добрых дел») и воспитывают несовершенного человека для будущей идеальной жизни, устроенной согласно масонским теориям и верованиям.

В "Кадме и Гармонии" пафос литературы русского масонства выражен с наибольшей полнотой. Херасков начертал здесь картину судеб человечества и человека, в которой масонские воззрения находят свое место среди других идей и предсказаний. Жанр романа этому способствует, готовя для скитаний и испытаний Кадма объемное художественное пространство.

В центре писательского внимания не только духовные искания и заблуждения "человека вообще", хотя им по-прежнему уделяется немало места. Кадм меняется под давлением обстоятельств, он живет среди людей. И потому в книге М.Хераскова повествуется не только о грехах и

⁶⁴ Кребийон-сын. Заблуждения сердца и ума, или Мемуары г-на де Мелькура. М., 1974. С. 7.

добродетелях, но и о разных политических системах и государственных организациях, социальном устройстве жизни.

Критика просветительской философии, вообще характерная для масонов, в "Кадме и Гармонии" достигает высшей точки, пронизывая весь роман. Просветители показаны здесь как ложные философы, употребившие разум во зло и превратившие его в "тленный жезл", опасное орудие вольнодумства. И, доказывая свою мысль, Херасков обратился к излюбленному масонами жанру утопии. Однако это уже не простая утопия об идеальном царстве равных, какую мы нашли в "Золотом пруте". Времена изменились, и в "Кадме и Гармонии" появилась антиутопия ⁶⁵, рассказывающая о властолюбивых лжемудрецах и своекорыстных софистах, погубивших целое островное государство в стремлении любой ценой утвердить там заведомо ложную, фарисейскую идею социального равенства.

Херасков метит во французских просветителей, когда пишет: "На самом деле были они тигры, вид человеческий принявшие... В гордом безумии своем уничтожили они богов и сами богов места заступили"⁶⁶. Аллегория была предельно прозрачна и всем ясна. Тем более в масонской переписке имена назывались прямо: "...Сочинения Вольтеров, Дидеротов, Гельвециев и всех антихристианских вольнодумцев много способствовали к нынешнему юродствованию Франции"⁶⁷.

Социальные перемены тех лет властно вторгались в отвлеченные философические аллегории, заставляли русских масонов мыслить исторично и конкретно, говорить не только о вневременных категориях разума и добродетели. В романе М.Хераскова есть, конечно, и масонский идеал внутреннего, духовного прозрения и познания сути вещей, предсказание грядущей "божественной науки", соединяющей в себе все знания людей. Но

⁶⁵ В русской прозе жанр этот предугадан И.В. Лопухиным, обратившимся к философам-просветителям со следующим предложением: "Дабы изобразить все ужасные следствия вашего учения, представим такую страну, которую заблуждение принесло б вам в жертву" (*Лопухин И.В. Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями и опровержение их вредных правил. М., 1780. С. 6*). Через несколько лет такой страной стала революционная Франция.

⁶⁶ *Херасков М.М. Творения. Ч. VIII. С. 243.*

⁶⁷ *Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII века. С. 16.*

там появляется и мысль, соотносящая исторические судьбы России и Западной Европы. То есть возникает национальная, русская идея, и именно там, где, казалось бы, должен торжествовать (в теории, разумеется) орденский псевдоинтернационализм.

В четвертой книге херасковского романа вещий песнопевец Офар рассказывает о простодушных фессалийцах, которых сбили с пути истинного развратные сибариты. Тогдашним читателям понятно было, что речь идет о русских вольнодумцах и их французских учителях.

Кадм и Гармония изучают египетские таинства, эзотерические творения Гермеса Трисмегиста и магические золотые календарные круги. Но и высшая мудрость не может спасти их от злобного царевича Хадема, обладавшего "разумом острым, но ближним вредным"⁶⁸. Злу, порожденному своевольным демоническим разумом, необходимо было что-то противопоставить. Помимо Бога и православной веры, к которым часто зывали русские масоны, требовались новые духовные ценности.

Такой ценностью для масонов, в конце концов, стали русский народ и государство. Поэтому писательская мысль вместе с Кадмом из библейского Вавилона переносится в Восточную Европу, где обитают славяне, "народ кроткий и добронравный". А фраза "Сколь нежно скифянки любить умеют" предвосхищает чувствительные описания зрелого Карамзина.

Сюда, в "страны полуночные", удаляются с Запада музы - риторическая фигура многих од в честь Екатерины II, скрывающая затаенную мечту молодой имперской литературы России. Знаменитый прорицатель Тирезий, взятый из античной драмы, предвещает славянам великую славу и военные победы. Таким образом, М.Херасков прошел в своих романах долгий путь - от беглого упоминания о русско-турецкой войне в "Золотом пруте" до целостной историко-философской концепции, основанной на

⁶⁸ Херасков М.М. Творения. Ч. VIII. С. 243.

противопоставлении грешного и вольнодумного Запада и устойчивого в добродетели и верованиях славянского Востока, России.

Абстрактная аллегория "романа путешествий" в духе Террасона постепенно превращается в опыт философии истории, причем либеральный розенкрейцер М. Херасков в своих выводах становится близок к идеям консервативного дворянского идеолога масона М.Щербатова. Европейские события 90-х годов заставили русских масонов заметно поправить в своих политических воззрениях, что не могло не отразиться на их литературных творениях. Гонения также заставили их сменить литературные вехи, и все это отразило зеркало романа.

В 90-е годы маститый поэт М.Херасков становится сотрудником журналов молодого Карамзина, испытывает сильное воздействие литературы сентиментализма. Это показывает значительная и продуманная правка, вносимая им в тексты старых сочинений при переиздании и могущая ввести исследователя в заблуждение.

Последний роман Хераскова "Полидор, сын Кадма и Гармонии" (1794) столь же громоздок по форме и причудливому соединению разных идей и замыслов, как и прежнее повествование о родителях главного героя. Есть там и очередная сатирическая антиутопия о государстве вольнодумцев, охваченном революцией. Высказана вполне естественная после пугачевского бунта мысль о том, что народ - дикий зверь.

Но постепенно книга превращается в повесть о "злосчастных любовниках", персонажи льют слезы и прогуливаются в тихой задумчивости по приятным долинам, а сам писатель восклицает: "Души чувствительные! Не читайте сего плачевного повествования: оно ваши нежные сердца растрогает"⁶⁹. В книге звучат хвалы не только Ломоносову и Державину, но и Карамзину, Богдановичу и И.Дмитриеву.

⁶⁹ Там же. Ч. X. С. 4.

И все же роман Хераскова о Полидоре - это еще старая литература масонского барокко, книга переходного времени, составная, громоздкая, перенасыщенная персонажами и событиями, полная тяжелых славянизмов, сюжетных и прочих несообразностей. А.Т.Болотов писал о "Полидоре": "Он наполнен был хотя тысячами изящных и превосходных мыслей и содержал в себе хотя наичистейшее нравоучение... но все историческое, и все то в нем, чему бы наиболее надлежало занимать читателя, приводить душу его в разные движения и напоять сердце его сладкими и приятными чувствами, было так скудно, так неудачно и с таким несовершенством соединено... Все расположение одного так неудачно выдуманно. Слог толико надменной и высокопарной и набит таким непомерным множеством славящины и странных, невразумительных речений"⁷⁰.

Это уже критика старой литературы "славянского" барокко. Хотя здесь, в последнем романе М.М.Хераскова, как и в его "Бахариане", уже произошел знаменательный отход от поэтики масонского аллегорического "романа путешествий", автор пошел навстречу новой литературе, навстречу сентименталистской прозе Карамзина.

В романах Хераскова и других прозаиков-масонов часто появлялись вставные новеллы, написанные в жанре утопии или антиутопии. Это особенность жанра, по своей природе не только философского, но идеологического, даже политизированного, иногда приближающегося к бесцензурному памфлету. Для масонских утопий и антиутопий характерно соединение возвышенных мыслей о светлом будущем с трезвой и грустной думой о безрадостном настоящем. "Мыслящее русское общество того времени вообще было затронуто политической мечтательностью, и русский роман второй половины XVIII века был тем литературным жанром, который ярче всего выразил эти мечты", - заметил В.В.Святловский⁷¹.

⁷⁰ Библиограф. 1885. № 9. С. 35-36.

⁷¹ Святловский В.В. Русский утопический роман. С. 25.

Оставляя в стороне политику и прогрессивность тех или иных масонских утопий и антиутопий, следует признать, что с точки зрения поэтики прозы это весьма архаический “барочный” жанр, унаследованный нарождающейся новой русской прозой от западноевропейской литературы XVII века. Ведь уже Сумароков поместил в "Трудолюбивой пчеле" (1759, декабрь) коротенькую утопию "Сон. Счастливое общество". Тут уже то характерно, что утопия - вполне газетный материал.

И в то же время в описании счастливого общества, увиденного во сне автором, ощутима сатира на несчастную Россию, памфлетно показанную "от противного": мудрый, справедливый государь-труженик, благочестивые, бескорыстные духовные лица ("Все они люди великого учения и беспорочной жизни"), правит по справедливости Государственный совет, законов мало, чиновников мало, армия миролюбива, дисциплинирована, не грабит, всюду равенство, людей ценят и награждают по достоинствам. После таких снов просыпаться в стране, где ничего этого нет и быть не может, особенно грустно (этот сатирический монтаж утопических контрастов потом был повторен В.К.Кюхельбекером, В.Ф.Одоевским, А.Д.Улыбышевым).

Эту миниатюру "брата" по ложе Сумарокова князь Михаил Михайлович Щербатов (1733-1790) развернул в самую известную русскую утопию XVIII века - роман "Путешествие в землю Офирскую г-на С..., швецкаго дворянина" (1786?). Эта книга составляет дилогию вместе со столь же известным щербатовским политическим памфлетом "О повреждении нравов в России", важным манифестом дворянской фронды. "Путешествие в землю Офирскую" тоже сатира, но скрытая, критика "от противного" по примеру "Сна" Сумарокова. Здесь тоже высказана в сердцах политическая мечта русского дворянина, скорбящего о "поврежденной" тоталитарным самодержавием и народным рабством России. "Под видом описания

политической жизни в Офире Щербатов рисует нам идеальную Россию, какой она ему видится", - заметил бельгийский славист Э.Вагеманс⁷².

Для этого Щербатов соединяет памфлет и утопию с литературой путешествий, самым занимательным родом чтения в тогдашней России. "Наполнены уже все вивлиофики множеством путешествий", - признает он и тем не менее пишет еще одну книгу странствий по несуществующей стране, в духе Террасона⁷³. Но роману-утопии это не помогает, все традиционно читают его как памфлет или политическую статью в духе "Философического письма" П.Я.Чаадаева, внука автора и тоже масона. Нет необходимости описывать идеальное устройство земли Офирской, это уже делалось неоднократно и для нашей темы мало интересно.

Суровому аскету и староверу Щербатову в грешной екатерининской России ненавистен расточительный беспорядок, поэтому в Офире царит удручающая скаредная правильность, заставляющая вспомнить совсем другую русскую утопию - роман Е.И.Замятина "Мы"⁷⁴. Щербатов исповедует здесь традиционную для феодально-тоталитарной России философию нищеты. Политическая мечта автора - порядок и законность, утверждаемые железной рукой аристократии на началах российской патриархальности - император подобно древнерусским князьям обедает с низшими сословиями, за умышленное убийство платят виру как в "Правде русской", простые кушанья, убедительная критика построения "противуестественного" Петербурга, военные поселения (пророческая программа для Аракчеева), духовная цензура, какие-то "трибуналы (!?) искусств" (вспоминаются советские 1920-е годы и Мейерхольд), образцовые тюрьмы рядом с академией свободных наук, полиция нравов, в которой служат и священники, и т.п. Это не роман, а деловая проза, архаичный, отдающий XVII веком и темными жестокими временами Анны Иоанновны

⁷² Вагеманс Э. К истории русской политической мысли: М.М.Щербатов и его "Путешествие в землю Офирскую" // Русская литература. 1989. № 4. С. 108.

⁷³ Щербатов М.М. Соч. СПб., 1889. Т. I. Стб. 749.

⁷⁴ См.: Сахаров В.И. Воспоминание о будущем. Перечитывая "Мы" Е.Замятина и "Собачье сердце" М.Булгакова // Подъем. 1995. № 7.

канцелярский язык коллегий, указов и меморий, новый "духовный регламент", боярский "наказ", направленный к беспощадному "унятию всякого беспорядка"⁷⁵.

Что же есть в нем от масонской литературы? Многое, особенно если учесть, что Щербатов - представитель раннего масонства, говорившего на ином русском и политическом языках, нежели Новиков и его "братья". Стилистическая и жанровая архаика и консерватизм скрывают родство идей М.М.Щербатова с политической мифологией ордена вольных каменщиков. А между тем идея Верховного совета и Вышнего правительства, управляющих страной с помощью законов и соблюдения прав человека и тем самым ограничивающих власть монарха, принадлежит Н.И.Панину и его деятельному помощнику Д.И.Фонвизину. Устройство бесплатных народных училищ - одно из начинаний Новикова и Шварца. Мысль о равенстве всех людей - общее место в риторике масонских лож. Офирцы живут не по своду законов Российской империи, а согласно нравственному катехизису, а это один из главных масонских документов, достаточно вспомнить "Духовного рыцаря" И.В.Лопухина.

Этот список перекличек идей дворянского публициста с орденой политической программой можно продолжить, но нас в утопии М.М.Щербатова интересует то, что роднит его книгу со "Сном" Сумарокова и "Дворянином-философом" Дмитриева-Мамонова - откровенный антиклерикализм, совсем не вяжущийся с репутацией дворянина-старовера. Уже выдает потаенные мысли автора идея *выборности* священников. Это скрытый, но сильный упрек официальной православной церкви и ее Синоду, священников *назначающему*. Брак в Офире отнесен к сфере гражданских дел и, следовательно, перестал быть церковным таинством, введен закон о разводе через гражданский суд. Но и сама религия и церковь Щербатовым реформированы, и это видно в описании храма офирцев, перекликающемся

⁷⁵ Щербатов М.М. Соч. Т. I. Стб. 815.

со сходными картинками в других масонских книгах (см. главу 19-ю "Храм" романа Л.-С.Мерсье "Год две тысячи четыреста сороковой. Сон, которого, возможно, и не было")⁷⁶.

"Масонское воздействие особенно явно чувствуется в офирской религии", - пишет Э.Вагеманс⁷⁷, и с ним соглашаешься, читая описание круглого масонского храма, построенного из "дикого камня" (один из ключевых масонских символов и предметов ложи), где на алтаре воздвигнут воспетый Сумароковым и другими поэтами-масонами символ Божества - солнце, которому офирцы земно кланяются и молятся, нарушая тем самым все каноны православия. Иисус Христос превращен в безликое высшее существо, это теперь "единого всемогущий строитель", Великий Архитектор Вселенной, которому возносятся молитвы вроде следующей погребальной: "Пред двери тленного храма твоего приносится труп твари твоей". И тут же звучит гимн человеку - "благороднейшей твари", говорится о первых сотворенных людях, еще не оторвавшихся от Бога и потому знавших высшие тайны бытия. Да, это деизм, но деизм масонский, а не просветительский. Все это прямые цитаты из орденских трактатов, ритуалов и теоретических градусов.

Масонский "слой" и придает роману М.М.Щербатова форму политико-религиозной утопии, формирует ее "составной" стиль и идейный подтекст. В результате книга получается масонская, ирреальная, фантастическая, утопия и сатира вместе, путешествие по будущей счастливой России, архаичный "проект", написанное канцелярским слогом руководство к действию для желающих исправить поврежденное общество и падшего человека. Это потаенная орденская литература вроде утопической главы-"проекта" сразу уничтоженной книги Радищева, невозможная в подцензурной печати того сурового времени.

⁷⁶ См.: Сахаров В.И. К истории масонского храма // Русская усадьба. М., 1999. Вып. 5.

⁷⁷ Вагеманс Э. К истории русской политической мысли: М.М.Щербатов и его "Путешествие в землю Офирскую". С. 116.

Одновременно с романом М.М.Щербатова появилась и была опубликована другая масонская утопия - "Новейшее путешествие" Василия Алексеевича Левшина (1746-1826), писателя другого поколения и иного отношения к литературе. Этот литератор-профессионал и плодовитый переводчик был начитанным в мировой фантастике человеком, знал античные и европейские мифы и книги о полетах на Луну и вослед им написал свое космическое путешествие.

Проза Левшина вначале выглядит именно как научно-фантастическая: автор рассказывает о летательных аппаратах, плотности атмосферы, безжизненном космосе и говорит: "Творец миров не создал ничего чрезыестественного, ни похожего на волшебство: все действующие причины имеют основание свое в природе"⁷⁸. Но далее полет Нарсима на населенную Луну обретает все черты утопического пребывания в идеальном обществе: "Кажется, что златой век здесь господствует; по сех пор еще не вижу я монахов и ратников"⁷⁹. Нет армии и храмов официальной церкви. То есть здесь царят столь ценимые масонами вечный мир и "внутренняя", не нуждающаяся в посредниках церковь ордена. На Луне нет государей, следовательно, исполнились и политические чаяния вольных каменщиков.

Прилетевший с Луны на Землю Квалбоко наоборот попал в ад, где ведутся религиозные войны, разум поврежден ложным просвещением и гордыней. Словом, в книге Левшина высказаны все аргументы масонской критики политического общества и культуры эпохи Просвещения. В преданиях Земли житель Луны более всего ценит наследие Древнего Египта, эзотерику, Элевзинские мистерии и неожиданно утверждает, что мистерии эти сохранились "в довольно известных обществах"⁸⁰, т.е. в масонских ложах. Богослужение Гиерофанта демиургу, творцу вселенной, то есть Великому Архитектору напоминает речь мастера стула в ложе. То понятное

⁷⁸ Собеседник любителей русского слова. 1784. Ч. XII. С. 146.

⁷⁹ Там же. С. 151.

⁸⁰ Там же. Ч. XV. С. 26.

обстоятельство, что земной рай Квалбоко находит лишь в России, где царят мир и законность, его неизбежные хвалы "великой жене" Екатерине II, описание Санкт-Петербурга - все это не лишает роман-утопию масона Левшина социально-сатирического и философского смысла.

Другое дело, что, невольно совпадая с неопубликованной книгой Щербатова о земле Офирской даже в деталях, опытный литератор Левшин на основе творческого наследия европейских романистов гораздо профессиональнее строит свой роман. Он владеет искусством композиции, соединив два полета: землянина на Луну и жителя Луны на Землю. Здесь умело использованы полученные контрасты и элементы гротеска, которыми живут памфлет и социальная сатира. В то же время писатель владеет искусством занимательного, пестрого и юмористического повествования, здесь сказался опыт обработки сказочных сюжетов. "Новейшее путешествие" В.А.Левшина лишено удручающей серьезности и мелочной обстоятельности крупного русского чиновника, свойственных официозно-деловой прозе князя Щербатова.

Так в масонской прозе сложилась традиция барочного романа-утопии, формально являющегося частью "литературы путешествий" и соединившего в себе философию истории, политический трактат, памфлет и социальную сатиру, способного дать основание отечественной научной фантастике⁸¹. Но традиция эта была оборвана запретом "Путешествия из Петербурга в Москву" А.Н.Радищева и крушением литературно-книгоиздательских планов Н.И.Новикова.

В 90-е годы русское масонство было разгромлено правительством Екатерины II, и запоздалая павловская амнистия его не спасла. Вместе с ложами прекратила существование и масонская проза, хотя появлялись еще такие любопытные книги, как изданная в 1793 году в Калуге дидактическая

⁸¹ См.: *Святловский В.В.* Каталог утопий. М.-Пг., 1923. С. 96-97. Взгляд сквозь столетия. Русская фантастика XVIII и первой половины XIX века. М., 1977. *Шестаков В.П.* Эсхатология и утопия. Очерки русской философии и культуры. М., 1995. *Чудинов А.В.* Утопии века Просвещения. Курс лекций. М., 2000. *Егоров Б.Ф.* Российские утопии. Исторический путеводитель. СПб., 2007.

утопия Ф.П.Ключарева "Испытание честности", утратившая романский сюжет и превратившаяся в чистую нравоучительную аллегорию. И дело тут было не только в гонениях.

Громоздкие масонские романы с их сложными и запутанными аллегорическими сюжетами и фигурным, витиеватым стилем обращены были, в сущности, только к "посвященным", и, прежде всего к самим масонам. Это многослойное, зашифрованное барокко требовало определенной начитанности, особой книжной культуры, знания масонской литературы, символов и обрядов лож. И отталкивало рождающегося в ходе карамзинской реформы «массового» читателя. Поэт и критик К.С.Аксаков в 1857 году писал: «Прозаические сочинения Хераскова лишены интереса, их даже и современники не очень замечали»⁸².

Сегодня мы знаем, что дело обстояло не так просто. Вольные каменщики-писатели создали "элитарную" прозу для нарождающейся русской интеллигенции, и литература эта была замкнута в круге своих идей, зашифрована и потому трудно доступна, причем писатели-масоны не только эту замкнутость сознавали, но и стремились к ней, высокомерно третируя "непосвященных". В.И.Майков в одной из философских од прямо сказал: "Тому дать света невозможно, // Кто зренья навек лишен".

Масоны даже Карамзину-критику отказывали в способности верно понять и оценить их сочинения: "Смешно и больно безумное его предприятие ценить книги, которых без всякого сомнения он нисколько не понимает"⁸³. Что же говорить о широком круге русских читателей?

Они воспринимали в масонских романах и повестях верхний их "слой", сюжетную событийность, занимательность приключений и путешествий, восточный колорит и т.п., чем и объясняется немалый читательский успех херасковской книги "Кадм и Гармония" и "Новейшего путешествия" Левшина. Сама же многозначная масонская символика чаще всего

⁸² Аксаков К.С. Взгляд на русскую литературу с Петра Первого // Русская литература. 1979. № 2. С. 108.

⁸³ Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII века. С. 106.

оставалась непрочитанной. На романы эти смотрели как на интересное чтение, не усматривая в них учебники орденской мудрости и мировой эзотерики.

И в завершение необходимо отметить, что романами и повестями масонская проза отнюдь не исчерпывалась, существовали документальные жанры, мемуары, памфлеты, ритуальные документы, эпистолярное наследие⁸⁴. Все это не только составляло литературный фон, творческий контекст, в котором развивались "большие" прозаические жанры, но и становилось источниками для них, лабораторией нарождающегося русского повествования.

Завершая знаменитые, Герценом изданные "Записки", розенкрейцер высших степеней и книгоиздатель И.В.Лопухин подвел черту под историей русского масонства и созданной им литературы: "Довольно ныне заниматься зрелищем великого театра вселенной, на котором чудесная быстрота сцен весьма разительно вещает, что мир преходит..."⁸⁵. Уже одна эта великолепная фраза выдает самобытный дар прозаика, каковым, несомненно, обладал автор "Духовного рыцаря", и свидетельствует о существовании особого стиля масонского повествования.

Лопухин все же не прав: мир, конечно, не уходил, но он был весь в движении истории и дум, разительно менялся, а вот русское масонство XVIII века с его эзотерической прозой и рукописными трактатами уходило и ушло, хотя некоторые его капитальные идеи в иных формах воскресли у мистиков и масонов Александровской эпохи и романтиков XIX века, способствовали появлению русской "готики" и романтической фантастики⁸⁶.

Но сама масонская проза XVIII века осталась в библиотеках русских дворян (одну такую библиотеку, состоящую из таинственных рукописей и алхимических и мистических книг, описал в повести "Сильфида" прозаик-

⁸⁴ См.: Лазарчук Р.М. Дружеское письмо второй половины XVIII в. как явление литературы. Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века.

⁸⁵ Лопухин И.В. Записки. СПб., 1884. С. 149.

⁸⁶ См.: The Gothic-Fantastic in Nineteenth-Century Russian Literature. Ed. By N.Cornwell. Amsterdam, 1999. Вацуро В.Э. Готический роман в России. М., 2002. В этих книгах имеется подробная библиография.

романтик В.Ф.Одоевский), новиковские и лопухинские издания, романы Хераскова и Левшина долго еще читались в России, и особенно в провинции. Продолжала жить, пусть в иных формах, сама литературная традиция.

И надо отметить, что масонская проза, выросшая из литературы русского и западноевропейского барокко и классицизма и боровшаяся с нею, способствовала, несмотря на очевидные, вполне объяснимые художественные недостатки, зашифрованность и архаичность, становлению и плодотворному развитию русского повествования и романного жанра, заняла свое место в истории русской и мировой литературы XVIII столетия, русской художественной прозы, расчистив и указав дорогу сентиментализму и нарождающемуся романтизму.

ГЛАВА 3

Н.М.КАРАМЗИН И ВОЛЬНЫЕ КАМЕНЩИКИ

Взаимоотношения между масонством и литературой в России XVIII-XIX веков не могут быть исчерпаны исследованиями в сфере поэтики, посвященными форме и потому неизбежно описательными, порой далеко отходящими от содержания, т.е. от главного - судьбы русского писателя, связанного с тайным и влиятельным орденом вольных каменщиков в стране деспотической, опасной и непредсказуемой, закрытой для многих западных ценностей и понятий. Между тем есть значимые имена и этапные книги, обращение к которым проливает новый свет на историю масонской литературы в России.

Среди выдающихся русских людей, стоявших под багровым знаменем масонства, был и Николай Михайлович Карамзин (1766-1826), историк и писатель. Для него встреча, дружба и разрыв с масонами, московским обществом Новикова, с орденом розенкрейцеров стали одной из самых таинственных и болезненных тем его жизни, темной и опасной страницей биографии¹.

Сдержанный, немногословный Карамзин никогда не пускался в откровенности по поводу столь таинственного дела. Вступая в молодости в ложу, он дал клятву верности и молчания, в которой были и следующие странные слова: "В случае же малейшего нарушения сего обязательства моего подвергаю себя, чтобы голова была мне отсечена, сердце, язык и внутренности вырваны и брошены в бездну морскую; тело мое сожжено и прах его развеян по воздуху"². Просвещенные масоны, загадочно улыбаясь, именовали эти сильные выражения древним варварством и пустой

¹ См.: Николай Михайлович Карамзин. Указатель трудов, литературы о жизни и творчестве. 1883-1993. М., 1999.

² Бронникова Е.В., Сахаров В.И. Листки из масонской "архивы". С. 123.

формальностью, но в рукописном уставе вольных каменщиков, хранившемся в архиве ложи “Трех знамен”, со значением сказано: "Страшися думать, что сия клятва менее священна, нежели те, которые ты даешь в народном обществе; ты был свободен, когда произносил оную, но ты уже не свободен нарушить тайны, тебя связующей; бесконечный, которого призывал ты в свидетели, утвердил оную, бойся наказаний, соединенных с клятвопреступством; ты не избежишь никогда казни твоего сердца и ты лишишься почтения и доверенности многочисленного общества, имеющего право - объявить тебя вероломным и бесчестным"³.

И Карамзин молчал. Но по ряду прямых и косвенных свидетельств можно утверждать, что он всю жизнь помнил о встрече с масонским орденом России и его западными собратьями и что встреча эта повлияла на его дальнейшую судьбу, характер, образ мыслей и отразилась в сочинениях. В позднейших беседах со своим секретарем К.С.Сербиновичем историк позволил себе важное признание: «Он также никак не мог согласиться с убеждениями Новикова и членов его Общества, несмотря на многие, им же признаваемые нравственные достоинства этих людей, и явно видя нелепость уставов Общества и заблуждение его, отстранился от него гораздо прежде, чем они обратили на себя внимание Правительства; и вообще он был глубоко убежден, что для истины нет нужды прибегать к способам таинственным: потом он столько же и еще более дивился наносному из-за границы мистицизму, посетившему Министерство просвещения при князе А.Н.Голицыне»⁴.

Молчание историка объяснялось не только масонской клятвой. Откровенность в данном случае была просто опасна. Ибо на порвавшего с орденом Карамзина обрушились страшное масонское проклятие, ненависть и изощренная тайная месть прежних «братьев» и «товарищей». Для них он

³ РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 1. Л. 8об.-9.

⁴ Сербинович К.С. Воспоминания о Н.М.Карамзине // Российский Архив. Т. IX. М., 1999. С. 201.

навсегда стал отверженным, по отношению к которому все дозволено. Отсюда высокомерное осуждение его книг и журнальных статей, литературной деятельности. Теперь мы знаем, что непонятная ярость и ненависть весьма высокопоставленных оппонентов Карамзина в полемике о «старом и новом слоге», их политические доносы объясняются масонскими старыми счетами (здесь особенно усердствовал вельможа, поэт и мастер стула московской ложи «Нептун» П.И.Голенищев-Кутузов). Так эта долгая и сложная история взаимоотношений великого историка с орденом вольных каменщиков завершалась. А начиналась она весьма идиллично.

Карамзин стал масоном в молодости, в родном городе Симбирске, приехав туда в 1783 году и вступив в местную ложу “Златого Венца”. Он потом признавался: "Я был обстоятельствами вовлечен в это общество в молодости моей"⁵. Сами обстоятельства до сих пор не прояснены. Во всяком случае, очевидно, что духовное здесь, как всегда, переплеталось с материальным. Ибо юный гвардеец Карамзин, подобно пушкинскому Германну, был молод, хорошего роста, красив, любезен, отчаянный картежник, сильно подорвал беспорядочными проигрышами свое состояние и лишь впоследствии дал себе слово оставить игру навсегда и слово сдержал.

Надо заметить, что в той же губернии имел вотчину Иван Петрович Тургенев, писатель и переводчик, будущий директор Московского университета, один из масонов высших степеней, розенкрейцер. Он встретил в тамошнем свете отставного гвардейца Карамзина, увидел, какую рассеянную жизнь тот вел, терял время в провинциальных гостиных и на балах, играл в карты. Тургеневу стало жаль губившего себя способного молодого человека, и он решил его отечески остеречь, спасти, помочь советом, протянуть руку дружбы. И в начале 1785 года увез в Москву, гнездо масонов, и поселил в знаменитом студенческом общежитии в

Кривоколенном переулке, дом 10, принадлежавшем главе ордена розенкрейцеров, университетскому профессору Е.Г. Шварцу, чьи лекции в 1781-1782 учебном году посещал вольнослушатель Карамзин. Вдохновенный вождь и идеолог масонов к тому времени уже скончался, но бюст его стоял в комнатке флигеля, где жили Карамзин и друг его, даровитый литератор и переводчик А.А.Петров, редактор новиковского журнала «Детское чтение для сердца и разума», тоже масон.

Тургенев ввел молодого Карамзина в узкий тайный круг московских масонов и дал ему возможность (юноша стал пансионером ордена) обрести обширные познания и свой жизненный путь. Этот опытный и проницательный человек, как и масоны Ян Коменский и Песталоцци, был хорошим организатором, психологом и педагогом и совсем не случайно возглавил потом Московский университет. В одном сочинении Тургенев писал: "*Успешное* исполнение должностей в Государстве, особливо знатных, несомненно предполагает познание человеческого сердца. Имея сие познание, можно определять способных к делам людей"⁶. Он заметил и поддержал молодого казанского поэта-масона Г.П.Каменева, воспитал юного Жуковского, помог павшему духом Карамзину. Семейство Тургеневых стало на грани веков школой молодых литераторов, где зарождался русский романтизм.

«Один достойный муж открыл мне глаза, и я сознал свое несчастное положение», - признавался потом Карамзин в письме к швейцарскому философу и масону Лафатеру⁷. Вот тут и возникает масонский символ сплетенных рук, известный по орденским гимнам, рисункам, кольцам, цепочкам, знакам и печатям лож. Ибо Тургенев стал для Карамзина мастером, а тот в свою очередь учеником. Руки соединились, и ученику открылся вход в тайную круглую (форма улья) храмину масонской ложи,

⁵ Погodin М.П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. I. С. 68-69.

⁶ Тургенев И.П. Кто может быть добрым гражданином и верным подданным? С. 28.

⁷ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 465.

построенную специально для заседаний «братьев» «Златого Венца» местным богатым помещиком В.А.Киндяковым в поместье Винновка близ Симбирска⁸. В 1784 году Карамзин состоял уже во второй степени товарища⁹.

Масонство всегда появляется в жизни человека тогда, когда он находится в сложной жизненной ситуации, в шатком, тревожном положении, которое в первую очередь не удовлетворяет его самого. Ордену нужен кризис личности. Вельможа-масон Тургенев знал людей, тончайшие изгибы их души, умел ими руководить, был бесконечно терпелив и дальновиден, готовя из отчаявшегося, заблудшего юноши преданного слугу ордена. Недаром масоны были способными учениками иезуитов, их заклятых врагов.

Трудно теперь предположить, кого именно хотели видеть в Карамзине И.П.Тургенев и другие масоны. Конечно, великого мастера и познавшего теоретический градус розенкрейцера, масона высших степеней, одного из идеологов ордена. Ценились его безукоризненная дворянская честность и редкая скромность, трудолюбие, глубокие познания, литературные способности, переводы из иностранных авторов. Нравственное влияние масонов на молодого Карамзина было огромно.

«Это был уже не тот юноша, который читал все без разбора, пленялся славою воина, мечтал быть завоевателем чернойбровой, пылкой черкешенки, но благочестивый ученик мудрости, с пламенным рвением к усовершенствованию в себе *человека*. Тот же веселый нрав, та же любезность, но между тем главная мысль, первые желания его стремились к высокой цели», - вот портрет Карамзина-масона, оставленный его другом-поэтом (и тоже масоном) И.И.Дмитриевым¹⁰. Такой способный и преданный человек неизбежно попадал в масонскую элиту, проходя через степени и градусы к узкому и

⁸ См.: Сахаров В.И. Об истории масонской обрядности // НГ-Религии. 1999. 24 ноября.

⁹ Осмнадцатый век. М., 1869. Кн. II. С. 506.

¹⁰ Дмитриев И.И. Соч. С. 290.

могущественному кругу «водителей толпы», в руководство розенкрейцерского капитула. Поручения, данные потом уезжавшему в Западную Европу Карамзину, подтверждают полное доверие и особую в нем заинтересованность ордена российских розенкрейцеров, обладающих тайными знаниями рыцарей Златорозового Креста, влияние которых в отечественном масонстве было огромно, несмотря на малочисленность этой закрытой элиты избранных мастеров высших степеней (не более 20 человек).

Но вовсе не исключено, что ордену был нужен Карамзин-историк на смену Болтину, Богдановичу и Щербатову. Ведь еще в журнале молодого Хераскова "Свободные часы" был напечатан "Опыт об историках", где говорилось: "Сделать историю полезною зависит от искусства писателей. История, писаная остроумным человеком, заключает в себе примеры красноречия, остроты мыслей, нравоучения, политики, преимущества мудрого правления. И если где может человек познавать себя в других, так сие не инде, как в истории, писаной философом"¹¹. Именно такова «История Государства Российского» Н.М.Карамзина. Только написана она с совсем других позиций, ничего масонского в этом капитальном труде великого русского историка нет, это не «полезная» орденская книга, а самобытное художественное произведение.

В суждениях современников о молодом Карамзине мы встречаем противоречивые свидетельства. Масон и поэт Федор Глинка писал, что Николай Михайлович "смолоду был очень веселонравен, быстр в движениях и, как говорится, легок на подъем"¹². Поэтому отчаянный картеж и легкомысленные развлечения отставного гвардейца Карамзина в родном Симбирске на первый взгляд являют собой картину, известную по старинным гравюрам Хогарта и новиковским сатирическим журналам:

¹¹ Свободные часы. 1763. № 1. С. 25.

¹² Глинка Ф.Н. Мои воспоминания о незабвенном Николае Михайловиче Карамзине // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1903. Т. VIII. Кн. 2. С. 86.

молодой мот, повеса и картежник весело губит себя, а его умно спасает и вразумляет добродетельный вельможа и масон Иван Тургенев. Потом Лев Толстой именно так описал приобщение к ордену пестро и бурно жившего Пьера Безухова под вкрадчивым влиянием проезжего мудреца-масона.

Однако в откровенных письмах к швейцарскому философу и масону Лафатеру Карамзин с полным основанием называет себя "престрашным меланхоликом"; друзья-масоны вспоминают о его постоянном грустном расположении духа. Не случайно в 1788 году молодой поэт написал полную душевного мрака и тягостного уныния "Весеннюю песнь меланхолика"; это устойчивое умонастроение Карамзина вполне сочетается с черной эмблематикой масонства - темным бархатом, гробом, черепом и костями, - появляющейся в его "орденских" стихах, иногда напоминающих гимны траурной ложи:

Все исчезнет, что ни видишь,
Все погибнет на земле
Самый мир сей истребится,
Пеплом будет в некий день.

Читая стихотворения молодого вольного каменщика Карамзина, невольно вспоминаешь, что одна из семи масонских добродетелей - любовь к смерти. Думы о ней рождают тихую элегическую печаль, вообще для Карамзина характерную. "Старайся короче сблизиться с вечностью, покуда ты еще во времени", - записано в бумагах сурового аскета Гамалеи¹³. Стихотворение "Поэзия" (1787) - типичная масонская "ода духовная", написанная белым стихом¹⁴ маленькая философская поэма о происхождении мира, падении человека и поэзии. «Песнь Мира» (1791) - масонский гимн в духе Шиллера и орденской идеи «вечного мира», с призывом ко всем людям избавиться от

¹³ ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. Ед. хр. 149. Л. 73.

¹⁴ Деталь, важная для понимания творческого метода Карамзина, чьи слова потом записал поэт-масон Г.П.Каменев: "Стихи с рифмами называет *побежденною трудностью*. Стихи белые ему нравятся - но говорит, что если начнет писать, то заставит всех подражать себе. - По его мнению русский язык не сотворен для поэзии... а особливо с рифмами, что окончание стихов на глаголы ослабляет экспрессию" (Бобров Е. Литература и просвещение в России XIX в. Казань, 1902. Т. III. С. 130).

войн и вернуть золотой «век Астреин». «Песнь Божеству» (1793) – продолжение религиозных идей столь ценимого масонами державинского «Бога» в революционную атеистическую эпоху. Но надо всем царит тихая авторская меланхолия, печальное понимание невозможности воплощения в данной трагической ситуации свои высокие идеалы и мечты.

Тень невозможного счастья, горечь монотонной жизни, печальный совет не прилепляться ни к чему на земле (мысль орденского катехизиса), уединенные мрачные размышления, скупые слезы и тихая скорбь – вот мотивы поэзии Карамзина-масона. За ними ощутимы давящие своды черной храмины, череп и скрещенные кости, траурные ленты и три поминальные свечи, гробик розового мрамора, глядя на который масоны думали о вечности, тайнах смерти и ждали духовного просветления¹⁵.

Карамзинские поэтические произведения той поры, как и вся литература порожденного масоном Руссо сентиментализма («Меланхолия» является вольным переводом из поэмы Делиля), непонятны без влиятельной традиции масонского углубленного психологизма. Но они наследуют, прежде всего, мрачноватый и философический лиризм ритуалов (см. «траурную» оду «На смерть князя Г.А.Хованского») и текстов лож и уже поэтому не похожи на громоздкого «Владимира» Хераскова, энергичные оды В.И.Майкова и величественно-живописную религиозную поэзию Ф.П.Ключарева; в этих лирических стихотворениях мало одического восторга и движения, сильных «державинских» образов, высокого ораторского пафоса и много грустной элегичности, чем и объясняется отчасти отказ от рифм. Здесь молодой Карамзин следует И.Ф.Богдановичу и предваряет тихого лирика Жуковского. Сам поэт жаловался главе московских розенкрейцеров Николаю Новикову на приступы черной тоски, а тот в соответствии с масонской этикой отвечал: меланхолия есть болезнь духа, корень ее в

¹⁵ См.: Викентьев В.И. Собрание масонских предметов Российского исторического музея. М., 1918. С. 4.

неверии, лечится же она снадобьями духовными, чистым исцелением истинной философии¹⁶.

Сложный узел отношений завязывается между масонами и молодым Карамзиным в критической для него ситуации двойственности чувств, душевного мрака и подавленности. "Впечатления, вынесенные Карамзиным из этого коротенького периода, остались в нем на всю жизнь. Эти люди ввели его в сферу философских и литературных вопросов, всегда привлекательных для ума", - писал Н.С.Тихонравов¹⁷. Масонство появляется очень вовремя и протягивает молодому меланхолику руку помощи. И жизнь его разительно меняется внутренне и внешне. Его личные мысли и особенно чувства вдруг встречают понимание и обретают философскую и художественную форму. Появляется среда, единомышленники, общие цели, капитальные идеи, друзья, читатели, издатели его стихотворений и переводов.

Карамзин с увлечением и великой охотой выполняет все задания и просьбы «водителей» ордена, следует их осторожным мудрым советам. Воздействие на него философских и творческих идей масонства в это время огромно, и даже позднейшая карамзинская реформа литературного языка во многом обусловлена исканиями литератора и издателя Новикова: «Этому примеру следовал и Карамзин, выисканный Новиковым»¹⁸.

Мы привыкли разделять эти разные имена по эпохам и периодам университетского курса истории русской литературы: сначала сатирик Новиков, потом вождь сентиментализма Карамзин. Но осведомленный в тайнах ордена, воспитавшийся в масонской тургеневской семье и херасковском Университетском благородном пансионе В.А.Жуковский писал иное: «...Новиков много способствовал распространению любви к литературе. Он основал типографическую компанию, сам редактировал

¹⁶ См.: Гамалея С.И. Письма. Т. II. С. 281.

¹⁷ Тихонравов Н.С. Четыре года из жизни Карамзина // Русский вестник. 1862. Т. 38. № 4. С. 741.

¹⁸ Отечественные записки. 1839. № 1. С. 31.

сатирический журнал под названием «Живописец», который в свое время читался с жадностью, и, что является его главной заслугой, способствовал тому, чтобы открыть Карамзину литературное поприще»¹⁹.

Понимал значение этой своевременной помощи и преемственности и сам Карамзин. С вхождением в круг Новикова для него появляется неожиданная и счастливая возможность духовного спасения и возрождения, служения высокому идеалу, реального жизненного дела и нравственного поступка. При всей своей склонности к тяжеловатому барокко и возвышенной «оде духовной», т.е. философской, масонство с его интересом к «внутреннему» человеку открывало дорогу лирике, делало ее законной. Ибо оно было философией жизни и оправданием прав личности. И в то же время молодой поэт постиг сложный и выразительный эзотерический язык орденой культуры, вполне способный стать рядом с идеями классицизма и эпохи Просвещения.

Он узрел тот свет, о котором вдохновенно возвещал его будущий заклятый враг, наместный мастер ложи "Нептун" и даровитый поэт Павел Голенищев-Кутузов:

Сей свет тому, конечно, ясен,
Кто тьму внутри и вне узрел,
И в странствии тот безопасен,
Кого из черноты извел
Дух благотворный, ниспосланный
К нему с Востока от небес,
Ему для руководства данный,
Чтоб он увидел тьму чудес.

Масонство предложило Карамзину целую жизненную философию для излечения болезни духа, разработанное миросозерцание и практическую мораль. Оно врачевало дух истинной метафизикой, познанием себя,

¹⁹ В.А.Жуковский-критик. М., 1985. С. 162.

постижением сложных взаимоотношений души и тела. Это была внецерковная религия, внутренняя церковь каждого человека.

"Масонская работа" незаметно вела к возрождению личности, человека падшего, греховного, раздвоившегося на душу - дом и тело - хозяина души, трактовала все мироздание - от движения планет до темных закоулков уединенной личной думы. Целью ее было восстановление разорванной цепи человечества и раздвоенной цепи натуры, где соединяющим звеном является сам человек – высшее творение Великого Архитектора Вселенной и главный предмет для литературы. Здесь уже были заложены капитальные темы и образы для «личной» философской лирики, идущей на смену громоздкой героической поэме и торжественной «государственной» оде.

Масонская психология была характерна как принципиальное отрицание прямолинейного просветительства XVIII века, стала очень последовательным возвратом ко всем домасонским тайным верованиям, традициям мировой эзотерики, античной, восточной, иудейской и христианской, к средневековой мистике и гностицизму, отброшенным после великих культурных революций, которые произошли в эпохи Возрождения и Просвещения и по дороге многое изъяли из богатого духовного обихода европейского человека, предложили свои самоуверенные однолинейные формулы взамен сложных старых идей. Масонский Золотой век оказывается не только позади, но и впереди, в послеисторическом будущем, где времени больше не будет, в вечном царстве света и всемирного братства, а "водители" масонской толпы стремятся повести "братьев" в этот новый рай на земле, в Золотой век справедливой богини Астреи.

Потому-то так интересовали масонов доисторические времена, потому-то особое место в их чтении, переводах и издательской деятельности занимала поэма англичанина Мильтона "Потерянный рай". Ибо, когда пал духовно человек, пала и природа, ставшая, по мысли масонов, низкой "натурой", материальным хаосом, холодным лабиринтом мертвых вещей, где

заблудился несчастный, неесовершенный потомок светлого первочеловека Адама Кадмона. Только "водители", просвещенные масоны высших степеней могут вывести его из этого лабиринта:

Когда любовь в златые веки
Блистала всем в своей красе
И в братстве жили человеки,
Тогда масоны были все²⁰.

Масонская философия имела установившийся взгляд не только на природу и человека, но и на историю, на общество, в котором человек живет. С этой точки зрения оказывается, что самодержцы, верховные правители, военные вожди, жрецы, священники любой церкви - всего лишь узурпаторы, которые преступно посягнули на общую для всех людей политическую и духовную свободу.

Масоны всегда были убежденными противниками войн, деятельными сторонниками идеи вечного мира, отсюда их вражда с Наполеоном, отсюда общеизвестный пацифизм Карамзина. Их псевдоинтернационализм основывался на необходимости объединения народов во всемирной империи, руководимой просвещенным, "конституционным", т.е. управляемым, признающим масонские законы вождем-масоном (такого "вождя" пытался воспитать из цесаревича Павла Петровича духовный глава русского масонства Н.И.Панин, но потом розенкрейцерам пришлось с помощью подвластной им военной и придворной элиты уничтожить взбунтовавшегося ученика).

Любое национальное государство с масонской точки зрения является незаконным образованием, посягающим на целостность мира, ибо Бог как Великий Архитектор Вселенной дал человеку божественную свободу воли; те же, кто так или иначе деспотически ограничил ее, являются врагами божественного порядка и тиранами, поэтому с ними необходимо тайно и

беспощадно бороться, вплоть до мести вооруженной рукой, восстания и негласно признаваемого вполне законным умерщвления убежденных опасных врагов. "Вселенная есть отечество каменщика", - сказано в масонском уставе. Католики, лютеране и православные, французы, немцы и русские становились равными гражданами этой новообретенной Вселенной.

Золотой век богини справедливости Астреи предстает у масонов потерянным и грядущим царством истины, в котором не будет законов, власти, наций, армий и войн, границ и собственности, т.е. это знакомая всем нам по коммунистической мифологии картина социального рая на Земле, но в масонской интерпретации она выглядит иначе, ибо в ней есть существенный момент, для жестоковых догматиков-марксистов неприемлемый, - великая идея свободы человеческой воли.

"И потому доколе в человеке есть воля, которая хотя и может развиться худым ее употреблением, не престану однако почитать его свободным, хотя он почти всегда поработан", - пишет влиятельный французский философ-масон Сен-Мартен, мельком упомянутый в "Письмах русского путешественника" и все же, по-видимому, встречавшийся с их автором в Лионе или Париже²¹. А в толкованиях Священного писания, написанных Гамалеей, говорится о воле как о "собственном в человеке диаволе": "Но она как Адама вывела из рая, так и всякого из потомков его не впускает туда, пока он не решится на всевозможное исполнение по Евангелию, несмотря ни на какие человеческие заповеди и предания"²². Философам вторит их издатель, практик масонского дела Новиков: "Добрые люди говорят, что падать есть человеческое, но знать и пребывать в падении есть диавольское"²³.

Вот что привлекло в масонском учении молодого Карамзина. В его примечаниях к переводу поэмы Галлера "О происхождении зла" сказано:

²⁰ Русский архив. 1916. № 4. С. 444.

²¹ Сен-Мартен Л.К. О заблуждениях и истине. С. 26.

²² ГИМ. Ф. 342. Оп. 1. Ед. хр. 149. Л. 11.

"Свободная воля причинила падение человека, свободная воля токмо может и паки восставить падшего: она есть драгоценный дар творца, сообщенный им тварям избранным"²⁴. Карамзин высказывает эту мысль потому, что и в просвещенном XVIII веке человек был ограничен, подавлен, низведен до мыслящей общественной машины, его все время заключали, вдавливали в какие-то рамки, заставляли служить тем или иным идеям и даже сражаться и погибать за них. И это всегда были не его личные идеи и интересы. Возникали прогрессивные, но слишком общие абстракции, которые быстро становились материальной силой и ограничивали в правах, обесценивали конкретную самоценную личность с неповторимой судьбой. Сильно понизилась цена человеческой жизни. Было от чего прийти в отчаяние. Об этом молодой русский путешественник Карамзин, как теперь выяснилось, беседовал в Женеве со швейцарским философом и масоном Шарлем Бонне, чью книгу «Созерцание Природы» он тогда переводил.

Масонский интерес к изначально богатой, таинственной, внутренне свободной душе человека, к познанию себя был для молодого Карамзина любопытен и ценен, он увидел здесь и возможность собственного духовного исцеления и движения вперед, обретения нового смысла жизни им самим и многими людьми. Их теперь объединяли не официальная религия, строгие правила классицизма или идеология, а личные думы и чувства. Такое направление мысли и чувства открывало новые пути в художественной литературе, способствовало рождению психологического романа и лирики.

Карамзин своими духовными исканиями обозначил в России этот общий для Европы переход от века разума к воспитанию чувств. Разумеется, его привлекала и практическая сторона масонства - благотворительная и книгоиздательская деятельность, педагогика, организация университетов, пансионов, семинарий, ученых и литературных обществ, журналов, газет,

²³ Письма русских писателей XVIII века. С. 407.

²⁴ Галлер А. О происхождении зла. М., 1786. С. 30.

публичных библиотек - т.е. просвещение России, символом которого стал любимый масонами, ставший героем их песнопений император Петр Великий.

"Мысль поставить статую *Петра* Великого на диком камне есть для меня прекрасная, несравненная мысль - ибо сей камень служит разительным образом того состояния России, в котором была она до времен своего преобразователя", - признавался Карамзин, используя масонскую эмблему дикого камня и умело играя скрытым значением императорского имени (Петр есть камень). Камень этот нуждается в мудрой обработке, он символ косной, неодоухотворенной материи, огрубевшей, "поврежденной" души человеческой, изображенный на ритуальных предметах и печатях лож²⁵.

Сейчас очень трудно проследить цепь запутанных событий, понять, почему же Карамзин, нашедший, казалось бы, себя в масонстве, пошел на столь решительный и опасный для него разрыв с могущественным орденом вольных каменщиков, с деятельным Новиковым, суровым аскетом Гамалеем и конспиратором Алексеем Кутузовым. Сам он говорил, что оставил масонскую работу, "не найдя той цели, которой ожидал"²⁶. Впрочем, дадим слово масону Ф.Н.Глинке, зятю П.И.Голенищева-Кутузова: "Карамзин также был лелеем последователями *Новикова* учения религиозного, патриотического, но вместе углубившегося в таинства природы и в мистическое созерцание мира духовного... Карамзин, оставшись на черте простого сердечного верования, отклонился от Бема, Экартсгаузена и не имел полной веры в *камень мудрых* и *палингенезию вещей*. За это упрекал его, в трех письмах, и С.И.Гамалей. Вот это было также причиною несогласия (разумеется, в мыслях) между Кутузовым и Карамзиным"²⁷.

Да, писатель думал о человеке, его чувствах, а не о философском камне и прочих алхимических премудростях. Не мог ему нравиться и

²⁵ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 199.

²⁶ Дмитриев М.А. Московские элегии. Стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1985. С. 179.

²⁷ Глинка Ф.Н. Мои воспоминания о незабвенном Николае Михайловиче Карамзине. С. 83-84.

псевдоинтернационализм масонов, их желание освободиться от собственного народа, национального государства, дворянской «должности», присяги, веры, церкви, семьи. Все же Карамзин при всей широте его воззрений оставался русским дворянином и патриотом, мужем и отцом, офицером, верующим православным христианином.

В его знаменитой записке о древней и новой России (1811) масонам отвечено со всей ясностью: "Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. При царе Михаиле или Феодоре вельможа российский, обязанный всем Отечеству, мог ли бы с веселым сердцем навеки оставить его, чтобы в Париже, в Лондоне, Вене спокойно читать в газетах о наших государственных опасностях?"²⁸. Ведь это сказано о сиятельном масоне графе С.Р.Воронцове, русском после в Лондоне, принимавшем там путешественника Карамзина с рекомендательными письмами от московских розенкрейцеров, о другом графе - А.С.Строганове, состоявшем в руководстве Великого Востока Франции перед революцией и во время ее, и о других русских опальных скитальцах вроде вельмож-мистика Р.А.Кошелева, друга Сен-Мартена, и княгини Е.Р.Дашковой, дочери и сестры известнейших масонов, в чьем литературном кружке появлялись Фонвизин и Радищев.

Назревавший конфликт резко обострило и то обстоятельство, что масоны полюбили доброго и образованного юношу, возлагали на него немалые надежды, верили в его просвещенный разум и литературный талант, дали ему пристанище и немалые средства на жизнь в древней столице и путешествие в Европу. Ф.В.Ростопчин утверждал, что общество московских мартинистов весьма ценило Карамзина²⁹, а в записках Д.П.Рунича сказано о масонах: "Он состоял с многими из них в весьма близких отношениях.

²⁸ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 35.

²⁹ Русский архив. 1875. № 7. С. 285.

Жизнь ему ничего не стоила. Все его надобности и желания предупреждались"³⁰.

Масоны готовили своего питомца для великих дел, он стал первым кандидатом на высшие орденские должности, должен был познать теоретический градус розенкрейцерства, приобщиться к масонским конституциям, уставам и прочим документам в тайных зарубежных архивах ордена, совершить путешествие в Западную Европу для важных встреч с руководством международного масонства. Россия была тогда уже «провинцией», то есть самостоятельной частью мирового масонского братства, и «подмастерью» Карамзину надлежало проехать по всем масонским центрам Германии, Англии, Франции, Швейцарии и Швеции. Он как тайный посол ордена имел необходимые полномочия и верительные грамоты, ему помогали масонские эмиссары и зарубежные «братья». Путешествие это задумывалось Трубецким, Новиковым и Гамалеей в преддверии великих исторических потрясений, ими предвидевшихся и изменивших политическую жизнь Европы и России.

Близился этапный 1789 год, начавший эпоху революций и войн в Западной Европе и, по сути, завершивший эпоху Просвещения и классицизма, галантный и легкомысленный XVIII век. Именно тогда мятежный Радищев пишет свою книгу великого гнева «Путешествие из Петербурга в Москву», его влиятельный друг и «брат» по ложе «Урания» граф А.Р.Воронцов и другие масоны помогают ее издать и распространить, а потом умело отводят от бесстрашного автора гнев императрицы. А между собирающимся в европейское путешествие Карамзиным и его друзьями-масонами возникают и нарастают непонимание, неприязнь, неудовольствия, раздражение. В какой-то момент ситуация становится критической.

Нежный, образованный меланхолик Карамзин, переводчик масонских книг, очень интересный, хотя и мрачноватый масонский поэт, писавший

³⁰ Русская старина. 1901. № 1. С. 48.

преимущественно белыми стихами и неосмотрительно поручившийся в 1787 году всем своим небольшим имением за масонскую закладную, внезапно порывает с Новиковым и Гамалеей и уезжает, практически убегает в Западную Европу, навстречу начинающейся революционной буре. Покровители молодого масона, мастера и розенкрейцеры ответили на это бегство подававшего большие надежды «подмастерья», разрушившее их сокровенные планы, гневными порицаниями, угрозами и обвинениями в предательстве³¹.

Существовала всем известная масонская песня, обращенная к путешествующему брату:

Хотя в странах далеких
Твой путь определен,
От наших душ вовеки
Не будет удален³².

В этих словах соединились братская забота и грозное предупреждение. Карамзин собирался в дорогу давно и тщательно, его поездку стратегически готовил и оплачивал масонский орден. "Общество, отправившее меня за границу, выдало путевые деньги из расчета на каждый день на завтрак, обед и ужин", - признавался сам путешественник³³. Гамалея по поручению Новикова и Трубецкого составил программу поездки, и Карамзин в основном ей следовал.

Потом на допросе главный розенкрейцер Н.Н.Трубецкой отпирался: "Что же принадлежит до Карамзина, то он от нас посылаем не был, а ездил ваяжиром на свои деньги"³⁴. Полноте, князь, откуда такие деньги у бедного русского дворянина? Ведь Карамзин посетил Швейцарию, Германию, Францию, Англию, главные оплоты европейского масонства, и не поехал

³¹ См.: Cross A.G. N.M.Karamzin. A Study of His Literary Career (1783-1803). London, 1971. Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М., 1983. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987. Муравьев В.Б. Николай Карамзин. М., 2005.

³² ГИМ. Ф. 450. Ед. хр. 558/б. Л. 10.

³³ Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1960. Т. XIX. Вып. 2. С. 150.

³⁴ Там же.

лишь в провинциальную Швецию, бывшую исконным врагом России. Потом И.В.Лопухин на тех же допросах утверждал, что Новиков был против поездки. Но зачем же тогда ее так тщательно и долго планировать и тратить немалые деньги ордена? Впрочем, не стоит забывать иную версию, бытовавшую в родственной Карамзину семье Елагиных-Киреевских: Карамзина в его конфликте с масонами поддержали состоятельные друзья, супруги А.А. и А.И. Плещеевы: «Карамзин на их счет ездил в чужие края и после издавал “Вестник Европы”»³⁵.

Так что можно смело утверждать, что знаменитая книга Карамзина "Письма русского путешественника" написана благодаря масонской программе поездки и вопреки ей, в споре со многими капитальными идеями и политическими принципами ордена. Вместо орденского паломничества автор совершил собственную экспедицию. Карамзин проехал по главным центрам европейского масонства, встречался с виднейшими масонами Западной Европы - Гердером, Бонне, Виландом, Лафатером, Гёте. Разумеется, он не назвал в своей книге многие другие имена и места тайных визитов и встреч, и мы можем лишь предполагать его свидания с виднейшим философом-мистиком Л.К. де Сен-Мартеном и парижскими масонами.

Заметим, что к этому времени Европа уже была охвачена огнем начинающейся революции, и у истоков движения стояли масоны, такие их деятельные, склонные к тайной борьбе и насилию организации, как немецкий орден иллюминатов и французский клуб якобинцев. Среди масонов ходили слухи, что это общеевропейское политическое движение во многом стало реализацией важных тайных решений их знаменитого Вильгельмсбадского конвента 1782 года, того самого, на котором Россия была признана и принята в мировое масонство как самостоятельная "провинция". "Марсельеза" рождалась из масонского гимна, а вильгельмсбадский устав ордена был известен Радищеву.

³⁵ Елагина Е.И. Семейная хроника // Российский архив. М., 2005. Вып. MMIV. С. 284.

Конечно, Карамзин знал обо всем этом. Историк Михаил Лонгинов, осведомленный автор блестящей книги о Новикове и московских мартинистах, проницательно заметил: «В "Письмах русского путешественника" есть, однако, места, которые показывают, что Карамзину совсем не чужды были события мира масонского и что они интересовали его»³⁶. Да, автор пишет о масонах Шрепфере, Штарке, Калиостро, Кристофере Ренне, магии и алхимии, гибели тамплиеров и многих других орденовских темах. Он беседует с Бонне о поэте-масоне Галлере, поэму которого он уже перевел по заданию Новикова. Но куда важнее то, о чем автор "Писем русского путешественника" молчит. И молчание его явно объясняется ясным пониманием автором-масоном огромной, вполне реальной опасности приобретенных знаний и наблюдений о разных моментах деятельности масонского ордена в Европе.

Возникают удивительные ошибки и оговорки по этому поводу. Д.П.Рунич, человек, близкий к Карамзину и отлично знавший текст его знаменитой книги, спокойно пишет: "Карамзин возвратился в Москву, не помню хорошенько, незадолго до взятия Бастилии или вскоре после этого события"³⁷. Такая ошибка на целый год в хронологии объясняется тем, что в книге Карамзина, побывавшего (видимо, дважды) в революционном Париже и, по всей видимости, наблюдавшего за штурмом Бастилии (хотя по осмотнительно рассчитанной потом в Швейцарии хронологии создававшихся там немецких «Писем» он находился тогда во Франкфурте), почти ничего не говорится о взятии и разрушении восставшим народом этой знаменитой королевской крепости-тюрьмы, символа деспотизма. Исчезла посвященная этим событиям целая пятая часть книги, цитаты из которой сохранились лишь во французской статье автора.

³⁶ Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 299.

³⁷ Русская старина. 1901. № 1. С. 48.

Не только в Бастилии дело. У Карамзина замалчивается крупнейшее историческое событие, ради которого он отправился на деньги масонского ордена в свой опасный вояж, замалчивается Великая французская революция, которую он впоследствии изучал как историк, а тогда наблюдал ее изнутри, будучи хорошо осведомлен о тайной подоплеке событий³⁸. Создается впечатление, причем создается намеренно, что автор книги проехал по Европе до революции. А ведь парижские и лондонские главы «Писем» были написаны уже в Москве. Обстоятельство поразительное, заставляющее задуматься, какое значение имели для Карамзина масонские связи, которые он так неосмотрительно оборвал своим отъездом.

Молодой человек поставил себя в очень сложное, опасное положение. "Он стоит теперь на склизком пути", - со скрытой угрозой говорили о Карамзине масоны³⁹. "Прочие его друзья так называемые, как скоро он им сказал, что он едет, то явным образом его возненавидели... желают ему всякого зла", - свидетельствуют современники⁴⁰.

Масоны, потрясенные уходом Карамзина из ордена и нарушением клятвы, вынуждены были сделать своим полномочным послом в Западной Европе уже находившегося там его друга, масона А.М.Кутузова, с которым автор "Писем русского путешественника", по всей видимости, встречался во Франции и который согласно плану поездки ее подготовил и ввел Карамзина в масонский круг деятелей европейской революции. Кутузов был неопытным эмиссаром и конспиратором, слишком многое знал и потому вскоре при невыясненных обстоятельствах погиб в берлинской тюрьме. Карамзин добровольно наложил на себя масонский обет молчания (силанум) и спасся, вернулся в Россию, чтобы жить и творить свободно. Но потом сказал со значением: "Великие переломы опасны"⁴¹.

³⁸ См.: *Сахаров В.И.* Союз ума и фурий. Великая французская революция глазами русских романтиков // Московский вестник. 1997. № 1. Перепечатано с добавлениями и исправлениями в моей книге «Романтизм в России: эпоха, школы, стили».

³⁹ *Барсков Я.Л.* Переписка московских масонов XVIII века. С. 58.

⁴⁰ Там же. С. 108-109.

⁴¹ *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 84.

Масоны сами признавали: "Наше искусство, искусство свободных каменщиков и является искусством владык, искусством господствовать при посредстве любви... Нашей чертежной доской является весь мир"⁴². Карамзин смело отвечал им уже в примечаниях к поэме Галлера: "Бог не любит никакого принуждения: мир со всеми своими недостатками превосходнее царства ангелов, воли лишенных"⁴³. Это было возражение человека с убеждениями, мыслившего «инако», т.е. вполне самостоятельно и основательно.

Федор Глинка вспоминал, что из первых сочинений вернувшегося Карамзина повеяло воздухом свежим, живительным. Это был глоток свободы, открытое проявление дорого стоившей личной независимости русского писателя и гражданина, будущего великого историографа России. Почти полгода он, как выяснилось, провел в Швейцарии в теснейшем общении с тамошними масонами и писал немецкие и швейцарские разделы своей книги. Наступила пора осмысления богатых пестрых впечатлений и новых познаний. Здесь начинался путь Карамзина к его великой «книге книг» - многотомной «Истории Государства Российского».

Здесь же задумана была реформа русского литературного языка. Швейцарский собеседник запомнил один важный разговор со своим русским гостем и переводчиком: «Он мне сказал, что его язык, еще мало обработанный, не позволяет извлечь все богатства, которыми он обладает»⁴⁴. Реформа Карамзина заключалась в разумной и бережной обработке, окончательном оформлении и приспособлении к задачам новой литературы и вкусам нового читателя изначально богатого, «двойного» литературного языка, а не в простом уничтожении архаичного «старого слога», что лучше всех понял его ученик Пушкин.

⁴² Русская старина. 1907. № 5. С. 423.

⁴³ Галлер А. О происхождении зла. С. 29.

⁴⁴ XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 197.

Таков же и взгляд писателя на русскую историю и судьбы отечественной литературы. Его юношеская книга путешествий запечатлела путь писателя и историка от орденских систем идейного подчинения к духовной свободе и зрелости. И сам розенкрейцер И.В.Лопухин теперь хвалил «привлекательный, важный, живой, новый, прелестный слог любезного путешественника русского, издателя "Аглаи"»⁴⁵. Не только в «слоге» было дело. Начиналась новая, карамзинская эпоха русской культуры, рождались новая литература, стремления и настроения.

Философ В.В.Розанов писал: «Карамзин был первый русский европеец, уже не по предметам своего внимания, но по самому вниманию, по всему душевному строю – и в этом лежит тайна его обаяния для современников и его значения в нашей истории. В нем первом европейская цивилизация коснулась уже не форм нашего быта, поэтического творчества и мышления, но тронула внутреннее содержание наше, коснулась самой души... Уже в первых его произведениях вполне чувствуется вся его будущность, весь переворот, который ему суждено было совершить в нашем духовном развитии... В «Письмах русского путешественника» впервые склонилась, плакала, любила и понимала русская душа чудный мир Западной Европы, тогда как раньше, в течение века, она смотрела на него тусклыми, лишь отражающими предмет, но не отвечающими ему глазами. С этого времени и до нашего почти, знойным наслаждением для русской души стало переживать в себе настроения Европы, вбирать в себя капли духовной жизни, выделяемые цветком, который зрел полтора тысячелетия»⁴⁶.

Впоследствии Карамзин оглянулся на свое масонское прошлое и сказал о Новикове и московских мартинистах, что они "*были (или суть)* не что иное, как *христианские мистики*: толковали природу и человека, искали таинственного смысла в Ветхом и Новом завете, хвалились древними

⁴⁵ Лопухин И.В. Благодать и преимущество единоначалия. М., 1795. С. 21.

⁴⁶ Розанов В.В. Мысли о литературе. М., 1989. С. 185.

преданиями, унижали школьную мудрость и проч., но требовали истинных христианских добродетелей от учеников своих, не вмешивались в политику и ставили в закон верность к государю"⁴⁷. Но этим не ограничился. Карамзин помнил добро и умел быть благодарным.

М.Н.Лонгинов сохранил для нас любопытное свидетельство Д.Н.Блудова, друга писателя: «Говорят, что Карамзин в 1815 году, собираясь ехать из Москвы в Петербург для печатания своей истории, посетил в Авдотьино престарелого Новикова, которому много был обязан в юности. Новиков спросил у него, продолжал ли он трудиться над познанием Бога, природы и человека путем, указанным ему в юности, или, лучше сказать, приобрел ли он когда-либо высшие масонские и розенкрейцерские степени? Карамзин отвечал отрицательно, на что Новиков сказал: "Жаль; вы узнали бы там важные тайны" и предложил открыть их ему. Но Карамзин отказался, что, впрочем, не помешало тому, что они расстались в лучших отношениях»⁴⁸.

Это было последним прощанием историка с орденом русских масонов как школой духа и разума, встретившей его в начале пути. "История Государства Российского" и другие сочинения зрелого Карамзина написаны великим русским писателем, человеком, свободным от клятв и догм. Именно он завершил создание новой русской литературы, ее языка, критики и журналистики, воспитал нового читателя и стал учителем Жуковского и юного Пушкина.

⁴⁷ Карамзин Н.М. Соч. Т. 2. С. 167.

⁴⁸ Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. С. 385.

ГЛАВА 4

СУДЬБЫ МАСОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Хотя история русской масонской литературы еще не написана, но по появившимся книгам, статьям и архивным публикациям уже можно судить о ее составе, общих очертаниях, главных писательских именах, основных достижениях и путях развития. Можно утверждать, что в 60-90-е годы XVIII столетия эта литература возникает, развивается, оформляется в целостное направление. Появляются масонские поэзия, проза, драма, литературная критика и теория, журналистика и публицистика.

То есть возникает единое и влиятельное, самобытное явление в сфере русской духовной культуры, опирающееся на десятилетиями воспитывавшиеся масонские кадры и разветвленную организационную структуру. Оно всеми замечено и признано. Рождается авторитетная школа со своим стилем, оказывающая воздействие на другие литературные течения и отдельных писателей. Международные связи ордена вольных каменщиков обеспечивают его писателям выход в мировую литературу и обмен творческими идеями с ее виднейшими представителями.

Разгром российского масонства правительством Екатерины II, разорение Типографической компании, журналов и книготорговли Н.И.Новикова, изгнание масонов из Московского университета, сожжение мистических книг и закрытие лож по распоряжению императрицы в 1793 году, ужесточение светской и духовной цензуры привели к исчезновению масонской литературы как таковой, хотя почти все писатели, принадлежавшие к ордену вольных каменщиков, продолжали работать, печататься; выходили книги, журнальные и газетные статьи, ставились пьесы, составлялись рукописные масонские сборники и т.д. Да и сам орден, несмотря на гонения и добровольно на себя наложенный обет "молчания" - *силанум*, продолжал существовать и действовать, сохранил тайные архивы, библиотеки и основные масонские кадры, и в их числе известных писателей. Но единой литературы более не было, и этого обстоятельства нельзя объяснить одними репрессиями, сожжением книг, заключением писателей в крепость, ссылкой их в Сибирь и дальние имения.

Совсем недавно масонская литература вошла как законная составная часть в русскую изящную словесность XVIII столетия. Это всеми было признано, и в стихотворении писателя А.И.Клушина "Послание к другу моему Василью Сергеевичу Ефимьеву" (1791) спокойно и открыто

упоминается о легальной литературной деятельности ордена вольных каменщиков:

Чтоб страсти обуздать, нам масон говорит:
"Познай себя, познай, и страсть тебя бежит!"¹

Но вот приходит XIX столетие, и в несправедливо забытой поэме А.М.Бакунина "Осуга" говорится о совсем другом отношении к этой литературе:

Херасков под сукном таится
И показать не смеет глаз...
Капнист валяется на полке,
И Богданович позабыт².

Бакунина, человека просвещенного и, кстати, отца знаменитого анархиста, трудно обвинить в предвзятом отношении к масонской литературе. Он описывает литературу новую, романтическую, просто сообщает о реальных переменах в читательском восприятии и вкусах.

Произошло это не потому, что Богданович или Капнист были плохими поэтами. Масоны-писатели связали свою судьбу со «старым слогом», с литературой переходного времени, которая, несмотря на все свои очевидные достижения и явление гениальных поэтов Ломоносова и Державина, все же не стала еще полноценной, классической литературой в полном смысле этого слова, о чем прямо сказал Пушкин в своей нелицеприятной оценке Ломоносова, Радищева и Державина. Огромное значение здесь имело состояние русского литературного языка, находящегося в плодотворном хаосе становления. Строго говоря, такового еще не было. Ломоносов, Державин и даже молодой Карамзин писали еще на поэтическом «праязыке».

Отечественной литературе на грани веков необходимо было пройти через европейскую школу сентиментализма и столь же поучительную полемику о "старом и новом слоге"³, чтобы стать самоценной частью мировой культуры, каковой и сделали ее зрелый Карамзин, Жуковский и Пушкин. Гонения только усугубили назревавший кризис, который, как всегда в таких случаях бывает, оказался необходимым и полезным, открыл дорогу новым литературным школам, явлениям и писателям.

Время для кризиса русской литературы было в целом благоприятное, хотя и смутное. Ведь новый император Павел I сначала благожелательно относился к масонам, освободил арестованных ("Невинность сам освобождает", - восторгался в благодарственной оде масон Невзоров), вернул сосланных, призвал на государственную службу И.В.Лопухина и И.П.Тургенева, сделал фельдмаршалом виднейшего розенкрейцера

¹ Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 2. С. 323.

² Бакунин А.М. Осуга. Поэма // Наше наследие. 1994. № 29-30. С. 57.

³ См.: Сахаров В.И. Ломоносов и полемика о "старом и новом слоге" // М.В.Ломоносов и русская литература. М., 1987.

Н.В.Репнина, разрешил (с оговорками) деятельность лож и капитулов⁴. Все это не было случайностью или неожиданностью для ордена, ибо покровительствовал ему посвященный в его тайны, "более чем кто-либо из царей связанный невидимыми нитями с масонством"⁵.

Русское масонство "проснулось", преисполнилось надежд. У принадлежавшего к окружению Репнина масонского поэта и мемуариста Ф.П.Лубяновского есть интересное сопоставление двух царствований: "Темные пятна везде пробивались сквозь мерцание славы от оскудения бдительности... Идея разбудить и двинуть все свежую силою была благовременна, особенно еще перед заревом Французской революции"⁶. Эти чаяния ордена касались и литературы.

Масоны посвятили Павлу I много од (здесь особо отличились П.И.Голенищев-Кутузов и М.И.Невзоров), согласно орденской символике именовали его "солнцем наших дней", а павловское царствование - "возрождением". Но надежды их на покровительство монарха и легализацию деятельности ордена не сбылись. Чаемого возрождения и обновления орденской литературы также не произошло, стало ясно, что ее упадок - следствие не только политических репрессий, но и радикального и необратимого изменения исторической и культурной ситуации в Европе и России.

В новых трудных условиях русские масоны в общем и целом проиграли, хотя и достигли многого. Бурное и трагическое завершение так хорошо начинавшейся и много обещавшей эпохи Просвещения, пламенем мирового пожара осветившая все вокруг французская революция и начало наполеоновских войн, отрезвляющая память о недавнем пугачевском бунте, грустный закат блистательного, золотого века Екатерины и наступление железного века ее беспощадного сына, конец одной литературы и начало какой-то другой, новой, потребовавшей других писателей и другого языка - все это наносило идеям и планам литераторов-масонов удар за ударом.

Мнительный император Павел I, умело настроенный против вольных каменщиков лукавым и мстительным вельможей-временщиком и талантливым писателем Ф.В.Ростопчиным, обратил свои взоры к другому ордену - Мальтийскому, стал гроссмейстером мальтийских рыцарей и начал открывать в России их приораты. Втайне он желал, приняв со временем католичество и объединив церкви, стать новым папой римским, главой всемирной теократической империи⁷. Опаснейшая, роковая для Павла I политическая утопия, не уступавшая в своем логическом безумии

⁴ См.: Шумигорский Е.С. Император Павел I и масонство // Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1991. Т. II.

⁵ Мельгунов С.П. Один из русских розенкрейцеров // Голос минувшего. 1917. № 1. С. 80.

⁶ Лубяновский Ф.П. Воспоминания. М., 1872. С. 92-93.

⁷ См.: Перминов С.В. Под сенью восьмиконечного креста. Мальтийский орден и его связи с Россией. М., 1991.

масонским мечтаниям... Недаром во Франции русский император, неожиданно предложивший революционному генералу-узурпатору Наполеону союз, был назван Дон-Кихотом.

Но две сходные утопии жить рядом не могут. Масоны, видя склонность романтического императора к пышным ритуалам и средневековым атрибутам рыцарства, попытались преобразовать свои ложи и капитулы в Орден внутренних рыцарей (на этот случай у них имелся тамплиерский обряд) и обратились к Павлу I за разрешением. Был подготовлен к подаче на высочайшее имя проект "О духовном или внутреннем рыцарстве", где императора нарекли патроном именно как великого магистра мальтийского Ордена Св.Иоанна Иерусалимского и просили его избрать главу "внутренних рыцарей" из числа масонов высших степеней (по-видимому, предполагалась кандидатура Н.В.Репнина). Содержал проект и мысли о возрождении орденской литературы и возобновлении издательской и книготорговой деятельности, о "попечении об издании внутренних изящных духовных книг"⁸.

Здесь масонов ждала неизбежная неудача: два "иоанновских" (ибо масоны также избрали своим покровителем Св.Иоанна Крестителя Иерусалимского) ордена и два магистра не могли сосуществовать в и без того усложнившейся иерархии верховной власти, и в 1799 году Павел I под влиянием мальтийских рыцарей повелел прекратить деятельность масонских лож. Дашкова была сослана, масонский клан Воронцовых почувствовал императорское неудовольствие, Лопухин отставлен, Репнин отстранен от высших армейских и государственных постов, оказался не у дел и не получил очередного адмиральского чина Н.С.Мордвинов, репрессии коснулись и молодых вельмож (опала Н.П.Панина и другого вице-канцлера и масона, будущего александровского министра внутренних дел В.П.Кочубея) и близких к наследнику и Репнину гвардейских офицеров (отставка юного полковника П.М.Волконского и др.). Четко обозначился круг недовольных, людей знатных и влиятельных, готовых воспользоваться общим ропотом дворян и нарастающей тревогой английского правительства, сразу обратившегося за помощью к жившему в Лондоне отставному русскому послу и крупнейшему масону С.Р.Воронцову. Это и была движущая сила успешного дворцового переворота 1801 года⁹.

Масоны были русскими дворянами и, следственно, людьми служилыми и законопослушными. "Почитай Государя твоего, который есть подобие Царя небесного на земли... Исторгни из рук ярящегося в исступлении кинжал, изощренный на корону", - говорилось в "Наставлениях и правилах

⁸ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1136. Л. 3.

⁹ См.: Сахаров В.И. "Калигулы последний час". Император Павел I и вольные каменщики // Modus Vivendi International. 1997. April. № 7-8. Перепечатано в моей книге «Русское масонство в портретах».

новопринятому брату"¹⁰. В "Законах для высокого собрания так называемых теоретических философов" розенкрейцеру высших степеней давалось указание: "Он должен крайне блюстися, дабы ни в какие государству вредные возмущения вмешан не был"¹¹. Масоны всегда помнили, в какой стране они живут и действуют, и Ф.П.Ключарев, еще будучи студентом, издал у Новикова трагедию "Владимир Великий", где пророчески говорилось: "Мятеж есть страшная погибелей причина"¹².

Но выбора у ордена вольных каменщиков в этой политической ситуации не было. Деятельное участие в успешном заговоре против императора Павла I таких видных масонов, как Н.Репнин, А.М.Белосельский-Белозерский, Д.П.Трощинский, Н.П.Панин и С.Воронцов, и многих рядовых "братьев" из числа офицеров гвардии (пока не ясно, что объединяло таких разных людей, как И. де Рибас, П.А.Талызин, П.Пален, Л.Беннигсен и Н.А.Зубов) и придворных (тогда началась головокружительная карьера родственника Репнина П.М.Волконского¹³, будущего министра, фельдмаршала и светлейшего князя) показало, что масоны до конца использовали свое "право на месть", не примирились с поражением и потерей влияния, готовы были расправиться с нарушившим клятву и обещания "тираном" (кстати, именно так назвал его обычно осторожный Державин в одном из стихотворений на смерть Суворова) Павлом I "мстящей рукой". В списках заговорщиков оказалось много вольных каменщиков¹⁴.

Теперь они именовали правление императора Павла I "затмением свыше"¹⁵. "Солнце наших дней" (П.И.Голенищев-Кутузов в оде о Павле) вдруг стало жестоким гонителем, которого надобно остановить любой ценой.

Эти тираноборческие настроения масонов сразу отразила их потаенная рукописная литература. Сохранилась анонимная масонская песня 1799 года (в ее размере и стиле есть некоторое сходство с позднейшей одой заговорщика и генерала-масона С.А.Тучкова "Суетность"), где с гневной угрозой говорится о цепях, кровавом и распутном деспоте, отсутствии свободы и законной мести "могущему извергу" Павлу I ради восстановления "равновесья в мире", хранимого масонами¹⁶. Впрочем, приведем эту малоизвестную российскую "Марсельезу" полностью:

Нету свободы
Днесь на земли:

¹⁰ ГИМ. Ф. 281. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 42-42об.

¹¹ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1165. л. 2.

¹² Ключарев Ф.П. Владимир Великий. Трагедия. М., 1779. С. 9.

¹³ См.: Шилов Д.Н. "Каменный князь". Светлейший князь П.М.Волконский при дворе двух императоров // На рубеже двух эпох. 1801-1825 - 1825-1855. Тезисы докладов Второй Царскосельской научной конференции. СПб., 1996.

¹⁴ См.: Paul I. A Reassessment of his Life and Reign. Pitsbourg, 1979.

¹⁵ Лубяновский Ф.П. Воспоминания. С. 91.

¹⁶ См.: Степанов В.П. Убийство Павла I и "вольная" поэзия // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 77.

Цепи, оковы,
 Душу и тело
 Вечно стесняя, к гробу гнетут.

Жалобно стонет
 Бедный в плену;
 Плачет, рыдает -
 Кто помощь даст?
 Руку протянет - слезы сотрет?

В лоне распутства
 Дремлет деспот;
 Алчет ли крови -
 Льют для него.
 Мстящую руку кто вознесет?

Бедный, несчастный,
 Слезы сотри!
 Изверг могущий!
 Нас трепещи:
 Мы равновесье в мире блюдем¹⁷.

Это было поэтическое выражение общего мрачного, но решительного настроения в масонских кружках Репнина (Я.И.Булгаков, Н.А.Львов, Д.П.Трощинский, И.Н.Инзов и др.), А.Б.Куракина и И.Л.Лазарева (сюда наряду с Лопухиным, Завадовским, Паленом, Васильевым, Паниным, Беклешовым, Трощинским, Оболяниновым входил и молодой М.М.Сперанский), а также в семье Зубовых, где наибольшую активность проявляла О.А.Жеребцова, любовница английского посла Уитворта, сестра будущего цареубийцы-масона и мать будущего мастера стула ложи "Соединенных Друзей".

Император был убит в результате отлично спланированного заговора¹⁸, и масоны были лишь одной из движущих сил очередной дворцовой "революции". Тем не менее, грань веков обозначила необратимые перемены в судьбе вольных каменщиков, и орденская литература это подтвердила. Знаменитое стихотворение А.Н.Радищева "Осмнадцатое столетие" (1801), на самом деле являющееся масонской "одой духовной", образцом тяжеловесной орденской философии и темной возвышенной риторики, подводило итоги погружавшегося в "море вечности" века Просвещения:

¹⁷ Голос минувшего. 1917. № 1. С. 278.

¹⁸ См.: Эйдельман Н.Я. Грань веков. М., 1982.

...Знаменито вовеки своею кровавой струею...
 Будешь проклято вовек, ввек удивлением всех...
 Ах, омоченно в крови, ты ниспадаешь во гроб...

Ода Радищева является прекрасным литературным комментарием к известным словам Жозефа де Местра о России начала XIX века: "Здесь, как и повсюду, и даже в большей степени, проказа XVIII столетия разъедает души... С восемнадцатым веком нельзя вступать в сделки"¹⁹. Это верно и для творчества.

Масонская литература архаического барокко уходила вместе с веком, ее породившим, переживала серьезнейший творческий кризис. В ней появились своего рода декаденты и эпигоны вроде поэта-поповича Ф.П.Лубяновского, обратившегося в сборнике "Вздохи сердца" (1798) сразу ко всем орденским темам и символам и удрученного тем обстоятельством, что "во внутреннем человеке живет несчастный изверг Я, рожденный в утробе ада"²⁰. П.И.Голенищев-Кутузов и М.И.Невзоров с их весьма скромными поэтическими дарованиями не могли заменить Богдановича и Майкова.

Перемены в литературе отразились и на журналах ордена, и прежде всего на изданиях Новикова. В сначала печатавшемся «для внутреннего пользования», а затем рукописном журнале "Магазин свободно-каменьщической", продолжавшемся и в начале XIX века, исчез отдел поэзии как таковой, там есть только одно стихотворение, где развивается прежняя масонская антропология:

Когда Премудрый мой Создатель
 Вдохнул в меня Живую Душу,
 Я малым Богом стал тогда,
 На вечну жизнь имея право.

.....

Теперь земное презираю,
 Познав всю суетность его..²¹

Речи мастеров, теоретические статьи, ритуальные тексты и песнопения, много переводов – и почти нет литературы как таковой... Архаичность и барочная тяжеловесность этой словесности неизбежно делали ее противницей новых веяний, неожиданно и против их воли сближая литераторов-масонов с консервативным лагерем А.С.Шишкова, Державина и поклонников "старого слога". Разрыв с орденом чутко улавливавшего веяния времени и меняющиеся читательские вкусы Карамзина не был случайностью или личной прихотью обиженного литератора. Он начал создавать новую литературу и ее язык,

¹⁹ Местр Ж. Петербургские письма. СПб., 1995. С. 45, 157.

²⁰ Лубяновский Ф.П. Вздохи сердца. М., 1798. С. 2.

²¹ Аржанухин С.В. Философские взгляды русского масонства. С. 193.

журналистику и ее читателя за пределами масонства как идейной культурной силы, хотя и воспринял уроки Новикова.

Изменилась эпоха, а с нею роль литературы и назначение писателя, и автор "Писем русского путешественника" выбрал свой путь и судьбу, пошел с той новой литературой, которая хотела служить своей стране, ее культуре, русскому читателю, не отвлекаясь на зашифрованное выражение тайных идей и целей ордена вольных каменщиков, художественную эзотерику и построение особой "барочной" культуры для избранных. И здесь Карамзин был не одинок. Стремительна и очень интересна эволюция Радищева-поэта на грани веков. Мы видим, что перемены коснулись даже маститого литератора-масона М.М.Хераскова, нашедшего путь в новую литературу сентиментализма и все же сохранившего в "Бахарияне" верность орденским темам и символам²².

Менялось и само масонство. Оно жаждало возродиться, возобновить с официального разрешения нового императора Александра I свою тайную деятельность, считая общую историческую ситуацию благоприятной для ордена вольных каменщиков и его литературы. Это было то самое терпеливое выжидание нужного исторического момента, о котором говорил в своих мемуарах декабрист-масон и поэт Г.С.Батеньков: несмотря на "существующее подозрение со стороны правительства" масоны "надеялись на снятие запрещения и готовились к нему"²³. Надежды их распространялись и на литературу.

Ростопчин в доносительной записке о мартинистах утверждал, что общественная деятельность вольных каменщиков оживилась в 1806 году, когда собиралось земское ополчение и масоны хотели поставить своего видного деятеля адмирала Н.С.Мордвинова во главе московского ополчения, что и было выполнено. Оживилась и орденская литература, и это заслуга А.Ф.Лабзина как журналиста, издателя и переводчика. Рядом с ним мы видим другого издателя, поэта и переводчика – П.П.Бекетова, в 1801 году основавшего в Москве свою типографию и напечатавшего там собрания сочинений Богдановича, Фонвизина, Радищева. Эта среда выдвинула будущего реформатора александровских времен и литератора ("К словесности в тебя вдохнула муза склонность", - писал ему соученик по семинарии поэт П.А.Словцов) М.М.Сперанского, чьи философические трактаты - чисто масонская барочная проза. Тогда же появился масонский литературный сборник "Плач об Отчизне" (М., 1806).

Такая цепкость и жизнеспособность для ордена вольных каменщиков характерны, масоны никогда не прекращали борьбы за влияние и легальную деятельность. В рукописном трактате "Что есть орден ныне?"

²² См.: Орлов П.А. Русский сентиментализм. М., 1977. Глава "Сентиментализм и масонство".

²³ Пытин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 479.

неизвестный автор писал откровенно: "Надежды мои смелы и неограниченны. В человечестве были великие общие перемены, и впредь оные будут. Доколе будут человеки, дотолле будут свободные каменщики"²⁴.

Основания для таких выводов имелись. Государственный деятель и масон М.М.Сперанский сказал о России, ее государственно-социальном устройстве и сегодня не потерявшие значения слова: "У нас все есть по наружности, и ничто не имеет существенного основания"²⁵. А бывший масон и идеолог Библейского общества, министр народного просвещения С.С.Уваров в революционном 1848 году подготовил записку для императора Николая I о цензуре, где, сам того не ведая, подтвердил правоту масонских предсказаний: "Характер нашего века - повсеместное брожение умов, недовольных настоящим, и стремление к непрестанным изменениям"²⁶.

Такое неустойчивое состояние умов и "пограничная" историческая ситуация всегда благоприятны для масонства, в них орден проявляет свою удивительную живучесть и гибкость, обретает новых многочисленных сторонников и возрождается. Это важно и для масонской литературы, воспрянувшей в либеральную, склонную к просвещенному мистицизму Александровскую эпоху.

Эти большие надежды "водителей" масонской толпы распространялись и на литературу, писатели ордена ждали своего часа и работали для будущего. Масоны сохранили отчасти свое влияние при дворе, и хотя новый император Александр I, знавший об их участии в убийстве Павла I, вначале подтвердил устный отцовский запрет на деятельность лож, в 1803 году, как свидетельствует орденский летописец К.Людер, их работа возобновилась "под покровительством гуманного и либерального правления нашего достославного монарха"²⁷. Начиналась эпоха просвещенного александровского мистицизма²⁸, и вольные каменщики решили, что их время пришло.

Стоит напомнить, что, еще будучи наследником престола, Александр Павлович оказывал ордену материальную помощь и покровительство, а почти все члены кружка его молодых друзей, составившие позднее теневое правительство просвещенного и либерального царя, были масонами. На их средства и по их программе А.Ф.Бестужевым и И.П.Пниним издавался «Санкт-петербургский журнал» (1798), где печатались рукописи Фонвизина и ощущалось влияние идей Радищева. С.Н.Глинка напомнил о ходивших в обществе слухах: «Не могли сказать

²⁴ ГИМ. Ф. 83. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 109об.-110.

²⁵ Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961. С. 155.

²⁶ Уваров С.С. О цензуре // Река времен. М., 1995. Кн. I. С. 74.

²⁷ Русская старина. 1882. № 9. С. 544.

²⁸ См.: Сахаров В.И. Просвещенный мистицизм Александровской эпохи.

утвердительно, но говорили, что и Александр поступил в братство масонское»²⁹. В кабинете царя хранились масонские рукописи.

Заседания устно разрешенных царем лож посещали цесаревич Константин Павлович (ложе Астреи) и другие великие князья, родственники царской семьи (например, в ложе “Соединенных Друзей” А.А.Жеребцова состоял принц Александр Вюртембергский, дядя императора), министры и видные военачальники. Рядом с ними мы видим имена известных писателей - от Лабзина до А.А.Дельвига и М.Н.Загоскина. В 1818 году в петербургскую “военную” ложу “Трех добродетелей” (ее основали как филиал Союза спасения офицеры-декабристы) вступал, пусть неудачно, молодой чиновник Коллегии иностранных дел и уже известный поэт А.С.Пушкин. Весь ранний русский романтизм представлен в списках лож Александровской эпохи.

В благодарность Александру I посвящено множество масонских од и песнопений, его именем названо несколько лож. Наместный мастер московской ложи “Нептун” и известный поэт П.И.Голенищев-Кутузов открыл первый том своих “Стихотворений” (М., 1803) поэтическим обращением к молодому и просвещенному царю-благодетелю:

Чрез милости твои обильны
Родил ты в Музах новый жар.

Медальный профиль императора позднее появился на пятиконечном знаке ложи “Александра к военной верности”, составившейся из офицеров гвардии³⁰.

Условия для возобновления масонской работы в России были благоприятны. Начинают “просыпаться” и действовать ложи А.Ф.Лабзина, И.В.Бебера, П.И.Голенищева-Кутузова, А.А.Жеребцова, капитул “Феникса”. Уцелевшие питомцы Новикова думают возродить издательские, просветительские и благотворительные начинания своего старого учителя, жившего в имении Тихвинское под полицейским надзором. На масонов снова, пусть и с оглядкой, работает университетская типография.

Их издательская деятельность в это переходное время достаточно осторожна и потаенна, продолжает орденскую традицию рукописных сборников, соединяющих прозу, поэзию и масонские ритуалы³¹. Там были и сочинения не входивших в орден, но близких ему по мыслям и стилю литераторов (самым распространенным в этих сборниках стихотворением была ода Державина “Бог”). Соединяя произведения самых разных писателей, масонские издатели хотели доказать, что литература вольных

²⁹ РНБ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. Хр. 18. Л. 7.

³⁰ См.: Лотарева Д.Д. Знаки масонских лож Российской империи. С. 62.

³¹ См.: Севастьянова А.А. “Пиши! Мне музы все рекли единогласно...” (Из истории бытования рукописных сборников в окружении ярославского наместника А.П.Мельгунова в конце XVIII в.) // Ярославская старина. 1994. Вып. 1.

каменщиков, уничтоженная при Екатерине II, возрождается при ее сыне и внуке. Речь шла именно о целостном явлении.

Здесь, помимо необходимых в ложах песен и гимнов, самым любопытным и представительным сборником стало двухтомное "Приношение религии" (М., 1798-1801), и там были напечатаны тот же Державин с "Богом", "Бессмертием души" и псалмами, Ломоносов с переводом из Иова, Костров и Княжнин, отринутый орденом Карамзин с "Песней Божеству", И.И.Дмитриев с вполне масонским "Гимном Богу". Лучшим же произведением сборника стала ходившая до того в списках поэма Ф.П.Ключарева "Воплощение Мессии", масонская "Гавриилиада", которую гениально спародировал позднее юный Пушкин, "ода философская", развитая с помощью библейского сюжета в торжественно-риторический миф о Благовещении как следствии проникновения мастера - архангела Гавриила в тайное божественное знание, с гностическими мыслями о Софии - Премудрости Божией и характерными для орденских поэтов сильными образами:

Стой, мысль! Течешь неосторожно;
Кто может тайны Бога знать?

Примечательно, что лучшим поэтом русского масонства на грани веков оказался Ф.П.Ключарев. Важно и то, что его весьма далекая от канонов православия поэма смогла появиться лишь в литературном сборнике "Приношение религии". Такие "составные" религиозные книги самой пестротой имен и произведений отвлекали читателей и духовную цензуру от тайных целей ордена и одновременно создавали некий литературный контекст, доказывали, что масонская литература существует в прежнем составе и художественных формах.

Тем не менее, сам подбор имен в "Приношении религии" показывал другое: теперь литературу эту делала в основном молодая смена, начинавшие в новиковских журналах ученики Шварца. Сумароков, Майков, Ржевский и Радищев уже ушли, Херасков и Богданович завершали свой творческий путь, Левшин разочаровался в масонстве, старые идеологи ордена Новиков и Гамалея работали в деревенском уединении над грандиозной по составу и замыслу, но в новом столетии мало уже кому интересной переводной "Герметической библиотекой"³² и полным русскоязычным собранием сочинений немецкого "барочного" мистика Я. Бёме, писателя выдающегося, но в то тревожное время не самого актуального и нужного.

В начале столетия масонскую поэзию пытаются возродить опытные, но второстепенные стихотворцы, ранее связанные с журналами Новикова, ученики Шварца и Хераскова. Их усилия разрознены, что видно на

³² См.: Билинскис М.Я. "Герметическая библиотека" Н.И.Новикова // 500 лет гностицизма в Европе. М., 1994.

примере того же Ключарева, сумевшего опубликовать поэму в "Приношении религии" и с трудом затем нашедшего свой журнал - "Иппокрену", где он напечатал в 1801 году дружеское послание масону И.П.Чаадаеву (в антологии "Поэты XVIII века" этот адресат не раскрыт) и замечательное философическое стихотворение "Осень", предвосхищающее известную одноименную оду-элегию Е.А.Боратынского³³. Новые силы, приходящие им на смену, отражают переходную литературную эпоху и пишут масонские произведения лишь от случая к случаю. В 1808 году записной сатирик и баснописец С.Н.Марин пишет неожиданные, казалось бы, для этого гвардейского остряка "Стихи" – типичную орденскую "оду духовную", посвященную одной из главных масонских "добродетелей" – смерти, но его странные для боевого русского офицера антивоенные высказывания, мечты об Астреином царстве, "траурные" (то есть для траурной ложи написанные) стихи памяти видного масона и генерала-заговорщика П.А.Талызина с многозначительной шифрованной строкой "На службу обществу он посвятил свой век" и образ цепи сомкнутых рук и клятвы (значит, Марин давал не только присягу своему государю и потому так бестрепетно посягнул на его жизнь) в "Стихах к Новому году" показывают всю неслучайность этих опытов в орденской науке стихотворства. С.А.Тучков, П.И.Голенищев-Кутузов и М.И.Невзоров публикуют итоговые сборники своих поэтических произведений и переводов.

И лишь после разрешения деятельности масонских лож появляются новые литературные журналы возродившегося ордена - "Сионский вестник" (1806, 1817-1818) А.Ф.Лабзина и "Друг юношества" (1807-1815) М.И.Невзорова, причем сами даты показывают, что они сменяют друг друга при неизбежных цензурных затруднениях. П.Бекетов и Лабзин начинают издавать "духовные", т.е. мистические, масонские книги, поныне не превзойденные по полноте и текстологической культуре собрания сочинений Богдановича и Фонвизина; к ним снова приходят талантливые переводчики и литераторы. Снова орденские трактаты и ритуалы влияют на литературу, в частности, на стиль журнальной публицистики самого Лабзина: «Некоторые из статей, напечатанных в «Сионском вестнике», суть не что иное, как речи, или поучения, говоренные им в своей ложе»³⁴. Орден использует для своей просветительской и пропагандистской работы Московский университет, Благородный пансион, «вольные» литературные общества и кружки, даже в гвардейской среде появляется оппозиционный кружок поэтов-

³³ См.: Сахаров В.И. Русская романтическая лирика как художественная система. М., 1993. С. 15-19. Поскольку автор примечаний к этому стихотворению Ключарева в антологии "Поэты XVIII века" не обнаружила автограф, укажем его (или авторитетного списка) местонахождение - РГБ. Ф. 147. Ед. хр. 132. Л. 36об.

³⁴ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 192.

«преображенцев». То есть незаметно и целеустремленно восстанавливается созданная Н.И.Новиковым литературно-организационная структура русского масонства, собирающая вокруг себя писателей и журналистов разных поколений и организующая гражданское общество, русскую интеллигенцию.

Однако журналы эти в основном помещали переводы, духовные и нравоучительные тексты, мемуарные и публицистические заметки их издателей; их проза и поэзия были третьестепенными и вторичными, имена авторов - малоизвестными. Рязанского семинариста Невзорова не сделал талантливым редактором столичного литературного журнала и законченный им на масонские деньги Лейденский университет. Он печатал в "Друге юношества" семинаристов, студентов Московской духовной академии и университета, помещал их школярские переводы из Клопштока (!) и корявые нравоучительные вирши - и это во время расцвета гения Жуковского... Разумеется, просвещенный дворянин, даровитый литератор и переводчик Лабзин вел свой "Сионский вестник" куда более умно, твердо и целеустремленно, но ему мешали цензурные трудности и запреты.

Заменить "Утренний свет", "Покоящегося трудолюбца" и "Вечернюю зарю" эти издания не смогли, на фоне новой сентименталистской журналистики Карамзина и сменявших ее декабристских и булгаринских альманахов и романтических журналов они выглядели архаичными, запоздалыми отголосками XVIII века, журнальными "ископаемыми" легендарных времен масона Новикова. Для масонской литературы и журналистики не находилось места в новой "послекарамзинской" словесности, подчинявшейся иным законам и обращавшейся к иному, теперь «массовому» читателю. К тому же, несмотря на либерализм александровской эпохи, вскоре воспоследовали неизбежные правительственные гонения на масонов, запрещения их журналов (особенно досталось "Сионскому вестнику"), аресты тиражей и опечатывание книгохранилищ, завершившиеся ссылкой Лабзина в Симбирск.

Сборники стихотворений М.И.Невзорова, С.А.Тучкова и П.И.Голенищева-Кутузова доказывают, что старая литература ордена не может сразу стать новой, повторить неповторимую историческую ситуацию, преодолеть инерцию одической архаики и освоить новые жанры прозы и поэзии, встать рядом с сентиментализмом и первыми ростками романтизма. В этих итоговых книгах видны утрата прежней творческой силы и убежденности, четче обозначившиеся во времена упадка характерные слабости и понятная ограниченность масонской поэзии, и в то же время здесь есть движение к новому.

Оды Невзорова прямолинейны и архаичны, их масонские формулы типа "жерло вечности" и "Астреин век" в новые времена стали тяжеловесными штампами. Сказывается инерция барокко не только в стиле, но и в мыслях. Лирика в этой отсталой поэзии заменяется витиеватой семинарской риторикой, и от этого ее не спасают сильные строки о Боге: "пишет бытие бесчисленным мирам... содержит в стройности движение умных сил". Масонская лирика, впервые заговорившая в прошлом столетии о "внутреннем" человеке, теперь уступает в творческом психологизме поэтической школе Карамзина и нарождающемуся романтизму.

Сентиментализм, воспользовавшись открытиями масонской творческой антропологии, ушел далеко вперед в поэтическом анализе личности и ее души, появлялись первые романтические веяния в лице молодого Жуковского и его друзей, а Невзоров напечатал в своем итоговом сборнике "Элегию на кончину князя Николая Васильевича Репнина", стихотворение ритуальное, по сути, погребальную оду для траурной ложи, создал отвлеченный портрет "прямого героя", вечного странника, нового римлянина, образцового масона-розенкрейцера, которого ничто не прельщало на земле:

Ты духом в горнее отечество парил.

.....

Ты не словами нам, но жизнью бы светил.

Трехтомник поэтических творений и переводов П.И.Голенищева-Кутузова начинается с духовных стихотворений, традиционных для масонов «преложений» псалмов и нравственно-философских од о суетности мира, тленности земных богатств, тщете человеческих желаний, написанных все теми же орденскими формулами и "гиероглифами". Однако автор получил известность как переводчик сентиментального элегика Грея, он перелагает Флориана, Бюргера, Лагарпа, Метастазия, Леонара, Делиля, т.е. поэзию легкую, любовную и элегическую, сатиры, песни, мадригалы, стансы. Иными словами, в итоговом издании есть новое и старое, обозначена грань между ними, преодолеваемая поэтами-масонами в начале XIX века.

Это движение видно в "легкой" поэзии Голенищева-Кутузова. Сразу меняется творческий уровень масонской поэзии, вспоминаются имена "легких" орденских стихотворцев Ржевского и Богдановича. В одной дружеской эпистоле, почему-то названной одой, поэт дает портрет влюбленного масона, оставившего ради невесты алхимию и философию:

Читаешь сказочки, романы...

Закрыл Лаватера, Бакона...

Великолепен шутивно-иронический портрет родственника и "брата" по ордену, будущего героя Двенадцатого года М.И.Кутузова:

Рассказчик, шпынь, шутник,

Проказник, балагур!

Любитель роскоши, приятный Эпикур!

Да, это уже живой человек, а не мраморный римлянин из оды Невзорова на смерть Репнина, хотя Голенищев-Кутузов продолжает здесь работать в архаичном жанре "подписи к портрету". Дружеские послания, любовная лирика и другие "неодические" жанры в творчестве стихотворца-масона восприняли от новой поэзии изящество и гармонию поэтического слова, Голенищев-Кутузов, несмотря на принципиальную вражду с Карамзиным, понял все выгоды "нового слога" и не остался в старой орденской поэзии:

Где сердце говорит, перо там сильно пишет,

Бумага чувствует и слово жизнью дышит.

Но он разделил свою поэзию на официальную (печатную) и потаенную (рукописную), и масонская "архива", в либеральные александровские времена не подвергшаяся обычному варварскому сожжению, эти ритуальные орденские стихотворения наместного мастера ложи "Нептуна" и сенатора сохранила, и мы их публикуем в приложении к данной книге. Ибо потаенные оды П.И.Голенищева-Кутузова "Ободрение свободному каменщику", "Ода на торжество дня Святого Иоанна Крестителя" и поэтическая речь мастера при открытии масонского храма написаны после выхода его трехтомных "Стихотворений" и свидетельствуют, что для лож поэт-масон писал в прежнем торжественно-риторическом стиле времен Хераскова.

Эти примеры показывают, что на грани веков в масонской поэзии происходят смена литературных поколений и существенное обновление стиля и жанров. И в то же время в ней ощутимы нарастающая творческая инерция, повторение отработанных орденских формул и символики, работа в устаревающих жанрах (преложения псалмов, философская ода и мистико-аллегорическая поэма) и прежнем архаическом стиле.

Если в прозе начала XIX века жанры аллегорического романа-путешествия с элементами утопии и «восточной» повести доказали полную свою нежизнеспособность и отошли в прошлое, то талант и упорство орденских поэтов среднего поколения продлили жизнь "барочного" возвышенного стихотворства с его одическими "восторгами" и символической риторикой. Причем масоны, понимая невозможность журнальных публикаций своих громоздких поэм и уязвимых для новой критики од, стали выпускать авторские сборники и собрания сочинений. И здесь первым надо назвать имя Семена Сергеевича Боброва (1765-1810),

воспитанника А.М.Кутузова и М.М.Хераскова, одного из виднейших поэтов начала XIX столетия, продлившего в эту переходную эпоху жизнь масонской литературы.

С легкой руки Ю.Н.Тынянова все сложные процессы этой литературной эпохи обычно сводятся к борьбе "архаистов" и "новаторов". С.С.Бобров давно записан в число первых, и в известной работе М.Г.Альтшуллера о "Беседе любителей русского слова", написанной в далекой солнечной Калифорнии в прежнем ленинградском сугубо научном стиле, сказано по этому поводу: «Большим уважением в "Беседе" пользовалось имя С.С.Боброва»³⁵. Вместе с тем поэт назван здесь представителем раннего русского романтизма. Таковы умозрительность и явная недостаточность тыняновской схемы.

Это следствие старой путаницы, когда поэта-масона, воспитанного Шварцем и Херасковым и печатавшегося в журналах Новикова с 1784 года, пытаются вписать в отработанные литературоведческие схемы, сделать "архаистом", "шишковистом", ранним романтиком, преромантиком и т.п.³⁶ Масонской поэзии, в тематических и стилистических рамках которой вольный каменщик Бобров спокойно творил до самой смерти, словно и не было. При этом совершенно не ясно, почему Бобров включен в лотмановскую антологию "Поэты 1790-1810-х годов", а работавший с ним рядом и как две капли воды на него похожий в своих поэмах и одах Ф.П.Ключарев остался в сборнике "Поэты XVIII века", хотя и пережил своего "брата" по масонской ложе и орденой поэзии.

От алхимического термина "первобытная влага" С.С.Бобров закономерно пришел к характерной для масонской поэзии барочной картине мира как хаоса стихий, планет, времен и довременных событий. Прежние формы и даже рифмы этих образов и красок не вмещали, и безбрежную "Херсониду" Бобров писал белыми стихами вослед Карамзину-масону. Эта поэтическая живопись в стиле «высокого косноязычия» трагична, освещена кровавой луной, приоткрывает тайны рока, в ней является ангел смерти, неустанно работают времени колеса.

Здесь царят космические масштабы (вселенных много), запредельные движения планет, гор, морей и океанов (Бобров был чиновником морского ведомства, капитаном флота и служил под началом адмирала-масона Н.С.Мордвинова), речь идет о смерти как жизненной силе и масонской добродетели, превратностях исторических судеб народов, падении и возвышении человека, развалинах вселенной, сотворении мира, гармонии

³⁵ Альтшуллер М.Г. Предтечи славянофильства в русской литературе. Общество "Беседа любителей русского слова". Анн Арбор, 1984. С. 334. В 2007 году эта еще в Ленинграде написанная книга с исправлениями и добавлениями была переиздана в Москве.

³⁶ См.: Альтшуллер М.Г. С.С.Бобров и русская поэзия конца XVIII - начала XIX в. // Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.-Л., 1964.

сфер и мировом хаосе, золотом сивиллином веке, ночи как обители стихийных сил и тайн вечной природы. Все это капитальные темы орденой поэзии, разработанные еще в XVIII веке. Любимый поэт Боброва - Ломоносов, но он видит в великом ученом собрата в эзотерическом творчестве, "списателя тайн вещества". Правда, ориентация самого поэта не немецкая. "Литература нравилась ему более Аглинская", - свидетельствовал друг юности Боброва М.И.Невзоров³⁷.

Находит себе место в философических одах Боброва и орденое учение о падении и возрождении человека, идея самопознания и совершенствования:

Быть совершенным человеком,
Чтоб человека же познать.
Познать себя, всего себя.

Достаточно вспомнить, что Бобров называет царя Петра I "солнцем света", изображает его великим зодчим с циркулем в руках, ваятелем новой России ("Народ тобою сотворен") и цитирует чтимое масонами Евангелие от Иоанна: "И не объемлет тьма его". Это продуманная цепь масонских образов и символов. Они достаточно масштабны и многочисленны, чтобы дать эпическое основание одам ("Столетняя песнь", 1801) и описательным и аллегорическим поэмам ("Херсониды", 1804). Но именно поэтому поэзия Боброва не журнальная, хотя он и публиковался в периодических изданиях; она требует авторского сборника или даже многотомника.

Учеником розенкрейцера Шварца в начале XIX века собрана и приведена в величественный порядок вся тяжелая, темная мифология русского масонства, дающая грандиозную философско-символическую картину самодвижения бесконечного бытия. Орденский гнозис порождает масонский литературный космизм. Мрачная и величественная архаика барокко дает этой поэтической философии силу и самобытность, резко отделяющую творения "тяжелого пииты" Боброва от "легкой" поэзии карамзинизма и ранних романтических веяний. Чувствуется, что этот "тяжелый" поэт не начинается, а завершает. И, возможно, именно о Боброве написал масон другого поколения Н.Ф.Остолопов:

Ковач нелепых слов и оборотов странных³⁸.

Бобров, Ключарев, С.А.Тучков, П.И.Голенищев-Кутузов, другие стихотворцы позднего масонства приходят в поэзию XIX века из екатерининских золотых (несмотря на гонения) времен, издают в начале нового столетия итоговые авторские сборники и собрания сочинений, составляют по необходимости тесный, редущий кружок, могут найти

³⁷ Друг юности. 1810. № 6. С. 127.

³⁸ Остолопов Н.Ф. Прегние досуги. М., 1816. С. 13.

поддержку у Державина и И.И.Дмитриева, адмирала-министра А.С.Шишкова и его "Беседы любителей русского слова". Молодые масоны-поэты из провинции Г.П.Каменев, С.А.Москотильников, П.А.Словцов и другие либо следовали старой орденской традиции, которую достойно завершал даровитый Бобров, либо переходили к новому стилю и мыслям, отступая от масонских тем и символов (таков путь Н.Ф.Остолопова, запечатленный в его сборнике "Прежние досуги", 1816) и двигаясь, если так можно выразиться, в сторону Жуковского (см. поэму Каменева «Громвал»). «Бова» Радищева, «Добромысл» Богдановича и «Бахарияна» Хераскова в этом движении участвуют.

Возникает некая граница, за пределами которой масонская поэзия перестает существовать как целостное направление, рассыпается на отдельные имена, произведения и тенденции. Но она не уходит в прошлое, продолжает оставаться литературным явлением, авторитетным стилем творчества, одним из влиятельных источников поэтических и философских идей. В этом она близка прозе, которая от прежних огромных "романов испытания" приходит к немногочисленным и малым по объему апологам (басням в прозе) и трактатам вроде сочинения Ф.П.Ключарева о тишине (см. Приложение), продолжает в новом столетии прежнюю традицию масонских литературных утопий (см. произведения В.К.Кюхельбекера, В.Ф.Одоевского, А.Д.Улыбышева, Ф.В.Булгарина, О.И.Сенковского, В.А.Сологуба).

Новое оживление масонской литературной традиции связано с общественным подъемом после победоносной войны 1812 года и зарубежного похода русской армии, где офицеры создавали свои походные ложи и вступали в круг зарубежных вольных каменщиков³⁹. Еще с павловских времен это движение связано было с военной оппозицией, включавшей в себя екатерининских воинов-масонов, вольнолюбивых поэтов-"преображенцев", совершившей переворот 1801 года и воспитавшей новое поколение недовольных и заговорщиков в офицерских эполетах - декабристов⁴⁰.

Мы привыкли смотреть на декабристов как на политическое движение, а на их литературное творчество - как на весьма прямолинейное высказывание их взглядов. Но этим людям помимо известных революционных идей и целей присущи были "левый", прогрессивный мистицизм и использование организационных принципов масонства, а также несомненный интерес к орденской символике и эзотерической

³⁹ См.: Корнеев В.Е., Сахаров В.И. Из масонских бумаг генерала А.А.Жеребцова // Российский Архив. М., 1995. Т. VI. Сахаров В.И. Русское масонство в портретах.

⁴⁰ См.: Толь С.Д. Масонское действо. Исторический очерк о заговоре декабристов. СПб., 1914. Давыдов М.А. "Оппозиция Его Величества". Дворянство и реформы в начале XIX века. М., 1994. Эскин С.А. В поиске исторической альтернативы. Александр I. Его сподвижники. Декабристы. М., 1994. Скибин С.М. Поэты-преображенцы и Денис Давыдов. Жанрово-стилевое своеобразие "гусарской" поэзии. М., 1995.

литературе, хорошее знание этой традиции и следование ее творческим принципам. Масонство подготовило это движение не только организационно, но и идейно и даже литературно. Декабризм при всей его оппозиционности был характерным порождением александровской эпохи и отражал ее историческую логику. Это касалось и литературы, для которой характерны такие "переходные" поэты, как масон К.Ф.Рылеев, пользовавшийся орденой символикой ("Звезда надежды") и соединявший одические традиции масонской поэзии (см. его оду "Гражданское мужество", содержащую традиционные хвалы видным масонам Н.П.Панину и Н.С.Мордвинову) и раннеромантическую поэтику⁴¹, и вечный оппозиционер и сатирик Денис Давыдов, в молодости примкнувший к военно-масонскому Ордену русских рыцарей (1815) выдающегося поэта-мистика М.А.Дмитриева-Мамонова.

Поэт-декабрист Г.С.Батеньков писал об этом времени: "...Когда по одолении врагов, вторгнувшихся в пределы нашего отечества, наружное благочестие сделалось модою, а безмолвная терпимость правительством лож масонских и расположение покойного императора Александра к некоторым мистическим писателям дали повод думать, что он принадлежит к братству, то все с жадностью обратились к книгам таинственного содержания. Все таковые, напечатанные в России во время процветания братства и уцелевшие от костров во время гонения на оное, для истребления их воздвигнутых, покупаемы были на расхват"⁴². В 1813 году министр полиции призвал мастера ложи Е.Эллизена и сообщил ему: "Государь Император убедился по представлениям моим, что ложи никак сомнительны быть не могут. Нельзя их актом аккредитовать; но мне Государь приказал вас удостоверить в своем благоволении"⁴³. Следствием этого «государственного» либерализма стало появление чисто декабристских лож, куда попал и юный Пушкин, не говоря уже о его лицейских друзьях Дельвиге и Кюхельбекере.

Произошла неизбежная политизация русского масонства, наметившаяся еще в конце XVIII столетия и в движении декабристов давшая большое разнообразие организационных форм и политических идей. Потом поэт и мемуарист М.А.Дмитриев, принадлежавший к ордену и совсем не случайно писавший вариации псалмов, оправдывался: «Может быть, некоторые и масонские ложи превращались в политические общества, но истинные масоны всегда отвергали таковых и по мере сил своих всегда противодействовали им, по крайней мере, нравственно»⁴⁴. Однако логика политических идей тогда была сильнее умеренного

⁴¹ См.: Leighton L.G. The Esoteric Tradition in Russian Romantic Literature. Decembrism and Freemasonry.

⁴² Пытин А.Н. Русское масонство. С. 474.

⁴³ Дубровин Н.Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I. СПб., 1883. С. 108.

⁴⁴ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. С. 342.

реформаторства религиозного масонства и розенкрейцерского мистицизма круга Новикова. Она оказала влияние и на личность и творчество писателей-масонов, ставших вождями декабризма.

Здесь можно вспомнить графа М.А.Дмитриева-Мамонова, блестяще образованного богача, генерала и поэта, масона с 1810 года, организовавшего в 1814 году одну из первых декабристских политических лож - "Орден русских рыцарей" и готовившего военный переворот вместе с "братьями"-масонами генералом М.Ф.Орловым, статс-секретарем Н.И.Тургеневым, поэтом Д.В.Давыдовым художником Ф.П.Толстым и М.Н.Новиковым⁴⁵. Масонский катехизис, им написанный для "рыцарей", продолжал по форме и назначению "Духовного рыцаря" И.В.Лопухина и упоминавшийся уже проект "О духовном и внутреннем рыцарстве", но открыто одобрял "бодрственное пролитие крови врагов ордена", военный переворот, цареубийство и содержал важный пункт: "Руки твои да чтят меч"⁴⁶.

Катехизис этот - не только важный документ для политической истории раннего декабризма, но и оригинальное литературное произведение, образец орденской бесцензурной прозы; в нем, как и в стихотворениях графа-заговорщика, виден несомненный талант, служащий масонству и опирающийся на достижения писателей ордена. Мамонову принадлежит одно из лучших определений масонской поэтики, вырастающей из мировой эзотерики: "Истина и многообразные смыслы и виды ее кроются в аллегориях, в баснях, в символах, в эмблемах, в иероглифах, в таинственных изображениях и изречениях, в загадках и проч. Сумма (summa summarum) разрешений оных составила бы всеконечно интеллектуальное солнце правды"⁴⁷.

Таковы немногочисленные поэтические произведения самого Мамонова, написанные полными глубоким скрытого смысла орденскими "иероглифами". Он с 1811 года печатался в "пост-масонском" журнале "Друг юношества", и его поэзия, как и оды и поэмы С.С.Боброва, является развитием в новую эпоху орденской одической традиции и философической риторики, учитывает огромный опыт «преложения» псалмов Давидовых, но в то же время отражает стремительную эволюцию поэтического языка и жанров после реформы Н.М.Карамзина, менее архаична и темна, отличается гармонией и динамикой, чувством формы. Это уже поэзия нового времени. И на роль поэта Мамонов смотрит иначе, чем масонские одописцы XVIII века, певцы Екатерины и Павла, к ним он

⁴⁵ См.: Пчелов Е.В. "Орден русских рыцарей" гр.А.М.Дмитриева-Мамонова // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Материалы III Голицынских чтений. Большие Вяземы, 1996. Ч. I.

⁴⁶ Лотман Ю.М. "Краткие наставления русским рыцарям" М.А.Дмитриева-Мамонова // Вестник ЛГУ. 1949. № 7. С. 137.

⁴⁷ Поэты 1710-1810-х годов. Л., 1971. С. 731.

обращается с гневным обвинением в сервилизме, поклонении золотому кумиру деспотизма:

Но вы, хвалою подлой звучны,
Любители кумирных благ!
Певцы, со златом неразлучны,
Лобзайте позлащенный праг!

Образы и символы художественной масонской натурфилософии, стихийной диалектики и алхимии отразились в лучшем его произведении - величественной оде "Огонь" (1811), в переложениях библейских текстов, тираноборческом стихотворении "Истина" (1812) и написанном белым мерным стихом призыве к восстанию "В тот день пролиется злато струею..." (1818-1820):

Народ перестанет чтить кумиров и поклонится проповедникам
правды...

В тот день водрузится знамя свободы в Кремле...
В тот день и на камнях по стогнам будет написано слово,
Слово наших времен - *свобода!*

В этом высоком косноязычии последнего масонского стихотворения М.А.Дмитриева-Мамонова ощутима интонация исступленного пророчества, близкого к безумию и разительно схожего с последней одой Радищева. Такова была и его революционность, донкихотская, романтическая, нервно-напряженная и в то же время мечтательная. Граф был не только потомственным поэтом-масоном, многое в своем духовном облике и творчестве унаследовавшим от Федора Дмитриева-Мамонова, но и очередным государственным безумцем, его участие в раннем декабристском заговоре, трагический домашний арест и объявление сумасшедшим прерывают творческий путь одного из первых литераторов-декабристов.

Столь же трагична судьба поэта Г.С.Батенькова, талантливого государственного деятеля, ставшего правой рукой влиятельного масона Сперанского. После поражения мятежа 14 декабря 1825 года он двадцать лет провел в одиночной камере, был близок к безумию. Тем не менее, и он, подобно А.И.Одоевскому и А.А.Бестужеву-Марлинскому, как писатель окончательно сложился и расцвел после поражения восстания, в новых политических и творческих условиях.

И здесь главное значение приобретает треугольник «масонство - декабризм - поэзия». Это было единое явление. Декабристы, будучи представителями нового литературного поколения, очень близко стоят к масонам екатерининских и ранних alexaндровских времен, многих из них знают лично, встречаются с ними в ложах. Не удивительна преемственность идей, и в том числе идей творческих, не укладывающаяся

в отработанную схему "архаисты и новаторы". Ведь уже поэзия М.А.Дмитриева-Мамонова показала, что можно быть тем и другим одновременно. Творчество Г.С.Батенькова это подтверждает.

Наследие его по архивным источникам восстановлено А.А.Илюшиным, чья книга о поэте-декабристе остается наиболее авторитетным исследованием и исчерпывающей научной публикацией его текстов. Здесь сказано, что "мистико-религиозные мотивы" занимают значительное место в творчестве Батенькова⁴⁸. Какие же? Однако о его масонстве ничего не говорится, и лишь из немецкого масонского словаря Ленхофа - Познера (здесь о нашем поэте есть особая статья) и "алфавита" декабристов мы узнаем, что Батеньков состоял в ложах "Избранного Михаила" и "Восточного Светила"⁴⁹. Отразилось ли это обстоятельство на литературном творчестве декабриста-поэта?

Батеньков, как и масоны екатерининских времен, перелагает псалмы, пишет оды (например, очень характерную оду к математике, разделяющую интерес масонов к божественной геометрии), имеет склонность к мистицизму и эзотерике. Поэт олицетворяет в человеческом глазе всевидящее око из орденской символики, которому доступны все тайны миров:

Что будет око прозорливо,
Которое земли покров
Так обнимало горделиво
И беги мерило миров?

В его поэме "Одичалый" (1827) появляются знакомые орденские формулы "природа в сиротстве рыдает", "истлит все время истребитель", "тлен благотворного огня".

Это выдает хорошее знакомство литератора-декабриста с масонской эзотерической (печатной и рукописной) литературой, о которой сам Батеньков писал: "Это перешло от таинств древнего мира. Сам образ работ, требующий тишины и углубления в самого себя, не может происходить в виду общей жизни и при открытых дверях. Притом требует такой осторожности хранимый ложею великий свет знания космической причины всему - бытия самобытного вседействующего Бога. Это тайна от мира, не могущего устроить себя сообразно с познанием истины... Обязанность таинств есть передать достигнутые понятия чрез смерть поколений, для их продолжения в цельности и чистоте"⁵⁰.

Для этого и написана Батеньковым "Тюремная песнь". Песнь кому? На этот вопрос ответить легко: ода Хераскова "Коль славен наш Господь в Сионе" в рукописях масонов носила название "Песнь Богу". Поэт-

⁴⁸ Илюшин А.А. Поэзия декабриста Г.С.Батенькова. М., 1978. С. 35.

⁴⁹ Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 15.

⁵⁰ Пытин А.Н. Русское масонство. С. 463.

декабрист духовно возрождается, обновляется, идет в своем орденском гимне вослед Хераскову, Майкову и Ключареву и, "восторгом чудным окрыленный", обращается к Великому Архитектору Вселенной:

Воззри на свет моих миров!
Как весь состав мой изменился,
И темный пал с очей покров.

Все барочные символы и сложные словесные фигуры перекочевали сюда из одической масонской поэзии XVIII века: "луч тленный", "солнце красоты", "собор страстей", мысли о стихийных духах ("Легко миры они вращают"), "тленные одежды", позаимствованные из орденских алхимических и мистических трактатов строки:

Не жди из гроба воскресенья,
В грязи валяясь вещества.

Этих примеров более чем достаточно, чтобы утверждать, что "Тюремная песнь" Батенькова, как и его автобиографическая поэма "Одичалый", принадлежит к поэзии вольных каменщиков, в ней никак нельзя видеть одну только романтическую исповедь декабриста. Другое дело, что требует объяснения то очевидное обстоятельство, что в одном случае автор выбирает отработанный, исчерпавший себя жанр масонской "оды духовной", а в другом - новую форму романтической поэмы, осложненную вторжением одической архаики и орденской мифологии и символики.

В "Одичалом" масонская ода с ее разработанной системой символов не может существовать самостоятельно, сливается с романтической историей о гонимом, несчастном герое, напоминающей "Войнаровского" К.Ф.Рылеева и другие поэмы декабристов. Происходит это именно в силу автобиографизма поэмы и по логике самого жанра. Трагическое мироощущение поэта-узника, развивавшееся *после* поражения восстания на Сенатской площади, не может быть выражено только средствами старой орденской литературы. Это уже другой тип личности, иной исторический опыт. То есть классическое масонство Шварца и Новикова в новую эпоху как бы вращается со всеми своими идеями и поэтикой в ранний романтизм декабристской его разновидности⁵¹. Так рождается поэзия пушкинского времени.

В поэтической антологии декабристов мы можем обнаружить отдельные стихотворения, свидетельствующие о масонстве их авторов (таковы, например, "Наполеон" Н.И.Лорера и "Сонет на тленность земных вещей" А.А.Токарева), но это лишь подтверждает и без того основательные предположения о новой жизни масонской поэтической

⁵¹ См.: Фризман Л.Г. Декабристы и русская литература. М., 1988. Эту содержательную, но безоглядно апологетическую работу советского исследователя любопытно сравнить с основанной на реальных фактах книгой Л.Лейтона о декабризме и масонстве. Можно подумать, что авторы пишут о двух разных литературах.

традиции в декабристской литературе. Более того, масонских произведений становится гораздо больше в последекабрьские времена, в эпоху романтизма 1830-х годов.

Здесь главный, самый интересный пример - поэт Федор Николаевич Глинка (1780-1880). Вот человек сложный, очень закрытый, таинственный и двойственный даже в простейших биографических фактах (несколько дат рождения). Только теперь мы понимаем, почему остроумный и проницательный Пушкин мог сказать об одном и том же человеке Федоре Глинке - "великодушный гражданин... Аристид" и "наш друг *Фита*, Кутейкин в эполетах".

Глинка один из виднейших русских литераторов-масонов, и эта сторона биографии героя 1812 года, автора знаменитых "Писем русского офицера", известного декабриста, друга Пушкина как-то мало освещена (в книге Л.Г.Фризмана ему уделена одна страница!), ее более или менее удачно обходили не только в научных исследованиях, но и в публикациях поэтических текстов (а ведь он удостоился отдельного солидного тома в Большой серии академической "Библиотеки поэта"), оставляя его орденские стихотворения в архиве, который вовсе не затерян, поделен между РГАЛИ и ГАТО.

И они спокойно пролежали там до 1982 (!?) года, когда появилась антология «Поэты тютчевской плеяды» (автор был ее «внутренним» рецензентом) с забытыми и неизвестными стихотворениями поэта (заслуга рано ушедшей Лены Кузнецовой). В 1986 году новые тексты опубликовал В.И.Карпец, составивший томик "Сочинений" Ф.Н.Глинки. Эти две "популярные" книги друг друга удачно дополнили, показав недостаточность и прискорбную ненаучность изданий академических.

И сразу открылся, пусть не до конца, "масонский слой" этой уникальной поэзии, объединивший ранее разрозненные стихотворения и поэмы и многое в творчестве Глинки разъяснивший. Заодно стал известен и реальный возраст поэта-масона, который прожил почти сто лет, соединив своей уникальной биографией два века русской литературы.

Глинка давно уже числится у нас в "архаистах", и в этом определении есть своя правда. Но какого рода этот архаизм? Достаточно обратиться к его новонайденному стихотворению "Глас к Господу" (написано после 1826 года), чтобы убедиться: это, как и "Тюремная песнь" Батенькова, масонская "ода духовная" с ее обращениями к Богу, торжественными славянизмами, устойчивыми формулами "вселенныя составы", "бездонны бездны", "Бог - свет":

И светло молнии твои
В безмерных вышинах сияли,
Кругом вертящихся миров...

Это классическая орденовая космогония в другом новонайденном стихотворении Глинки "Иная жизнь" (30-40-е годы) меняется на картину микрокосма, жизни внутреннего, несуетливого человека, просветляющейся души, погруженной в масонское самоисследование:

Я весь в себе, весь сам с собою...

Здесь происходит борьба в человеке двух его "Я" - тленного и нетленного ("И вот: два я во мне, как тигр со львом", 1840-1850-е). Она завершается неизбежным освобождающим разрушением тленного состава и возвращением бессмертной души в вечную гармонию Вселенной. Времени больше нет, возродившийся человек выходит из самого себя во вселенную, в макрокосм:

Чудна Вселенная громада!

Безбрежна бездна бытия...

Мы сразу ощущаем внутреннюю цикличность этой одической философии, за которой стоит вся масонская мифология XVIII века с ее учением "о древнем здании вселенной, о дивных таинствах светил" ("Ночная беседа и мечты", 1818). Суть ее Глинка сформулировал в емком названии стихотворения - "Искание Бога" (написано между 1826 и 1830 годами).

И это не просто религиозная поэзия. Ибо масонский гимн не всегда совпадает с канонами официального православия. В очередной "оде духовной" "Хвала" (1836) поэт превозносит не Христа, а более близкого ордену вольных каменщиков Иегову, Великого Архитектора Вселенной, "творца... бесчисленных миров", рисует в величественно-архаичном стиле масонского барокко удивительную, достойную шекспировского "Макбета" картину:

И в страхе, растрепав власы,

По догорающей вселенной,

Я вижу, жизнь бежит, бежит,

И смерть - *скелет остервененный* -

Ее следит, следит, следит...

Масонская апокалиптика всегда была близка к Ветхому, а не к Новому Завету. Ей внятна древняя восточная архаика гностиков и огнепоклонников, мрачная и величественная поэтика дохристианских религиозных культов и философских учений.

Даже описание обычной грозы в степи Глинка вслед за М.А.Дмитриевым-Мамоновым превращает в оду божественному всеочищающему Огню, главной масонской стихии, движущей мир и воплотившейся в вечном Солнце ("В глубокой тьме, во тьме густой, кромешной", 1840-1850-е). Далее этот образ развивается (см. стихотворение "В выси миры летят стремглав к мирам", 1840-е). Позднее

стихотворение "Буква и Дух" пронизано масонской символикой Света и задолго до философа Н.Ф.Федорова пророчествует о воскресении мертвых. Записные книжки поэта конца 40-х годов, хранящиеся в ГАТО, наряду с прозорливыми мыслями о народившемся в Европе коммунизме содержат традиционные масонские формулы о тленности всего живого, скоротечности жизни, "человеке внутреннем". Это очень далеко от православия. И завершает свой путь Глинка такими "одами духовными", как "Ты наградил". А поэму его "Иов" мало назвать мистической или религиозной, она продолжает традицию масонской духовной поэзии, вольно прелагающей псалмы и священное писание.

Тем не менее, трудно ставить Ф.Н.Глинку рядом с Херасковым и Бобровым и трактовать автора поэмы "Таинственная капля" исключительно как масонского поэта. Орденская литературная традиция питает это самобытное творчество, но и только. Как писатель Глинка мыслит в иных литературных категориях, масонские символы превращаются у него в декабристские лозунги и романтические метафоры. Они живут в таком преображенном виде вплоть до середины столетия, запрещение масонских лож в 1822 году не зачеркнуло очевидные достоинства орденской литературы, по-прежнему привлекательные для писателей и особенно для поэтов.

Лорен Лейтон и другие исследователи этой сложной культурной проблемы выявили множество прямых и опосредованных связей русских писателей XIX века с масонской литературой как системой творческих идей и художественных образов и, шире, с мировой эзотерической традицией, мимо которых не прошел и Пушкин, не говоря уже о выросшем в масонской среде В.А.Жуковском. Масонское философско-педагогическое и литературное влияние ощутимо в самой идее Царскосельского лицея⁵². Заслуживает особого внимания и история литературного общества "Арзамас", которое составилось в основном из молодых масонов (ныне в ГИМ обнаружены масонские перчатки П.А.Вяземского, а на конверте, где они хранились, есть собственноручное признание поэта о вступлении в варшавскую ложу) и в то же время сознательно пародировало многие орденские обряды и литературные стили и жанры. Масонская образность есть в поэзии Боратынского и В.Г.Бенедиктова. Интересно изучить, как изображались вольные каменщики в русской литературе (здесь материал богатейший, от романа А.Ф.Писемского "Масоны", очерков И.А.Гончарова и воспоминаний переводившего масонские гимны Аполлона Григорьева до "Вольного каменщика" М.А.Осоргина). Но всюду речь идет о непрстом воздействии традиции, о творческом переосмыслении образов, а не о существовании

⁵² См.: Новиков В.И. Царскосельский лицей как явление русской культуры // Высшее образование в России. 1998. № 2.

целостной масонской литературы в XIX - начале XX столетий, чего, конечно, не было и не могло быть в силу исторических условий и логики литературного развития.

У нас нет оснований спорить с этой точкой зрения, хотя продолжающееся изучение масонских архивов, дел тайной полиции и выявление скрытых орденовских источников эзотерической образности у таких поэтов, как Пушкин⁵³, Тютчев⁵⁴ и Боратынский, прозаиков (В.Ф.Одоевский⁵⁵), философов-публицистов (П.Я.Чаадаев), дальнейшая работа над уже привлечшими внимание литературоведов и философов темами "Ф.М.Достоевский и масонство"⁵⁶, "Л.Н.Толстой и масонство"⁵⁷, "А.А.Блок и масонство"⁵⁸ (список писательских имен можно увеличивать до бесконечности, вплоть до Андрея Белого и М.А.Булгакова) многое позволят уточнить в традиционной истории русской литературы XIX - начала XX столетий и ордена вольных каменщиков.

Однако и то ясно, что скороговоркой и библиографическими ссылками здесь не обойтись. Это особая, столь же важная и сложная тема, выходящая за хронологические и тематические рамки нашей работы и требующая специальных исследований, другой, совершенно новой книги, также основанной на архивных и малоизученных документах и реальных фактах литературной жизни России XIX - XX веков.

⁵³ Здесь уже сложилась целая библиография. После обобщающей статьи С.А. Фомичева появляются новые работы. См.: Wolf M. Aspekte der Symbolik und Historie des Freimaurertums bei A.S. Puskin // Arion. Jahrbuch der Deutschen Puschk-Gesellschaft. 1992. Bonn. Band 2. Серков А.И. "Пророк" и "мастер стула". Новое о масонстве Пушкина // Родина. 1997. № 5. Работы В.И.Новикова и А.Я.Звигильского см. во втором выпуске сборника "Масонство и масоны". Несколько статей на эту тему опубликовал в Японии профессор университета Васеда (Токио) Кейдзи Касама, прочитавший в 1995 году на конференции "Пушкин и современная культура" (Москва) доклад "Пушкин и русские масоны" (опубликован в кн.: Пушкин и современная культура, М., 1996).

Появилась наконец и обобщающая важный материал монография: Wolf M. Freimaurertum bei Puskin. Einführung in die russische Freimaurerei und ihre Bedeutung für Puskins literarisches Werk. München, 1998. Но везде ощутимо отсутствие новых важных материалов и фактов из российских масонских и полицейских архивов, без которых смелые концепции неизбежно "провисают".

⁵⁴ Существует написанная на японском языке работа Кейдзи Касама "Гипотеза: Тютчев - масон-поэт?". Предвидя неизбежные возражения российских исследователей Тютчева, заметим все же, что такая гипотеза опирается на ряд биографических и литературных фактов и имеет право на существование.

⁵⁵ См.: Сахаров В.И. Э.Т.А.Гофман и В.Ф.Одоевский // Художественный мир Э.Т.А.Гофмана. М., 1982. См. также наши примечания к двухтомному собранию сочинений В.Ф.Одоевского (1981) и его одноименнику «Записки для моего праправнука» (2006).

⁵⁶ См.: Ветловская В.Е. Творчество Достоевского в свете литературных и фольклорных параллелей. "Строительная жертва" // Миф - фольклор - литература. Л., 1978.

⁵⁷ Помимо опубликованных работ на эту тему есть статья известного искусствоведа С.К.Маковского, хранящаяся в РГАЛИ. См.: Краткий путеводитель по бывшему спецхрану РГАЛИ. Париж - Москва, 1994. С. 20.

⁵⁸ См.: Альтиер М.Г. Масонские мотивы "Второго тома" // Revue des études slaves. 1982. № 54.

Приложение № 2

ЛИСТКИ ИЗ МАСОНСКОЙ "АРХИВЫ"

Почти трехсотлетняя история русского масонства являет собой удивительное сочетание политических тайн, пресловутых "белых пятен", апологетических и антимасонских мифов, иносказаний, недомолвок, слухов и самой обычной клеветы. Чем меньше люди знали о масонах, тем более боялись их и ненавидели, обвиняя в коварных заговорах и страшных преступлениях. Много способствовали такому положению дел сами члены этого таинственного, могущественного и ныне действующего ордена. Ими давалась клятва молчания, использовались тайные знаки, шифры и иносказания, членам лож запрещалось вести дневники, переписка по масонским делам ежегодно сжигалась; после смерти "братьев" высоких степеней бумаги их отбирались согласно особому распоряжению в ложе. Понять эти сочинения мог лишь посвященный в тайны ордена.

Виднейший масон и литератор И.П.Елагин, покровитель молодого Фонвизина, признавался, что масонская истина "не пишется", сокрыта в "гиероглифах, непонятных символах и прекословных иносказаниях" и что содержание масонских сочинений "неудобь понятно без ключа". Сам же ключ ведом лишь "водителям" масонской толпы, затерян в тайниках.

Между тем, очевидно, что уже в силу тайного, конспиративного, почти подпольного существования в насквозь официозном, иерархическом, чуждом масонскому псевдоинтернационализму и фарисейской идее "братства равных" русском обществе орден должен был располагать богатейшими, скрытыми от чужих глаз архивами. Ведь к концу XVIII века общее число лож доходило до 100, в них состояло более 3000 человек, в первой половине XIX столетия через ложи прошло более 5000 вольных каменщиков*. Это был цвет образованных сословий, среди них крупнейшие писатели: А.П. Сумароков, М.М. Херасков, М.М. Щербатов, В.И. Майков, А.А. Ржевский, С.С. Бобров, Ф.П. Ключарев и др. За спиной чистых душой мудрецов вроде С.И. Гамалеи и таких идейных мучеников масонской "таинственной науки", как Н.И. Новиков и А.Н. Радищев, стояли могучие, чуждые простодушия и

* См.: Серков А.И. 250 лет масонства в России. М., 1993. С. 22, 47.

бескорыстия, располагавшие колоссальной политической и финансовой властью кланы Трубецких, Воронцовых, Паниных, Щербатовых, Долгоруких, Репниных и других вельмож. Масонами были императоры Павел I и Александр I. В ложи принимались купцы, священники, иностранцы. Масонство вело их наверх.

Орден отнюдь не был сообществом безгрешных идеалистов, он жаждал стать "второй властью" в феодально-деспотической Российской империи, вел большую и опасную политическую игру (за что и поплатился впоследствии), успешно занимался коммерческой и финансовой деятельностью, издавал множество книг и журналов, имел тайные связи с "братьями" в Швеции, Англии, Германии. Ложи регулярно обменивались списками "братьев".

Все это отражалось в документах, накапливавшихся в тайниках городских домов и сельских дворянских усадеб. И в каждой ложе имелся секретарь-архивариус, хранитель списков, рукописных книг, тетрадей с записями ритуалов, печатей и штампов. В уставе ордена розенкрейцеров содержалось требование "всякую минуту своей жизни так распределять тайными бумагами, чтоб ни один клочок из них, в случае внезапной смерти, не мог попасть в чужие руки". За личными бумагами братьев следил собиратель подаяний: "От опасно больного брата старается он отобрать все масонские бумаги и вещи, которые у него могут быть, для доставления оных после смерти его в великую ложу или, по крайней мере, обязан он стараться сохранить их". Именно в этих традициях масонская элита воспитала таких виднейших историков-архивистов, как А.Ф. Малиновский. Не забудем и многолетней работы И.Ф. Богдановича в Петербургском архиве, принесшей автору "Душеньки" место председателя этого главного хранилища государства.

Собирание масонами архивных документов велось планомерно и с размахом. Состоятельные "братья" высших степеней путешествовали по Европе и приобретали редкие рукописи и реликвии ордена, восходящие к основателям шотландской и шведской систем. Многие им присылалось из зарубежных лож. В 1782 году князь Н.Н.Трубецкой свидетельствовал: "Соединясь с капителями (капитулами. - В.С.) всех систем внешнего ордена, мы сделались так как средоточием, в которое все то, что капители всех партий имеют, стекается; и наша архива богаче становится, нежели во всей Европе, ибо там капители разных систем друг от друга таятся и

друг другу ничего не дают, а мы, быв с ними со всеми в связи и не объявляясь ничьей партии, но признавая всех их за истинных бр<атев>, токмо стремящихся разными путями к той же и единственной цели ордена, все то от них получили и получаем, что они только имеют..."

Так в потаенной "архиве" русских масонов собраны были со временем немалые сокровища, от философических сочинений и алхимических трактатов до рукописных сборников гимнов и тетрадей с текстами обрядов. Имелись там и печатные списки "братьев", которыми обменивались русские и зарубежные ложи, и раздававшиеся в тайных собраниях листки с песнопениями, тайно набранные в "вольных" масонских типографиях.

Обратившись к этим разнородным документам, легко убедиться, что русское масонство не ограничивалось высокой политикой и коммерцией, обладало самобытной философией, эстетикой, историей и теорией литературы, архитектурой, живописью, музыкой и даже особым календарем. Романы и поэмы М.М. Хераскова, оды В.И. Майкова и Ф.П. Ключарева знала вся читающая Россия. В орденских ритуальных песнопениях скрывалась высокая, величественная поэзия мысли. Литературны и масонские послания, лишь в малой их части опубликованные в знаменитой книге Я.Л. Барскова "Переписка московских масонов XVIII века" (1915).

Очевидно, что "архива" эта, частью уничтоженная при запрещении лож в 1793 и 1822 годах и других гонениях и разбросанная ныне по многим государственным хранилищам и частным собраниям (есть данные, что значительное число важных масонских бумаг было тайно вывезено в Англию и хранится в одном из лондонских архивов), существует, требует внимательного многолетнего изучения, сопоставления с масонскими изданиями и позднейшими публикациями касающихся ордена текстов.

Масонство едино, его рукописное наследие нельзя разъять по "епархиям", на философию, историю, литературу и т.д. И начинать его подлинно научное исследование нужно, по всей видимости, с начала, с первых тайн и символов, открываемых мастерами новичкам, вступающим в ученические ложи. И здесь есть свои три "градуса": ученический, товарищеский и мастерский.

Предлагаем читателям два документа из "Обрядов, до ученической ложи касающихся". Первый представляет собой знаменитую масонскую клятву, произносившуюся всеми вступавшими в ложи, и в их числе юным Пушкиным, и взят из

рукописной тетради Ф.Н. Глинки, поэта, декабриста, с 1816 года члена ложи “Избранного Михаила” (РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 21). Запись сделана в двадцатых годах XIX столетия, но сам текст восходит к первой половине XVIII века, когда масонство появилось в России.

Второй документ - стихотворное обращение старшего "брата" к членам ученической ложи поучения (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Ед. хр. 588. Л. 71-74). Оно написано и 21 ноября 1809 года прочитано в московской ложе “Нептун” ее управляющим мастером, сенатором, видным масоном и известным поэтом Павлом Ивановичем Голенищевым-Кутузовым (1767-1829). Это тот редкий случай, когда мы знаем автора текста масонского обряда. Сама рукопись - обычная писарская копия, в каковых "Ободрение свободному каменщику" распространялось и зачитывалось в ученических ложах как часть обязательного ритуала.

Масонский гимн публикуется по часто переиздававшемуся сборнику "Песни" (М., 1807). Предполагаем, что автором его мог быть поэт и прозаик Ф.П. Ключарев.

Пасхальное масонское песнопение "Коль славен наш Господь в Сионе" написано поэтом М.М. Херасковым, положено на музыку композитором-масоном Д.С. Бортнянским и стало государственным гимном России.

КЛЯТВА

Я, NN, клянусь пред Всемогущим строителем вселенныя и пред сим высокопочтенным собранием, чтобы всеми моими силами стремиться к тому, чтобы сохранить себя в неколебимой верности к Богу, закону, правительству, отечеству и к сему высокопочтеннейшему братству; чтобы любить их всем сердцем и помогать ближним моим всеми силами; я обещаю, чтобы по всем силам моим стараться быть во всех моих деяниях предусмотрительну и мудру; в действиях моих осторожну, в словах моих умеренну, в должностях моих праведну, в предприятиях моих честну, в моем суждении честну, в образе моего обхождения человеколюбиву, благородну, добросердечну и преисполненну любви ко всем людям, а наипаче к моим братьям; я обещаюсь быть послушну начальникам моим во всем том, что мне для блага и преуспевания Ордена, которому я обязан во всю жизнь сохранять верность, повелено будет; я обещаю быть осторожну и скрытну; умалчивать обо всем том, что мне поверено будет, и ничего такого не делать и не предпринимать,

которое бы могло открыть оное; в случае же малейшего нарушения сего обязательства моего подвергаю себя, чтобы голова была мне отсечена, сердце, язык и внутренняя вырваны и брошены в бездну морскую; тело мое сожжено и прах его развеян по воздуху. В чем да поможет мне Господь Бог и его милосердие.

Аминь.

П.И. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

ОБОДРЕНИЕ СВОБОДНОМУ КАМЕНЩИКУ

Мужайтесь, братия избранны!
 Небесной мудрости сыны!
 Помыслите, к чему вы званы,
 Что были, есть, чем быть должны,
 Сколь превосходна, сколь священна
 Цель наших ревностных работ,
 Сколь радостно, сколь вожделенно
 Зреть Солнца светлого восход.

х х х

Союз ненарушимый Братства
 Начертан в глубине сердец;
 Он выше почестей, богатства,
 Печать всех благ, доброт венец.
 Коль будем в нем неколебимы,
 Он в выщи круги нас введет
 И таинства непостижимы
 Внутри и вне нас развернет.

х х х

Парить до высоты небесной
 Он даст нам быстрые крыле
 И силой, мудрым лишь известной,
 Нас паки обратит к земле,
 Чтоб в ней родить благословенье,
 Чтоб радость Братьям проливать
 И чтобы в сладком упоенье
 Любовью жить и ей дышать.

х х х

Сия любовь неизреченна
 С небес во образы сошла,
 Она везде напечатленна,
 Но здесь она себя дала

Вкусить, восчувствовать толь ясно
И говорить толь велегласно
Сквозь чувственность и вещество,
Что токмо буйством ослепленный,
Во тьме пороков погруженный
Не зрит здесь света торжество.

х х х

Сей свет тому, конечно, ясен,
Кто тьму внутри и вне узрел,
И в странствии тот безопасен,
Кого из черноты извел
Дух благотворный, ниспосланный
К нему с востока от небес,
Ему для руководства данный,
Чтоб он увидел тьму чудес.

х х х

Он их увидит несомненно,
Свершивши тройственный свой путь.
Светяща искра отдаленна
Едва успеет лишь блеснуть.
Свет полный вскоре возродится,
Едва спадет с очей покров.
Во всех лучах своих открыться
Чертеж природы всей готов.

х х х

Когда ж чрез узел соплетенный
Творит сей странник только шаг,
То все орудия священны
Увидит он в златых огнях,
Отверзто слово созерцает,
Его касается любовь.
Тогда он смело съединяет
Свою со кровью Братской кровь.

х х х

Прошед чрез опыты столь тайны,
Любви сей первенец и сын,
Узрев лучи необычайны,
Течет в свой путь как Исполин,
Благодаря любовь бесценну,
Его привлеку мудрых в храм,
Одежду чисту, убеленну
Пояшет по своим чреслам.

х х х

Даров толиких удостоен,
 Толь бодро подвиг соверша,
 Утешен, весел, успокоен,
 Ликуют дух в нем и душа.

Он очи простирает ясны
 К священным, тайным образам,
 Чрез объясненья громогласны
 И свет, и жизнь он черплет там.

х х х

Исполненный сей жизни новой,
 Покрытый мудрости щитом,
 Сей воин, к подвигу готовый,
 Исходит в мир сражаться с злом.

Везде по терниям ступает,
 Но делает из них цветы.
 Он свет повсюду проливает
 И гонит мрак и все мечты.

х х х

Так должен действовать в сем мире
 Премудрости избранный сын.
 Он телом здесь, душой в Эфире.
 Он здесь! - Но неба Гражданин.
 Развязан в духе и свободен,
 Не носит он страстей оков.
 Таков, о Братья, превосходен
 Плод здесь свершаемых трудов.

х х х

О Братия, не ослабейте,
 Не утомитесь на пути.
 Едино то в виду имейте,
 Чтоб с равной бодростью идти.
 Пребудем крепко съединенны
 Всей силой сердца и ума
 И будем твердо убежденны,
 Что нас ведет любовь сама.

х х х

О Ты! Живущий в светлом храме
 Превыше тверди и небес,
 Но Ты ж вместивший в тесной раме
 Толико таинств и чудес
 Во знак любви и снисхожденья,
 Для назиданья, просвещенья
 Твоих блуждающих рабов!

Отец любви! Бог щедроты!
Очисти милостью работы
К Тебе стремящихся сынов.

Ф.П. КЛЮЧАРЕВ (?)

ГИМН

Блеснул, блеснул троякий свет,
Прогнал лучами мрачность ночи.

К святылищу преграды нет.

Питайтесь истиною, очи,
При свете тройственных лучей
Познайте чин природы всей.

х х х

Припев

Мирской гнушаясь суетою,
Облекши мысли чистотою,
Стремитесь, верные сердца,
Познать всевышнего творца.

х х х

Открылся к свету новый путь
Чрез крепость в вечный храм свободы,
Дерзай через седьмь ступней шагнуть;
Проникнешь таинства природы;
К науке пятой вскинь свой взор,
В ней узришь всех наук собор.

(Припев)

х х х

Открылось таинство работ,
Сокрытый огонь блеснул из тлена,
Из жизни в смерть, чрез смерть в живот
Родится дух и ветвь зелена:
Из черной персти дух изрек,
Что было, есть и будет век.

(Припев)

х х х

О радость! О любовь! О свет!
О мудрость кроткая, благая!
О дух! Зри тройственный завет:
Престол, ковчег, святых святая!
Расторгнув мудрости покров,
Зри связь и сущность всех миров.

(Припев)

х х х

О бездна света и чудес!
Вкушаю жизнь, и кровь, и воду,
Пади, пролей источник слез,
Лети чрез крест, вкушай свободу:
Четырех тайну зря зверей,
Коснешься Райских ты дверей.

(Припев)

х х х

Свершился мудрости совет,
Под знаменем я стою багровым,
Уже не в персти дух живет.
Подъявши крест, стал духом новым.
Облекшись в снежну белизну,
Несусь в безоблачну страну.

(Припев)

х х х

Вспарил превыше облаков,
Услышал хоры, песни, радость.
О мой Господь! О свет Светов,
Я с ним, я в нем, о жизнь! О сладость!
В нем сердце, мысли, ум и взор;
Греми со мной, небесный хор.

(Припев)

М.М. ХЕРАСКОВ

ПЕСНЬ БОГУ

Коль славен наш Господь в Сионе,
Не может изъяснить язык:
Велик Он в небесах на троне!
В былинках на земли велик!
Везде, Господь, везде Ты славен!
В нощи, во дни сияньем равен!
Тебя Твой агнец златорунный,
Тебя изображает нам!
Псалтырями десятиструнны
Тебе приносим фимиам!
Прими от нас благодаренье
Как благовонное куренье!
Ты солнцем смертных освещаешь;

Ты любишь, Боже, нас, как чад;
Ты нас трапезой насыщаешь
И зиждешь нам в Сионе град.
Ты смертных, Боже, посещаешь,
И плотию Своей питаешь.
О Боже! Во Твое селенье
Да взыдут наши голоса!
И наше взыдет умиление
К Тебе, как утрення роса!
Тебе в сердцах алтарь поставим;
Тебя, Господь, поем и славим.

МАСОНСКАЯ ПРИСЯГА

Мы продолжаем знакомить читателей с архивными документами, отразившими масонские обряды и ритуалы лож. Для этого тайного ордена клятва и присяга - не пустая формальность, а незримая грань, отделяющая мир непосвященных или "профанов" от тесного круга избранных, от масонской "толпы". Недаром в некоторых ложах принимаемый расписывался собственной кровью, а на язык его накладывалась металлическая соломонова печать скромности. Из этого круга нет дороги назад.

В рукописном "Уставе, или Правиле вольных каменщиков", хранящемся в архиве "материнской" ложи Трех знамен, сказано: "Страшися думать, что сия клятва менее священна, нежели те, которые ты даешь в народном обществе; ты был свободен, когда произносил оную, но ты уже не свободен нарушить тайны, тебя связующа; бесконечный, которого призывал ты в свидетели, утвердил оную, бойся наказаний, соединенных с клятвопреступством; ты не избежишь никогда казни твоего сердца и ты лишишься почтения и доверенности многочисленного общества, имеющего право - объявить тебя вероломным и бесчестным" (РО РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 1. Л. 80б.).

Затем ознакомившегося с уставом принимали в ученическую ложу, и мастер торжественно возвещал: "Боже, помоги клянущемуся! Не забывайте никогда, что свободно, не принужденно и по добром размышлении учинили клятву, связующую вас с нами, что никакая власть освободить нас уже не может от исполнения оных... Надлежит вам ведать, что мы и все рассеянные по вселенной братья наши, став днесь

искренними и верными вам друзьями, будем при малейшем вероломстве вашем, при нарушении от вас клятвы и союза, будем вам лютейшими врагами и гонителями... Ополчимся мы тогда жесточайшим противу вас мщением и исполним мечь" (ОПИ ГИМ. Ф. 83. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 33-33об.).

Публикуемая присяга, дававшаяся наряду с клятвой, хранится в известном собрании масонских рукописей В.С. Арсеньева в РГБ (Ф. 14. Ед. хр. 24. Л.1) и предположительно датируется восьмидесятыми годами XVIII века.

ПРИСЯГА

Я, N.N., обещаюсь, присягаю и клянусь пред вездесущим триединым Богом, высокопросвещенному собранию и всем его чести достойнейшим Начальникам совсем верно и непринужденно с добрым предразмышлением:

1. в страхе Божиим беспрестанно себя упражнять,
2. любви ближнего никогда с намерением не возмущать,
3. высочайшую молчаливость ненарушимо сохранять,
4. в неразрывной верности к Ордену состоять,
5. начальникам великое послушание оказывать,
6. пред высокопросвещенным собранием ни о какой, до него относящейся, тайне не умалчивать,
7. жить собственно Творцу, его премудрости и сему Ордену.

С тем истинно мне Бог и святое Слово Его да поможет. Аминь!

ИЗ УСТАВА ТРАУРНОЙ ЛОЖИ

В обряде траурной ложы соединяются все виды искусства, памяти усопшего брата масоны посвящают речи, рисунки, музыку, песнопения, театральные ритуалы, поминальные оды. Причем музыку писали Моцарт (вспомним его великолепную "Maurerische Trauermusik c-moll KV477" в дирижерской интерпретации Ойгена Йохума) и Бортнянский, погребальные оды - Державин и другие выдающиеся поэты, это делалось по заказу ордена, и не всегда автор был масоном.

После прощальной речи мастер стула гасит три свечи, и все собравшиеся поют траурный гимн. Он содержится во многих масонских архивах, мы воспроизводим этот поэтический текст по собранию бумаг московской ложы "Ищущих Манны" (ГИМ. Ф. 281. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 31-32об.).

Отец духов, Творец вселенной,
И жизнь, и смерть в твоих руках!
Через грех, в состав облекшись бренный,
Мы телом смертны, тлен и прах.
Ты дух наш, созданный тобою,
Зовешь к блаженству и покою.

х х х

Ты жизнь всегда творишь из тленья,
Из тьмы рождаешь вечный свет;
Чудесной силой искупленья
Где Ты блеснешь - там смерти нет.
Дай силы нам и чувства новы,
Да будем к смерти мы готовы.

х х х

К Себе от нас Ты призвал брата,
Из плоти духа сотворив!
Плачевна нам сия утрата,
Но Ты живот - и брат наш жив!
Мы дух его Тебе вручаем,
О нем Тебя мы умоляем.

х х х

Прими его, Любовь бесценна,
И в светлый лик духов вчини;
Да наша цепь, тобой скрепленна,
Когда прейдут сей жизни дни,
В духовном мире воссияет
И нас с Тобой соединяет.

ИЗ МАСОНСКОЙ МИФОЛОГИИ И РИТУАЛА

Для ордена вольных каменщиков всегда имели огромное значение традиции, предание, преемственность, определение собственных исторических и идейных корней. В масонских “зашифрованных” идеях и ритуалах видно слияние строгих правил тайного политического общества и эзотерических учений религиозной секты. И в то же время предания ордена

легендарны, очень литературны, поэтичны, это именно **художественные** произведения, целая мифология, требующая немалых познаний и строго исторического, научного подхода. За ними ощутимы образы Библии, античного неоплатонизма, гностических книг, древнеиудейской Каббалы, восточных эзотерических учений, средневековой алхимии и мистики.

Масонская тайная “архива”, собиравшаяся и хранившаяся столетиями, состоит из множества рукописных копий нескольких основных орденов документов с описаниями ритуалов (устав, правила ученической и мастерской ложи, степени и градусы, траурная ложа, гимны, оды, речи мастеров и риторов, трактаты, алхимические рецепты и т.п.). В сущности, все эти тексты известны в тех или иных редакциях и вариантах и давно опубликованы. Но есть рукописи уникальные, очень редко встречающиеся. Мы впервые публикуем здесь один такой документ XVIII столетия, содержащий масонские предания о происхождении ордена вольных каменщиков и интересные описания и толкования символов, “сокровищ” и ритуалов ложи. Это именно поэтическая легенда, самобытное художественное произведение с богатой и сложной символикой и образностью, характерный образец мифологии ордена. Автограф хранится в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ (Ф.5. Тv. 134. Л. 1–19).

ИЗЪЯСНЕНИЕ

при учреждении вольно-каменнического общества, которое купно есть духовно и светско, взирали наипаче на первое познание БОГА, Естества и на благоугодное ему служение

Сие то была **первая степень**, на которой вольно-каменничество основано. Наши мастера возмнили за благо. Чего ради и положили красугольный **камень** в лоне Богопочитанию или религии.

Вторая степень вольно-каменничества основывается на сем периоде **Храм Иерусалимский**, показывает принятие в **товарищи**.

В то время как Моисей приказал сделать сень законную и Соломон предпринял созидание храма во Иерусалиме, избрали они из народа мужей, истинною верою просвещенных, исполненных мудрости и благочестивого ревнования и способных совершить сии дела Богоугодные. Оные избранные наши предки явились тогда свету аки архитекторы или каменщики.

Имя “Масон” происходит от... Масонство происходит от... есть в середине неба, или от... небесной Знак. Иова 38. 32.

В прочем утверждать можно, что Масон есть член Богопочитательного общества, исповедник и чествователь Божества, **которое в средоточии неба имеет свое обитание**.

Происхождение вольно-каменнических Символов, обрядов или таинств должно в древних сектах, кои суть:

Ассидиане составляли секту иудеев и разделяли на праведных и милосердых. Они были отцы и предки **фарисеев** и **ессеан**. Слово “Ессеане” происходит от сирского слова Asa, **целить недуги**.

Праздник греческой в честь Цереры в Елевзисе, городе аттическом.

Великой Праздник греков в Платее в честь Юпитеру Елевфериусу или покровителю вольности.

Пифагор имел великую ложу в Кротоне в великой Греции.

$$\begin{array}{ccccccc} A & B & P & A & \equiv & A & \Sigma \\ 1 & 2 & 100 & 1 & 60 & 1 & 200 \end{array}$$

Василид, духовный второго века, дал сие имя Богу, виновнику 365 дней.

Дуб гиероглифический значит крепость, добродетель, твердость, а иногда и долгую жизнь... *viscus* - клей птичий.

Ложь, открываемая ново принимаемому, показывает **изображение мира**, в котором мы чудесами Естества влечемся к рассуждению о Его великом начале и к почитанию сего начала ради его великих дел. Чрез сие же самое преклоняемся и к деланию нравственных и общественных добродетелей, кои человеческому роду, яко служителям великого строителя мира, приличествуют, по образу которого мы в начале сотворены были.

Всякая часть сделанных богослужительных учреждений Моисеем доказывала подражание и изображение системы Мира. Он, разделя на 3 части... имевшую 30 локот величины, из коих в две части позволил он входить всем священникам, означил чрез то МОРЕ и ЗЕМЛЮ: ибо по ним всяк ходить может. Но третью часть назначил он токмо Богу; ибо человеки на небо взойти не могут. Оно им не есть приступно.

Солнце в ложе значит силу, Благодать, всеприсутствие и вечность Божию.

Солнце и Луна принимаются в ложе за эмблемы великого Света истины, который первым человеком открыт был. Совокупно вольно-каменщики чрез то означают, что они

освобождены суть от тьмы, сделались сынами света и обожателями подавшего свет делам своим.

Каменщики полагают свою духовную Ложу в долине Иосафата и означают чрез то: главные положения Каменщичества производятся от познания Бога и основываются на суде Господнем. Слово ИОСАФАТ сие значит.

В древние времена для богослужения избирались места уединенные, яко: священные рощи и холмы, и принимаемы были вещи, яснее прочих Бытие Бога доказующие.

В повреждении же и невежестве последовавших времен осквернены сии священные места идолопоклонством. Непросвещенный разум принял образ за существо самое и не мог различать света от тьмы. Священные рощи и холмы сделались предметами изумленного благочестия и суеверия; благочествующие и молящиеся поклонялись дубовому дереву и начертанному образу Солнца, почитая их божественными. Некоторые сохранились целы от повреждения времен. Сих мудрых и избранных мужей, коим свет разума и истины дан был и кои соблюли его не оскверненна грехами мира, находим мы под именем **волхвов** у персов, под именем мудрых **пророкателей** и **Астрологов** у халдеев; под именем **философов** у греков и римлян, **Браминов** у Индиан; **Друидов** и **Бардов** у Бриттян. А у избранного народа Божия просиял СОЛОМОН в полности человеческой премудрости.

Мастер всякой ложи должен основывать свое правление на согласии и всеобщей любви. Ибо как великий Архитектор руководствует перстом своим систему миров и касается сфер гармонически, так и мы должны быть исполнены радости и

руководствоваться от Гармонии <и> от Закона по непреложной системе.

Каменщик, сидящий в ложе и присвояющий себе символы яко знаки своего состояния, должен тотчас мысли свои возвышать к высочайшему явлению, кое в подражание токмо есть в ложе. Он должен памятовать, что он является аки сочлен великого храма мира, дабы повиноваться законам Могущественного ГОСПОДА всех вещей.

Истинно верующие, дабы отличиться от прочих человеков, а особливо от идолопоклонников, приняли эмблемы и таинственные знаки с некоторыми отличительными положениями, чрез что они друг друга познавали и показывали, что они суть служители Бога. Сим образом защитили они свою веру от поношения и гонения неверных.

Украшения Ложи

Как Соломон в Иерусалиме все сосуды и орудия, кои по законам его народа требовались для служения ЈЕНОВА, в иудейский храм приказал принести и поставить, так и каменщики, аки работники нравственных должностей и аки служители великого Архитектора вселенных, представили очам.

ФРОНЕСИС есть образ благоразумия. Он есть первый и высочайший предмет в Ложе. Он поставлен в средоточие, дабы всегда был присутствующим оку каменщика; ибо благоразумие есть правило добродетелей. Оно нас ведет к достойным делам и просвещает, подобно БЛИСТАЮЩЕЙ ЗВЕЗДЕ, во всех печальных и темных ходах сея жизни.

ДОБРОДЕТЕЛЬ от нравоучителей определяется чрез постоянное намерение и твердую волю делать то, что яко наилучшее и спасительнейшее, от Естества нам повелевается; чрез навык, или способность души, чрез который человеки склонны суть делать то, что справедливо и добро есть; кратко сказать, добродетель состоит в нравственной правости и в добрых основаниях.

Мужество полагает человека в состояние, по среде самых зол, делать то, что...

Воздержание состоит в умеренности и обуздании наших страстей и склонностей, а особливо в трезвости и целомудрии.

Справедливость научает делать всем право и отдавать каждому свое.

ФРОНЕСИС представляет еще ту звезду, которая волхвов вела в Иерусалим, провозвещая рождение **СЫНА БОЖИЯ**; здесь же она направляет наше духовное шествие к виновнику избавления и спасения.

Поелику ступания или ступени человеков бывают и производятся в разных и неизвестных случаях и приключениях жизни; поелику наши дни смешаны с особливым противоречием приключений; поелику наше прохождение чрез сию бытность хотя иногда сопровождается счастливыми обстоятельствами, однако часто удерживается множеством зол: для того ложа украшена **мозаическим полом**, дабы нам напоминать о известности нашего состояния на земле. Сегодня идут наши ноги по счастью, завтра идем мы, колебаясь на неровных стезях слабости, искушения и противности. Сия Емблема научает нас ничем не величаться, соболезовать тем, кои суть несчастны, помогать им и шествовать прямо и в смирении; ибо сие наше

бытие не имеет никакого места, где б гордость могла ступить надежно: в рождении и во гробе все человеки суть подобны.

Как непосредственного вождя для каменщика имеет ложа неперменные правила, по коим он свое поведение учреждать должен. КНИГА его закона лежит пред ним, дабы он не сказал, что заблуждает<ся> по неведению. Что великий Архитектор мира повелел человекам: наприм<ер>, образ, как ЕМУ служить человек должен, и путь, по коему надлежит шествовать, дабы снискать Божие благоволение; какие он древле дал заповеди, какие открыл законы мудрым: все сие верно заключается в книге закона вольнокаменщичества. Сия книга, никогда в ложе не закровенна пребывающая, открывает должности, требуемые от нас Великим Мастером. Она всякому оку открыта, всякому разуму понятна.

Поелику же погрешность и удобосокрушенность человеческого естества всегда спорит с истиною, и слабости человека противоборствуют его добродетелям, то мастер держит **циркуль**, дабы помогать каждому каменщику в его шествии или житии, и начертавает им и означает отдаление, поступление и окружие работы. Он предписывает образ и способ, показывает путь к первому изображению, предначертавает каждую часть работы и определяет каждому свой округ действий и свое состояние. Его Мастерство есть таково, что каждая часть, порознь рассуждаемая, кажется беспорядочна и безобразна, но все вместе взятые и сложенные связуются и зависят одна от другой так, как здание храма во Иерусалиме, и соделаны в истинной соразмерности, красоте и порядке.

Нравственное значение есть Циркуль, Вел<икий> Мастер сидит в своей ложе и предписывает для ея правильности

спасительные законы, которые вдыхает ему его благоразумие, он назначает каждому брату собственное ему окружие, ограничивает скорость и быстроту некоторых, воспрещает и удерживает неосторожность других; угнетает все неистовства, устранения от пути, пианство, несогласие, злость, ненависть и ссору и производит братскую любовь, нравственность, соблезнование, благотворение, бодрость и невинную радость, дабы собрание братии было порядочно, было гармония и любовь.

Для испытания работ каждого каменщика находится ПРЯМОУГОЛЬНИК, аки искуc жизни. Он показывает правильным и единообразным его нравы. Ибо каменщики должны быть единого чина и единого основания, без отличения, делаемого гордостью и великолепием, в знак, что мысли каменщиков от нижнего до высшего должны клониться к делам добрым и что никакой человек своим счастьем не возвышен над другим.

Как златые светильники в ... моисеевой представляли совокупно эмблематически ДУХ БОЖИЙ, которым просвещался его избранный народ, **и пророчески**, Церковь; или, по Иосифу, оные светильники изображали планеты и могущественные слова Божии, так и наши **три свечи** показывают три великие степени каменщичества: Познание и почитание БОГА Естества в чистоте Едема, службу под Моисеевым законом, не причастную идолопоклонства, - и христианское откровение; или иным образом наши свечи суть эмблемы свят<ой> ТРОИЦЫ.

Огонь был всеобщая Емблема Божества у восточных народов.

Ефирный огонь с великим благоговением сохранялся во храме иудейском и в скинии свидения.

Драгоценности каменщик<ов>

Каменщики носят белое платье, яко образ, означающий чистоту душевную, невинность и неврединость.

Древние надевали обыкновенно на крестившегося белое платье, означая, что он прихоти плотские отложил, очистился от прежних своих грехов и обязался вести жизнь непорочную; чего ради крещенные и назывались от греческих церковных Отцов просвещенными.

Запон значит склонность к невинности и одежду добродетели.

Каждая степень греха действует на разумную душу человека некоторыми чувствованиями собственного своего о грехе неблаговоления и неудовольствия. Кто может при таком чувствовании призывать присутствие Божества, которое открывается во благих делах токмо? Чего ради естественно человек приводится на мысли, что таковому Божеству благоугодны суть единственно дела добрые. Тако обязались служители первого явившего БОГА учениями чистоты и добродетели, желая благоволения небесного. Мы же яко каменщики наблюдаем основания сих первых чествователей истинного БОГА, подражаем их платью и носим на себе знак НЕВИННОСТИ.

Наши ДРАГОЦЕННОСТИ или украшения знаменуют, что мы испытываем наши склонности справедливостию и наши деяния истиною, яко прямоугольник испытывает работу художника; что мы наше смертное состояние, почтенно ли оно или не почтено титлами, бедно ли оно или богато, почитаем за

равно естественное в его начале и за равночинное при конце его. В чувствованиях, страстях, приятностях, слабостях, болезнях и нуждах все человеки суть равны и подобны между собою. Естество не дало нам высшего чину, его подает токмо **премудрость** и **добродетель**. По сим-то положениям ценим мы нашего Брата, когда его несчастья и злключения требуют нашего совета или помощи. Дела **любви** проистекают от сострастных чувствований, и благотворение деет по правилу. - Емблема сих чувствований есть вторая драгоценность нашего общества.

Каменщик совершает свою должность к БОГУ, к обществу, и к частной жизни, и к свету так, как Архитектор созидает свои столпы по отвесу и оскордом.

Храм Иерусалимский

Первые почитатели БОГА Естества на востоке представляли Божество под образом **Солнца** и **Луны**, ради влияния сих небесных сил на землю. Они научили, что вселенная есть Храм, где Божество всегда и всюду есть присутствующе. - Сии Символы приняли они яко осторожный образ сохранять или изъяснять познание о Боге. После око незнающего и суеверного мечтателя возвысилось к сим предметам, но возвысилось без света разума. Отсюда вы^{<ве>}дено образослужение и кумиры обожаться стали от почитателей их, которые притом не возводили мыслей своих к самому первоначальному существу или к подлиннику.

Моисей, стяжавший познание Египтян, вывел истинны учения из справедливых оснований восточных народов. Он одарен был божественным влиянием и чрез то постиг самый

свет из тьмы. Он учил народ Израильский служить истинному БОГУ без гаданий и пороков идолопоклонного народа.

Сия была вторая Эпоха почитания БОГА Естества.

В последовании времен создал Соломон храм во Иерусалиме. Сей храм восприял второй род служителей истинного БОГА, и в нем были искушаемы в своих работах истинные **ТОВАРИЩИ**.

В предхрамии храма Соломонова поставлены были два столпа. Один из них на правой руке назывался **Jachin**, а другой на левой **Boas**.

Столпы и обелиски воздвигать было обыкновение страны восточныя, а особливо в Египте. Они служили памятниками достоприлагательных приключений. Соломон последовал сему обыкновению и поставил столпы. Они должныствовали быть памятником Иудеям при входе в святое место, дабы сердца свои распалить надеянием и верою, вспоминая обещания, которые БОГ изрек Давиду: **Я утвержду Престол твоего Царства над Израилем вечно. 1. Кн. Царст. IX.**

БОАС значит: **в тебе моя крепость**; ИАКИН: **он будет стоять**. Чрез естественное преложение отсюда выходит: **О ГОСПОДИ! Ты еси могуществен, и твое могущество продолжится от века до века**. Или оное значит, поелику Боас был отец Давиду: **дом Давидов пребудет вечно**.

В память сего великого обещания верным каменщики украшают вход в их ложи сими эмблематическими столпами; ибо знают они, что сие святое изречение исполнилось пришествием СПАСИТЕЛЯ.

Г показывает Геометрию. Она есть для художников такая наука, по которой все их работы исчисляемы и образуемы

бывают; для каменщиков же содержит она определение, изъяснение и доказательство порядка, красоты и чудных премудрости Божественного могущества при сотворении.

Степень Мастеров

Чрез степень **учеников** означается первое познание Бога Естества. Чрез **Товарищей** показывает послание Моисея и храм Иерусалимский Иудеев купно со светом, который человеки из откровения Божественной премудрости, чрез Геометрические решения получили.

Под Иудейским законом служба БОГУ церемониями и употреблениями, кои посредством подражания соседственным язычникам ежедневно вкрадывались, потемнена и помрачена соделалась. Как нравы Иудейского народа повредились, то и гражданское правосудие поколебалось на своем престоле. - Возобновления подкопали святыя предписания, и последовало отсюда безначалие. Тотчас престала сила Иудеев, и язычники восторжествовали в ИЕРУСАЛИМЕ.

Бог, видя повреждение, коему человеческий род подвергся, подвижен был своею благостию спасти нас. Он узрел, что сделанное им откровение своего Божества, могущества, величества и премудрости Иудейским коленам не довольно было удержать их в должности. Он положил слабость человеков на весы, держимые его правосудием, и наполнил их недостатки и погрешности благодатию своею. Египтяне употребили во зло ученость и премудрость; Иудеи осквернили Божественные повеления и законы; и грех воздвигл свое господство в городах земли вся.

Благочестие, воздвигнувши Храм Иерусалимский, прогнано. Должное подобострастие и поклонение Божеству в грязь света

было попорано. Гонение рассеяло тех немногих, кои сохранили свою покорность, и имя истинного БОГА было почти между людьми потеряно и забыто. Религия сидела во Израили, печалась в полотне и пепеле, и нравственность была разнесена четырьмя ветрами воздуха.

В сем состоянии можно было сказать, что вождь к небу потерян и наказатель к делам правды умерщвлен. Народы предались грубому идолопоклонству. Соломон упал, и служба истинного БОГА исчезла из памяти тех, кои отдались господству греха.

Дабы людей спасти от сего жалостного состояния тмы и повреждения и поелику ветхий Закон мертв соделался и истлел, то нужны были новые предписания, новое учение, чтоб подать ключ к спасению, дабы мы посредством их уху оскорбленного Божества тронули и надежду к вечности возымели. Истинная религия устранилась. Искавшие ее в премудрости древних не могли оную воздвигнуть; она уходила от их искания. Их нечистые руки напрасно распростирались к восстановлению оныя. Искавшие ее посредством ветхого Закона нашлись обмануты; ибо смерть к тому привнишла и повреждение обезобразило объятие. Грех стопы их оградил, и пороки мира их поглотили.

Великий Отец всех вещей, сожалея о бедности мира, послал своего едиnorodного Сына, который был самая невинность, дабы проповедывать учение спасения. Сим образом человек возвышался от смерти греха к жизни правды, от гроба тления к храминам надежды, от мрака отчаяния к небесным лучам веры. И не токмо произвел он сие [спасение] избавление, но изделал с

нами союз возрождения, чрез которое мы есмы чада Божества и наследники небесного царствия.

Мы, каменщики, описуем жалостное состояние религии под Иудейским Законом фигурными выражениями: “Она лежала погребенна под развалинами и нечистотою, которые из храма извержены были; и ветвь акации была на ея гробе”. Акация значит незлобие, или удаление от греха, и показывает, что грехи и повреждение древнего Закона и служителей Иудейского жертвенника сокрывали религию от тех, кои ея искали, что она находится, где НЕЗЛОБИЕ или НЕВИННОСТЬ сохраняется, и что может обрестися под знаменiem Божественного Агнца. Наше исповедание действует, что мы нашею Акакиєю долженствуем отличать себя, и в нашей благочестивой вере и основаниях.

Получение учения о избавлении изображает в типических письменах Hiramen (...мы нашли). И чрез отношение сего слова каменщикам показывается, что мы обрели познание БОГА и Его спасения и что избавление от смерти греха и от гроба [Воскресения] осквернения и неправды получимо.

Каменщик, вступающий в сию степень Каменщичества, произносит собственный свой приговор, яко признание о несовершенстве вторыя степени и яко доказательство высокого степени, на который он взойти тщится, в сем слове <...> я уготовляю мое погребение; я делаю мой гроб в нечистотах земли; я есмь под тению смерти.

Итак, каменщицьи Мастер представляет мужа, находящегося в христианском учении, избавленного от гроба неправды и возвышенного к вере спасения.

В свидетельство, что мы от состояния поврежденного восстали, носим эмблему святых ТРОИЦЫ, аки знак нашего обета и происхождения Мастерской степени. Сия эмблема объявляется от Геометров яко доказательство ТРОИЦЫ в ЕДИНСТВЕ.

При получении сего знака делает каменщик признание в кратком изречении на греческом языке, коего буквально значение есть: ЧРЕЗМЕРНО ЖЕЛАЮ ЖИЗНИ. То есть вечная жизни избавления и возрождения.

Мастер каменщик возлагает на себя должность, исполненную нравственных добродетели и христианския любви, делая себе правилом Братскую любовь, которую всяк своему Ближнему оказывать должен.

Тайна каменщиков

Многие собрания каменщиков несумнительно были прежде Христианской Епохи. 1-я степень каменщичества сделалась в преранние времена, имела свой источник в духе Адамовом, нисходила чиста чрез времена пред потопом, преподаема потом была Хамом, истекла от него, под повреждением человеков, не осквернена и не растленна от идолопоклонства, на времена наши, каналом некоторых немногих СЫНОВ ИСТИНЫ, кои пребыли неприкосновенны грехам народов, и сохранила нам чистые и ясные основания купно с первоначальными Символами. Сии древние, просвещенные первобытною истиною, рассеялись по многим государствам и областям; они приглашены к Иудейскому народу, и некоторые из них сопряглись с сим народом. МУДРЫЕ служили в созидании Моисеевой скинии Завета, сделали взаимные обязательства при сооружении Иерусалимского храма и оттуда чаятельно

предприняли странствие в дальние земли, дабы там иметь смотрение над благочестивыми делами. Нынешние каменщикам известные церемонии доказывают, что знаки и приметы Мастерской степени уже во время христианства сделались.

Как же 2-я степень и ея обряды, по создании храма во Иерусалиме, известна сделалась, о том нет показаний.

Наше нравоучение вышло из Пифагорова училища, и система религии Василида снабдила нас положениями, основаниями и гиероглифами.

Каменничество ныне состоит в том, чтоб питать человеческую и братскую любовь.

Об оклеветании стихотворец его Шакеспеар говорит тако.

Человек, похищающий мои деньги, похищает малость, они были мои, теперь они суть его и будут служить еще премногим. Но тот, кто похищает у меня доброе имя, похищает у меня то, что его не обогащает, и делает <меня> подлинно бедным.

Наши употребления относят не к Архитектуре, но суть Емблематические и обозначают моральные, духовные и богочтительные употребления.

Наша древность состоит в наших основаниях, правилах, языке, учености и религии. Мы все сие производим из рая, от Патриархов и от мудрых земли восточныя. Все сие получает большее совершенство под христианским руководством. Наш свет и наши учения проистекают от начала времени, но наши правы и употребления получают свое происхождение от разных времен рая, строения храма Иерусалимского и христианского откровения.

Образ, по коему ложа наша построена, есть образ вселенныя. Первый в нея вход каменщика показывает первое почитание

истинного БОГА. Принятые [паки] нами Египетские Емблемы Солнца и Луны изображают всемогущество Божие, вечность, всеприсутствие и всеблагость.

Мы чрез то показываем, что есмы чада света и что первое основание нашея системы есть познание и почитание ВСЕМОГУЩЕГО, который престол свой имеет посреде небес.

Наш великий праздник совершаем мы в день святого ИОАННА, посреде лета. Мы следственно празднуем в то время года, когда солнце стоит на величайшей своей высоте и в середине произрастительной своей силы. Солнце есть великая Емблема всемогущества Божественного.

Украшение ложи суть такие Емблемы, кои возбуждают нас к добродетели и благим делам. **БЛАГОРАЗУМИЕ** блистает в средоточии, или, принимая сию Емблему относительно к святейшим основаниям, оно представляет блистающую звезду, которая волхвов привела в Вифлием и провозвестила присутствие сына Божия. Она стоит пред нашими очами для того, дабы мы помнили совершать дела блаженства, кое близ есть.

Дабы же в делах наших поступать должным образом и с величайшею бодростию; то **Мозаический пол** показывает нам разнovidную различность и непостоянство вещей человеческих; ибо не должны мы пригвождать своего сердца к вещам сего мира, но собирать наши сокровища там, где ржа не повреждает их сияния, ни тля тлит их.

Чтоб нас защитить и подкрепить в естественных слабостях и привести на стезю должности; то лежит в ложе **КНИГА ИСТИННОГО ПОЗНАНИЯ**.

ПРЯМОУГОЛЬНИКОМ: должны мы измерять честность и согласие нашего поведения.

Наши драгоценности суть емвлемы доброго поведения, добродетельного нрава, который украшает жизнь человеческую.

Различие второго рода Богопочитателей ответствует второму степени каменщичества. Оно сделалось **под Моисеевым законом**, когда истина обнажалась и свободилась <от> заблуждений идолопоклонства.

Геометрия в нашей ложе есть знание, чрез которое человеческому роду открыты и показаны великие силы Божия.

Наша ложа посвящена молчанию; чего ради можем мы в фигурном смысле сказать: “Она лежит в тайных местах, где петел не держит стражи, куда не досязает голос распри, где не слышится вопль и неукротимый гнев жен”.

Состояние Богослужения, когда повредился дом Израилев и явились недостатки в ветхом Законе, требовало примирителя или ходатая за человеков на Земле. В падении, суеверии, обрядовом законе Иудейского Храма лежало сокровенно истинное Богослужение, и невинность была токмо украшением его памятника. Бог воззрел благоутробным оком на жалкое состояние человека, послал к нам вождя и посредника, который принес нам учение возрождения и воздвиг нас от гроба греха. Он научил нас Богоугодному служению, чрез которое бы мы ЕГО ОТЦУ приятны были. Он совершил примирительную жертву и показал человекам воскресение тела и жизнь вечную.

Мастерской степень изображает все сие учение, и христианская жизнь представляется нам чрез Емвлемы.

Мы, каменщики, исповедуем, что есмы странствователи и путешественники от востока.

Бог насадил рай на востоке и положил в нем совершенство человеческого Естества, первого человека, исполненного невинности и божественного познания, чести и украшенного Божиим образом.

Ученость возымела по потопе первое свое шествие от востока. Египтяне изобразили сперва Еклиптику, открыли первые премудрость строителя вселенных в обращении небес, научили первее Знанию Геометрии.

Учение нашего СПАСИТЕЛЯ и христианское откровение проистекло от востока.

Звезда, провозвестившая сына Божия, явилась на востоке.

Слово **восток** употребляли пророки, показуя чрез то СПАСИТЕЛЯ.

ИЗ РЕЧЕЙ И.Г. ШВАРЦА

Иоганн Георг Шварц (1751-1784), ставший в России Иваном Егорьевичем, был духовным вождем русского масонства екатерининской эпохи, всесильным главой таинственного капитула розенкрейцеров. Идеалист и бессребреник, этот таинственный немец, якобы выходец из Трансильвании (осведомленный Ф.В. Ростопчин, впрочем, называл Шварца баварцем, что более походит на правду), обладал большим личным обаянием, даром лекторского красноречия и вдохновенного убеждения, обширными познаниями и смог из домашнего учителя превратиться в самого известного и влиятельного, любимого студентами профессора Московского университета. Надо заметить, что все видные педагоги той эпохи были масонами, и Шварц принадлежал к их числу. Сквозь

его идеализированный портрет масона-подвижника проглядывают деспотические черты сильного характера, неразборчивость в средствах и беспощадность в отношении к «братьям», огромная убежденность в правоте масонской «божественной работы».

Дружба Шварца с Н.И.Новиковым по сути представляла собой уникальный союз идеалиста и прагматика, теоретика и практика и послужила основой для идейной и организационной переориентации русского ордена вольных каменщиков от весьма равнодушной к философским проблемам англо-шведской системы к мистическому немецкому розенкрейцерству и масонскому гнозису. Для этого профессор посетил в 1781 году Берлин и получил там бумаги Теоретического градуса Соломоновых наук и звание верховного главы русских розенкрейцеров - канцлера капитула. Фактически он исполнял обязанности Великого провинциального мастера.

Речи Шварца по сути можно назвать лекциями, читавшимися профессором философии в 1782 или 1783 годах приватно у себя дома, и в то же время они близки к речам мастера стула в ложе, построены по всем правилам религиозно-философского красноречия, являются масонскими проповедями, обращены к молодым единомышленникам. На них воспиталось целое поколение орденских литераторов, от Карамзина и А.Ф. Лабзина до С.С. Боброва. Текст речей И.Г. Шварца сохранился в масонском рукописном сборнике студента Д.И. Дмитриевского (РНБ. Q III. 175. Л. 53-74) и любезно предоставлен нам профессором, доктором философских наук С.В. Аржанухиным. Теперь эти лекции собраны в полезной, но труднодоступной книге: *Шварц И.Г. Лекции. Донецк, 2008.*

И.Г. ШВАРЦ

7 РЕЧЕЙ

Июля 3-го дня.

Человек бывает троякого рода. У иного более владеет дух или, так сказать, голова. У иного - сердечные чувствования и,

так сказать, сердце. У других - сластолюбие или, так сказать, чрево имеет верховную власть. Головные люди бывают горды, самолюбивы, предприимчивы, герои, своенравны, недоверчивы и часто безбожные; сердечные бывают человеколюбивы, милосердны, милостивы, щедры, отцы отечества, благодетели рода человеческого, благоразумны, верные Бога почитатели, суеверы, легковерны, мягкосердечны и проч.; чревоугодники же подвергающиеся всем страстям и как скоты утопающие в пороках.

Июля 24-го дня.

Должно иметь познание живое, а не историческое, не философическое и не математическое, ибо первое последним предпочитается. Живое познание скрывается в сердце, историческое же приобретаем мы распламененным воображением. Живые познания имеют редкие человеки. Человек, так сказать, есть магнит, и магнетизм его есть нрав, следовательно, он или сам что-нибудь привлекает, или от других привлекается. Тот, у которого магнетизм из умственного мира, и познания имеет умственные; он отсюда все привлекает в себя так, как и имеющий духовный магнетизм.

Бывают такие люди, у которых сердце привлекает Божественный Свет. К сему служит несомненная надежда, вера и любовь к ближним. Иные люди привлекают из физического мира, потому что в человеке двоякий разум, духовный и физический. Из химии известно, что в человеке находится соль света. Все те, которые историческим разумом действуют, к высоким и духовным истинам не способны. Должно было создать человека или причастным терпеть зло, или неограниченным. А как неограниченным быть кроме Бога никто не может, то человека необходимо потребно было сотворить ограниченным. Ограниченные же существа все подвержены заблуждениям. Но как человек снабжен естественными законами, коим он повиноваться должен, то мы ошибкам подвержены быть можем не далее, пока зло не престанет нас мучить. *Quae nocent docent** - сим средством человек узнает зло; сим средством человек по Евангельским словам возрождается. Что ж мы созданы свободными, то сия свобода есть по всему для нас величайшее для нас благо, не взирая на злоупотребление оной. Вера не есть историческое познание. Люди имеют одни только познания исторические, ибо они видят одну наружность, а связь и сцепление вещей и истин от глаз их сокрыта.

Живые познания ничем не искоренятся, их истребить невозможно, они вечны и, как вестальский огонь, питаются любовью к Богу, к ближнему, к Отечеству и к самим врагам. Закон Божий для нас есть такая святость, которая не может подвержена никаким историческим изысканиям. Исторические познания суть мертвые познания, они - чужие. Причина, для чего заблуждались Гельвециевы читатели, есть та, что они все, читая его, не размышляли о сочинении его. В противном случае иное бы впоследствии, ибо размышление имеет связь с совестью. При том жизнь свою они вели в роскошах, в одних веселостях, сластолюбии и развлеченных мыслях. Они обладаемы были гордостью, тщеславием и любочестием (что мы называем любочестием, то в самом деле любострастие, ибо, когда кто любит и домогается чести и великого сана, то он угождает своей страсти, но истинный честолюбец любит честь или честность так, что все сего света почести не в состоянии удовлетворить его любочестия), которые препятствуют им взирать надлежащим образом на сокрытые в нем сети и заблуждения. В истинном просвещении должно идти тихими шагами и, прежде всего исследованием самым точнейшим и испытательнейшим; когда место опроверженного суеверия не заступит истинное просвещение, то тут приемлет свое зачатие неверие. Барт - француз, хотя и был богословия доктор, однако был ревностный защитник неверия. Он половину книг Священного Писания называл подложными, половину почитал за испорченных. Но мы, оставя его, признаемся, что Евангельские истины суть истины исполнения, которое исполнение есть бальзам жизни и воспитание духовного человека.

Августа 7-го дня.

Стоики были в свое время православные, эпикурейцы - атеисты. Все философы назывались по имени своих Учителей, или, как ныне называют профессоров, как то: пифагорейцы, пирронники и проч<ие>. Но секты были только вышереченные две. Не должно верить тому, кто какую-нибудь секту начинает или ругать или слишком хвалить. Например, когда кто станет говорить, что стоики были такие люди, кои опорочивали все увеселения и физические удовольствия, тому верить не надлежит. Стоики были строги, а Эпикурейцы - вольнодумцы, каковы многие нынешние философы. В чем же различие между сими двумя сектами? Меж Стоиками и Эпикурейцами при

начале такая разность, как между двумя линиями, кои бы сначала расстояли друг от друга на одну точку, но были бы не параллельны, и потому естли продолжить их на несколько миль, то тогда разность их приметна будет и станет чрезвычайно велика. Главная пружина человечества есть стремление <к> совершенству и блаженству. Эта причина или пружина всех наших действий. В чем же состоит наше совершенство? Стоики отвечали, что высочайшее совершенство и благо наше есть добродетель, а Эпикурейцы говорили, что удовольствие и наслаждение. В чем, говорили они, разумеется добродетель? Стоики говорили: мы любим добродетель как предмет всех наших стремлений, а Эпикурейцы - как средство к достижению блаженства и совершенства. Первые говорили: добродетель приятна для нас в огне, в хижине, на престоле, в мучениях и везде.

Эпикурейцы ж ответствовали: неправда, человечество не согласно с вашими речами; мы люди, итак добродетель почитаем за то, что она ведет нас к блаженству, а не для нее самой, ибо должно быть не человеку, но вышнему какому-нибудь существу, естли любить добродетель равно и в муках, страданиях, печалях и в благоденствии. Из сего малого различия такая произошла разность, какова между святым и вольтерианцем. Несколько материи, имеющей влажность и сухость, собирается в весьма малом количестве, которая, вместив в себя духа, будучи как бы слюна, содержит уже Александров и Петров великих со всеми их дарованиями и чувствованиями. Сия слюна, когда произведет такое тело, кое в состоянии будет сражаться с стихиями, тогда оно выходит на свет, тогда рождается человек. Эпикурейцы говорили: наша жизнь есть наш предмет. Мы сложены из элементов, и хотя в нас есть некая движущая сила и частица Божества, но она возвратится к своему началу, как капля воды в море. И мы должны удовлетворять находящиеся в нас стихии, ибо сохранение и благополучие моего тела есть все мое существо и благополучие, а по разрушению оного мы исчезаем, потому что наш дух, возвратясь к Богу, не составит нас. Он в нас как пружина часов, коя не составляет часов. Стоики ж полагали, что добродетель есть их предмет и что наша жизнь есть пребывание младенца во чреве матернем и как скорлупа, в коей хранится дух, который должен со временем из ней выйти. Истинные Эпикурейцы есть временный добродетельный человек, а Стоик истинный есть истинный и вечный добродетельный человек. Стоики говорили: всякий тот, кто враг мне в рассуждении

скотского мне человека, есть мой друг и благотворитель. Все Стоики перешли в Христианство. Между Стоиками и Христианами одно то различие, что первые о всем заключали по вероятностям, а последние - по вере. Не должно любопытствовать о том, что не открыто ни в религии, ни в чувствованиях.

Эпикурейцы утверждают, что Добродетель есть умеренное, дозволенное и никому не вредное употребление наслаждений, удовольствий, что Бог послал нас наслаждаться и пользоваться сим благополучием, а дабы ты знал умеренность, то просвещайся и чрез то узнаешь. Стоик говорит: дух мой вечен, тело временно, итак, что полезно моему духу, то несравненно превосходнее полезного для тела. Вещи трояки: либо добры, либо злы, либо посредственны. Злы суть те, кои вредят мне вечно, то есть моему духу. Добрые - противные тому. Посредственные суть те, кои приятны одному телу, не касаясь духа.

Он находит в теле две совсем противные склонности: одну - к доброму, другую - ко злу.

Первая, - говорит он, - есть глас Вечного Существа и моего Творца. Итак, я буду убегать всего того, что может хотя несколько заглушать сей глас. Стоики и Христиане великое имеют между собою сходство, но стоическое учение есть человеческое учение, а христианское - Божеское.

Стоики говорят, мы знаем, что мы люди, итак, мы имеем скотские чувствования и духовные. Потому, кто враг моему страстолюбия, сластолюбия, мотовству, сребролюбия, гордости, властолюбия, тиранству, тот и благотель мой; тот благотворит превосходнейшему моему чувствованию, составу, то есть духовному человеку.

Августа 17-го дня.

Бог есть неизвестная причина всех окружающих нас известных действий. Атеистами называем мы тех, которые то Существо, кое сотворило несколько миллионов миллионов других существ, не действует в мире, или и действует, но не самопроизвольно, а принужденно, как, например, пружина в часах, то есть, почитая Его двигательною только силою. Никакой злодей не может вредить никому кроме подобных ему злодеев. Вольтер во всех своих сочинениях учит добродетели, но, имевши нещастие быть воспитану в таком круге, где те, кои

должны были защищать свою религию, ее посрамляли и опорочивали. Вздумал он, что все такие священнослужители - обманщики и плуты, и, вступив в ученый свет еще в малолетстве, заблудился своею остротою и, так сказать, побежав - прошагался. Между философами нет таких людей, каких означает истинное знаменование атеистов. Но, может быть, найдутся такие между одними злодеями. Всего основанием есть добродетель, даже и в разбойническом обществе она основанием. Доводом сему служат римляне.

Имена не делают ничего в рассуждении вещей. Раввин у евреев был то, [что] у нас, напри<мер>: доктор богословия или медицины и пр<очие>. Химик тот, который может сделать летящее (volatile) неподвижным (fixum) и обратно. Источник Стоиков и Эпикурейцев один. Обе сии секты имеют своим начальником и отцом Пифагора. Пифагорова секта разделилась на Ионическую школу и Итальянскую. Каким же образом от одного учителя произошли столь противные секты? Пифагор ввел Египетскую философию, коей система состояла в том, чтоб вникнуть в природу, познавать самого себя. И оттуда восходить к познанию Творца. И так, он сперва учил химии**, то есть познанию природы, а потом метафизике, то есть науке о духах.

Те, которые научились только химии, рассуждали более по материи, а те, которые знали и то, и сие - были мужи в науках и рассуждали о вещах, по их приличествованию. Платон также Пифагоров последователь. Он говорит, что человек сотворен для получения высочайшего блага; стремление к высочайшему благу есть у нас, так сказать, инстинкт. Инстинкт есть врожденное внутреннее побуждение, полученное правление (directio) к нашему определению. Птицы - воздушные рыбы, а мы - раки воздушные ж. Стихии производят или составляют все тела и явления. Мы имеем либо одно чувство осязания или дотрагивание, либо семь, ибо алчба и жажда также чувства. Существа разных классов и существа одного класса не может рассуждать о существах другого класса. Как в оптике разные находятся стекла: иные увеличивают, иные уменьшают, иные в другом виде вещь представляют, иные же вещь представляют совсем другого цвета***, - так равно и всемирный Творец всякому классу существ даровал особое стекло, и, например, чего мы не видим, не знаем и не чувствуем, то знает, видит другого рода существо, напри<имер>: паук и пр<очие>.

Посему, как можем мы рассуждать о чувствованиях другого класса существ, когда мы оных не знаем и сами не чувствовали? Как можно говорить, что паук делает столь искусно свою

паутину, когда мы сами не пауки и не бывали ими? Нет, существо одного класса не может судить о существах другого класса.

Бог человеческому разуму непостижим. Бог сообщил с собою человека столь близко, сколь он нести может, когда ж Бога мы познать не можем, то понимать Его мы будем, хотя в Его начертаниях и, так сказать, портретах. Начертание есть Священное Писание, а изображения или портреты суть духи. Сии изображения так, как картины, разным образом на Него походят. Иные - ближе, другие ж - очень мало соседствуют. Мы сходство познавать будем не иначе, как пьяные судят о картинах, ибо во время их пьянства, что им ни покажи: картин ли славного какого живописца или намаранное и изгаженное безобразие, - они столько же найдут красот в одном, сколько и в другом. До тех пор, пока такое наше пьянство не пройдет, пока хмель парами не выйдет, пока мы не отрезвимся отвержением гордости, скупости, властолюбия, братоненавидения и прочих гнусных и мерзких пороков, чрез такое, так сказать, образумление мы начинаем издали сперва примечать различие сих изображений. Но потом познанием природы, познанием духов, подходя ближе, начинаем вдаль простираť свое рассматривание и находим час от часу больше разнствия.

Августа 24-го дня.

Причины, для коих хотели мы здесь показать различие между Эпикурейцами и Стоиками, были единственно те, что их почти все разделяли на две различные и совсем противные между собой части. Иные, как то небезызвестно, стоиков называли бесчеловечными, зверствами и жестокосердными, отдаленными всякого человечества. Другие, напротив, тогда почитали Эпикурейцев сластолюбивыми, порочными и незаконными. Итак, мы положили: оба ли сии мнения ложны или одно которое нибудь справедливо, что можно будет видеть, как из вышесказанного, так и последующего.

Повторим опять, что думали о человеке Стоики и что - Эпикурейцы. Первые полагали, что человек есть дух и что тело есть как бы дом, как бы скорлупа оного и что он соединен с материею для очищения от своего погрешения. Последние проповедали, что человек есть материя, дошедшая до высочайшего степени совершенства. Стоики, утверждая противное, советовали всегда размышлять, ибо, говорили они, хотя бы ты несколько тысяч раз заблуждался и погрешал в своих

размышлениях, но всегда чрез то отличаешься от скота, все делаешь нескотское, духовное и со временем привыкнешь находить в своих помышлениях истину.

Краткое положение, каковы суть у Стоиков, есть такое семя, которое имеет, так сказать, магнетизм, или привлекательную способность, которое возрастает обхождением с хорошими просвещенными учеными людьми и также опытами.

Эпиктетовых мнений начало

Все вещи либо в нашей власти, либо не в нашей. В нашей воле: 1-е, мысли или мнения; 2-е, склонности; 3-е, желание; 4-е, отвращение. Словом, все то, чего мы сами деятели. Эпикурейцы вопреки говорили, что мы ни в чем не виновны и что все наши как добрые, так и порочные дела зависят от провидения.

Предмет стоического учения состоит в том, что<бы> духу нашему, заключенному в тело как бы в темницу, возвратить прежнюю свободу и освободить от владения материи.

Бога называли они благом, и стремиться к совершенному благу значило у них стремиться к Богу. Они представляли Его как бы единицу, которая одна есть истинно целое и которая составляет все прочие цифры, кои происхождение свое заимствуют от нее. Благо или Высочайшее Существо, - думали они, - сотворило духов трех рядов: 1-х, совершенно добрых, коим они давали название Богов, и вот что были у них сии Боги в прямом смысле; 2-х, стремящихся к добру; 3-х, свободных, то есть таких, кои могли творить и добро, и зло.

NB. Они делили духов на пять классов: 1 класс занимал один Бог или, как они называли, совершенное благо, источник всех благ; 2 - духи, непосредственно от Бога происходящие и совершенно добрые; они давали им имя Богов; 3 - духи, всегда стремящиеся к добру, коих предмет есть добродетель, то есть их герои и полубоги; они сотворены Богами второго класса; 4 - духи, которые имеют склонность и к добру, и ко злу, которые в выборе переменчивы, свободны и могут творить и добро, и зло, как-то - души человеческие; 5 - те души, которые материальным<и> своим<и> силами и качествами движутся.

Из сих, говорили они, иные уже избрали добро, другие - еще лишь начинали, третьи - так сказать, колебались и делали и добро, и зло. В сей последний класс полагали они человека, которому высочайшее благо даровали возможность, переходить из нижнего в верхний класс, ибо они рассуждали, что

совершенное - не совершенство и благо - зла сотворить не могло. Совершенного злодея злодей токмо исправить может.

Болезни есть причина порока. Человек в своем теле властен, потому что он, будучи с телом, может содержать его в своем подданстве и так быть истинным духом. Мнение так же в нашей власти, как и рассуждение о вещах, ибо судить о сих вещах зависит от нас. Эпикурейцы представляли себе, что материя может чувствовать и доходить в своих чувствованиях до совершенства, как, например, материя в Пифагоре была в великом совершенстве. Она имеет также свои способности, чувство и возвышения. То есть *ab infectis ad herbam, herba ad animalia*****.

Эпикурейцы говорили, что человек в совершенство приходит чрез обстоятельства, но Провидение не может никого оставить в таком плачевном состоянии, о каком твердит Эпикур.

Главнейшие страсти, от которых прочие рождаются, суть гордость, сладострастие и сребролюбие.

Гордость живет в голове, скупость в сердце и сладострастие в животе, то есть в нижних частях чрева.

Вся наша жизнь есть стремление к соединению с чем-нибудь, ибо, как мы выше сего сказали, мы либо сами привлекаемся от других вещей, либо их к себе привлекаем. Сие соединение бывает разного рода, например, соединение с наукою, знанием, другом, женою и прочие.

Между новыми моралистами Томазий вместил в свои сочинения лучше всех древних стоиков.

Диоген с фонарем значит гордеца, который, презирая всех, кроме себя, ищет, так сказать, человека.

Августа 31-го дня.

Все почти почитают богатство благом, естли не языком, то практикою.

Один автор натуральной истории говорит, что лев есть кошка, только сил имеет, а другой - говорит: когда так, то завоеватель точно будет такая же кошка против разбойника, каков лев против кошки.

Ложное учение имеет на своей стороне всех заблуждающихся и согрешающих, а потому и бывает по большей части в большей знатности и славе, нежели истина.

Честолюбивый иногда хуже бывает пьяницы, потому что часто бывает трезвым, но тот - никогда.

Мы соглашаемся, что в том блаженства нет, в чем можно найти огорчение, оскорбление и досаду. Но сего найти не можно ни в богатстве, ни в чести, ни в славе, ни в чем плотском, следовательно, ни в чем плотском блаженства мы не найдем.

Иные философы думают найти блаженство в дружбе, но обманываются, ибо истинно дружество есть, так сказать, гармония между двумя музыкальными инструментами, которые чем согласнее, тем дружество теснее бывает.

Сколь различны наши свойства, столь велико различие между нашими совершенствами.

Мы не можем быть истинными друзьями тому, кого слишком уважаем, ибо мы от такого всегда будем скрываться, чтобы показаться ему лучшими, но дружба требует не сокровения, но открытия. С низшими себя дружить мы не можем затем, что они станут поступать с нами так, как выше его сказано, хотя бы мы и ни в сем их не унижали. Итак, дружба не может как только между равными, но равных совершенно между собою двух найти не можно, ибо положим, что мы найдем себе весьма близких с нами сходств подобных, положим, что они имеют почти все склонности, с нашими сходные. Однако, когда, так сказать, заиграть на тех струнах, коими от них разнствуем, напр<имер>: когда друг будет играть на "А", а ты - на "Г", то дружба тот час прекратится непримиримою враждой.

Сего не должно разуметь о Христианах, которых Дух Святой осенил. В них-то можно сыскать откровенного друга и утешителя, но где найти истинного христианина, который бы прямо мерзость свою знал и в том признавался?

Иные философы думали найти блаженства в свободе, то есть, чтобы ни от кого не зависеть и никому не быть обязанным.

Кто из чтения практических наук или какому искусству хочет научиться, тот ошибается, думая чрез то испытать в оной истину.

Наружная независимость никоим образом свободы произвести не может.

Еще иные философы утверждали, что блаженство состоит в добром здравии.

Здоровье быть продолжительным не может без знания, каким образом оно охранять. Но можем ли мы навсегда предостеречь себя от повреждения? Да, хотя бы и могли, то испорченная наша воля нередко нас к тому не допускает. Не часто ли, зная вредность чего-нибудь, несмотря на то, мы оно употребляем.

При том примечено уже, что в здоровом человеке не может быть здравый разум и дух. Он не способен к чувствованиям, напри<мер>: соболезнования, сострадания и прочим нежностям. Он также не способен к просвещению. А когда так, то, кажется, лучше согласиться быть нездоровым, нежели утопать в невежестве и не знать должности своей, ни самого себя, ни духовного совершенства и прочее. Находим мы в истории и такие примеры, что некоторые люди проводжали долговременную и здоровую жизнь, но были ли они благополучными и во всем блаженны? Нет, сего от них никто не слышал.

Еще другие говорили, что блаженство состоит в мудрости. Но и сие не совсем справедливо. Мудрость знает всю суету богатства, честь славы и пр<очее>, однако их уважает и часто против воли своей.

Когда же он видит зло, то может ли быть довольным, особливо ежели он от него не отвращается, или и способности к отвращению оного не имеет? Может ли он быть благополучным и способным, когда, увидя чрез мудрость свою все злости, не в силах их отворотить? К тому же, как он должен знать самого себя, может ли быть счастливым, видя в самом себе злости, пороки и злодеяния?

* Что мучит, то учит (*лат.*).

** Химия, ныне употребляемая в превратном смысле, и большая ее часть в нынешние времена называется физикою. *Прим. авт.*

*** В природе нет ни красных, ни белых, ни синих, ни иных каких цветов, но представления такие в них происходят от сотрясения в наших глазах или преломления лучей. *Прим. авт.*

**** От несовершенного к траве, от травы к животным (*лат.*).

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР ИЗ ЖИЗНИ ГЕНРИХА ШТИЛЛИНГА

Мистические книги немецкого философа и писателя Иоганна Генриха Юнга-Штиллинга (1740-1817) часто переводились русскими масонами, особенно много сделал для этого А.Ф.

Лабзин. В масонском собрании, восходящем к архиву "материнской" ложи Астреи, имеется рукопись оды, посвященной Штиллингу и, возможно, написанной Лабзиным. Поскольку это характерный образец орденой духовной поэзии, связанный с биографией известного немецкого мистика, публикуем оду "Из жизни Генриха Штиллинга" по рукописи (ИРЛИ. Р. I. Оп. 44. Ед. хр. 22. Л. 1-3об.).

Седящий на престоле вечном
И весящий судьбы миров,
Превознесенный венценосец!
Во тме бесчисленных существ,
Блистая светом седмьричным
И оглашаемый хвалою
Тебе служащих серафимов!
Не презри брэнна праха песнь!

Внемли, земля! услыши, небо!
Престаньте, громаы, оглушать!
Да песнь моя всем внятна будет,
Котору я воспеть хощу.
Певцы при море злато-стклянном!
Снабдите гусями меня,
Да моего вождя прославлю!
Да взыдет песнь моя к нему.

Неизреченная, благая
Стихия жизни моея,
Любовь! зри, как чистейшим жаром
К тебе душа моя горит!
Я был ничто, ничто во прахе,
Но ты меня в свои избрал;
Крестом моя созрела Вера,
И Сердце обрело тебя.

Став чудо твоего веденья,
Свидетель истины твоей,
Глашу я в Сердце сокрушенном:
Тебе живу, тебе умру!
Хощу твою поведать милость,
Дай силу, Боже! мне к тому!
Ничто меня да не разлучит
С тобой - Тебе подобен кто?

Податель всех благих даяний!
Ты в низкой хижине меня,
Простого сына земледельца,
Обрел и принял в свой покров:
Внял матери моей стенаньям,
Внушил моления отца,
Изрек всемошное "да будет!" -
И дух и силу вдуул мне.

Исчел, измерил и извесил
Страданий меру, дней число,
Которыми от колыбели
До гроба провождаюсь я;
И в мудрости моей оттоле
Предначертал мой чудный ход,
И проложил мне издалече
Путь в дальнем странствии моем.

Послал Вождя мне от Престола,
Да он стези мои блюдет:
Сей Ангел, сняв венец, в смиреньи
Сокрыл свой свет, пришел ко мне;
Казалось, жалости не ведал
И сострадания не знал:
Но, может быть, он тот, кто миру
Твой суд в день оный возвестит.

Он вел меня в цветущих летах
Со всею верностью к тебе,
И я притрепетной стопою
Ступал за манием его;
То шел страной суровой, дикой,
По тернам язвленной ногой;
То по крутым скалам, утесам,
Висел над пропастью во тьме.

Нередко тусклое мерцанье
Казалось мне концом пути;
Я напрягался, в мыслях чая,
Что цели я моей достиг;
Но вдруг водитель мой жестокий
Сей путь отрадный препинал

И снова по скалам кремнистым
К крутым утесам приводил.

Во всех путях моя жизнь
Тесним был бременем долгов;
Казалось, воздух весь отравлен,
И я заразою дышал:
Ни ветерок когда прохладной
Усталых сил не освежал,
Ни рощи не давали тени,
И я убежища не зрел.

Так жизнь мою влачил я бедно,
Блуждая в кривизнах путей:
Но вдруг блеснул твой свет и Милость,
И время спало все с меня!
Водитель мой, рукою сильной
Сняв иго то с моих рамен,
Со взором кротким, благостынным,
Поверг его в глубокий дол.

Я ощутил отраду, бодрость,
Но все еще шел в темноте,
Как, наконец, заря богряна
Предвозвестила дня приход.
Пришел, настал день светозарный,
И се уже близь цели я!
Исчезли страхи и сомненья,
И возгремела песнь моя.

Совосплещите мне здесь долу,
Певцы превыспренных кругов,
Доколь не вознесусь к престолу
На Агний Брак Царя Миров,
И с вами там, в венце победном,
Я буду вечного гласить; -
И мой Водитель, Доброй, Верной,
Меня улыбкой оживит.

Дотоле Божий мир и крепость
Да пролиется в Сердце мне,
И все шаги мои направит
К живущему на небесах!

Теперь хочу я к жатве сеять: -
Ты, мой Водитель, научи!
Благослови плодом сторичным
Земного странника посев!

Несусь на крыльях Херувима
К престолу Вышнему сейчас
И с сладким гласом серафима
Мешаю мой хвалебный глас.
Я прах, я персть земли, и всюду
Ношу я грех и смерть всего:
И я же серафимом буду,
Иисус мой умер для того.
Хвала не слово, но деянье,
Показанный пример Христом,
Всевышнему благоуханье
Есть Сердце твердо под Крестом.
Хвалой моей да будет вечно
Преданность воли моя!
Сверша желание сердечно:
"Тебе да буду верен я!"

ИЗ МАСОНСКОЙ АПОКАЛИПТИКИ

Идея Златого века в масонской мифологии неизбежно была связана с мыслью о расплате за греховность несовершенного «ветхого человека» и неизбежную ущербность его мира и истории. Мысль эта рождала сильную и оригинальную апокалиптику, появившуюся не только в романах, но и в поэзии. Ясно, что главный жанр, поэтическую идею орденских стихотворцев выразивший, - это масонская «ода духовная», вместившая в себя хвалу Богу и впечатляющую картину Страшного Суда, ждущего несовершенное человечество. Недавно Г.А. Давыдовым найдено и опубликовано такое стихотворение М.М. Хераскова, где с великолепной силой и выразительностью орденского оратора логи соединены две великие идеи, питавшие масонскую философию и литературу. Это достойное завершение исканий Сумарокова, Майкова, Ключарева, Державина и самого Хераскова, открывающее новую дорогу для Пушкина, написавшего свою разительную, потрясшую поэта-масона Рылеева картину Страшного Суда в «Подражаниях Корану».

М.М. Херасков
Стихи на Страшный Суд

Куды возносится в сей день душа моя!
 Откуда огненный сей луч? Что вижу я!
 С превыспренных небес сквозь облаков стремится.
 Какой я слышу гром! и солнце мраком тмится;
 Се час ужаснейший, последний свету час,
 В которой наш Творец судить всех будет нас.
 Какой повсюду вопль, отчаяние, стоны!
 Но тщетно все сие, паденью нет препоны.
 Внемлите глас вы мой, вельможи и народ,
 Страхись сего часа, несчастный смертных род,
 Да беззаконники вострепещут, устрашатся,
 Да праведные днесь в восторге веселятся,
 Я возвещаю вам надежду, радость, страх,
 Герои, славные победами в войнах,
 Вы узрите... увы!.. час страшный наступает.
 Гром умножается и молния сверкает.
 Землетрясенье зрю, вершины гор падут⁷,
 Дождь огненный лиет, и ветры все ревут,
 Моря до облаков пенисты волны мещут,
 В раскаянии днесь все смертные трепещут.
 Но поздно; более не внемлет им Творец.
 За добродетели Господь воздаст венец,
 Но злодеяния накажет без сомненья,
 Нет, беззаконники! не будет вам прощенья.
 Что Бог определил, то долженствует быть.
 Бог справедлив... и так не может пременить.
 О страх! что вижу я? стихии все смешенны.
 Все гибнет... рушится... моря окровавленны...¹⁰
 Увы! свершилось все, не зрю я ничего,
 Кроме ужасного пространства одного.
 О Победители! Вы, кои столь алкали
 Кровь ближних проливать и славы в том искали.
 И вы, писатели! где ваша слава, честь?
 Какую почесть вы старались приобрести?
 За суетой гонясь, вы время лишь теряли.
 Чего желали вы, и сами то не знали.
 Но тот, который нас из праха сотворил,
 Тот, кто в ничтожество вселенну превратил,
 Явился... и велел он паки быть вселенной.
 Велел... и словом сим явился мир сей тленной,

Сокрылись пропасти под твердою землей,
Умолк ужасный гром, нет огненных дождей.
Моря вошли в брега, и солнце возсияло,
Явился Бог... и все вид прежний восприяло.
Какия чудеса! в творениях мы зрим!
Сколь Ты, о Господи! велик, непостижим!
Все в совершенстве здесь устроено Тобою;
За осенью зима, и лето за весною,
Час идет за часом, за ночью идет свет,
И все в вселенной сей порядочно течет,
Во всем мы Бога зрим, Тебя нам все являет.
Тебя, о Боже мой! все в мире прославляет.
Днесь был сей свет ничто, Ты паки сотворил;
И встать нам повелел, из мертвых воскресил;
Явился Ты и рек: возстаньте предо Мною.
Разверзлись гробы все и смертны пред Тобою.
Какое зрелище! там смертным несть конца,
Здесь правосудного и щедрого Творца
Я на престоле зрю средь ангелов сидяща,
В священнейшей руке гром молнию держаща.
О вы! что крепкими умами все зовут,
Вы! кои с дерзостью, чтя ложным Страшный Суд
И Будущую жизнь, в злодействах утопали,
О вольнодумцы! вы пред кем теперь предстали?
Злощастные умы! Хотя в глубокой тьме,
Вы заблуждались всегда в своем уме,
Священны таинства столь дерзко отвергая,
Ругались оными, совсем не понимая.
Всяк смертный смертному стал виден наконец.
Престал днесь презирать смиренного гордец,
Тиран жестокостей теперь лишь стал стыдиться,
Открыты души всех, нет места им сокрыться.
Твое присутствие, мой Боже! привело
В стыд беззаконников и страх им навело,
Я слышу стоны их: о Небеса! Губите,
Почто вы медлите? Почто вы не разите?
И стрелы громовы, <o?> Боже, не держи,
Коль хочешь наказать, скорее накажи.
Откройтесь, пропасти, и нас вы поглотите,
Ты, буйный океан, и вы, моря, топите.
Отверзи, Боже, нам дверь ада и впусти
Или несчастнейших в последний раз прости.
Бог даст на то ответ, для нас понять он труден.

Всевышний милосерд, но также правосуден;
 Такое торжество в противной стороне!
 Какое пение днесь стало слышно мне
 От тех, которые святой надеждой льстятся
 По слову Божию блаженством наслаждаться.
 Тот щастлив Государь, которой кроток был,
 И подданных своих как чад отец любил,
 Его и в жизни сей дела не умирают,
 Над вечностью они сто крат светлей блистают.
 Екатерина, Петр, владетели сердец,
 Се участь, кою вам определил Творец.
 Но злополучен тот вельможа горделивый,
 Политик варварской, судья несправедливый,
 Кто вверенных ему тиранством истреблял.
 Злодей! сколь от вас род смертных пострадал.
 Какая польза вам? какой вы мзды хотели?
 В живых спокойствия, ни славы не имели
 По смерти; история потомству предала
 На суд злодейску жизнь и ваши все дела.
 Воскреснув, Богом вы навеки осужденны
 Страдать и мучиться во пропасти Геенны.
 Но что я зрю? куда преступник сей идет?
 Се гнусный лицемер; ему противен свет,
 Нет маски у него, он стал людей стыдиться,
 Он ищет, но вотще, убежища сокрыться,
 Не скроет днесь никто души ниже лица.
 Но ах! Я слышу глас всевышнего Творца:
 Откройся грешным ад, тебе повелеваю,
 А праведникам Рай, где Сам я обитаю.
 Се будущая нам все смертные судьба.
 При сем решении какой стон, крик, мольба!
 Но тщетно к небесам днесь вопли возсылают,
 Оне разгневаны и больше не прощают,
 Отверзся праведным едемский вертоград!
 А беззаконникам ужасный мрачный ад,
 В которой, вижу я, стремится сребролюбец,
 Скупой, завидливый, клеветник, сластолюбец,
 Богохулитель, тать, смертоубийца, льстец,
 Неблагодарный, лжец, прелюбодей, хитрец,
 Изменник, лицемер, судья несправедливый,
 Безжалостный тиран, безбожник горделивый,
 И всяк низвержен в ад порочный человек,
 Но добродетельный в раю пребудет в век.

(1792?)

**К БИОГРАФИЯМ А.Ф. ЛАБЗИНА, К.Н. БАТЮШКОВА,
М.Н. ЗАГОСКИНА И К.П. БРЮЛЛОВА**

Подписка о неучастии в масонских ложах и других тайных обществах, отбирившаяся в 1822 г. у всех военных и чиновников согласно Императорскому указу, показала, как глубоко проник в жизнь русского образованного общества таинственный и влиятельный орден вольных каменщиков. Вместе с тем эта подписка дала новый и интересный фактический материал для биографий многих замечательных людей, разъяснила не понятное дотоле движение судеб, стремительных возвышений и падений, головокружительных карьер.

Собственноручно, как того требовал императорский указ, составил свои показания Александр Федорович Лабзин (1766-1825), питомец И.Г. Шварца и Н.И. Новикова, масон высоких степеней, талантливый переводчик мистических книг и издатель журнала "Сионский вестник". Ему было в чем признаваться: Лабзин с 15 лет находился в масонской среде, в 1783 г. принят в орден вольных каменщиков, благополучно пережил его разгром Императрицей Екатериной II, при Павле I тоже процветал, сделавшись историографом Мальтийского ордена, 15 января 1800 г. основал свою ложу "Умиравший сфинкс" и стал ее великим мастером, пригласив к масонским работам прощенного Новикова, М.Я. Мудрова, О.А. Поздеева, А.Л. Витберга, Д.П. Рунича, Филарета (Дроздова), В.Л. Боровиковского и князя Г.П. Гагарина. Он возродил в царствование Александра I масонское движение и книгоиздательское дело Новикова, участвовал

вместе с А.Н. Голицыным и митрополитом Филаретом в создании промасонского Библейского общества, способствовал распространению в образованном сословии просвещенного мистицизма. Влияние писателя в ордене вольных каменщиков было огромно.

Эта деятельность А.Ф.Лабзина была слишком хорошо известна правительству, он это знал, и потому осторожные признания умного, скрытного и властолюбивого масона превратились в мемуары. Уже испытавший гонения и запрещение "Сионского вестника", Лабзин стремился оправдаться. Он словно предчувствовал, что уже в октябре 1822 г. за дерзкий и остроумный отзыв о влиятельных вельможах его отправят в отставку с поста вице-президента Императорской Академии художеств, вышлют из Санкт-Петербурга в город Сенгилей, а затем в Симбирск, где опальный, разоренный и больной Лабзин, пользовавшийся глубоким уважением и помощью местных братьев-масонов из ложи "Ключ к Добродетели", скончался и был похоронен в Покровском монастыре. Монастырь и могила писателя-масона уничтожены в советское время.

Новонайденный автограф поэта Константина Николаевича Батюшкова (1787-1855) относится к трагическому и малоизученному периоду его жизни*. В 1822 г. поэт, почувствовав приближение новых приступов "черной меланхолии", неожиданно вернулся из Германии в Петербург, оттуда тайно уехал в Симферополь, к знаменитому психиатру Ф.-В. Мюльгаузену. В Крыму его настиг Императорский указ о запрещении масонских лож.

Уже находившийся в "бессрочном отпуске" дипломат Батюшков числился по Министерству иностранных дел, но помог оформить необходимую подписку о неучастии в ложах не его министр К.В. Нессельроде, а давний друг и покровитель, директор Императорской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге А.Н. Оленин, чей заверяющий автограф имеется на свидетельстве поэта.

Подписки К.Н. Батюшкова и А.Ф. Лабзина хранятся в Отделе письменных источников Гос.Исторического музея (Ф. 83. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 46, 48-48об.).

В списках элитной петербургской масонской ложи Избранного Михаила рядом с именами барона А.А. Дельвига, Н.И. Греча, В.К. Кюхельбекера, Н.А. Бестужева, Ф.П. Толстого стоят имена известного исторического романиста и драматурга Михаила Николаевича Загоскина (1789-1852) и выдающегося живописца Карла Павловича Брюллова (1799-1852). После закрытия по Императорскому указу масонских лож Брюллов и Загоскин представили начальству собственноручные подписки, которые мы публикуем по хранящимся в Государственном архиве РФ автографам (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 229. Ед. хр. 30. Л. 14, 158). В тайных списках Избранного Михаила Карл Брюллов числится как «Брюлло, художник четырнадцатого класса», а слова Загоскина о закрытии им ложи свидетельствуют о том, что писатель был тогда мастером стула или наместным мастером.

* См.: Кошелев В.А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. М., 1987.

<1>

Министерство Духовных дел и Народного Просвещения

Департамент Народного Просвещения

Императорская Академия Художеств

Августа 23 дня 1822 года.

Я, нижеподписавшийся, объявляю, что я принадлежал к ложе так в просторечии называемых Новиковских братьев Масонов в Москве, которая не только давно упразднилась, но и из членов, ее составлявших, едва ли кто остается уже в живых. По возобновлении же лож здесь в Петербурге я был Почетным Членом двух лож, состоявших под ведением большой Ложи Астреи: Немецкой, Александра, коронованного Пеликана, и Русской, Российского Орла, также для братьев, не любящих шумных собраний и хвастовства, по праву, которое мне приобретенные в Масонском Ордене степени давали, держал особую независимую Ложу Умирающего Сфинкса, которая и самому Его Императорскому Величеству была известна. Ибо когда по некоему возникшему сумнению 5-го декабря прошлого 1821 года г<осподин> Обер-полицмейстер с г<оспода>ми Полицмейстерами и частным приставом делали осмотр в квартире, которая нанималась для Ложи, и в оной некоторые вещи запечатали и найденные тамо бумаги были ими взяты: то на другой же день по утру прислан ко мне был полицмейстер г<осподин> полковник <М.Ф.>Чихачов, который, извинясь в причиненной нам вчерашнего дня тревоге, взятые из Ложи бумаги мне возвратил и предложил свою готовность снять и наложенные на некоторые вещи печати, что в то же утро и исполнил, уверяя, что мы можем несумненно и беспрепятственно продолжать наше доброе дело. Вследствие

чего по вступлении опять в нашу Ложу мы единогласно положили: праздновать ежегодно день рождения Его Императорского Величества, хотя бы по времени и другой Государь сидел на Российском престоле, яко истинного Благодетеля и высокого Покровителя нашего.

Но, несмотря на все поданные мне уверения в безопасности, мысль о прекращении Масонских работ, как бы по предчувствию некоему, от меня не отставала, и 28 еще Апреля я Ложу свою закрыл; а как теперь и все другие, вследствие Высочайшего повеления, также уже закрыты: то я ни к какой Ложе более и не принадлежу; к другим же тайным обществам, ни внутри, ни вне Отечества нашего никогда я не принадлежал. И как и по Масонским, равно как и по Христианским правилам одна из первейших должностей каждого есть повиновение законной власти: то на основании последовавшего ныне Высочайшего повеления обязуюсь отныне впредь ни сей ложе и никаким другим ложам или тайным обществам, как в Империи, так и вне ея находиться могущим, не принадлежать и никаких сношений с ними не иметь.

Императорской Академии Художеств вице-Президент

Действительный Статской Советник и кавалер

Александр Лабзин

<2>

К № 185

15 генваря 1823 <г.>

Я, нижеподписавшийся, объявляю, что я не принадлежал и не принадлежу ни к каким ложам масонским, ниже иным тайным обществам внутри Империи, или вне Ея существовать могущим, и что я и впредь принадлежать оным не буду.

Почетный Библиотекарь Надворный Советник Батюшков

Симферополь

Декабря 20.

1822.

Сия подписка дана собственною рукою Почетного Библиотекаря Императорской Публичной библиотеки Надворного Советника Батюшкова: в чем свидетельствую.

Директор оной Библиотеки:

А. Оленин

<3>

Я нижеподписавшийся бывший член ложи Избранного Михаила, здесь в С<анкт>-Петербурге существовавшей, дал сию подписку в том, что впредь ни к какой масонской ложе или к другому какому-либо тайному обществу, ни в России, ни вне оной принадлежать или же составлять ложу и другое какое-либо общество не буду.

Карл Брюллов

15-го августа 1822-го года

<4>

Я, нижеподписавшийся, объявляю, что принадлежал к ложе масонов "Михаил Избранный" в С<анкт>-Петербурге; но более уже пяти лет, по собственному желанию моему, закрыл оную, и обязуюсь, что на основании последовавшего ныне Высочайшего Повеления и впредь ни к какой ложе, или тайным обществам, в Империи и вне ее находиться могущих, не принадлежать и никаких сношений с ними не иметь. Служащий в числе чиновников, находящихся по особенным поручениям при

Московском господине военном генерал-губернаторе <Д.В. Голицыне>- титулярный советник и кавалер Михайла Николаев сын Загоскин.

21 сентября 1822 года

ТРАКТАТ Ф.П. КЛЮЧАРЕВА

Талантливый русский поэт Федор Петрович Ключарев (1751-1822) с начала 80-х годов XVIII века принадлежал к ордену вольных каменщиков, писал масонские гимны и оды, а его религиозно-философская поэма «Воплощение Мессии», ходившая в списках среди масонов и опубликованная в 1801 году, была, по всей видимости, пародирована юным А.С. Пушкиным в «Гавриилиаде». Ключарев, по свидетельству его заклятого врага Ф.В. Ростопчина, происходил из крепостных крестьян графов Шереметевых, был лакеем, с помощью масонов Д.П. Трощинского, З.Г. Чернышева и И.Б. Пестеля поступил на военную службу, получил офицерский чин и личное дворянство, затем назначен московским губернским прокурором, после неприятностей по службе перешел в почтовое ведомство и с 1801 года стал московским почт-директором, дослужился до высокого чина действительного тайного советника. Будучи мастером стула в ложе «Св. Моисея», поэт занимал видное место в иерархии возрожденного русского масонства Александровской эпохи.

Помимо поэтических произведений Ф.П. Ключарев писал философскую прозу. Его университетский профессор и высший начальник по масонскому ордену И.Г. Шварц в одной из своих «приватных» лекций как бы обозначил тему для сочинения своего студента, сказав: «Когда мы в уединении, занимаемся сами собою, когда входим внутрь себя, тогда небесные силы в нас умножаются, и тогда видим мы духовного своего человека»*. В числе главных масонских добродетелей было молчание, ему посвящена ложа, где должна была царить тишина. На склоне лет Ключарев написал на эту тему «трактатец» «О тишине» (1819), по всей видимости, зачитанный в ложе как речь мастера стула и отразивший эзотерические идеи масонской мистики и питавшего ее византийского исихазма. Текст трактата публикуется по известному масонскому

* Шварц И.Г. Из лекций. С. 84-85.

рукописному «Комынинскому сборнику» из собрания В.С. Арсеньева (РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 564. Л. 19).

Ф.П. КЛЮЧАРЕВ

О ТИШИНЕ

Тишина и покой суть одно: покой не бывает без тишины и тишина без покоя.

Она есть цель и конец всяких работ.

Всякий утомленный работой ищет тишины и покоя.

Цену тишины знают токмо работники, но ленивцы не знают.

Тишина приходит поздно, 6 дней должно делать, дабы в день успокоения иметь довольное воздаяние: дабы приобрести истинную тишину, яко спутницу свободы, должно: во все пять бдений прилежно трудиться. - Молчание любить тишину научает и верную соблюдать скромность, о ней стараться, а не обманывать себя леностию, не-действием, не почитать сие за тишину, ибо тишина есть собранная и в силу приведенная жизнь, напротив, бесчувственная лень есть путь к хладной смерти.

Мирские мудрецы полагают покой и тишину в недействии; но они там ее ищут, где она никогда не бывала, ибо что не действует, то есть мертво, а что мертво, то покоя не ощущает.

Нет - тишина жизни полна, и вся жизнь. - Она не бывает познаваема никем, кроме того, кто ее имеет; рассуждать об ней мы можем токмо исторически, ибо еще не имеем ее, а должны ею, яко началом будущия награды, ободрить к работе. - Отвергнем хладное недействие; будем работать с огнем усердия. - Тогда может произойти в нас начало того, что ищем - ♀ - золотая руда, ∇ - перламутр, ♀ - роса, Δ - зарница.

МАСОНСКИЕ ОДЫ П.И. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА И Н.Ф. ОСТОЛОПОВА

Русская масонская поэзия XVIII - начала XIX веков, как и вся литература ордена вольных каменщиков, многослойна, зашифрована, пронизана сложной орденой символикой, служит целям этого тайного общества. Большинство произведений поэтов-масонов относилось к вполне цензурной, дозволенной литературе и публиковалось в журналах, альманахах и авторских сборниках. Но существовала и чисто ритуальная поэзия, использовавшаяся при орденовых обрядах

(например, в праздничных и траурных ложах, в виде речей мастера стула и т. п.) и для печати не предназначенная. Такие сокровенные стихотворения в основном принадлежали к жанру "духовной", или философической оды, составляли тайну ордена, часть его "сокровищ" и хранились в архивах масонских лож. Эту бесцензурную поэзию отличали гораздо большая свобода высказывания авторских мыслей и определенная оппозиционность.

Среди потаенных масонских стихотворений есть и оды Павла Ивановича Голенищева-Кутузова и Николая Федоровича Остолопова (1783-1833). П.И.Голенищев-Кутузов - вельможа, литератор, масон высших степеней, наместный мастер московской ложи "Нептун", тесть поэта-масона Ф.Н. Глинки; одну его речь-оду мы уже приводили выше. Н.Ф. Остолопов также был известным поэтом и крупным чиновником, автором фундаментального "Словаря древней и новой поэзии" (1821), имел репутацию сторонника классицизма, упорного архаиста. Но об активном участии поэта в тайных работах ордена вольных каменщиков до сих пор не было известно. Тем более интересны его "барочные" масонские оды, весьма смело критикующие "самовластие" и "суеверие" (т.е. официальную церковь) за несправедливые гонения на вольных каменщиков и многое разъясняющие в литературном облике и судьбе Остолопова-поэта.

Тексты первой оды П.И. Голенищева-Кутузова и двух од Н.Ф. Остолопова публикуются по рукописям из собрания Великого мастера С.С. Ланского (РГБ. Ф. 147. Ед. хр. 132. Л. 20-24. 7-8об. 52-52об.). Вторая ода Голенищева-Кутузова печатается по рукописи из его личного архива (Государственный архив Тверской области. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1169. Л. 19-20). День Св. Иоанна Крестителя, покровителя ордена вольных каменщиков, праздновался 24 июня. Это был и праздник Солнца: "Солнце в ложе значит силу, благодать, всеприсутствие и вечность Божию... Мы, следственно, празднуем в то время года, когда солнце стоит на величайшей своей высоте и в середине произрастительной своей силы"*.

День рождения императора Александра I - 12 декабря.

П.И. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

Ода на торжество дня Святого Иоанна Крестителя

* ОРКНР МГУ. Ф.5 Тв.134. Л. 2об., 17.

День светозарный, день священный,
 Любви и дружбы торжество!
 В который души съединенны
 В одно слиянны существо,
 Направленны к единой мете,
 В одном огне, в едином свете,
 Что им от вечности возжен,
 Да видят мудрость в нем высокоу
 Ведущу к высшему востоку.
 О буди век благословен.

х х х

Будь в духе празднуем ты ныне;
 Да торжество родится в нас,
 Да мы во внутренней пустыне
 Услышим вопиющий глас:
 Стопы пред Господом исправьте,
 В себе духовный Храм восставьте,
 Устройте вы живой чертог,
 Где б чистый фимиам курился,
 Где б дух с дарами водворился,
 Где б жил во век превечный Бог.

х х х

Нам древность самая глубока
 Сквозь мрачный сумрак вопиет:
 Что изливался от востока
 Премудрости, любви свет,
 Что свет сей вечный и нетленный,
 Не гиблющий и неизменный
 Был обоюдоострый мечь,
 Преодолевший все преграды.
 О мысль, исполненна отрады!
 Свет тек! - И вечно будет течь.

х х х

Мы зрим свидетельств миллионы,
 Что свет сей и до нас достиг;
 Ни все беды, ни все препоны,
 Ни козни всех орудий злых
 Сей вечный свет не угасили;
 Что даже неудобны были
 Священну цепь поколебать;
 Она над Адом торжествует,
 Она доныне существует
 И будет век существовать.

х х х

Лучей сих вечных светозарность
Когда сподоблены мы зреть,
Какая ж к Богу благодарность
Должна в сердцах у нас гореть?
За то, что мы живем и дышим,
Что глас любви небесной слышим,
Что собраны в сем храме мы
К свершению работ священных,
Где в силах вкупе соединенных
Растут и души и умы.

х х х

Но благодарность чем же боле
Творцу мы можем изъяснить?
Как, следуя святейшей воле,
Святый закон его хранить;
Исправить наши злые нравы
И строго исполнять уставы,
Которы орден нам дает
Для каждого в сей жизни шаг;
Он нас готов вести ко благу,
Он нам обильно свет лиет.

х х х

О ты, священнейший порядок!
Сошедший с небесе небес!
Ты столь величествен и сладок,
Вмещаешь столько ты чудес,
В тебе такие сил богатства,
Что естели знаем цену братства,
То вкусим сладкие плоды
Любви, покоя, совершенства,
И постоянного блаженства
В себе увидим мы следы.

х х х

Тогда духовная свобода
Исполнит нас благих даров,
Тогда, тогда сама природа
Для нас расторгнет свой покров;
Явятся из ее средины
Все тайные ее пружины,
Чрез кои действует она;
Дух сокровенный развернется,
Когда наш дух его коснется

И нам представит письмамена.

х х х

Так письмамена живые ясны
 Текущи огненной струей;
 В которых тоны все согласны
 С гармонией Природы всей;
 Она внутри нас ощутится,
 Небесным хором повторится
 И землю с небом соединит;
 Тьма будет светом поглащенна;
 И сущность Райская нетленна
 В лучах краснейших возблестит.

х х х

Сии плоды толь превосходны
 Сберем, о братья, от работ,
 Коль в духе прямо став свободны,
 Мы бодро свой направим ход
 К светящу солнцу от востока,
 Премудрость светла и высока
 Лучи свои на нас прольет.
 Ее паряща быстротечность,
 Последуя за нами в вечность,
 От силы в силу нас введет.

х х х

Пребудем верны неизменно
 Мы духу бдящему о нас;
 Его учение священно
 Да в нас твердится каждый час,
 Да нашу цепь скрепит вовеки,
 Пусть мир падет, иссякнут реки;
 Но цель священна в небесах
 В духовном мире будет зрима,
 Крепка, светла, неколебима,
 И вечно возгорит в огнях.

х х х

Отцы и пастыри почтенны!
 Хоть вас телесно с нами нет;
 Но все мы твердо убежденны,
 Что вы на нас лиете свет.
 Что столько мы благополучны,
 Что в духе с нами неразлучны,
 Вы с нами вместе в праздник сей;
 Сим духом нас приосеняйте,

Нам свет с востока проливайте,
Держите цепь в руке своей.

х х х

А ты, Строитель всемогущий,
Свет всех светов, Дух всех духов!
Внутри и вне повсюду сущий,
Внемли Ты глас Твоих рабов,
Прикрой их слабости любовью,
Омой грехи бесценной кровью,
Блеснуть в нас свету повели!
Дай действовать без преткновенья
И по скончании теченья
Нас в чистый, светлый мир всели.

<1809>

РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ РАБОТ В УЧРЕЖДЕННОМ ВНОВЬ ХРАМЕ

Любови с чувством благодатным,
О благодарность, съединись
И фимиямом ароматным
Превыше облак вознесись.
В молитве сердца умиленной
Прославим мы Творца вселенной.

х

Своим он гласом всемогущим
Из тьмы и праха нас извел
И нам, в рассеянии сущим,
В соединенье быть велел.
Он рек - и чрез едино слово
Святилище возникло ново.

х

Он рек: Да паки воссияет
Свет сладостный священных уз,
Да более не возмущает
Коварство братский ваш союз.
Да видят ясно человеки,
Что вашу цепь креплю на веки.

х

О храм, не блещущей корою,
А простотой сияй своей,
И яко Солнце пред луною,
Будь центром новых нам лучей.

Тебя да злоба не коснется,
В тебя Премудрость да прольется.

х

Профану кажешься ты тьмою,
Но истину хранишь и свет,
Что верных братий всех к покою
И к чистым радостям ведет.
О свет, пребуди вечно с нами
И грей нас кротости лучами.

х

Свершилось Творческое слово,
Из пепла Храм как Феникс встал,
Святилище возникло ново,
Глас злобы скрылся, замолчал.
Да храм духовный многи лета
Распространяет Царство света.

х

Уж нас сиянье озарило,
О братья, совершим обет,
Все смертным будем во светило,
Нашед внутри самих нас свет.
За то Творцу в благодаренье
Возжем мы чистое куренье.

х

Когда потомство воспомянет
О братских чувствах и делах,
Оно благословлять нас станет,
И наш облобызает прах.
А мы во век Творца прославим,
В духовном мире хор составим.

<2 ноября 1814 года>

Н. Ф. ОСТОЛОПОВ
ОДА НА ВСЕРАДОСТНЕЙШИЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
ГОСУДАРЯ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА 1-ГО
12 ДЕКАБРЯ 1821 ГОДА

Ликуй, о сонм друзей священный!
Сей день на радость обречен!
В сей день монарх наш несравненный
Для блага подданных рожден!

В сей день Природа торжествует!
Она ярчайший свет дарует
Полночным счастливым странам!
И мрак скрывается ужасный,
И солнца луч крестообразный
Скорей является очам!

Не исчислять твои деянья,
Благословенный царь сердец,
Не обращать других вниманья
На твой бессмертия венец,
Сияющий в звездах эфира -
Моя стремится ныне лира!
Ей не достичь сей высоты!
Хочу в сердечных выраженьях
Вещать о тех благотвореньях,
Какие нам являешь Ты.

Судьбы всегда непостижимы!
Почто от первых мира лет
Бывали мудрые гонимы?
Ужели ненавистен свет,
Нам обличающий пороки?
Ужель высокие уроки -
Любить и ближних и творца,
И отгонять зловредны страсти -
Могли вовлечь людей в напасти,
В разврат повергнуть их сердца?

О! памятны еще те годы,
Возлюбленные братья, вам,
Как не было и здесь свободы
Масонам посещать свой храм!
Как Суеверье угрожало
Простерти ядоносно жало
На круг избраннейших мужей!
И как в обмане Самовластье
Ввергало с радостью в несчастье
Сих доблестных опор властей.

Но днесь... угодно Высшей воле,
Да нас ничто уж не страшит!
Днесь с АЛЕКСАНДРОМ на престоле

Сама Премудрость восседит!
 Она свой взор к нам обращает
 И с видом благостным вещает:
 "Я знаю ваших цель работ!
 Она священна и полезна;
 Вас не постигнет участь слезна:
 От прежних бед я вам оплот".

Как Мореходец, от волненья
 Обретший в пристани покой,
 Лишь чувствует восторг спасенья,
 Благословляя жребий свой;
 Так мы забудем все страданья...
 Прешли години испытанья -
 И радость, радость наш удел!
 Связуйся крепче, узел братства!
 Мы счастливы! Нам нет препятства
 Для добрых и великих дел.

Какое же благодаренье
 Мы АЛЕКСАНДРУ воздадим?
 Ему не нужно прославление...
 Он славным подвигам своим
 Причину свыше полагает,
 И - фимиамы отвергает!
 Одно осталось нам: молить,
 Да дни Его Миров Строитель,
 Монархов добрых Покровитель,
 Для нас благоволит продлить.

А мы любовь Его, щедроты
 Вполне потщимся оправдать!
 Усилим, братия, работы,
 Чтоб храм начатый окончать!
 Да чрез сие создание храма
 Воздвигнем падшего Адама
 И воскресим здесь век златой;
 И, наконец... Великий Боже!
 Отверзи двери нам к той ложе,
 Что освещается Тобой!

СТИХИ НА 24-Е ЧИСЛО ИЮНЯ

Во век благословен Вселенная Строитель!
Мы паки притекли в сей храм,
Да славословится Масонов Покровитель...
Но, братья! Принесли ль мы должный фимиам,
Не исчезающий в эфире,
Не порожденный веществом?
Достойны ль праздновать сей день, великий в мире,
Обычным торжеством?

х х х

Мы соблюдаем ли святое поученье,
Чрез мудрых преданное нам?
Познали ли себя? Познали ль чрез творенье
Творца, жизнь давшего незримым существам?
Попрали ль бренности оковы?
На смерть привыкли ли смотреть?
И можем ли сказать: мы чисты, мы готовы
Для жизни умереть?

х х х

Безмолвие! - Но кто в туманном отдаленье
На камне мшистом восседит?
Я зрю: он в сладостном, духовном умиленьи!
И мыслью в горня к Единому парит!
И светом ярким озарился!
И свет среди пустынных стран!
Восстал - и к нам грядет. О братья! Се явился
Пред нами Иоанн!

х х х

Внемлите глас его: "О чада дерзновенны,
Забывшие Господень страх!
В страстях, в пороках усыпленны!
Бог силен, справедлив! - Единый миг, и в прах
Он ваши сонмища повергнет,
Разврат ваш гневом прекратит;
Он грянет - и никто от кары не избегнет:
Он злобных не щадит.

х х х

И тот в Его очах виновный без сравненья,
Кому свет истины открыт,
Кто может следовать закону обновленья;
Но света он бежит, но им закон забыт!
Хоть млат трикраты ударяет -
В порядок не приходит он!

Так, так! в Его очах виновнее бывает
Всех грешников - масон!

х х х

Страшиться! - Близок час! - Свершится наказание!..

Но нет! Вам щит - Любовь Его!

Вас хочет Он спасти - и средство: покаянье!

Творцу ли смерть нужна творенья своего?

Покайтесь в ваших преступлениях!

Примите, чада, сей совет!

Вы узрите себя в тех радостных селеньях,

Где виден полный свет".

х х х

Умолк - и воспарил в страну обетованья!..

Но, Благодетель наш! Твой глас -

Глас высочайшего к виновным состраданья,

Раздался внутри сердец, органы их сотряс!

Ты нашу чистую природу

Магически восстановил,

Как некогда чрез дух, чрез животворну воду

Адама обновил.

х х х

Внемли ж раскаянью и клятве возвращенья

Под мудрый Ордена закон:

Отныне будем жить для бедных вспоможенья,

Мы будем укрощать страдальцев жалкий стон;

И путь мы преградим гордыне,

Да не коснется наших врат;

И нет неравенства! И будет нам отныне

Любезен каждый брат!

х х х

О чувства доблестны - обет и покаянье!

Возрадуйтесь работе сей,

О братия! она готовит воздаянье!

И празднуйте сей день: вы праздны от страстей!

Так! Вы от них освободились,

Рассеялась их мрачна тень;

Вы светом истинным, полдневным озарились -

Благословен сей день!

1822

Впервые эти перчатки появились во время похорон Пушкина. 2 февраля 1837 года масон А.И. Тургенев записал в дневнике: "Заколотили Пушкина в ящик. Вяземский положил с ним свою перчатку"* . Это было прощание не только поэта с поэтом, но и масона с масоном. Пушкин знал о вступлении Вяземского в орден вольных каменщиков, это видно из его известного обращения к другу-либералу "Ты просвещением свой разум осветил..."

Перчатка масона, положенная в гроб убитого друга и "брата" по ордену, - важный знак, часть траурного масонского ритуала. При принятии новичка в ученическую ложу его подвели к жертвеннику и вручали запон (замшевый передник с орденской символикой), лопатку каменщика и три пары белых лайковых перчаток.

Согласно статье VII "Устава Ордена свободных каменщиков" мастер произносил: "Примите сии первыя мужския Белья перчатки и храните их навсегда; они послужат во свидетельство вашего принятия, и если некогда рассудят за благо мастера ваши подать вам достаточное об них объяснение, то тогда и дальнейшее об них поучение воспримете. Сии другия перчатки носите вы, любезный бр<ат>, всегда в братских наших в <ложе> собраниях. И сии женския перчатки вам определены суть: дабы вы оныя отдали той женщине, которую паче всех почитаете; которую избрали вы в законную себе каменщицу: но соблюди, любезный бр<ат>, да не носят рукавиц сих и да не украшаются ими руки нечистыя!"** .

В гроб Пушкина Вяземский, скорее всего, положил одну из первой, самой важной пары белых масонских перчаток. Вторая пара, носившаяся в ложе, согласно уставу и клятве до конца дней сберегалась у него в особом конверте, на котором сохранилась мемуарная запись поэта, сделанная им на склоне лет. После смерти Вяземского конверт вместе со всеми его бумагами попал в Остафьевский архив.

Любопытна история этого автографа П.А. Вяземского. В 1964 году перчатки поэта были переданы в Государственный Исторический музей из ЦГАЛИ СССР (ныне РГАЛИ) как "непрофильный" предмет, не подлежащий хранению в литературном архиве. Причем поступили они в том самом конверте, куда положил их Вяземский. Почерк поэта узнать легко, и, скорее всего архивисты решили не разлучать

* А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 2. С. 217.

** ОПИ ГИМ. Ф. 83. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 34об. См.: Барсов Н.П. Из масонского ритуала начала настоящего столетия. С. 23.

исписанный с обеих сторон конверт с хранящимися в нем перчатками потому, что масонская тема в советской исторической науке не приветствовалась.

Как бы то ни было, конверт с перчатками благополучно пролежал в Отделе тканей ГИМ около 30 лет, вплоть до 1992 года, когда на реликвию обратили внимание сотрудники музея, готовившие выставку "В России нужно жить долго", посвященную 200-летию со дня рождения П.А. Вяземского. После закрытия экспозиции перчатки вернулись в Отдел тканей, а конверт был передан в Отдел письменных источников и присоединен к обширной (около 100 единиц) коллекции автографов П.А. Вяземского (ОПИ ГИМ. Ф. 281. Оп. 2. Ед. хр. 17. Л. 4-4об.). Он обнаружен, разобран и опубликован кандидатом исторических наук А.К. Афанасьевым.

Итак, Вяземский сам пишет о вступлении в одну из масонских лож Варшавы. И из его письма А.И. Тургеневу известно, что произошло это 30 августа 1819 года: «Впереди – прием в масонскую ложу». В другом письме Вяземского названа и ложа - «Северного Щита». В составе Великого Польского Востока насчитывалось 32 ложи, существовало и автономное "национальное масонство", но в 1820 году все эти ложи были закрыты по воле императора Александра I, усмотревшего в их идеях и целях несомненные либеральные и даже революционные тенденции^{***}. Сам Вяземский вспоминает о вступлении в орден вольных каменщиков с юмором, как об анекдотическом эпизоде своей богатой биографии, есть в этой записи и понятное оправдание себя, нечто вроде подписки о неучастии в масонских ложах.

И все же опыт работы с масонскими архивами показывает, что таким свидетельствам верить до конца нельзя. Переписка Вяземского с Тургеневым показывает, что ложу он посещал регулярно. К тому же имеется важный официальный документ, который заставляет нас предположить, что Вяземский относился к своему участию в масонской работе гораздо серьезнее. Как известно, ложи в Польше запрещены были на два года раньше, чем во всей Российской империи. Но рядом, в Киеве, продолжала действовать ложа "Соединенных Славян", подчинявшаяся петербургской "материнской" ложе "Астрей". И оттуда в Министерство внутренних дел поступил отчет, где в частности говорилось: "Князь Вяземский предложен был к

^{***} См.: Рябинин И. Польское масонство // Масонство в прошлом и настоящем. Т. 2. С. 243.

принятию в сей ложе, но члены оной, зная его с худой стороны, отказали ему в оном"****.

Так что Вяземский хранил перчатки не зря. Тем интереснее прочитать его уклончивые признания об участии в масонском движении.

Не помню, что это за перчатки, - и не знаю, как попали оне в мои старья бумаги. - Уж не масонские ли? В России я никогда не хотел быть масоном и принадлежать какому бы то ни было тайному обществу. Меня от этого отвращала мысль и страх связаться близкими сношениями и присягою с людьми, с которыми на свободном воздухе и при свете дня я, может быть, и заться не хотел. В Варшаве предложили мне принять меня в ложу. Тут обстоятельства были другия: люди более или менее, мне лутче; пребывание мое в Варшаве временное. Я не входил в кабалу. - Любопытство меня подстрекнуло, и я согласился. Всего и был я в ложе один раз, в день моего принятия. В числе обрядов дали мне перчатки, которыми мог я подарить любимую женщину. А как у меня всегда бывало за один раз несколько любимых женщин и одной пары перчаток было мало для раздачи, то перчатки и остались у меня. А в масонскую ложу больше я не заглядывал и никогда ни с кем масонских сношений не имел. Мне показалось, что все это глупое ребячество, которое важно и с какою-то пустою торжественностью разыгрывают глупцы, между коими или над коими есть плуты, которые преследуют неблагоприятную цель.

Впрочем, перчатки эти - кажется, мужские. Стало быть, опять не то.

К ИСТОРИИ МАСОНСКОГО ХРАМА

В масонской обрядности есть два главных понятия - “ложе” и “храм”. И их иногда не различают, что объяснимо непростой историей масонства в России и характером орденского ритуала. Будучи тайным, вечно преследуемым всеми правительствами обществом, орден вольных каменщиков, конечно же, не строил величественные храмы на всеобщее обозрение, как это делали американские «братья» (см. хотя бы орденские здания в Бруклине и Эльмире) или лондонская Великая ложа, а скрытно оборудовал для своих собраний и ритуалов имеющиеся помещения в домах “братьев”, чем и объясняется столь важная

**** ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 3. Ед. хр. 56 (1). Л. 13об.

символическая роль ковра, завесы, аналая и других “сокровищ ложи”. Помимо всего прочего, это и священные символы, на время (ибо в ложе не только совершались ритуалы, но и вершились иные, более прозаические дела и заседания и даже банкеты) превращающие обычную комнату в храм, замкнутое пространство сакральных таинств. Не надо видеть в них декорации, театральную бутафорию. Здесь действуют законы “божественной” геометрии, любимой науки масонов, дающей в продуманной, подробно разработанной символике “сокровищ” и сакральных чисел ложи и храма малый чертеж Вселенной и образ ее Великого Архитектора, верховного божества ордена.

Если в основе масонской мифологии лежит легенда о строителе Соломонова храма Хираме Абифе, то чертеж ложи вольных каменщиков повторяет прямоугольный план этого храма, и в числе ее «сокровищ» и «украшений» - Иакин и Боас, два «эмблематических» столпа, поставленные Соломоном в преддверии иерусалимского святилища. Древние чертежи Хирама переходят в орденский «гиероглиф». Знак ложи в тайных рукописях ордена - прямоугольник, символ единения «братьев» всего мира («Ложа ... показывает изображение мира»), и согласно ему (а иногда и в форме треугольника) устраивается и украшается внутри жилого дома особое помещение для “царственной работы” вольных каменщиков. По всей видимости, таков должен быть в плане и масонский храм - отдельное, специально для этих целей спроектированное здание. Такой храм орден вольных каменщиков хотел иметь всегда.

Построить масонский храм в городе было невозможно, это сразу же вызвало бы запрет властей и активное противодействие православной церкви. Масоны предприняли попытку использовать как свою церковь знаменитую “Меншикову башню” в Москве, соответствующим образом расписав и украсив внутренние стены и алтарь этого неоготического храма архангела Гавриила. Но все нам известные попытки возвести орденский храм производились в загородных усадьбах влиятельных и состоятельных масонов. В подмосковном имении графа В.Г. Орлова Отрада, построенном в 1774-1778 годах по чертежам великого зодчего-масона В.И. Баженова, рядом с церковью Успения Пресвятой Богородицы и семейной усыпальницей имеется странное небольшое здание, именуемое кузницей. Оно, как и дворцовый комплекс в Царицыно, выполнено из красного кирпича в стиле баженовской псевдоготики, имеет в плане прямоугольник и два восьмигранника. Для сельской кузницы что-то уж очень сложно,

не говоря о том, что автор ее уникального проекта - сам Баженов, мало интересовавшийся кузнечным делом. Масонская символика цифр указывает, что, по-видимому, здесь был орденский храм Астреи.

Но в русских масонских романах XVIII века, начиная с “Путешествия в землю Офирскую” М.М. Щербатова, орденский храм описывается совсем иначе. Романы эти чаще всего были социально-философскими утопиями, и речь там шла о *чаеом*, *идеальном* храме. Такова традиция мировой масонской литературы (см., например, описание храма в утопическом романе французского писателя-масона Л. Мерсье «Год две тысячи четыреста сороковой»). Но и сам облик орденского культового здания традиционен, его основные черты и детали повторяются в художественной прозе масонов. Он всегда в плане круглый, близок к любимому масонскому символу - улью с пчелами, часто встречающемуся на замшевых фартуках-«запонах», грамотах, печатях и знаках лож.

“...Среди соделанной небольшой площади узрил я круглое здание, отличное своим великолепием от всех прочих... Сие есть храм Божий... Он был построен из дикого камня, имея в середине яко окружение столбами в два ряда поставленными, на коих утверждались куполы. По середине, на возвышенном месте и на богатом пьедестале, стояло солнце, или лучше сказать, круг, имея середку серебряную, лучи же златые”, - сказано в утопическом романе масона Щербатова. В.А. Левшин в «Русских сказках» (1783) вводит читателя в аллегорическое здание, где в статуях «истуканов» и других «гиероглифах» запечатлены масонская философия, космогония и божественная геометрия: «Зал сей сделан был круглый... Над земным шаром стоял густопозолоченный образ солнца...» Член масонского общества “Зеленая лампа” музыковед и писатель А.Д. Улыбышев оставил в утопии “Сон” (1819) столь же подробный словесный проект такого ритуального здания и творимого в нем обряда: “...Я оказался через некоторое время перед ротондой, размеры и великолепие которой превосходили не только все наши современные здания, но и огромные памятники римского величия, от которых мы видим одни лишь осколки. Бронзовые двери необычайной величины открывались, чтобы принять толпу... Благородная простота внутри соответствовала величию снаружи. Внутренность купола, подержанного тройным рядом колонн, представляла небосвод с его созвездиями. В середине залы возвышался белый мраморный алтарь, на котором горел неугасимый огонь... Ни единой статуи или изображения, ни

священников, одежда или движение которых могли бы рассеять мои сомнения или направить догадки... Вы не видите в нашем храме ни картин, ни статуй; мы не думаем, что материальное изображение божества оскорбительно, но оно просто смешно. Музыка – единственное искусство, которое с правом допускается в наших храмах. Она естественный язык между человеком и божеством, так как она заставляет предчувствовать то, чего ни одно наречие не может выразить и даже воображение не умеет создать”.

В различных зданиях и архитектурских проектах зодчих-масонов мы встречаем сходство с этим подробным и вполне научным описанием идеального орденового храма. В знаменитом московском “доме Юшкова” (Мясницкая ул., 21), построенном тем же Баженовым по особому проекту для хозяина-масона и видевшем в своих стенах Ф.И. Дмитриева-Мамонова, Н.И. Новикова, М.М. Хераскова и других вольных каменщиков, центр здания - круглый светлый зал с купольным сводом и прорезанными в нем окнами, помещенный в как бы выделенной из общего плана полуротонде. По-видимому, это заранее отведенное место для масонских собраний и ритуалов, то есть храм. Заметим, что круглой ротондой с портиком, украшенной масонскими символами (цикуль, наугольник, ромбы, звезды), является и усыпальница Орловых в Отраде. Подобный храм “Дружбы” спроектирован шотландским архитектором-масоном Ч. Камероном для Павловска, где при дворе великого князя Павла Петровича собиралась масонская оппозиция. В подмосковном имении розенкрейцера И.В. Лопухина Совинское было возведено парковое строение с тем же названием, тоже имевшее купол и портик. Но мы можем лишь предполагать, что все эти схожие по замыслу храмовые здания предназначены именно для ритуала вольных каменщиков.

Поэтому хочется напомнить о реально существовавшей “Киндяковской беседке”. Так именовался уникальный масонский храм Св. Иоанна Крестителя, воздвигнутый в конце 80-х - начале 90-х годов XVIII века в роще деревни Винновка (Киндяковка тож) близ Симбирска (ныне это Железнодорожный район Ульяновска). Это было фундаментальное каменное сооружение высотой до 16 метров, круглое в плане и с куполом, с четырьмя портиками (на них изображены были масонские символы - урна с вытекающей водой, череп и кости и т. п.), увенчанное деревянной фигурой покровителя ордена вольных каменщиков, чей день праздновался в самый солнечный период

года - 24 июня с непременно чтением од в честь Иоанна Крестителя (сохранились оды на этот день П.И. Голенищева-Кутузова, Н.Ф. Остолопова и других поэтов-масонов) и гимнов солнцу – одному из главных масонских символов. Архитектор неизвестен, но это все та же купольная ротонда, любимое решение Баженова, Львова, Бланка и Казакова.

Построил храм владелец Винновки Василий Афанасьевич Киндяков для собраний симбирской масонской ложи Златого Венца, в которой состоял в степени товарища молодой Н.М. Карамзин. Впоследствии здесь могли появляться и члены местной ложи Ключа к Добродетели, возглавлявшейся князем-декабристом М.П. Баратаевым. Здесь бывали И.П. Тургенев, И.И. Дмитриев, сосланный в Симбирск А.Ф. Лабзин, Н.М. Языков, А.П. Ермолов, И.А. Гончаров и прочие гости семьи Киндяковых. Масонский храм простоял до 20-х годов XX века, его изображение сохранилось на акварельном пейзаже (Ульяновский дом-музей И.А.Гончарова) и на архивной фотографии.

Это важный документ для истории масонской символики и архитектуры в России. Ибо здесь мы видим единственное подлинное изображение храма вольных каменщиков, известное нам сегодня. К тому же при внимательном взгляде на фотографию становится понятно, что имели в виду М.М. Щербатов, В.А. Левшин и другие писатели ордена, рассказывая в своих сочинениях о тайных святилищах вольных каменщиков как об идеальном храме Великого Архитектора Вселенной. Оставим политические ярлыки и наветы разнообразным шариковым. Масонство - это, прежде всего самобытная и в то же время опирающаяся на тысячелетние мифы и гностические традиции философия жизни, т.е. религия, пусть и внецерковная, а лучше всего о религии повествует ее летопись в камне - храм, его сакральная символика и архитектурные «гиероглифы».

О Пушкине-масоне

Известный писатель-эмигрант и вольный каменщик (у него есть роман о масонах с таким названием) Михаил Андреевич Осоргин (1878-1942) в поминальном 1937 году выступил с докладом, прозвучавшим на знаменитом парижском собрании «братьев» по случаю столетия гибели Пушкина. Вот как

вспоминал об этом заседании князь Владимир Вяземский, бывший кавалергард: «В январе 1937 года состоялось на рю Пюто собрание в самом большом тогда храме № 1, агапа в крипте, торжественное соединенное собрание всех русских лож, как шотландских, так и Великого Востока - собрание в память столетней годовщины кончины нашего брата А.С.Пушкина. На собрании председательствовал я, а на агапе М.С.Маргулиес. По количеству присутствовавших, по подъему, который царил, это собрание считается до сих пор многими братьями, бывшими на этом собрании, апогеем успеха русского масонства в изгнании». Публикуем этот интересный документ по изд.: Последние новости. Париж. 1937. 10 февраля.

М.А.Осоргин

Памяти Пушкина

Доклад на пленарном заседании всех русских Лож в Париже

29 января 1937

То, что великий русский писатель Пушкин был Вольным Каменщиком, естественно, радует русских масонов; но мы, конечно, не должны от себя скрывать, что на деле связь Александра Сергеевича с организацией русского исторического масонства была очень незначительной. Как вы знаете, он был посвящен в кишиневской ложе Овидий 4 мая 1821 года, как сам отметил это в своем кишиневском дневнике. В декабре того же года ложа Овидий официально прекратила свое существование. Возможно, впрочем, что ее работы продолжались, так как существующие документы об этой ложе весьма спорны и, несомненно, неточны. По полицейским сведениям ложа

зародилась 7 июля 1821 года и получила санкцию великой ложи "Астрея" от 17 сентября того же года. Но уже самая запись Пушкина свидетельствует о том, что ложа Овидий существовала раньше, еще в мае. Когда в декабре того же года в ложу Овидий задумал проникнуть агент тайной полиции, Пущин объявил о прекращении работ, якобы прерванных еще раньше, в ноябре, и перевез к себе домой все имущество ложи. Но вряд ли можно сомневаться, что братья "Овидия" собирались во всяком случае до августа 1822 года, т.е. до закрытия правительством в России всех масонских лож; кстати, по недавно опубликованным сведениям, ложа "Овидий" была присоединена к послушанию великой ложи Румынии.

Не сохранилось решительно никаких сведений о степени усердия Пушкина к масонским работам, неизвестно, пошел ли он дальше ученической степени, и в имеющихся документах даже не значится имени Пушкина. В своей переписке он только раз упоминает о своем масонском прошлом: в письме к Жуковскому, в словах: «я был масон в кишиневской ложе, т.е. той, за которую уничтожены в России все ложи». Очевидно, Пушкин не был даже достаточно осведомлен об общих причинах реакционного акта Александра I, так как история с кишиневской ложей была лишь одним из поводов, и далеко не самым важным, точнее одной из официальных придирок.

Напрасно также искали бы мы в сочинениях Пушкина того и позднейшего времен следов какого-нибудь в нем происшедшего душевного переворота или хотя бы проснувшегося в нем усиленного интереса к вопросам, связанным с идеологией масонства. Кишиневский период его жизни и деятельности хорошо изучен, и вряд ли новые документы, о которых недавно

писали, могут дать материал для углубления вопроса о масонстве Пушкина. В его стихах мы найдем единственное упоминание о ложе, именно в послании Павлу Сергеевичу Пущину, который был мастером стула в ложе "Овидий":

И скоро, скоро смолкнет брань
 Среди рабского народа,
 Ты молоток возьмешь во длань
 И воззовешь: свобода!

Хвалю тебя, о, верный брат!
 О, каменщик почтенный!
 О Кишинев, о темный град!
 Ликуй, им просвещенный!

Недостаток документов, конечно, еще ничего не значит. Нет сомнения, что в свое время было уничтожено множество документов, относившихся к истории русского масонства и к участию в нем отдельных лиц.

Пушкину не менее чем другим приходилось быть очень осторожным, в особенности после того, как масонство переплелось с движением декабристов. Сохранившиеся материалы о нашем историческом масонстве количественно вообще ничтожны, если принять во внимание, что за всего полвека деятельного существования у нас масонства известны по названиям более двухсот лож и по именам свыше 3500 масонов, не считая русской Польши. Исследователи масонства знают, что очень многие не только уничтожали свои архивы, но и решительно отрицали свою былую принадлежность к Братству

вольных каменщиков в своих дневниках и своей переписке; даже о некоторых известнейших лицах невозможно сказать, были ли они когда-нибудь масонами, хотя бы все говорило за это; таковы, например, Жуковский, всегда живший в теснейшем масонском окружении, митрополит Евгений Болховитинов, основатель русского театра Волков, поэт Петр Вяземский. Лишь недавно, уже по германским источникам, удалось установить масонство генералиссимуса Суворова. Нет даже совершенно точных данных о принадлежности к ложам Павла и Александра. То же самое можно сказать и о масонстве позднейшем, середины и конца 19 века, когда ложи существовали тайно, и даже о самом позднем, нашего времени, начала 20 века, сохранилось очень мало материалов, имеются пока, так сказать, только свидетельские показания. Все это потому, что Россия была всегда государством деспотического правления, каковым пребывает и в наши дни. Бедных просветов было очень мало, и свободная мысль, а такова по преимуществу мысль масонская, была всегда подпольной и не могла заботиться об архивах.

При таких условиях нелегко исторически изобразить фигуру Пушкина - вольного каменщика. Можно только сказать, что с нашим братством его единило немалое: вечный порыв к свободе мысли и внутренняя посвященность. Как мы, Пушкин не терпел стеснения независимости мысли, эта его биографическая черта освещена изобилием материала, доказывающая справедливость его слов: в мой жестокий век восславил я свободу. И он, независимо от своей принадлежности к кишиневской ложе, был от колыбели своей посвященным, способным интуитивно постигать то, чего не дает человеку познать опыт и разум, и к постижению чего мы все стремимся. Поэтому мы вправе

признать истинно-масонским его стихотворение "Пророк", которое легко могло бы быть гимном розенкрейцерства. В известном понимании, масонство есть поэзия человеческого духа, и недаром мы именуем его королевским, царственным искусством.

Я ограничиваю мое сообщение, дорогие братья, не каким-нибудь историческим изысканием, а простой справкой о том, как мы должны себе представить приобщение Пушкина к русскому Братству вольных каменщиков.

Было вполне естественно, что он в него вступил. В эпоху александровскую, как и в екатерининскую, редкий выдающийся и образованный человек свободных взглядов не принадлежал к Братству.

Из русских писателей к нему, как вы знаете, принадлежали Херасков, Сумароков, Новиков, Рылеев, Радищев, возможно, Державин (есть данные), вероятно, Богданович (автор Душеньки), Княжнин, Карамзин, Грибоедов, Мерзляков, Кюхельбекер, Чаадаев, Бестужев-Марлинский, Коцебу, Измайлов (баснописец), Дельвиг, Дмитриев Ив. Ив., Муравьев Мих. Ник. (отец декабристов), Тургенев Ник. Ив., Глинка и менее известные, которых я мог бы назвать поименно до 130 человек с указанием их принадлежности к ложам. Большая часть названных современники Пушкина и, в значительной доле, его близкие друзья. Еще больше можно назвать дружественных ему масонов не из писательской, особенно из военной среды. Масоном был отец Пушкина, Сергей Львович, масоном был его дядя, писатель Василий Львович, как и многие члены общества "Арзамас". В Кишиневе Пушкин жил у исправляющего должность наместника Бессарабского края генерала Ив. Никит.

Инзова, члена Ложи Золотого Шара в Гамбурге и, кажется, мартиниста; был близким другом генерала Павла Серг. Пущина, мастера ложи Соединенных Друзей, позже основателя и мастера стула ложи Овидий; приятелем С.А. Тучкова, генерала и военного писателя, который был казначеем ложи Овидий; из других масонов, с которыми встречался Пушкин в Кишиневе, можно назвать Н.С. Алексеева, состоявшего при Инзове, арзамасца Мих. Фед. Орлова, несомненного члена ложи Овидий; Липранди, которому принадлежат записки о жизни Пушкина в Кишиневе и который был членом ложи Иордана; Полторацкого, большого приятеля поэта, члена ложи Трех Добродетелей; Раевского (Вл. Федос.), Шепелева, Шульмана, кн. Суццо (этот был из основателей ложи Овидий), Бахметева, Сафонова и многих других. Пушкина увлекала фигура героя того времени кн. Александра Ипсиланти, с которым он встречался в Кишиневе; и Александр, и Николай Ипсиланти были масонами. Таким образом, еще не вступив в Братство, он жил до известной степени в масонском окружении, как было это, впрочем, и в Петербурге. О некотором тяготении Пушкина к тайным обществам свидетельствует обида, высказанная им однажды в разговоре с Раевским и Якушкиным, которые сначала как бы заманивали его в общество заговорщиков, а потом обратили разговор об этом в шутку; Пушкин сказал: «Я никогда не был так несчастен, как теперь; я уже видел свою жизнь облагороженною и высокую цель перед собой, и все это была только злая шутка». И Вяземский говорил про Пушкина, что тот "жил и раскалялся в жгучей и вулканической атмосфере заговора". Если Пушкина не увлекли в масонство раньше, как позже не привлекли к участию в сообществах политических,

породивших 14 декабря, то это, вероятно, объясняется осторожностью масонов, знавших и легкомысленную, и буйную натуру поэта. Иное дело в Кишиневе, маленьком городке, где все друг друга знали и где развлечения были слишком однообразны, чтобы Пушкина поглотить целиком.

Как это могло произойти? Вероятно, Пушкина уговорил вступить в Ложу Павел Сергеевич Пушин, мастер стула Овидия. Против этого ничего не мог иметь покровитель поэта Инзов, хотя последний, как начальник края, лицо слишком видное, вряд ли местную ложу посещал. Позже Инзов, отрицая свою осведомленность в масонстве Пушкина, писал однако в официальном о нем рапорте, что «обращение с людьми иных свойств, мыслей и правил, чем те, коими молодость руководствуется, нередко производит ту счастливую перемену, что, наконец, почувствуют необходимость себя переиначить. Когда бы благодатное сие чувство возбуждилось и в г. Пушкине, то послужило бы ему в истинную пользу».

Как я уже сказал, у нас нет подлинных и прямых материалов, которые бы воссоздали нам хотя бы картину приема Пушкина в кишиневскую Ложу Овидия. Но некоторую попытку такого воссоздания, конечно, искусственную, сделать можно; она нас не обяжет к педантической точности.

Пушкин жил в старом Кишиневе, на окраине, в доме боярина Доница, нанимавшемся для наместника края. Инзов отвел ему внизу две комнаты, окнами выходившие в сад. Отсюда был прекрасный вид на Кишинев, так как дом стоял на возвышении, хотя эта часть называлась нижним городом, в отличие от города верхнего, новой стройки. Сюда за ним могли заехать Алексеев,

либо Раевский, чтобы отправиться в ложу, которая также была в нижнем городе, неподалеку от старого собора.

Тут на площади дом молдаванина Кацики, а нанимал этот дом дивизионный доктор Шулер, родом из Эльзаса, в 1812 году взятый в плен на Березине, из младших хирургов одного конного французского полка. Доктор Шулер был французским масоном из парижской ложи *Parfaite Reunion*. Биограф Пушкина Липранди, ни словом о масонстве Пушкина не упоминающий, вскользь говорит, что в кишиневской ложе Овидия мастером стула был либо др. Шулер, либо Павел Пуцин, но в найденном списке членов-основателей Ложи Шулер не упомянут, и правильнее считать первым мастером Пущина. Впрочем, Липранди неохотно писал о масонах и скрывал, что сам состоял в Братстве. Дом, где жил др. Шулер, был длинным, одноэтажным, невзрачной местной архитектуры. Его двор был огражден решеткой, так как там часто оставляли экипажи. На площади всегда стояла толпа молдаван, болгар, арнаутов, в то время в Кишинев было много бежавших гетеристов, участников восстания Александра Ипсиланти. Про дом Кацики было известно, что здесь происходит иногда судилище дьявольское; дело в том, что ложа была устроена в подвальном этаже, и профанов приходилось приводить туда из главного помещения, сводя их под руку, с завязанными глазами, из квартиры доктора, по небольшой лестнице, выводящей на двор. Из-за этого неудобства однажды вышла для ложи большая неприятность. Посвящался профан архимандрит Ефрем, из болгарских выходцев, очень среди болгарского населения популярный.

Он приехал в дом Кацики и отпустил свой экипаж. Вслед за тем толпившиеся у решетки болгары увидели, что их

архимандрита ведут вниз по лесенке с завязанными глазами люди, вооруженные шпагами, и уводят в подвальное помещение. Болгары не стерпели и бросились освобождать священника. Им пришлось выломать дверь и побороть сопротивление, после чего они вывели архимандрита на площадь, где отовсюду сбежавшиеся сородичи подходили к нему за благословением.

Дело было под вечер, об этом узнал весь город, и слухи о готовившемся преступлении долго занимали и Кишинев и окрестные селенья. Пушкин узнал об этом один из первых, когда с донесением о происшедшем пришел гонец к заместителю наместника Инзову.

Раньше ли, или позже этого случая, по той же лесенке свели в подвал поэта, с обнаженной грудью и разутой ногой. Предварительно он пробыл некоторое время в черной храмине, куда приходил его наставлять ритор логи.

Кишиневская Ложа Овидия принадлежала к союзу Астреи, значилась в ней под № 25-м. Значит, она была трехстепенного рита, типа английского, ритуала шотландского древнего и принятого. Этот ритуал нам более или менее известен, как и тогдашняя обстановка средних, небогатых лож. Не трудно поэтому представить себе поэта сначала в небольшой, убранной черным комнате, храмине размышлений, где с потолка свешивался лампад треугольный, с трисиянным светом, стоял в углу черный стол с двумя стульями, на столе берцовые человеческие кости и череп, из глазных впадин которого выбивалось пламя горевшего спирта, библия, песочные часы. В другом углу был скелет с надписью «Ты сам таков будешь», и еще стояли два гроба, один с изображением разлагающегося

мертвеца, другой пустой. Сюда к Пушкину вошел вития ложи или обрядоначальник дать первые разъяснения символов: Вы посажены в мрачную храмину, освещенную слабым светом, блистающим сквозь печальные остатки тленного человеческого существа; помощью сего малого сияния вы не более увидели, как токмо находящуюся вокруг вас мрачность, и в мрачности сей разверстое Слово Божие. Далее он напомнил профану, что человек наружный тленен, но внутри его есть некая искра нетленная, придерживающаяся Тому Великому, Всецелому Существу, Которое есть источник жизни и нетления, Которым содержится вселенная. Он объяснил ему смысл наложенной на его глаза повязки, цель Ордена каменщиков (сохранение тайного знания, исправление членов общества и воздействие на весь человеческий род), а также рассказал о 7 обязанностях каменщика или "должностях", как тогда говорили. Затем он заставил поэта, вряд ли с достаточной серьезностью отнесшегося к поучениям, но возможно несколько возбужденного оригинальностью и таинственностью обстановки, снять сюртук, обнажить грудь, отдать все деньги и металлы и следовать за ним с завязанными глазами. Сам водитель был в круглой шляпе, с накинутой на плечи епанчей, с мечом в руке, острие которого он приставил к груди профана. В храм спускались по лестнице, по "в неизвестные глубины нисходящим скользким ступеням" и "каменным крутизнам" "елико возможно тесня путь испытуемого, ведя его противу всех свирепствующих стихий на испытание духа и воли. Так подводили его к двери, за которой раздавалось пенье:

От нас злодеи удаляйтесь,

Которы ближнего теснят;
 Во храмы наши не являйтесь,
 Которы правды не хранят.

В исторических материалах не указывается, на каком языке работала ложа Овидия, в которой было немало иностранцев; вернее предположить, что она работала на русском, так как русскими было большинство ее должностных лиц. Песни масонские нам известны русские, и по-русски, конечно, пелся написанный Херасковым масонский гимн «Коль славен», хотя музыка эта происхождения немецкого.

Смолкает пенье. Три удара в дверь и голос: «Кто нарушает наш покой?»

- Свободный муж, который желает быть принят в почтенный Орден Свободных Каменщиков. После небольшого опроса об имени и годах голос: введите его.

Вводитель отступает от посвящаемого, и второй надзиратель вкладывает в правую руку посвящаемого свой обнаженный меч, направив острие к его груди. Происходит допрос и первое наставление. На согласие профана вступить в орден следуют слова мастера стула: Ей, тако!.

Далее мы можем видеть Пушкина водимым под руку вторым надзирателем ложи посолонь, против солнца и снова посолонь. На ухо ему шепчутся наставления о трудности пути, о стойкости и необходимости закончить путь с честью. Поставленный пред лицом Великого Мастера, Павла Сергеевича Пущина, он приносит обязательство не открывать никому ничего об Ордене, ложе навсегда пребыть верным, благу оной всечасно споспешествовать, от всякого вреда посильно ее охранять. Еще

есть время уклониться от вступления в Орден, но поэт повторяет свое согласие вступить, и его ставят обнаженным коленом на подушку перед жертвенником, с правой рукой, положенной на разверстое на 1 главе от Иоанна Евангелие: Ей, обещаюсь в том и столь свято, сколь любезно для меня имя честного человека, и тогда к языку его прикладывается печать молчаливости.

Первый свет дается ему при возгласе: Узрите нас впервые, но он лишь неясно видит толпу людей с поднятыми мечами и слышит грозное предупреждение изменникам; ложа освещена только синим светом горящего на жертвеннике спирта. Ему снова завязывают глаза и только по новому возгласу Мастера Стула повязка падает в последний раз.

"Сколь мщение ужасно преступнику, столь обрадователен благочестивому свет!" "Да узрит свет!". Тут ярким светом вспыхивают фальшфейеры и быстро угасают: Так угасает свет и все утехи с ним! Мы всякое земное величие, все чувственные забавы и утехи почитаем ничем, не большей цены и прочности, как и оное, на миг осенившее вас пламя и исчезнувший уже по нем дым.

Посвящаемый вновь повержен на колени перед жертвенником, сам приставляет циркуль к обнаженной груди, обрядоначальник подставляет кровавую чашу, мастер ударяет по головке циркуля молотом. Это обряд соединения крови посвящаемого с кровью всех братьев ложи. Слова посвящения и возглас: «Жребий ваш решился!»

В этот торжественный для Пушкина вечер, может быть недостаточно им оцененный, ему говорили разъяснительные и приветственные речи, ему надели белый кожаный запон, дали пару белых мужских рукавиц, пару рукавиц женских для

непорочной женщины, избранницы сердца, неполированную серебряную лопаточку - ее отполирует прилежное употребление при охране сердец от нападения расщепляющей силы пороков. Под звон музыкальных инструментов хор братьев гармонии закончил торжество пением обычных стихов:

Чувство истины живое
Вас в священный храм влекло;
О, стремление святое!
Сколь ты чисто, сколь светло!

И возможно, что поэт уже достаточно очнулся от впечатлений, чтобы поморщиться от слабых стихов и их торжественной нескладицы.

Конечно очень обидно, что был недолог масонский стаж Пушкина и что его не увлекло желание быть чем-нибудь полезным ложе. Быть может, до нас дошел бы образец его литературной работы, связанной с ритуалом или с застольным пением. А может быть, даже он и дошел до нас отголоском в строках много более поздней изумительной пушкинской "вакхической песни":

Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Не думается, чтобы самый усердный исследователь мог найти у Пушкина строки, написанные потому, что он был масоном (исключая, конечно, послания к Павлу Пущину). Но строк, роднящих его с идеологией Братства вольных каменщиков, он найдет немало. В ложах александровского времени прежняя, екатерининских дней мистика покорности и смирения уступила место настроениям бодрости, деятельной защиты прав человеческой личности и речам о свободе; Пушкин того времени был певцом свободы и остался им после 14-го декабря, которому он сочувствовал и участником которого не стал лишь случайно. Об этом он говорил сам, и в этом может нас достаточно убедить его "Послание в Сибирь", кончавшееся словами надежды:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут - и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Я хочу закончить свое сообщение небольшой выпиской из бартеневских материалов к биографии Пушкина, относящихся к периоду его жизни в Южной России, в частности, в Кишиневе. С этим периодом жизни совпал расцвет пушкинской поэзии, и в тот же период Пушкин выказал всю пламенность и неуживчивость своего характера постоянными дерзостями, столкновениями, дуэлями. Но вот что записано в воспоминаниях о нем В.П. Горчакова: «В то время, о котором идет у нас речь, т.е. весной 1821 года, видно, как Пушкин оглядывается на самого себя, хочет привести в порядок и мысли, и отношения, и

дела свои. Самая наружность его несколько изменилась противу прежнего: фес заменили густые, темно-русые кудри, и выражение взора получило более определительности и силы».

Из свидетельства самого Пушкина мы знаем, что именно весной этого года, 4 мая, он был посвящен в ложе Овидия. Тем более интересно нам свидетельство его близкого друга. Нужна, однако, и поправка, которую делает в этом месте его биограф Бартенев: Такого рода минуты, говорит он, приходили к нему довольно часто; но молодость и пылкость брали свое, и он мигом выбивался из ровной колеи жизни.

Когда-нибудь усердный исследователь прольет, может быть, свет на краткое масонство Пушкина; этой задачи я на себя не брал. Ему придется, вероятно, задуматься и над строфой стихотворения 19 октября 1825 года, в которой Пушкин вспоминает о какой-то своей попытке в дни своих невольных изгнаннических скитаний, возможно, именно в Кишиневе, найти новых друзей:

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой...
С мольбой моей, печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой преданся нежной,
Но горек был небратский их привет.

Думаю, однако, что проще подобных гаданий предположить, что наш знаменитый поэт, случайно вступив в Братство, не успел найти в нем того, чего могла искать его мятежная душа, и

масонство осталось для него малозаметным жизненным эпизодом.

Прибавлю: как для очень и очень многих молодых, талантливых и требовательных людей, не удовлетворяющихся произнесением красивых торжественных слов, мишурой ритуалов, не освещенных глубиной внутреннего смысла, бессодержательностью того, что иногда напрасно называется масонской работой. И тогда мы должны судить не их, не успевших или не сумевших понять и оценить значение нашего Братства, а самих себя, не оказавших им содействия и их оттолкнувших "небратским приветом", о котором пишет Пушкин.

СПИСОК САХАРОВА

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ, ХУДОЖНИКИ, АКТЕРЫ, ФИЛОСОФЫ, ИСТОРИКИ, ЧИСЛИВШИЕСЯ В МАСОНСКИХ ЛОЖАХ В ПЕРВУЮ ТРЕТЬ XX ВЕКА

Этот список составлен на основе самых разнородных и часто сомнительных источников и уже поэтому никак не может претендовать на полноту и точность. Отбор имен весьма произволен и иным быть не может. Автор прекрасно отдает себе в этом отчет. При пополнении списка использовались (с понятной осторожностью и критицизмом) известные книги Н.Н. Берберовой и Б.И. Николаевского, агентурные данные из делопроизводства Особого отдела Департамента полиции (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 5. Ед. Хр. 0012. Ч. 2. Прод. 5-6), публикации в альманахе "Из глубины времен" (СПб., 1992, вып. 1) и странном, труднодоступном журнале "Ключь" (1995, № 3-4). Автору известна брошюра допущенного в свое время в тогда еще полный Особый Архив СССР О.А. Платонова "Исторический словарь российских масонов XVIII-XIX веков" (М., 1996), но она составлена на основе тех же источников и весьма некачественно.

Помимо общей пестроты, понятной неравноценности и сомнительности этих и других изданий и источников стоит

сказать и о том, что люди, включенные нами в список, принадлежали, по мнению вышеупомянутых исследователей и свидетельствам документов, к самым разным системам масонства в дореволюционное и советское время в России и в эмиграции, что еще более осложняет дело. Поэтому автор понимает всю уязвимость самой идеи составления подобных списков и в то же время далек от принятой в советской исторической науке дурной привычки замалчивать опасные и темные проблемы и само существование сомнительных и даже скандальных, но явно пользующихся достоверными фактами свидетельств современников.

Но, понимая всю необходимость создания новой, подлинно научной истории русской литературы и, шире, всей отечественной духовной культуры той переломной эпохи, автор считает возможным указать на тайный орден вольных каменщиков как на уникальную замкнутую эстетическую среду и самобытную философию жизни, неожиданно объединившие всех этих очень разных людей и оказавшие несомненное влияние на их мысли и творчество. Он готов принять любую критику, исправления и уточнения и сам намерен их вносить по мере изучения архивных и иных документов и получения новых свидетельств и фактов. А пока предлагаем читателям предварительные итоги наших разысканий.

1. Амфитеатров А.В.
2. Адамович Г.В.
3. Алданов М.А.
4. Андреев В.Л.
5. Андреев Л.Н.
6. Аничков Е.В.
7. Арабажин К.И.
8. Арцыбашев М.П.
9. Белый Андрей (Б.Н.Бугаев).
10. Бенуа А.Н.
11. Билибин И.Я.
12. Блок А.А.
13. Брюсов В.Я.
14. Вересаев В.В.
15. Вернадский В.И.
16. Волошин М.А.
17. Газданов Г.И.
18. Гиппиус З.Н.
19. Гликберг А.М. (Саша Черный)
20. Горький Максим (А.М.Пешков).
21. Гуль Р.Б.
22. Дживилегов А.К.
23. Добужинский М.В.
24. Евреинов Н.Н.
25. Иванов Вяч.И.
26. Кизеветтер А.А.
27. Ключевский В.О.
28. Ковалевский М.М.
29. Короленко В.Г.
30. Ладинский А.П.
31. Лукаш И.С.
32. Любимов Л.Д.
33. Маковский С.К.
34. Мочульский К.В.
35. Муйжель В.В.
36. Невежин П.М.
37. Немирович-Данченко Вас.И.
38. Нилус П.А.
39. Николай Михайлович, великий князь, историк и искусствовед.
40. Овсяннико-Куликовский Д.Н.
41. Осоргин М.А.

42. Оцуп Н.А.
43. Пешкова Е.П.
44. Потемкин П.П.
45. Пяст В.А.
46. Сабашников М.В.
47. Савинков Б.В.
48. Семевский В.И.
49. Сергеев-Ценский С.Н.
50. Скиталец (Петров) С.Г.
51. Слоним М.Л.
52. Сологуб Ф.К.
53. Сорокин П.А.
54. Сумбатов-Южин А.И.
55. Тарле Е.В.
56. Теляковский В.А.
57. Терапиано Ю.К.
58. Терещенко М.И.
59. Толстой А.Н.
60. Трубецкой Е.Н.
61. Тхоржевский И.И.
62. Федоров А.М.
63. Чехов М.А.
64. Шагал Марк.
65. Щеголев П.Е.

Масонство, литература и эзотерическая традиция в век
Просвещения (*вместо введения*)

Глава 1.

Поэзия русских масонов: возникновение и пути развития,
система жанров, стиль

Глава 2.

Масонская проза: история, поэтика, теория

Глава 3.

Н.М. Карамзин и вольные каменщики

Глава 4.

Судьбы масонской литературы в начале XIX века
.....

Приложение 1

Поэт и дети вдовы (*Новое о масонских связях А.С. Пушкина*)
.....

Приложение 2

Листки из масонской "архивы"

Ο ΖΗΛΟΣΟΦΣ.

Приложение № 1

ПОЭТ И «ДЕТИ ВДОВЫ»

Новое о масонских связях А.С.Пушкина

История взаимоотношений Пушкина с орденом вольных каменщиков была достаточно непростой и долгой, и старый его друг князь П.А.Вяземский, в молодости вступивший в одну из варшавских лож (в чем имеется теперь его собственноручное признание), эту историю вовсе не закончил, положив в гроб убитого поэта масонскую ритуальную перчатку как знак прощания “брата” с “братом”. Здесь по-прежнему много загадок, тайн и легенд, хотя написано на эту тему много, особенно в последние годы¹. То, что немало написано, конечно, хорошо, хуже иное: обычная научная тема “Пушкин и масоны” воспринимается чисто эмоционально, то есть ненаучно и не исторично; вокруг нее сложилась целая мифология, как масонская, так и антимасонская, существенно затемняющая реальную суть дела. Здесь много кипения страстей и решительно высказанных мнений, но мало достоверных новонайденных документов, новых фактов и, главное, объективного, научного осмысления их.

Между тем не определено пока главное - место масонства в истории русской духовной культуры. Пушкин был порождением и наследником **всей** этой культуры, куда масонство с XVIII века входило как важная составная часть, самобытный источник философских и творческих идей. Речь здесь идет о целостном мирозерцании, философии жизни. Это был один из разработанных и влиятельных стилей, культурных языков предпушкинской и пушкинской эпох, который мало чем уступал романтизму и мимо которого не мог пройти великий национальный поэт и мыслитель.

К тому же масонство по природе и целям своим изначально было явлением интернациональным, составило эпоху в мировой истории и культуре, и Пушкину это обстоятельство было прекрасно известно, постоянно привлекало его внимание. Важно и то, что он видел в тайном ордене вольных каменщиков, розенкрейцерском кружке Н.И.Новикова содружество людей самобытных, даровитых и искренних (см. известную их мемуарную характеристику в статье “Александр Радищев”). Пушкина волновали двойственная, трагическая судьба, очевидные изъяны идей и людей века Просвещения, а русское масонство стало философическим ответом на “тщеславие мысли” XVIII столетия. Не стоит сводить эту капитальную проблему к поискам или отрицанию литературных взаимовлияний и биографическим разысканиям.

Очевиден огромный, устойчивый интерес Пушкина к масонству на протяжении всей его сознательной жизни. Не будем много говорить о том известном факте, что отец его и дядя Василий Львович состояли в ордене². Крестный отец его, граф А.И.Воронцов был в «материнской» ложе Трех Знамен. Вольные каменщики, их идеи, книги и журналы Н.И.Новикова и И.В.Лопухина, издания А.Ф.Лабзина и П.П.Бекетова окружали мальчика, воспринимались как данность, как часть семейного и культурного бытия. В программе автобиографических записок за 1811 год помечено: “Философические мысли. - Мартинизм”³. В этом году юный Пушкин поступил (по совету масона А.И.Тургенева) в Царскосельский лицей, созданный по идее министров-масонов М.М.Сперанского и А.К.Разумовского и руководимый директором В.Ф.Малиновским, автором не полностью опубликованного трактата о “вечном мире” (одна из главных масонских тем, которой Пушкин всегда интересовался и о которой писал в 1821 году с полным пониманием сути дела), и профессорами, принадлежавшими к ордену вольных каменщиков⁴ и со значением называвшими себя “детьми вдовы”, то

есть природы, вдовствующей ночью без солнца и ждущей света и возрождения.

Сам лицей, призванный стать питомником масонской элиты, был порождением и частью того уникального явления, которое можно назвать просвещенным мистицизмом Александровской эпохи⁵. Здесь стремительно расширяется круг масонских знакомств молодого Пушкина - от П.Я.Чаадаева до А.С.Грибоедова. Среда начинает на него влиять, идеи ордена становятся движущей силой не только в политической мысли, но и в литературе. Поэтому вполне закономерна попытка юноши вступить в сентябре 1818 года в петербургскую ложу Трех добродетелей, организацию насквозь политизированную, контролировавшуюся заговорщиками-декабристами⁶.

Попытка эта по не ясным пока причинам была неудачной. Но Пушкин от этой идеи не отказался и в 1821 году записал: “4 мая был я принят в масоны”⁷. Жаль, что комментаторы не разъясняют эти важные слова двадцатидвухлетнего поэта, посвященного лишь в первую степень “ученика”, как и положено в “иоанновском” масонстве. Ведь он мог участвовать лишь в собраниях ученической ложи, в то время как влиятельные друзья его, генералы П.С.Пушкин, М.Ф.Орлов и С.А.Тучков, имели высшую третью степень и собирались в ложе мастеров. Забывают о масонской клятве (а в ней были странные слова “В случае же малейшего нарушения сего обязательства моего подвергаю себя, чтобы голова была мне отсечена, сердце, язык и внутренняя вырваны и брошены в бездну морскую; тело мое сожжено и прах его развеян по воздуху”) и присяге (где сказано: “Присягаю и клянусь... в неразрывной верности к Ордену состоять... начальникам великое послушание оказывать”), а также о том, что после произнесения этих жутковатых архаичных формул на язык поэта была наложена металлическая “Соломонова печать скромности”. Из этого “братского” круга уже не было пути назад. Писатель-эмигрант и масон М.А.Осоргин в парижском юбилейном докладе

1937 года, зачитанном перед «братьями» в масонском храме на рю Пюто (см. приложение № 2), подробно и со знанием дела описал весь ритуал предполагаемого посвящения Пушкина. Но были ли соблюдены все эти строгие обряды при приеме поэта в ложу? Был ли сам прием?

Речь шла о кишиневской ложе Овидий, вокруг которой возникла целая официальная переписка между высшими чинами военной администрации при негласном участии самого императора Александра I. Опубликованные документы, и, прежде всего письма генерала и масона И.Н.Инзова, позволяют утверждать, что и эта попытка Пушкина вступить в орден вольных каменщиков завершилась неудачей⁸. В списке членов ложи нет его имени. Знаменитые “масонские тетради” поэта, предназначенные для ритуальных текстов ложи, остались незаполненными. А слова поэта “С Орловым спорю” и другие свидетельства его несогласий и столкновений с “южными” масонами показывают, что орден снова молча отверг «неуправляемого» Пушкина, выразил ему, как и в Петербурге, свое скрытое недоверие.

Прием Пушкина в ложу, если он и имел место, был глубоко неофициальным, очередным арзамасским озорством, недалеко ушедшим от описанного масоном И.П.Липранди анекдотического приключения с болгарским архимандритом. Ложа Овидий так и не была официально инсталлирована Великой директориальной ложей-матерью Астрея, и ее собрания, где бывал Пушкин, не были, по сути, законными и ритуальными. Масонские работы Овидий так и не начал. В дополнение к известным документам сошлемся на архив тайной полиции. Великий наместный мастер Астреи В.В.Мусин-Пушкин-Брюс (кстати, знакомый молодого Пушкина) в официальном извещении на имя управляющего Министерством внутренних дел В.П.Кочубея о закрытии всех лож и прекращении масонских работ говорит ясно: “Ложа Овидия в Кишиневе... никогда не работала, ибо я не получал от оной никаких известий”⁹.

За этими биографическими подробностями, безусловно, важными, угадывается настойчивое желание молодого Пушкина приобщиться к культурной традиции, влиявшей на окружавших его замечательных людей и на духовные искания эпохи, и, прежде всего на литературу. А то, что интерес этот не ослабевал с годами, хотя и становился все более критичным, подтверждают многие другие факты пушкинской биографии, в частности, имеющиеся в библиотеке поэта книга французского историка О.Ленуара о масонстве и другие масонские и антимасонские издания. Мы не сможем понять взаимоотношения великого поэта с тайным орденом вольных каменщиков во всей их сложности и исторической динамике, если не заглянем в архивы тайной полиции (ныне Государственный архив РФ, Особый Отдел, фонд 109), где хранятся масонские отчеты и собственноручные подписи, взятые согласно императорскому указу у *всех* состоявших на государственной службе при запрещении лож в 1822 году. Эти документы разительно меняют наши воззрения на окружение Пушкина. Вдруг выясняется, что же объединяло всех этих разных людей.

В одной только элитной петербургской ложе Избранного Михаила мы обнаруживаем имена А.А.Дельвига, В.К.Кюхельбекера, Ф.Н.Глинки, Н.И.Греча, М.Н.Загоскина, К.П. и А.П.Брюлловых, Н.Ф.Кошанского, Н.А.Бестужева, С.А.Тучкова, Ф.П.Толстого, И.И.Давыдова. Впрочем, это ложа известная. Гусар-философ П.П.Каверин стал вольным каменщиком еще во времена геттингенского студенчества. В ложе Орфей - гравер Н.И.Уткин, автор известного пушкинского портрета. Среди масонов ложи Ищущих манн - не только В.Л.Пушкин, но и историк Калайдович. Персонажей десятой главы “Евгения Онегина”, “беспокойного Никиту” - Н.М.Муравьева и “острожного Илью” - И.А.Долгорукова, можно отыскать рядом с “хромым” Н.И.Тургеневым в списке декабристской ложи Трех добродетелей. В ложе М.М. Сперанского (Полярной звезды) А.И.Тургенев состоял вместе с М.Л.

Магницким, С.С. Уваровым и учителем Гоголя И.С. Орлаем. Другой будущий министр просвещения, Авраам С. Норов стал подмастерьем в ложах Трех добродетелей и Елизаветы к добродетели. В киевской ложе Соединенных славян мастером стула был граф Густав Олизар, влиятельным членом - еще в Германии вступивший в орден командир Старооскольского пехотного полка подполковник Л.В.Дубельт. К ним хотел присоединиться после закрытия варшавских лож Вяземский, но киевские масоны выразили князю свое недоверие и не допустили его к участию в своих работах, о чем аккуратно донесли в тайную полицию. Ложа Соединенных друзей в Петербурге приняла не только Чаадаева, Пестеля и Грибоедова, но и А.Х.Бенкендорфа и художника Орловского. “Порутчик” Рылеев очутился в списке немецкой ложи Пламенеющей звезды и назван там Конрадом. А в бумагах московской ложи Александра к тройственному спасению встречаем не только князя П.И.Шаликова, но и таинственного “Ал.Хамякова, губернского секретаря”, которого предстоит еще разъяснить - тот или не тот. Даже лихой поэт-партизан Денис Давыдов вступил в молодости в Орден русских рыцарей, где мы видим и Н.С.Всевожского, московского знакомого поэта и отца его петербургского друга Никиты, создавшего свою «Зеленую лампу» по образу масонских лож, и интересовавшего Пушкина и явно с ним лично знакомого остроумного князя А.С.Меншикова, вступившего в немецкие ложи и в «Арзамас». И, наконец, Н.Ф.Арендт, опытный лейб-медик, лечивший умирающего Пушкина, оказался среди членов походной ложи Георгия Победоносца в Мобеже (Франция), при оккупационном русском корпусе князя М.С.Воронцова, сына известного масона. В дрезденскую походную ложу Трех мечей вступили офицеры А.А.Перовский, он же писатель Антоний Погорельский и воспитатель А.К.Толстого, и В.С.Филимонов, поэт, автор знаменитой поэмы «Дурацкий колпак».

Понятно, что это лишь часть “пушкинского” масонского списка, из которого в силу собственноручного признания выпадает К.Н.Батюшков и куда пока не попадает (из-за отсутствия достоверных свидетельств) другой учитель Пушкина - В.А.Жуковский, воспитавшийся, впрочем, в масонской среде, в семье Тургеневых и Московском университетском благородном пансионе. Напомним, что видным масоном в свое время был и затем порвал с орденом Н.М.Карамзин, тоже учитель юного Пушкина, и навряд ли великий историк и юный лицеист обошли в своих беседах эту тему¹⁰.

Масонский лексикон Ленхофа-Познера и новейший словарь А.И.Серкова с полным основанием причисляют к вольным каменщикам графа И.А.Каподистрию, почетного члена «Арзамаса», доброго начальника и покровителя молодого чиновника Коллегии иностранных дел и арзамасца Пушкина. Нет пока достоверных документов об участии в работах ордена двух других дипломатов - графа К.В.Нессельроде и барона Л. де Геккерна (лишь сейчас по голландским архивам проясняется его темная, легендарная биография, где неверны даже имя и дата рождения, и стало известно, что приемный отец Дантеса был морским кадетом и лейтенантом французского флота, лишь в 1827 году стал католиком, но потом был церковью отвергнут «за измену», скорее всего, за вступление в ложу, а семья его имела серьезные финансовые интересы и капиталовложения в России), но для автора этих строк их принадлежность к масонству представляется более чем возможной. Масоном был князь Александр Ипсиланти, генерал русской службы и вождь греческих повстанцев. И, наконец, для Пушкина не была тайной принадлежность к масонству Адама Мицкевича: он прекрасно знал, что сохраненные им знаменитые слова польского поэта «Народы, распри позабыв, в великую семью соединятся» («Он между нами жил», 1834) сжато и точно излагают орденский миф о вечном мире и Златом веке справедливой богини Астреи.

Но сами имена показывают, что эта внешне разрозненная среда на самом деле являла собой окружавшее Пушкина плотное кольцо, ибо по ритуалу “братья” мысленно держали друг друга за руки, составляя масонскую цепь. Сплетенные руки в треугольнике - знак ложы Соединенных друзей¹¹. И здесь важны не сами люди, а капитальные идеи и значимые тайные “тиероглифы”, за ними стоящие и этих очень разных людей объединяющие. Ищущие с пристрастием “масонский след” в биографии поэта забывают о столь важном для Пушкина философском и литературном наследии тайного ордена, весьма плодотворно работавшего во всех сферах мировой духовной культуры.

Следы многолетней и целеустремленной пушкинской работы с этим наследием ощутимы не только в “Пиковой даме”, “Гробовщике” и “Моцарте и Сальери”, но и в “Руслане и Людмиле”, где причудливо и отчасти пародийно отразились гностические образы и идеи “Душеньки” вольного каменщика И.Ф.Богдановича и “Бахарияны” розенкрейцера М.М.Хераскова, и даже в “Гавриилиаде”, которая представляется нам озорной пародией вовсе не на Священное Писание (эта мысль абсурдна даже с точки зрения поэтики жанра), а на вполне конкретное поэтическое произведение - очень серьезную и талантливую поэму масона Ф.П.Ключарева “Воплощение Мессии”, ходившую среди вольных каменщиков в списках и опубликованную в 1801 году. Помимо прямых упоминаний о “звезде пленительного счастья” (это и есть “пламенеющая звезда”, орденский символ надежды и веры, божественной и материальной мощи природы, с латинской буквой “G” в центре, знаком божественной геометрии), “молотке” (орудие досточтимого мастера), “верном брате”, “каменщике почтенном”, “солнце святом” (солнце - главное божество масонского пантеона, его вызолоченное изображение стояло в центре храма, а праздник Св.Иоанна Крестителя, покровителя ордена, приходился на самый солнечный день года – 24 июня) у поэта есть и

многочисленные скрытые обращения к орденским идеям, символам и шифрованному языку, которые предстоит еще отыскать и разъяснить.

Когда масон Пушкин из Кишинева пишет в 1821 году масону Дельвигу загадочную фразу “Умертви в себе ветхого человека”¹², в ней видят все, что угодно, кроме простой цитаты из ритуального масонского текста, каковой она является. Тогда же поэт создает знаменитое стихотворение “Кинжал” и со знанием дела рисует излюбленное оружие ордена с характерным “пламенеющим”, то есть волнообразно изогнутым лезвием (воспроизведено в книге Т.Г.Цявловской “Рисунки Пушкина”). Вспоминаются слова ученого знатока масонства Т.О.Соколовской: «Вот кинжал обоюдоострый, трехгранный – символ стойкости в борьбе за свет... Так мертвые символы говорят живым языком»¹³. Кому-то говорят, а кто-то этого языка не понимает и не хочет слышать...

И не в том даже дело, что воспетый Пушкиным немецкий студент Карл Занд был масоном (скорее всего иллюминатом из лож баварского ордена Адама Вейсгаупта) и в полном соответствии с уставом революционной ветви ордена заколол немецкого писателя-масона Августа фон Коцебу как предателя, нарушителя клятвы, слугу тирана – русского императора. Кинжал, наряду с мечом мастера стула, являлся важнейшим масонским знаком и ритуальным символом, “священным сокровищем” ложи, означал призыв к законной мести и неустанной борьбе за свет с тьмою и ее носителями (вспомним кинжалы французских якобинцев), был принадлежностью рыцаря Кадоша шотландского обряда и седьмой степени шведской системы, носился в орденских собраниях на траурной черной шелковой ленте с вышитым крестом. Разве все эти факты не меняют ничего в бесконечно повторяемых старых комментариях к “Кинжалу”?

Сам Пушкин, иронически обыграв в “Евгении Онегине” грибоедовское (точнее, народное, ибо так называли его тверские крестьянки) словечко

“фармазон”, указал на всю опасность обывательски-истеричного подхода к этой таинственной странице его биографии¹⁴ Поэт лучше нас знал и понимал русское и мировое масонство, его культурную роль и значение. И в конце жизни среди его замыслов и планов намечено написать для «Современника» статью о библиотеке Н.И.Новикова. Поэтому нам следует больше внимания уделять не членству юного Пушкина в ордене вольных каменщиков и его связям в этой замкнутой влиятельной среде, а непростой судьбе масонских идей в творческом сознании и произведениях великого русского поэта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Фомичев С.А.* Пушкин и масоны // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1994. *Лейтон Л.* Эзотерическая традиция в русской романтической литературе. Декабризм и масонство. СПб., 1996. *Филин М.Д.* Две перчатки в гробу. “Масонский след” в судьбе Пушкина // Московский пушкинист. М., 1996. Вып. II. *Новиков В.И.* Пушкин и русское масонство // Масонство и масоны. М., 1997. Вып. II. *Касама К.* Масонство в русской литературе XIX века. Токио, 1997 (на японском языке). *Wolf M.* Freimaurertum bei Puskin. Munchen, 1998. *Сахаров В.И.* Иероглифы вольных каменщиков. Масонство и русская литература XVIII – начала XIX веков. М., 2000. *Серков А.И.* Русское масонство. 1731-2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. *Афанасьев А.К., Сахаров В.И.* «Всего и был я в ложе один раз». Масонские перчатки П.А.Вяземского // Источник. 2002. № 2.

² См.: *Касама К.* Пушкин и русские масоны // Пушкин и современная культура. М., 1996.

³ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. в 10-ти т. Л., 1978. Т. VIII. С. 55.

⁴ См.: *Новиков В.И.* Царскосельский лицей как явление русской культуры // Высшее образование в России. 1998. № 2. Добавим к имеющимся материалам важное свидетельство барона Е.А. Розена, сына декабриста, писавшего о лицеисте И.В. Малиновском: «Отец его, а мой дед <В.Ф. Малиновский>, был мартинист и друг известного Новикова» (*Филин М.Д.* О Пушкине и окрест поэта. Из архивных разысканий. М., 1997. С. 134).

⁵ См.: *Сахаров В.И.* Просвещенный мистицизм Александровской эпохи // Мир романтизма. Тверь, 2001. Вып. 5 (29). Перепечатано в моей книге «Русское масонство в портретах».

⁶ См.: *Серков А.И.* “Пророк” и “мастер стула”. Новое о масонстве Пушкина // Родина. 1997. № 5. Заметим, что туда баллотировался и поэт Н.И.Гнедич.

⁷ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 16.

⁸ См.: *Щеголев П.Е.* Первенцы русской свободы. М., 1987.

⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 229. Ед. хр. 30. Л. 77об.

¹⁰ См.: *Сахаров В.И.* Воспитание ученика. Карамзин и молодой Пушкин // Николай Михайлович Карамзин. 1776-1826. М., 1992. *Сахаров В.И.* Воспитание ученика. Н.М.Карамзин и молодой поэт // Литературная Россия. 1999. 4 июня.

¹¹ См.: *Лотарева Д.Д.* Знаки масонских лож Российской империи. М., 1994. С. 47-50.

¹² *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. X. С. 23.

¹³ *Соколовская Т.О.* Статьи по истории русского масонства. М., 2008 С. 91.

¹⁴ Поскольку в известной книге-комментарии Ю.М.Лотмана сказано о емком слове “фармазон” куда меньше и невнятнее, чем в наконец переизданной основательной работе Н.Л.Бродского, напомним мнение историка (и масона) А.А.Кизеветтера: “Пушкин указал здесь с необычайной меткостью основную черту отношения к масонам обывательской массы. Для обывателя масон был просто-напросто человек, дерзко нарушающий те общепринятые правила жизни, из которых складывается обывательская пошлость. Насколько близок к правде был Пушкин, показывает масонская переписка” (*Кизеветтер А.А.* Московские розенкрейцеры XVIII столетия // Русская мысль. 1915. № 10. С. 105).

Vsevolod Sakharov
HIEROGLYPHS OF FREEMASONS

FREEMASONRY AND RUSSIAN LITERATURE OF XVIII-XIX CENTURIES

Moscow, 2007.

This book offers the original trial of the scientific reconstruction of insufficiently explored literary school based on archives and published sources. Such reconstruction has become necessary because in the Soviet literary criticism the literature of Russian freemasonry of XVIII - XIX centuries was regarded as a reactionary phenomenon, although there existed a number of brilliant essays about Masonic writers by N. Piksanov, G. Goukovsky, A. Pozdeev and N. Kochetkova.

American scientists S. Baehr, A. Levitsky and L. Leighton, A. Cross (GB), A. Faivre (France), R. Lauer (Germany) studied Masonic components and elements in Russian literature and suggested that the Masonic literature should be regarded as the integral literary system. But it is a very complicated problem, for the freemasonry was the all-European phenomenon, which manifested itself in the most various fields of knowledge: from history and music to natural sciences. All these specific features of freemasonry were reflected in its literature, which used the literary forms of the medieval mysticism, the eastern esoteric, baroque and Classicism to express the ideology of the order. These historical materials are very useful for professors and students of universities. Therefore the history of Russian Masonic literature may be studied by means of combining methods used in different sciences. It is necessary to understand the original system of Masonic symbols and to decode the literary language of Masonic writers. So far as the literature of the Russian freemasonry was of deeply unofficial, underground character and was persecuted by the government, a great deal of Masonic works are still unpublished, the archives of the order need sorting out, studying and scientific publication of the most valuable documents. The book includes an appendix of such documents and literary texts. It will help to incorporate the Russian Masonic literature into the all-European cultural context, to reveal its ties with western "brothers" and complicated relations with such literary schools as baroque, classicism, sentimentalism. Then it will be evident that the Masonic literature is the predecessor of the European romanticism.

The following plan of V. Sakharov's monograph has been composed:

Freemasonry, world esoteric tradition and the Age of Enlightenment (Foreword).

Chapter 1. Poetry of Russian masons: formation, system of genres, style.

Chapter 2. Masonic prose: history, poetics, and theory.

Chapter 3. N.M. Karamzin and freemasons.

Chapter 4. The fortunes of Masonic literature at the beginning of the XIXth Century.

Appendix 1. Pushkin and masons.

Appendix 2: Documents from Masonic secret archives.

(Эта книга предлагает оригинальное испытание научной реконструкции недостаточно изученной литературной школы на основе архивов и опубликованных источников. Такая реконструкция стала необходимой, поскольку в советской литературной критике литература русского масонства XVIII - XIX веков рассматривалась как реакционное явление, хотя существовал ряд блестящих очерков о масонских писателях Н. Пиксанова, Г. Гуковского, А. Поздеев и Н. Кочеткова. Американские ученые С. Баер, А. Левицкий и Л. Лейтон, А. Кросс (Великобритания), А. Файвр (Франция), Р. Лауэр (Германия) изучили масонские компоненты и элементы в русской литературе и предложили, чтобы масонская литература была рассматривается как целостная литературная система. Но это очень сложная проблема, потому что масонство было общеевропейским явлением, которое

проявилось в самых разных областях знаний: от истории и музыки до естествознания. Все эти особенности масонства были отражены в его литературе, которая использовала литературные формы средневекового мистицизма, восточной эзотерики, барокко и классицизма для выражения идеологии ордена. Эти исторические материалы очень полезны для профессоров и студентов вузов. Поэтому историю русской масонской литературы можно изучать путем объединения методов, применяемых в разных науках. Необходимо понять оригинальную систему масонских символов и расшифровать литературный язык масонских писателей. Поскольку литература русского масонства носила глубоко неофициальный, подпольный характер и преследовалась правительством, большая часть масонских произведений до сих пор не опубликована, архивы ордена нуждаются в сортировке, изучении и научной публикации наиболее ценных документов. Книга включает приложение таких документов и литературных текстов. Это поможет включить русскую масонскую литературу в общеевропейский культурный контекст, выявить ее связи с западными «братьями» и сложные отношения с такими литературными школами, как барокко, классицизм, сентиментализм. Тогда станет очевидно, что масонская литература является предшественницей европейского романтизма. Составлен план монографии В. Сахарова: масонство, мировая эзотерическая традиция и эпоха просвещения (предисловие). Глава 1. Поэзия русских масонов: формация, система жанров, стиль. Глава 2. Масонская проза: история, поэтика и теория. Глава 3. Н. М. Карамзин и масоны. Глава 4. Судьбы масонской литературы в начале XIX века. Приложение 1. Пушкин и масоны. Приложение 2: Документы из масонских секретных архивов.

Prof DPh Vsevolod Sakharov e-mail hlupino@mail.ru

САХАРОВ В.И. ИЕРОГЛИФЫ ВОЛЬНЫХ КАМЕНЩИКОВ. МАСОНСТВО И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII - НАЧАЛА XIX ВЕКОВ.

Книга увлекательно рассказывает о русском масонстве XVIII - начала XIX веков как феномене отечественной духовной культуры, представляет собой уникальный опыт научной реконструкции этого малоизученного самобытного явления по архивным и печатным источникам.

Автор стремится показать русскую масонскую литературу как самобытную и целостную художественную систему, включавшую в себя прозу, поэзию, драматургию и публицистику, создавшую свои образы и символы, собственный стиль и систему жанров, особый литературный язык-код, опиравшийся на сложную символику и эзотерические знания тайного ордена вольных каменщиков. Масонство как внецерковная религия и один из языков мировой культуры и его литература даны в их исторической динамике вплоть до запрещения деятельности лож в 1822 году. Для этого были систематически рассмотрены не только творчество таких известных писателей-масонов, как Н.И.Новиков, В.И.Майков, М.М.Херасков и др., но и орденская периодика и потаенные ритуальные рукописи, хранящиеся в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Твери, Ульяновска, а также в зарубежных собраниях. Книга включает в себя новейшую библиографию, многочисленные цветные и черно-белые архивные иллюстрации и приложения, где впервые публикуются многие масонские ритуальные тексты.

Содержание предлагаемой книги:

Масонство, литература и эзотерическая традиция в век Просвещения (вместо введения)

Глава 1. Поэзия русских масонов: возникновение и пути развития, система жанров, стиль

Глава 2. Масонская проза: история, поэтика, теория

Глава 3. Н.М.Карамзин и вольные каменщики

Глава 4. Судьбы масонской литературы в начале XIX века

Приложение первое. Поэт и «дети Вдовы». Новое о масонских связях А.С.Пушкина

Приложение второе. Листки из масонской «архивы» (публикации масонских ритуальных текстов)

Тел (495) 699-8372

e-mail vsevolod_sakharov@mail15.com

[Http://archives.narod.ru/main.htm](http://archives.narod.ru/main.htm)

